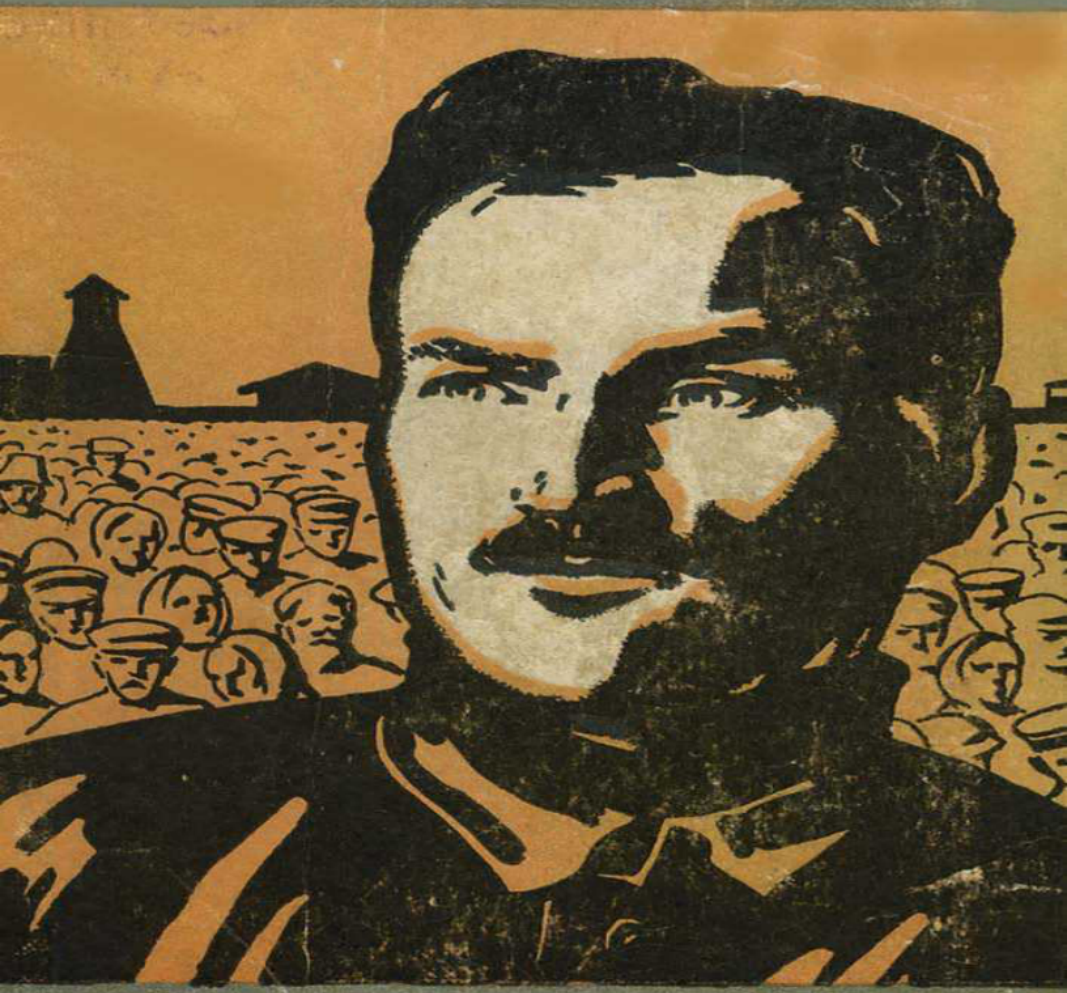
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ



Б. Могилевский

АРТЕМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Русским революционерам и царской охранке он был известен под именем «Артем», китайские кули боготворили этого белого возчика, австралийские землекопы и докеры любовно называли Большим Томом. Жандармы России и полиция Австралии пытались сделать все, чтобы обезвредить этого «неуловимого» революционера, рабочего вожака. Но и на уличной трибуне в дни первой русской революции и в тюремных казематах в годы реакции, в России, Китае, Австралии он боролся с произволом, деспотизмом, эксплуатацией.

Боролся и вышел победителем.

Книга писателя Б. Могилевского — первая наиболее полная биография Федора Андреевича Сергеева — Артема. В ней нет писательского вымысла, каждый факт биографии Артема строго документирован, причем значительная часть материалов, извлеченных писателем из различных архивов, публикуется впервые.

- Борис Львович Могилевский
  -
  - ЧАСТЬ I
    - «Кухаркины дети»
    - Дед Арефий
    - Юный грамотей
    - Справедлива ли такая жизнь?
    - «Что делать?»
    - Первые шаги революционера
    - Свободный русский университет
    - Лекции Ленина
    - Второй съезд РСДРП
    - Юзовка, Елисаветград, Николаев
  - ЧАСТЬ II
    - Приезд в Харьков
    - 9 января
    - Артем создает группу «Вперед»
    - Под звездным небом
    - Знакомство с реалистом Костей
    - На Кирилло-Мефодиевском кладбище
    - Ликвидация красавца с черными усиками
    - Будни конспираторов
    - III съезд партии
    - Накануне 1 Мая 1905 года

- Поет Шаляпин, говорит Артем
- Тревожные и радостные дни мая
- Рицонни и Артем
- Всеобщая июньская забастовка
- Артем громит Милюкова
- Губернатор предупреждает Артема об опасном агитаторе Артеме
- На городской окраине
- Панихида в Мироносицкой церкви
- События на заводе Гельферих-Саде
- Группа «Вперед» — руководитель харьковского пролетариата
- Охота охранки за Артемом
- Отъезд из Харькова
- Возвращение Артема
- «Экипаж» доктора Якоби
- Федеративный совет
- Артем идет к солдатам
- Накануне восстания
- Неравный бой
- «Это были цветочки, ягодки впереди…»
- Артем неуловим…
- Подготовка к IV съезду партии
- Меньшевики клевещут на Артема
- Встреча с Лениным
- В Стокгольме
- Ленин предлагает Артему работу на Урале

○ ЧАСТЬ III
- «Завоевание Урала»
- За Камой-рекой
- В Москву за подкреплением
- Начало избирательной кампании в думу
- Перевоплощения Артема
- Артем — руководитель пермских большевиков
- Ленин — делегат Урала

○ ЧАСТЬ IV
- Артем арестован
- Лбовцы
- Человек без имени
- В николаевском застенке
- Сестра опознает брата
- Палачи и их жертвы
- Письма из-за решетки
- Из тюрьмы в тюрьму

- В тюремной больнице
- «Я был, есть и буду членом своей партии»
- В Харьков по этапу
- Суд неправый…
- Путь далекий, кандальный
- Александровский централ
- Места не столь отдаленные
- Ссылка на Ангаре
- Подготовка к побегу
- На волю!
- В Харбине

○ ЧАСТЬ V
- Прощай, родина, до лучших времен!
- Через Желтое море в Японию
- Артем в Шанхае
- Артем — китайский кули
- «Китай сейчас — вулкан»
- На улицах Шанхая
- Барометр показывает бурю…
- По морям и океанам
- «Счастливая страна»
- Длинный Дик против Большого Тома
- Во главе Союза русских эмигрантов
- «Черная пятница» — «Блек фрайдей»
- Что писал Артем о Толстом и о Горьком
- Ленский расстрел
- «Эхо Австралии»
- Стачка газовых рабочих
- Борьба за свободу слова
- Артем в Брисбенской тюрьме
- Февральская революция

○ ЧАСТЬ VII
- Возвращение в Россию
- «Есть такая партия!»
- Июльские дни 1917 года
- Лиза Репельская
- Выборы в городскую думу
- «Бабушка русской революции»
- 30-й полк и его командир
- Артем объединяет большевиков Харькова, Донбасса и Кривого Рога
- Съезд, объявивший боевую тревогу
- Корниловский мятеж
- «Вся власть Советам!»

        - Перед восходом солнца
        - Великая Октябрьская революция
        - Октябрь в Харькове
        - Раннее утро Советов
        - Артем — заложник
        - Два съезда Советов
        - Брестский мир
        - Донецко-Криворожская республика
        - В бою под Змиевом
        - Через горящие степи
        - Даешь Царицын!
        - Артем на Северном Кавказе
        - По приказу партии
        - В Башкирии
        - Правда о Советской России
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРТЕМА (СЕРГЕЕВА Ф. А.)
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

Борис Львович Могилевский
АРТЕМ

ЧАСТЬ I
ОРЛЕНОК

«Кухаркины дети»

К подъезду Екатеринославского реального училища подошел человек в запыленном известкой сюртуке. Он толкнул дверь и хотел войти в здание, но услышал чей-то голос:

— Куда лезешь? Здесь не кабак, ошибся адресом, — швейцар в форменной ливрее с золотыми галунами преградил путь посетителю.

— Чего расшумелся, как пустой самовар? Здесь учится мой сын. Пришел по вызову инспектора.

Швейцар смягчился, но потребовал отряхнуть известку с одежды, а потом заходить в училище.

Андрей Арефьевич Сергеев пришел прямо со стройки. Он был взволнован этой повесткой-вызовом, которую дочка Дарья принесла ему на работу. Бросив все дела и не обращая внимания на чистоту своего платья, Андрей Арефьевич поспешил в училище. По дороге встревоженный отец размышлял о причине этого первого вызова к инспектору:

«Учился Федор хорошо, легко преодолевал все премудрости школьной науки. Сам помогал ленивым и малоспособным ученикам. Значит, не в этом дело.

Быть может, напроказил, слишком уж резв сын, с малых лет таков. Весной ходил с дружками на Днепр испытывать крепость льда, чуть не утонул. У товарища обсушился и не заболел. Домой вернулся как ни в чем не бывало, узнали про эту беду с чужих слов. С Николаем Дьяконовым, сыном военного врача, что живет напротив через улицу, раздобыли где-то револьвер и добаловались: всадил себе пулю в левую ногу около щиколотки. Сумел, каналья, боль перенести, дома ни слова не сказать. С пулей в ноге так и вырос. А теперь новая беда, вызывают к начальству».

Швейцар указал Андрею Арефьевичу кабинет инспектора. Смущенный отец вошел в большую комнату. За огромным письменным столом сидел человек с седыми бакенбардами. Увидев посетителя и справившись, кто таков, инспектор с досадой подумал:

«Детей каких только родителей не принимают нынче в приличные учебные заведения! У такого господина каменщика рубля лишнего не вытянешь». Попросил присесть и напрямик, без церемоний заявил о причине вызова:

— Сын ваш Федор Сергеев не перейдет в следующий, третий класс, если вы не пожертвуете ста рублей на возведение божьего

храма. Училищу необходимо иметь свою церковь, и родители должны принять на себя расходы по этому богоугодному делу.

— Но позвольте, ведь сын мой Федор первый ученик в классе!

— Не позволю! Первый ученик — с него и спросу больше, не будет денег — оставим Сергеева на второй год. Провалим на переводных экзаменах, это все в наших силах. Скажите спасибо, что держим в училище кухаркиных детей.

«Нечего дипломатничать с такими персонами, как этот лапотник Сергеев», — подумал инспектор, вымогая требуемые 100 рублей. Но нашла коса на камень. Заговорила в Андрее Арефьевиче гордость рабочего человека, умевшего своими сильными руками сделать любую работу на стройке в пример другим.

— Не дам ста рублей, нет у меня таких денег. Если и были бы, все равно не дал. Не за что давать. Хотите на божий храм получить — берите десятку. Не хотите — на нет и суда нет! — Сергеев, не дожидаясь, пока его прогонят, круто повернулся и вышел из кабинета.

Возвратившись домой, Андрей Арефьевич подозвал к себе Федора и заговорил с ним необычно ласково и серьезно:

— Только что как ошпаренный вернулся из твоего училища. Разговор был нехороший. Требуют за твой перевод в третий класс сто рублей, грозятся провалить на экзаменах. Что скажешь? Перейдешь ли в следующий класс без взятки начальству? Взятка или хабар все равно им останутся, хоть и требуют их на богоугодное дело. Если сомневаешься в своих силах, то деньги эти я достану, займу у людей…

Побледнел Федор, потемнели его глаза. Чуть слышно, но внятно сказал:

— Не давайте им денег, а в следующий класс и так перейду.

Началась экзаменационная страда. Федор благополучно сдавал все экзамены. Остался один предмет — закон божий. На испытания по этой, с позволения сказать, науке обычно съезжалось много высоких гостей. Губернатор, архиерей и другие.

Дошла очередь до Федора. За столом экзаменаторов, кроме священника — учителя закона божьего, сидел инспектор училища. Мальчик вытащил свой билет, внимательно прочел его и спокойно ответил на содержащиеся в нем вопросы. Тогда инспектор спросил у Сергеева:

— А скажите-ка нам, молодой человек, как звали отца царя Давида?

Федор назвал имя достопочтенного батюшки библейского царя.

Инспектор пытался сбить ученика, надеясь на то, что ответ

был лишь случайно правильным.

— Подумайте, верно ли вы ответили нам?

— Я отвечаю правильно. Знаю, как звали не только отца царя Давида, но и его деда.

Директор училища, до того молчавший, заметив, что наскоки инспектора производят неблагоприятное впечатление на губернатора и архиерея, сказал своему не в меру усердному помощнику:

— Зачем вы сбиваете мальчика?

Архиерей, участливо улыбаясь, спросил Федора:

— Откуда ты знаешь все это? Ведь в вашем классе еще не проходили этого раздела Ветхого завета!

Федор ответил его высокопреподобию:

— У меня старший брат учится в городском училище, и я читаю все его учебники.

— Молодец, — похвалил Сергеева архиерей.

Экзамены закончены. Федор перешел в третий класс. Обещание, данное отцу, выполнено. Ну, а то, что инспектор будет теперь злейшим врагом Сергеева, на это не стоит обращать внимания. На ненависть ответим ненавистью. Во время уроков бывало в классе всякое: летели в недруга Сергеева гнилые яблоки и астраханские фунтовые сельди. Кто был виновником этих школьных демонстраций, никто «не знал». Но зато ученики хорошо знали, какая шкура их инспектор.

Дед Арефий

Близился к концу необыкновенный XIX век. Поднималась на Руси промышленность, строились железные дороги. Везде нужны были рабочие руки.

После падения крепостного права в России сотни тысяч крестьян, освободившихся от гнета крепостников, одновременно освободились и от земли-кормилицы. Как листья на холодном осеннем ветре, понеслись они по просторам родины-мачехи в поисках куска хлеба.

Арефий Сергеев, крестьянин из села Глебова Миленковской волости Фатежского уезда Курской губернии, человек крепкий и плечистый, девяти пудов веса, надел свои новые лапти и вслед за другими пошел в город на заработки. Пришел он в угольный Донецкий бассейн. О том, как протекали первые годы его жизни в Луганске, осталось мало сведений, известно лишь, что Арефий Иванович Сергеев разжился на строительных подрядах. Вместе с ним работали артели односельчан, строили дома, прокладывали дороги, сооружали мосты.

Отношения у Арефия Ивановича с работавшими на него земляками складывались по старинке. Он ни с кем не судился. С тех, у кого за душой ни копейки, ничего не взыщешь. «По-домашнему» брал он палку и лупил ею должника. Изобьет какого-нибудь Ванюшку или Петюшку и спрячет палку на память. Такими палками у деда Арефия был заставлен целый угол.

Сын Арефия Ивановича Сергеева, Андрей, пошел по отцовской дорожке. Крестьянскому труду предпочел строительные подряды. Второе поколение глебовских крестьян уходило в города строить большие каменные дома, храмы божьи, мосты через реки. В отличие от отца Андрей Сергеев не был обычным строительным артельщиком. Строительство стало для него не только источником существования. Какая-нибудь причудливой архитектуры церковь, дом, необычностью форм и пропорций возбудивший творческую фантазию пусть контракт невыгодный и сезон строительства неподходящий, — все равно Андрей Арефьевич Сергеев возьмется за рискованное дело. Три раза богател и разорялся глебовский подрядчик. Строил, строил, пока не попал в руки к прощелыгам-монахам. Построил им обитель, а сам остался без гроша в кармане и вынужден был уехать из города Екатеринослава в далекую Среднюю Азию. В деньгах Андрей Арефьевич нуждался постоянно, семью свою по сравнению с другими подрядчиками держал в черном теле. Дети

его росли вместе с детьми строительных рабочих, мало чем от них отличаясь, разве только тем, что некоторым из младших отпрысков Сергеевых удалось получить начальное и среднее образование.

В такой семье недавних крестьян Евдокии Ивановны и Андрея Арефьевича Сергеевых родился 7 марта 1883 года сын Федор.

Юный грамотей

Раннее детство Федя провел в Глебове. Характер у Федюшки был шаловливый. Частенько он выводил из равновесия большого, грузного деда Арефия. Бывало, нашкодит внучек, увидит деда и покатится как колобок подальше от беды. Однажды вспыльчивый дед погнался за баловнем. Но разве догонишь такого! Тогда в сердцах дед запустил в малыша своим картузом и… не попал. Федюшки и след простыл.

Пяти лет еще не минуло Федору, когда семья переехала из Глебова в город Екатеринослав.

После деревенского приволья жизнь в городе, в темной квартире, показалась сельским ребятам непривлекательной. Чем толкаться в грязном дворе, не лучше ли выбежать на улицу? И хотя Федору всего лишь шестой год, его не пугает уличный никогда не смолкающий людской поток. Только зазевается старшая сестренка Дарочка, нянюшка Феди, а он как в воду канул. В тревоге за исчезнувшего братишку проходит целый день.

Солнце поднялось ввысь, а затем покатилось под гору, зной невыносимый. Скоро отец вернется с работы, а Феди все нет и нет. Он появлялся внезапно и с невозмутимым спокойствием требовал краюху хлеба.

— Где был и как дорогу нашел обратно? — спрашивала Дарочка.

— Да я по вывескам домой всегда приду. На одной дядька с большущими усами, как живой. На другой крендель нарисован — слюнки текут…

Читать Федя еще не умеет: рановато ему быть грамотеем.

— Научи меня, Дарочка, читать! Научи!

— Рано тебе, Федюшка, подрастешь — научишься, — отвечала сестра. Но разве такой ответ устроит Федора? Он не отстает: научи да научи. Дарочка показывала Феде буквы, называла их. И через месяц Федя стал читать. Правда, пока еще медленно, процеживая по слогам каждое слово.

Семи лет Федю Сергеева отдали в частные приготовительные классы. Девяти лет он успешно держал экзамен в Екатеринославское реальное училище.

…Наступил этот торжественный день 21 сентября 1892 года, когда Федя впервые в жизни облачился в форму ученика реального училища. За спиной ранец из тюленьей шкуры, на голове форменная фуражка. Гордый своим высоким положением, с важным видом, но со смеющимися глазами, ученик прошел

мимо соседских малышей на улицу…

Федя легко преодолевал все премудрости школьной науки. Он скоро сделался репетитором, помогал отстающим товарищам. Федю не выпускали из квартир сокашников по нескольку дней.

Дарья Андреевна Сергеева, вспоминая юные годы своего брата, говорила:

— Буквально по целым неделям Федя не жил дома. От одного товарища к другому перебирался. Там и ночевал, от них в училище ходил. Где его искать, не знаем. Только, бывало, зайдем в училище, узнаем, что посещает занятия, значит жив и здоров, тем и довольны были…

Справедлива ли такая жизнь?

Жизнь для юного Федора не замыкалась узкими рамками училища. Он часто и подолгу бывал на маленьком полукустарном кирпичном заводе, который завел его отец. Хозяйского сына рабочие любили за его приветливость и уважение к их нелегкому труду. Как не похож был этот паренек в форменной одежде реалиста на барских детей!

Федя остановился около большой ямы, где старик рабочий босиком месил глину. Без рубахи, худой как скелет, старик с трудом вытаскивал из вязкой глины свои тонкие ноги. Пот лил с него градом. Недолго смотрел на старика Федор. Молча сбросил с себя мундир, брюки, башмаки и прыгнул в яму.

— Иди, дед, отдохни, а я поработаю.

Глина быстро вымешана. Любил Федор работать на формовочном станке, загружал сырые кирпичи в печь для обжига. В обеденное время реалист Сергеев читал рабочим книги и газеты.

Больше других сестер и братьев любил Федя свою нянюшку, старшую сестру Дарочку. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, Дарочку выдали замуж. Поселилась она в 70 верстах от Екатеринослава. Три недели томился, скучал Федя, не выдержал, пришел к отцу:

— Дайте мне сорок копеек на дорогу, поеду к Дарочке.

Андрей Арефьевич дал сыну деньги, Федор уехал на попутной телеге. Прожил у сестры все лето, вплоть до начала занятий в училище.

Степное приволье. Небо и необозримые поля. Воздух напоен ароматами цветов. Звенят кузнечики, золотятся хлеба. Вот он, настоящий рай, живой, чудесный, не тот, восковой, о котором рассказывают на уроках закона божьего. Для того чтобы попасть в церковный, пахнущий ладаном рай, человек должен всю жизнь мучиться на этом свете, зарабатывать себе право на загробное счастье. Здесь, в селе, где живет сестра, в вишневых садах стоят белые хатки, крытые соломой. В них живут трудолюбивые люди, обрабатывающие самую богатую на свете землю. Эти пахари кормят миллионы людей, живущих в городах, но их собственные дети ходят голышом, с раздутыми от голода животами. Справедлива ли такая жизнь? Те, кто трудится не разгибая спины, голодают. Те, кто, всю жизнь ничего не делая, живет за счет чужого труда, заплывают жиром, утопают в роскоши. Сколько таких богатых бездельников видел на своем коротком веку юный

Федя Сергеев! Вместе с ним в классе реального училища сидят и сынки богатых родителей. Зачем им учение, были бы деньги — и неучем проживешь. Эти и многие другие мысли возникали в маленькой головке Феди Сергеева, когда он пытался найти ответ на вопросы о том, почему так несправедливо устроена жизнь.

По свидетельству Дарочки, ее брат с четвертого класса реального училища посещал тайные собрания сверстников. Ученики читали запрещенные книги на политические темы. Чтобы дома не возникали подозрения о причинах его долгого отсутствия, Федя по-прежнему набирал много уроков, репетировал отстающих в учении товарищей. Он славился в городе как очень способный репетитор. У родителей богатых учеников он брал деньги за уроки, бедных учил бесплатно.

Четвертый класс для Феди Сергеева был переломным в его развитии. Он повзрослел, хотя ему было всего лишь 13 лет. Детские шалости остались в прошлом. Федор любил читать книги о путешествиях. Участвовал в училищном хоре, играл на кларнете. Свел знакомство с молодыми рабочими.

* * *

В 1894 году была опубликована книга Владимира Ильича Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ленин показал, что народничество, бывшее некогда революционным общественным течением, превратилось в течение реакционное. Народники стояли на страже интересов кулаков в деревне, в конце концов они отказались от борьбы с царизмом. Народники не хотели видеть, что появилась могучая революционная сила — рабочий класс, могильщик капитализма.

Ленин охарактеризовал либеральных народников как фальшивых друзей народа. В своей книге он осветил роль рабочего класса России, становящегося политическим вождем народа, впервые выдвинул идею гегемонии пролетариата, указал на союзников рабочего класса в революции. Этими союзниками должны быть крестьянство, широкие народные массы. Плечом к плечу рабочие и крестьяне пойдут в бой против царя, помещиков, буржуазии и разгромят строй насилия и угнетения. Книга Владимира Ильича Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» изучалась в марксистских кружках. Появилась она и в Екатеринославе, одном из крупнейших пролетарских центров юга России. В этом городе дымили трубы металлургических и машиностроительных заводов,

сильно выросло рабочее население. Восприимчивое ко всему новому и честному передовое юношество искало пути в марксистские кружки. Ученик реального училища Федор Сергеев, младший из всех своих школьных друзей, также тянулся к сознательным борцам за освобождение рабочего класса. Феде Сергееву было проще, чем его сверстникам, приблизиться к ним. Несмотря на форму ученика-реалиста, он был типичным молодым рабочим пареньком. Его природная подвижность, жизнерадостность, его физическая сила и язык человека из народа вызывали к нему симпатии простых людей. Феде Сергееву легче, чем многим его молодым товарищам, было разобраться в далеко не легкой для понимания политической литературе. Ему помогала общая начитанность. Он видел, как нещадно эксплуатируются рабочие, особенно строители-сезонники. Тяжелый, от зари до зари, труд и нищета были их уделом. И вот нашлись смелые и умные люди, которые научно объяснили причины социального неравенства и несправедливости. Как же не идти к этим людям?

Приближались выпускные экзамены в реальном училище. Первый ученик в классе должен получить аттестат с отличием. Но начальство не может допустить, чтобы крестьянский сын был первым. На совете училища вспомнили давнюю историю со строительством церкви и поведением «этого хама». В выпускной ведомости была поставлена тройка по рисованию и чистописанию. Не может крестьянин хорошо рисовать и изящно писать. В результате Федор получает на выпускном вечере не золотую медаль, а поощрительный подарок: книгу с золотым обрезом — «Путешествие цесаревича». И все равно для Федора Сергеева этот чудесный летний день 5 июня 1901 года остался памятен на всю жизнь. Это событие соответствующим образом отмечено в большой семье Сергеевых. Федор был первым в семье, которому удалось получить среднее образование.

На семейном совете было решено, что Федор должен учиться дальше. У него блестящие способности к техническим наукам, он поедет в Москву и поступит там в Московское императорское высшее техническое училище. Выдержит конкурсные экзамены. Родители обещают ему денежную помощь. Ну, а если в очередной раз для Андрея Арефьевича дела обернутся так, что он не сможет послать денег сыну, парень сам найдет средства для учения. Будет давать уроки отстающим ученикам, если понадобится, пойдет грузчиком на станцию и заработает себе на кусок хлеба. Сергеевы не белоручки.

Белокаменная, первопрестольная русская столица встретила Федора приветливо. Без особого напряжения справился он с

конкурсными экзаменами и в сентябре 1901 года был зачислен студентом на механический факультет.

На факультет было принято 200 молодых людей.

В куртке из зеленого сукна, в форменной фуражке восемнадцатилетний студент Федор Сергеев выглядел так, как будто он никогда в другой одежде и не ходил. Серые живые глаза, волосы бобриком, сильное, высеченное из крепкого материала лицо шахтера. Широкая грудь, и весь он плотный, коренастый, с руками атлета, большими рабочими ладонями.

Начались занятия. Время было тревожное, в университетских городах не прекращались студенческие волнения. В такую пору хорошо иметь надежных и верных товарищей. Федор нашел их в социал-демократических искровских кружках. Тогда еще немногочисленные, они вели пропагандистскую работу среди рабочих и студентов. В Высшем техническом училище существовала социал-демократическая организация. Юноша Сергеев, не будучи еще членом РСДРП, принимает участие в ее работе.

Студенты Московского университета объявили забастовку. Они протестовали против зверских временных правил, введенных в действие царским правительством. Эти правила угрожали студентам — участникам забастовок отдачей в солдаты. Впервые временные правила были применены по отношению к студентам Киевского университета. 183 студента Киевского университета были исключены из списков учащихся и отданы в солдатскую каторгу «за учинение скопом беспорядков».

Владимир Ильич Ленин во втором номере «Искры» отозвался на этот акт царизма статьей «Отдача в солдаты 183-х студентов».

«11-го января в газетах опубликовано правительственное сообщение… об отдаче в солдаты 183-х студентов Киевского университета… Вдумайтесь в это поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований — и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества… Оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка и нагайки, охраняющих его от народного возмущения…

Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен придти на помощь

студенту… И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа!» [1] Владимир Ильич призывал рабочих требовать отмены временных правил, идти на помощь студентам в их неравной борьбе с самодержавием.

Делегаты студенческих организаций Московского университета появились в Высшем техническом училище, чтобы убедить техников присоединиться к забастовке.

— Товарищи из университета, — говорил делегат с Моховой, — очень рассчитывают на братскую помощь студентов технического училища. В нашем единении залог победы — отмены временных правил.

Быстро была собрана сходка студентов. Произносились речи о солидарности студентов. На сходке выступил Федор Сергеев. Он предложил организовать уличную политическую демонстрацию в поддержку бастующим студентам Московского университета. Было решено, во-первых, поддержать университет устройством студенческой демонстрации, во-вторых, подготовить забастовку в Московском техническом училище.

…Поздно вечером 16 февраля 1902 года в каморке одного из воспитанников Высшего технического училища собрались его товарищи по учебному заведению. Необходимо было во всех деталях обсудить назначенную на завтра демонстрацию у памятника Пушкину на Тверском бульваре.

Федор Сергеев с юношеской непосредственностью и страстностью предлагал вдребезги разнести инспекцию училища, это гнездо шпионов и переодетых полицейских. Накануне разосланные администрацией училища предварительные предупреждения о недопустимости участия студентов в уличных демонстрациях Федор рекомендовал подвергнуть публичному сожжению.

Сходка близилась к концу. Настроение у всех было приподнятое. Питомцы Высшего технического училища завтра перед лицом всей Москвы продемонстрируют свою солидарность с бастующими студентами университета, выразят свое гневное осуждение самодержавия. Особенный подъем у присутствующих вызвало сообщение студента Адикса о том, что он приведет на студенческую демонстрацию большую группу рабочих. Дело студентов поддерживают сознательные рабочие. Какой великий смысл в этом факте! Студенты разошлись полные решимости выполнить свой революционный долг.

Ночь эту Федор не спал. Впервые он идет на политическую демонстрацию. На его глазах в родном Екатеринославе в прошлом, 1901 году тысячи рабочих и студентов шли по улицам с

красным флагом.

Казаки и полиция зверски расправились с демонстрантами. Кровь обагрила камни мостовой. 200 человек было избито и арестовано, упрятано в полицейские застенки. На смену вышедшим из строя бойцам приходят новые смелые люди. Завтра его, Федора Сергеева, боевое крещение. Вместе с товарищами он поднимет знамя свободы у памятника человеку, который больше всего на свете любил свободу.

Неспокойно провели ночь и другие студенты Высшего технического училища — участники завтрашней демонстрации. Особенно хлопотливой была она для студента Адикса. Ведь это он обязался привести на демонстрацию 50 рабочих. Кто и когда завербовал этого молодого подлеца в агенты охранки, осталось неизвестным. Всю ночь метался из комнаты в комнату, от одного полицейского чина к другому студент-провокатор со странной фамилией, похожей на шпионскую кличку. К утру в длинных, пропахших казарменной кислятиной коридорах охранного отделения собрались все 50 «рабочих». Полицейские и жандармы были старательно переодеты в платье заводских рабочих.

…В это утро на Тверской было особенно многолюдно. Первый день масленицы. Весело праздновали москвичи широкую масленицу. У памятника Пушкину много детей. Нянюшки чинно расселись на садовых скамьях.

Двенадцать часов. У памятника появились студенты-техники. По двое они подходили со стороны Страстного монастыря и с Тверской к месту сбора. Поджидая прихода товарищей из университета и рабочих, техники прогуливались возле памятника, размещались на бульварных скамейках. Адикс пришел вовремя. У него был озабоченный вид.

— За универсантов не ручаюсь, а мои с минуту на минуту появятся, — говорил он Федору Сергееву.

И действительно, не прошло и десяти минут, как у памятника появились «рабочие». Никто и внимания не обратил на то, что слишком уж упитанные были физиономии у этих «тружеников», слишком уж толсты были их фигуры.

Что-то случилось с университетскими, условленное время истекло, а их все не было. Решили больше не ждать.

Студенты-техники Сергеев, Нагурский, Сбитников, Добровольский вышли в первую шеренгу. За ними построились остальные. Студент Сбитников, держась за карман, обратился к Сергееву:

— Есть ли у тебя палка Федор?

Палка моментально нашлась, и Сбитников закрепил на ней флаг. На полотнище красными буквами — «Неприкосновенность

личности, свобода слова, свобода собраний». На свежем зимнем ветре затрепетало знамя. Демонстрация двинулась по Тверскому бульвару к Никитским воротам. Не успели студенты пройти нескольких десятков шагов, как случилось нечто совершенно для них непонятное. Полиции нигде не было видно, и вдруг вся студенческая группа была окружена плотным кольцом так называемых «рабочих». Переодетые полицейские хватали студентов и тащили в дворы прилегающих к бульвару зданий, избивали их.

Адикс испарился до начала движения колонны. Многим студентам удалось вырваться из лап полицейских. Лишь 12 манифестантов было доставлено в Яузский полицейский дом. Начался первый допрос. Федору Сергееву, как и всем остальным, было приказано заполнить листок сведений о себе. Вот как выглядела эта тюремная анкета:

«...Выписывается собственноручно

Сведения

Фамилия	*Сергеев*
Имя и отчество	*Федор*
Сословие	*Крестьянин*
Занятие	*1 курс И.Т.У.*
Адрес в Москве	*Немецкая, дом Случаева, кв. 8*
Постоянное жительство	*Екатеринослав*
Где, когда, за что задержан	*На Тверском бульваре в 2 часа 10 минут 17 февраля*
За что задержан	*?*
Почему явился на Тверской бульвар	*По приглашению бюллетеня № 9 ИКМТУ (Исполнительного Комитета Московского технического училища)*

17 февраля 1902 года».

Два с половиной месяца сидят студенты в Яузском полицейском доме, в камерах для пьяных извозчиков и карманных воров, без вызова на допрос. За решетками уже бушует май. На тюремном дворе пробивается зелень травы. Дело студентов тощее, много из него не высосешь. Департамент полиции в Петербурге просит Московское охранное отделение представить справку «о студентах Московского технического

училища, пытавшихся устроить политическую демонстрацию 17 февраля 1902 года на Тверском бульваре у памятника Пушкину… на предмет посылки в определенные местности в пределах Восточной Сибири… на сроки от 4 до 6 лет».

За попытку организовать демонстрацию 6 лет ссылки в гиблых местах Восточной Сибири! Свирепо расправлялся царизм с учащейся молодежью. В списке студентов, на которых дается справка, первым стоит Федор Сергеев. «В числе этих лиц значится студент названного училища Федор Сергеев, прискучивший всем своим товарищам во время сходок в Техническом училище назойливой пылкостью к беспорядкам, предлагая разгромление инспекции, сожжение предварительных предупреждений уличных демонстраций с флагом и тому подобные бесчинства» [2].

Провокатор Адикс довольно точно сообщил охранке содержание выступления Федора на сходке в канун демонстрации.

Студентов после долгих месяцев содержания в полицейском застенке перевели, наконец, в настоящую тюрьму, в Бутырки.

Суд был короткий. Студентов разделили на две Группы по нелепому признаку — ношению очков. Шестеро в очках были сосланы в Сибирь. Остальные — без очков — были приговорены к тюремному заключению сроком на 6 месяцев. Федор был отнесен ко второй группе: он на зрение не жаловался и очков не носил. Студент-революционер в очках для кретинов из полиции и суда казался более опасным, чем студент без очков!

Федор Сергеев и его товарищи были отправлены для отбывания срока заключения в Воронежскую тюрьму.

Еще в то время, когда Федор сидел в Яузском полицейском доме в ожидании суда, состоялось решение об его исключении из Московского технического училища. О мотивировке исключения много не думали: «Исключить из училища за малоуспешность». «За малоуспешность» вместе с Сергеевым были удалены и все остальные участники демонстрации.

«Что делать?»

Памятный был этот 1902 год для Федора, вдвойне памятный. В этом году Сергеев вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию и в этом же году впервые попал в застенок за рабочее дело. В бесконечных спорах с товарищами по камере в Воронежской тюрьме Федор занимал твердую позицию социал-демократа искровского направления.

Сохранилось несколько фотографий Федора Сергеева, сделанных в Воронежской тюрьме. Вот он сидит за книгой на койке. Волосы ежиком, студенческая куртка вот-вот лопнет под напором сильных и широких плеч. Фотографировал заключенный студент Воскобойников. Тюремный двор, снята группа студентов-узников. Тюремная камера, все заняты чем-либо: читают, кто-то играет на гитаре, сражаются в шахматы.

В марте 1902 года, вскоре после ареста Федора, вышла в свет новая книга Владимира Ильича Левина— «Что делать?». Эта книга сыграла выдающуюся роль в борьбе за боевую революционную марксистскую партию. После разгрома народников особую опасность для рабочего движения в России представляли экономисты. Пусть буржуазия — либералы — занимается политической борьбой с царизмом, рабочие же должны бороться за свой кусок хлеба, вести экономическую борьбу; для них это самое главное, твердили экономисты.

В Воронежской тюрьме нашлись приверженцы экономизма. Почти ежедневно в камерах возникали бурные споры между экономистами и искровцами. Когда и в этот застенок нелегальным путем была передана книга Ленина, споры приняли еще более ожесточенный характер.

— Не нужна нам самостоятельная партия рабочего класса, — вопили экономисты.

— Дайте нам «свободу критики» взглядов Маркса. Социализм и коммунизм — это утопия. «Лучше синицу в руки, чем журавля в небе».

— Какие же вы революционеры, господа хорошие? — вступал в спор Федор. Он быстро возбуждался, и его басок легко перекрывал другие голоса — Вы отстраняете рабочих от борьбы с царизмом. Вы отдаете их в руки злейшего врага рабочих — буржуазии. Вы отрицаете роль партии в руководстве движением. Сознательные борцы для вас ничто, стихийное развитие — всё. Но вот читайте, что пишет не любимый вами Ленин:

«Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская

крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших бойцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного». Не мешайте же нам идти под огнем врага на штурм крепости, не пускайте нам дым в глаза, не бросайте под ноги камней, убирайтесь с дороги…

Вы берете на себя позорную роль людей, отнимающих оружие у бойцов, идущих в бой. Это оружие для рабочего класса — марксизм, социалистическое сознание, вера в конечную победу социализма к коммунизма. А вы предлагаете только экономическую борьбу — это собирание крох с барского стола. Нам с вами не по пути, милейшие! Владимир Ильич указал нам путь для создания партии нового типа, марксистской партии, которая обязана слить воедино рабочее движение с социализмом. Без научной теории социализма, этого прожектора в будущее, нам не обойтись в подготовке масс к революционным боям.

«Что делать?» Ленина тщательно изучалась обитателями Воронежской тюрьмы. А сколько было по необъятной России этих тюрем! И они стали университетами для ряда поколений русских революционеров. Эту школу прошел и молодой студент Федор Сергеев. Он вышел из тюрьмы более вооруженным для предстоящей революционной борьбы.

Первые шаги революционера

За месяц до истечения срока заключения в Воронеж приехал отец Федора — Андрей Арефьевич. Интересы сына были непонятны и чужды ему. Арест Федора и его заключение в тюрьму воспринимались как большое семейное горе, и только. Андрей Арефьевич виделся с начальством, пытался объяснить поведение сына заблуждением молодости. Отцу разрешили свидание. Он уговаривал Федора поклониться начальству, просить досрочного освобождения, обещать в будущем не участвовать в «антиправительственных выступлениях». Федор спокойно, но твердо отклонил все советы отца.

Прошел последний месяц тюремного заключения. В один из ясных летних дней Федора вызвали к начальнику тюрьмы. Тот объявил, что Сергеев освобождается из заключения и высылается по месту жительства родителей в Екатеринослав под надзор полиции.

Быть может, нечто отдаленно похожее ощущают молодые люди — выпускники учебных заведений. Они вышли в жизнь и с трепетом приступают к самостоятельному труду. Они то и дело поглядывают в свой новенький диплом, дающий им право трудиться в избранной ими профессии. Федор Сергеев, выходя из тюрьмы, также приобрел профессию на всю жизнь: он вышел на дорогу профессионального революционера. Он может, конечно, вернуться в высшее учебное заведение, если его после всего происшедшего примут обратно. Но как бы ни сложились обстоятельства, получит ли он возможность завершить высшее образование или нет, главное дело всей его жизни избрано — он станет в строй солдат революции.

В Екатеринославе Федор не задержался, семьи Сергеевых в городе уже не было. Установив необходимые партийные связи и получив задания, он выехал в деревню к сестре.

Дарочка по-прежнему жила в селе Сурско-Михайловке, к ней-то, к своей нянюшке, и приехал Федор. На другой же день он пришел к местному приставу и предъявил ему свои документы. Пристав, хорошо относившийся к семье сестры Федора, принял его без особых строгостей.

Несколько дней отдыха быстро пролетели. Пора и за работу. Не оповещая полицейские власти, Федор стал выезжать в близлежащие большие села, встречаться со своими единомышленниками.

В соседнем селе Федоровке старший брат Егор строил по

подряду отца церковь. Посещение брата — хороший предлог для поездки. В Федоровке стал появляться «студент». Сергеев, хотя и был исключен из училища, продолжал носить студенческую куртку и фуражку. В селе на квартире сапожника Одинца, талантливого самородка-художника и музыканта, толстовца по своим убеждениям, собиралась сельская молодежь. В этот «клуб» частенько заглядывал Федор. Веселье, непринужденное, заражающее других, било в нем через край. Он мастер и сплясать, и сыграть на гитаре, и спеть песню… и время найти для непринужденного разговора, возникшего как бы случайно, о том, почему так трудно живет народ и что нужно сделать, чтобы жил он лучше. Федор рассказывал, как в Москве схватили студентов, вышедших на улицу с требованием свободы народу, засадили в царскую тюрьму. В «клубе» бывали и местные интеллигенты — учителя, землемеры. Федор ожесточенно сражался с ними, вдребезги разбивая их народнические идеалы.

За непродолжительное время молодой агитатор сумел создать в Федоровке социал-демократическую группу и связать ее с екатеринославской партийной организацией. После отъезда Сергеева из деревни в Федоровку систематически наезжали люди партии. Из Александровска и Екатеринослава доставлялась нелегальная литература, наладились связи и с Ростовом.

Добрая память осталась у рабочих-строителей и крестьян Федоровки о Феде-студенте.

Лето было на исходе. Оставшиеся до начала занятий в высших учебных заведениях дни Федор усиленно работал, восстанавливая в памяти все, что он успел изучить на первом курсе Высшего технического училища.

Осенью 1902 года Федор вернулся в Москву. Он надеялся, что его восстановят в училище. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. В приеме Сергееву отказали «за полным отсутствием мест». Молодому бунтовщику, «неблагонадежному» все двери к получению высшего образования были наглухо закрыты. А Федор отчетливо представлял себе, что, получив хорошее образование, он сможет принести наибольшую пользу революции. В России путь к получению знаний в высшем учебном заведении для него отрезан. Что ж, надо попытаться продолжить учение за границей. Для выезда за рубеж нужны деньги. Небольшую сумму Федор приобрел работой репетитора, немного денег дала Дарочка. На первое время человеку, умевшему обходиться самым минимальным, этих средств должно было хватить.

12 сентября 1902 года управление екатеринославского губернатора выдало бывшему студенту Федору Андреевичу.

Сергееву заграничный паспорт за № 1700. Еще через несколько дней бывший студент покинул пределы Российской империи.

Свободный русский университет

Первый крупный город за границей, в котором на несколько дней остановился Федор Сергеев, была красавица Вена.

Чудесные дни ранней осени еще не тронули позолотой зеленую листву каштанов на Ринге и в Пратере. Быстрые воды Дуная как будто не вмещались в свои берега. Федор поднялся на лесистые холмы и очутился в сказочном Венском Лесу. Неповторимо было очарование кудрявых дубов, стройных светло-зеленых буков, лужаек, освещенных ласковым, нежарким сентябрьским солнцем. Хорошо лежать на шелковистой траве и следить, как плывут над тобой облака, плывут на восток, туда, где раскинулись бескрайные просторы родины.

Посетил Федор собор Святого Стефана. Устремленные ввысь красно-черные башенки, остроконечные шпили и взлетающие в небо стены придавали собору неповторимую строгость и красоту. Осмотрел памятные места Вены, где жил, творил и мучился гениальный Бетховен. Где писал свои знаменитые вальсы Иоганн Штраус. Где жили Моцарт и Брамс. Поклонился могилам замечательных людей. Но Вена — только пересадочный этап, и теперь без задержки к цели путешествия. Из Вены Сергеев переехал в Женеву. Глубокое впечатление произвела на Федора страна гор, покрытых вечными снегами, край волшебных озер в глубоких изумрудных долинах.

Из Женевы Федор прибыл в Париж. В столице Франции жили многие русские люди, бежавшие из-под ярма царизма и за рубежами своей родины прославлявшие ее имя. В Париже трудился великий русский ученый Илья Ильич Мечников, один из искуснейших охотников за микробами, борец за продление жизни человека. Мечников и другой представитель русской прогрессивной профессуры, Максим Ковалевский, уволенный еще в 1887 году из Московского университета за «отрицательное отношение к русскому государственному строю», основали в Париже высшую русскую школу.

Тайный полицейский агент из Парижа донес весной 1901 года в Петербург, в особый отдел департамента полиции, что ряд бывших профессоров российских университетов решил организовать в Париже при посредстве Мечникова «Свободный русский университет, имеющий целью развивать учащуюся молодежь в политическом смысле». Имя Мечникова было известно всему миру. К его независимому голосу прислушивались и власть имущие во Франции. Илья Ильич Мечников — почетный

президент «Высшей русской школы общественных наук» — это придавало новому учебному заведению необходимую репутацию.

Царское правительство не могло мириться с тем, что в столице Франции, на перекрестке мировых дорог, будет действовать университет, всем своим существом направленный против самодержавия. Министр внутренних дел царского правительства писал по этому поводу министру иностранных дел: «Хотя по существующему законоположению французские власти, быть может, и лишены возможности воспрепятствовать открытию «Свободного русского университета», но, с другой стороны, едва ли можно признать соответственным существование в столице дружественной державы школы, деятельность которой направляется главным образом во вред русскому (читай: царскому. — Б. М.) правительству».

Но попытки царизма запретить университет не удались.

В Париж слушать свободное слово приезжали молодые люди из России. Приехал сюда и Федор Сергеев. Поступление в русский университет не было обставлено какими-либо формальностями. Плата за учение была либо грошовая, либо ее вовсе не взимали. Сергеева зачислили в университет, и он стал слушать лекции по социально-экономическим наукам, технике, военному делу.

Удалось Федору и работу найти, чтобы обеспечить себе средства для существования.

В один из вечеров поздней осенью 1902 года Федор Сергеев приехал в пригород Парижа — Севр. Там, в почти сельской тиши, после трудового дня, проведенного в институте Пастера, находил отдых Илья Ильич Мечников.

Сергеев одним духом поднялся от станции в гору. Вот и дача, о которой так много рассказывали товарищи. В ней живет Мечников, президент русского университета, чудесный человек и великий ученый. Это его трудам обязаны люди тем, что найдены средства предупреждения от таких тяжелейших заразных болезней, как холера, чума, сибирская язва.

Молодой человек потянул ручку звонка. Небольшого роста худенькая женщина открыла дверь и пригласила Федора войти в дом. Она не спрашивала, кто он, к кому и зачем пришёл. Все было и так ясно: русский студент, это видно по лицу и по одежде, пришел к Илье Ильичу. Сколько их, молодых людей, приезжает в Севр повидать Мечникова, и все они желанные гости. Илья Ильич так любит эти неожиданные визиты. Такие встречи немного притупляют никогда не проходящую тоску по родине.

Федор проходит по комнатам дачи Мечниковых. Повсюду на стенах висят картины, написанные маслом, акварелью, много скульптур. Большинство этих произведений искусства

принадлежит кисти и резцу Ольги Николаевны Мечниковой, жене ученого, и ее другу французскому художнику Евгению Карриеру. Это Ольга Николаевна открыла дверь молодому соотечественнику.

Прошли в кабинет Ильи Ильича. Хозяин поднялся навстречу Сергееву с протянутой рукой.

— Добро пожаловать! С кем имею честь познакомиться?

Федор называет себя. Он взволнован. Илья Ильич, заметив смущение гостя, запросто берет его под руку и усаживает рядом с собой в мягкое кожаное кресло.

— Располагайтесь вот здесь и рассказывайте, когда и откуда приехали к нам.

Федор смотрит на поблескивающие за стеклами очков добрые глаза ученого, на его окладистую бороду, на высокий лоб мыслителя и успокаивается.

— Приехал из Екатеринослава… Поступил в русский университет…

— Значит, вы мой земляк, с Украины пожаловали в наш Вавилон. Рассказывайте, рассказывайте, что делается на родине.

Постепенно, слово за словом, устанавливается необходимая душевная близость собеседников. Сергеев предупрежден товарищами, что с Ильей Ильичом можно разговаривать вполне откровенно обо всем, что волнует сейчас русского человека. Федор не скрывает и своей принадлежности к социал-демократам-искровцам. В беседе он выясняет, что Мечников неплохо информирован о сущности разногласий между различными течениями в социал-демократии. Знаком он и со взглядами представителей других партий.

Из кабинета беседа переносится в столовую. При всей доброжелательности к деятельности русских революционеров в словах Мечникова иногда звучит ироническое отношение к социальным наукам. Он естествоиспытатель и видит избавление от всех мерзостей общественной жизни лишь в успехах естественных наук. Ольга Николаевна в споре становится на сторону Сергеева.

После обеда Федора Андреевича приглашают в гостиную, и Ольга Николаевна по просьбе Ильи Ильича играет на фортепьяно. Бетховен, Моцарт, Чайковский часто звучат на даче Мечниковых… Сергеева просят приезжать в Севр, как к себе домой. Пораженный удивительной душевной чистотой, ясностью и глубиной мысли двух русских людей, заброшенных по вине царизма на долгие годы, навсегда в чужой Париж, Федор Сергеев покидает дачу Мечниковых. Так вот он какой, знаменитый Мечников, президент нашего университета!..

Лекции Ленина

В работе на заводе и в университетских занятиях шли дни. Спустя несколько месяцев после зачисления Федора Сергеева в университет в нем должно было произойти важное событие. Об этом стало известно не только студентам. В Петербург полетело донесение тайного царского агента:

«Представитель революционной организации «Искра» Ленин будет читать рефераты в помещении Русской школы в Париже».

Это должно было произойти в феврале 1903 года. В число преподавателей и лекторов русского университета приглашался Ленин. Он приедет из Лондона в Париж, чтобы читать русской молодежи лекции. «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России».

Приглашение Владимира Ильича Ленина (или, как писалось тогда, «известного марксиста Вл. Ильина, автора легальных книг «Развитие капитализма в России» и «Экономические этюды») состоялось, невзирая на то, что среди студентов русской школы, а еще более — среди ее профессоров, воззрения народников и эсеров [3] по крестьянскому вопросу были более популярны, чем взгляды революционных марксистов. Споры между студентами социал-демократами и эсерами о путях развития русской деревни никогда не утихали и носили ожесточенный характер.

Страсти настолько разгорались, что дело доходило до рукопашных схваток. Одной из формальных причин последовавшего в недалеком будущем закрытия русского университета в Париже и была одна из таких потасовок.

Можно представить себе, каким праздником для социал-демократической молодежи русского университета был приезд Ленина, какую мощную поддержку получила она в своей идейной борьбе с эсерами.

Программа лекций была разработана Лениным заранее и выслана в Париж до начала их чтения [4].

Основной тезис лекций Владимира Ильича Ленина сводился к тому, что теория Маркса о развитии капиталистического способа производства относится к земледелию так же, как и к промышленности. И в деревне происходит неумолимый процесс капиталистического развития. На смену патриархальному натуральному хозяйству приходит торговое земледелие. Власть денег тяготеет над крестьянством не только Западной Европы, но и России. На этой почве идет расслоение крестьянства: «Одни бедствуют и голодают, другие богатеют».

Разговоры о не капиталистическом, особом пути развития русской деревни — это вымысел, вредная сказка. А если так, то:

«Первый шаг в деревне — полное освобождение крестьянина, полные права ему, устройство крестьянских комитетов для возвращения отрезков [5]. А последний наш шаг и в городе и в деревне один будет: отберем все земли, все фабрики у помещиков и у буржуазии и устроим социалистическое общество» [6].

Бурные споры между молодыми социал-демократами и эсерами, принимавшие острые формы в русском университете в Париже, шли вокруг того, как вызволить из кабалы, из нищеты русского крестьянина. Суть этих споров ясно показана в популярной брошюре В. И. Ленина «К деревенской бедноте», вышедшей в свет в том же 1903 году, когда Федор Сергеев слушал лекции Владимира Ильича.

Эсеры ратовали за развитие в условиях самодержавия в деревне «всяких товариществ (кооперации)». Они, по словам Ленина, требовали укрепления мирского союза [7].

Другой ответ давали социал-демократы. Крестьянин должен прежде всего добиться для себя всех прав, какими пользуются дворяне и купцы. Крестьянин должен иметь полное право свободно распоряжаться своей землей. Чтобы уничтожить самую гнусную кабалу, должны быть учреждены крестьянские комитеты, занимающиеся возвращением отрезков. Не мирской союз нужен, а союз деревенской бедноты из разных сельских обществ по всей России, союз деревенских пролетариев с городскими пролетариями…

О Ленине Федор слышал многое и от многих. Но самое сильное впечатление осталось после того, когда он сам увидел и услышал Ильича. В каждом слове Ленина Федор ощущал острый ум глубокого ученого, превосходно владеющего предметом своей науки, и взволнованное горячее сердце революционера.

Приезд Ленина в Париж был для Федора Сергеева и его товарищей порывом свежего ветра, пронесшегося над нездоровой и душной средой парижской эмиграции. О том, какова была эта эмиграция, какой она осталась в памяти Федора Сергеева, он написал в одном из своих писем друзьям спустя много лет после пребывания в Париже:

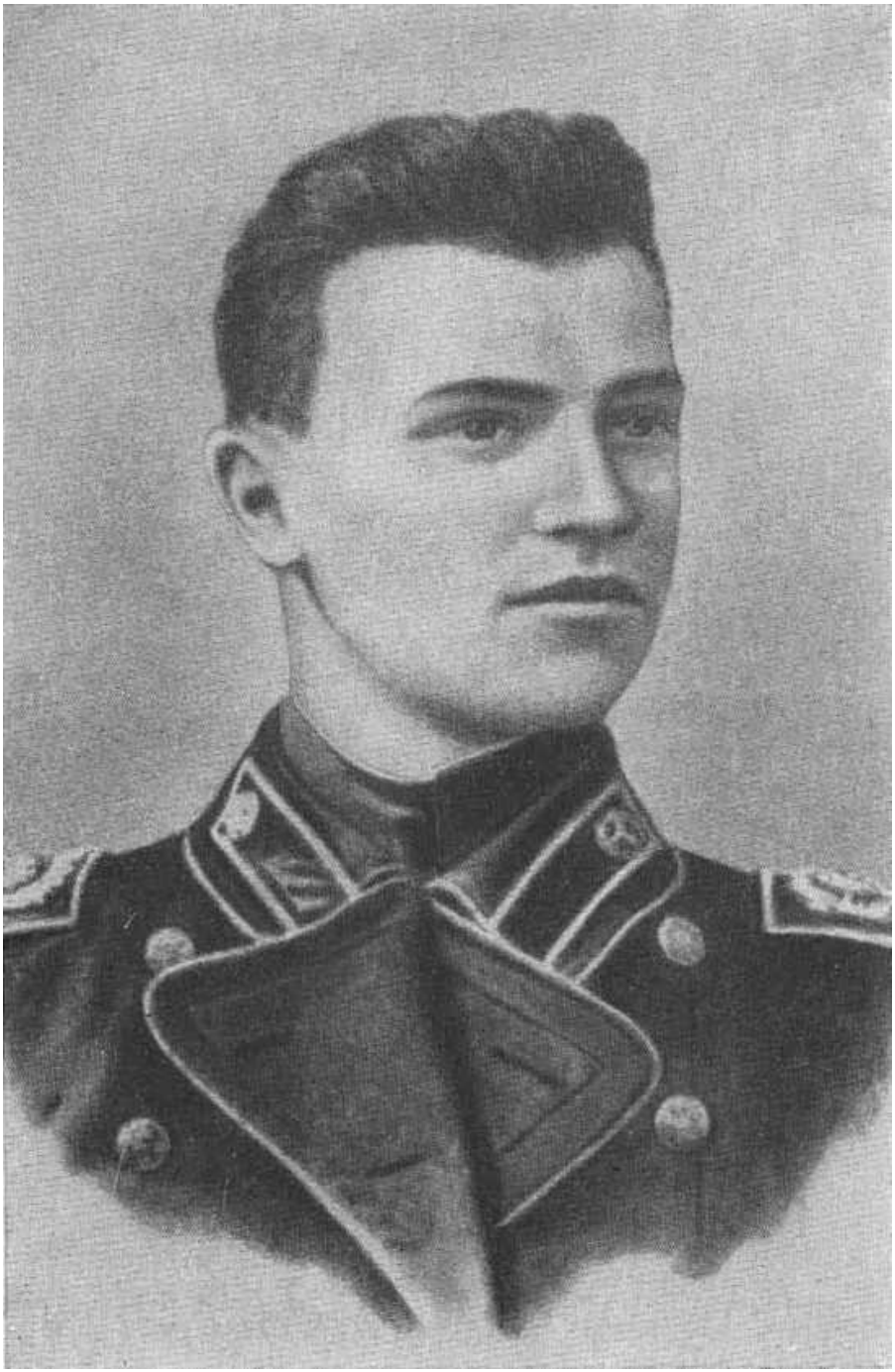
«Шура как-то писала, что ей скучно в веселом Париже. Ну, еще бы! Я бы так давно с тоски повесился, если бы жил там в колонии».

Далее Федор Андреевич писал: «Люди, еще живущие в сфере представлений и навыков, сложившихся в атмосфере революции, борьбы, пугаются обнаженного вида элементов, из которых они сложены сами… Их жизнь — сплошное страдание,

неудовлетворенность, нужда… сознание возможности компромисса, предательства… и не только грубого предательства а-ля Азеф[8], но и утонченного — а-ля Струве [9], или многие складывающиеся Струве».

Долго жить в этих условиях парижской эмиграции, вдалеке от живого революционного дела, Сергеев не мог. Его неудержимо тянула к себе рабочая среда, революционная деятельность на родине. В марте 1903 года Федор покинул Париж.

Федор Сергеев — ученик Екатеринославского реального училища.



Федор Сергеев — студент Московского высшего технического училища. 1902 г.

15 марта начальник Волочиского отделения жандармерии в секретном донесении сообщил начальству о возвращении из-за

границы бывшего студента Ф. А. Сергеева. Он направлялся в город Екатеринослав.

Нет прямых сведений о том, что по дороге на родину Федор Сергеев заезжал в Женеву и якобы получил там непосредственно от Владимира Ильича указания о революционной работе на юге России, но несомненно другое: по приезде в Екатеринослав он был в курсе всех явок и паролей для подпольной работы. Пребывание за границей и встречи с рядом партийных работников-искровцев укрепили намерения Федора целиком отдаться революционной деятельности. Связь Сергеева с партийным центром с этого времени не прекращалась.

Практическая работа партийного организатора и пропагандиста не мешала Федору готовиться к продолжению высшего образования. Он не терял надежды поступить в какой-либо технический институт. В июле 1903 года Федор Сергеев выехал из Екатеринослава в Петербург и осенью того же года держал конкурсные экзамены в Политехнический институт. Экзамены эти он блестяще выдержал, но принят не был.

Не помогло и свидетельство о благонадежности, которое Дарочка и ее муж выхлопотали для Федора у деревенского пристава. Пристав же за то, что выдал политическому преступнику документ о благонадежности, получил от полицейского начальства выговор. Пристав, оправдываясь в своем проступке, простодушно заявил: «В моем участке Сергеев был благонадежен, а об остальном я не знал…»

Система «волчьего билета» действовала безотказно: все высшие учебные заведения были оповещены о том, что Федор Сергеев политически опасен, и доступ к высшему образованию в пределах Российской империи ему запрещен.

Ну что ж, запрет так запрет, это была последняя попытка, отныне и навсегда с этим покончено. Есть дела и поважнее.

Второй съезд РСДРП

И опять дорога. Федор возвращается в Екатеринослав и устраивается помощником машиниста на паровоз. Эта работа представляла большие удобства для молодого революционера. По поручению партии он развозит нелегальную литературу по городам и шахтам Донбасса, встречается с партийными организаторами по всему пути следования. Находились укромные местечки на тендере, там прятались большие количества нелегальных листовок и брошюр. Паровозная будка часто становилась местом встреч с нужными людьми. А какое широкое поле для изучения российской действительности, сколько наблюдений за жизнью рабочего человека, крестьян… и пассажиров первого класса!

Толпы голодающих из Поволжья осаждают вагоны, едут на Украину в поисках куска хлеба. Люди на последнем пределе, кожа да кости, гибнут тысячами. А в ресторанах первого класса гремит музыка: кутят толстосумы — знай наших. Пляшут до исступления цыгане, пьяные голоса несутся над вокзалами.

…Все больше заводов коптят небо Донбасса, все больше терриконов поднимается над донецкой степью. Здесь царство угля и металла, здесь растет и набирает силы русский рабочий класс.

С 17 июля по 10 августа 1903 года, сначала в Бельгии, в Брюсселе, а затем в Англии, в Лондоне, происходил II съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Делегаты съезда привезли из России дыхание приближающейся революционной бури. Ленин и его соратники вели на этом съезде ожесточенную борьбу с националистами и экономистами — оппортунистами всех мастей за боеспособную, единую, централизованную революционную партию рабочего класса. Каждый вопрос в повестке дня съезда был сражением за эти ленинские принципы строительства партии.

Оппортунисты выступали на съезде против положения в программе партии о диктатуре пролетариата. Они призывали большинство, которое шло за Лениным, обратить внимание на опыт западноевропейских социалистических партий. Они-де отказались от принципа диктатуры пролетариата. И вообще классовые бои между рабочими и капиталистами на Западе утихают, постепенное улучшение жизни рабочих ведет к социализму без всякой диктатуры пролетариата.

Съезд отверг басни оппортунистов о затухании классовой борьбы.

Шли бои и против требований программы партии по крестьянскому вопросу. Цель оппортунистов была ясна: крестьянство инертно, нереволюционно, Россия — страна крестьянская, бойтесь же поднимать в такой стране массы на революцию, потерпите поражение.

Но не позволил съезд посягнуть на святая святых партии — союз рабочих и крестьян.

Съезд дал партии ответ и по трудному национальному вопросу: все граждане должны быть равноправными независимо от их национальности. Любая нация имеет право на самоопределение. Рабочие всех наций объединяются в своих классовых организациях: партиях, профсоюзах.

Любая попытка оппортунистов сбить съезд с правильного ленинского пути получала сокрушительный отпор, программа искровцев-ленинцев была утверждена.

Программа-максимум — построение социалистического общества; путь к этому — социалистическая революция и установление диктатуры пролетариата. Программа-минимум: свержение царизма, буржуазно-демократическая революция, установление демократической республики, 8-часовой рабочий день, полное равноправие всех наций и право их на самоопределение, уничтожение остатков крепостничества в деревне.

С такой программой партии можно было идти на штурм самодержавия и капитализма. Но для того чтобы ряды революционеров стали монолитными, крепкими как кремень, необходимо было укрепить организационные устои партии. Ленин провозгласил: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Оппортунистам такая формулировка не понравилась, но ленинцы отстояли организационные принципы Устава партии, ее нейтралистское построение.

На съезде была избрана редакция «Искры» в составе Ленина, Мартова, Плеханова. Мартов отказался от работы в «Искре», его сторонники не приняли участия в выборах Центрального Комитета. В результате выборов в руководящие органы партии единомышленники Ленина получили большинство голосов, и с этих пор их стали называть большевиками, а противников Ленина — меньшевиками. Родившееся в 1903 году слово «большевик» стало равнозначным понятию «последовательный марксист-революционер, до конца преданный делу рабочего класса, делу коммунизма». Помощник паровозного машиниста Екатерининской железной дороги Федор Андреевич Сергеев, или,

как его стали называть в партии, Артем, до конца своих дней был непримиримым большевиком-ленинцем, верным солдатом своей партии.

Очень скудны сведения, оставшиеся о партийной работе Артема в 1903 и 1904 годах.

Обилие нелегальной литературы в ряде населенных пунктов вдоль Екатерининской железной дороги, многочисленные выступления Артема на рабочих собраниях с речами, популяризирующими борьбу ленинцев-большевиков, не могли не обратить на себя внимание жандармов. Этот помощник паровозного машиниста, двадцатилетний Сергеев, молод, но опасен.

Однажды на собрание рабочих железнодорожного депо с револьверами в руках ворвались жандармы; царские ищейки охотились за Артемом. Еще минута, и молодой агитатор окажется в руках жандармов. Но Артем словно провалился сквозь землю, нет его в депо. Где-то вне поля зрения полицейских, под вагоном, промелькнула чья-то тень и исчезла. Поиски Артема, длившиеся несколько дней, были безрезультатными.

Юзовка, Елисаветград, Николаев

На Берестово-Богодуховском руднике близ Юзовки появился рабочий паренек. Он ночует то у одного товарища, то у другого, постоянной крыши над головой не имеет. Частенько собирает своих ровесников — молодых шахтеров, раздает им нелегальную литературу, рассказывает о II съезде РСДРП, о боях, которые пришлось выдержать большевикам. Бои эти не прекратились, они продолжались и после съезда.

На сей раз уже не с экономистами, а с меньшевиками. Изменили рабочему делу Мартов, Троцкий, Аксельрод и иже с ними. Подняли, по словам Мартова, «восстание против ленинизма». Захватили в свои руки «Искру» и даже Центральный Комитет партии. Нашлись среди социал-демократов влиятельные люди, вроде Плеханова, которые помогли меньшевикам завладеть руководящими органами партии. Ленин вышел из состава редакции «Искры», но был кооптирован в Центральный Комитет и вел там борьбу с меньшевиками. Об этом обо всем рассказывал Артем своим слушателям.

А жандармы шли по следам Артема; все труднее было ему скрываться в Юзовке. Впрочем, необходимости задерживаться здесь уже не было. Артем успел создать социал-демократический кружок из передовых шахтеров. Новые товарищи с помощью Артема разобрались в том, кто друзья и кто враги рабочего движения. Было на кого здесь положиться, и Артем еще раз исчез из-под носа у жандармов.

И снова далеко от этих мест, в Елисаветграде, появился молодой рабочий, которого все называли Виктором. Он очень был похож на Артема. И дело, которым занимался новый слесарь на заводе сельскохозяйственных машин Эльворти, очень близко работе, которую вел Артем. Виктор и Артем — одно и то же лицо, но об этом никто не знает. Живет он по-прежнему жизнью профессионального революционера, несет в массы ленинское слово, воспитывает новых борцов за рабочее дело, громит меньшевиков.

Лето 1904 года. В мае вышла в свет книга Владимира Ильича Ленина «Шаг вперед, два шага назад». В этой работе получило дальнейшее развитие учение Маркса о роли партии в рабочем движении. Партия — это передовой отряд рабочего класса. Партия создается путем отбора лучших, сознательных людей рабочего класса. Главная ошибка меньшевиков в их взглядах на партию в том, что они смешивали партию и класс. Партия не

только передовой, но и организованный отряд рабочего класса, спаянный единством цели, действия, дисциплины. Рабочему человеку нечего бояться организованности и дисциплины. Вся его жизнь и труд на заводе и фабрике подчинены производственной организованности и дисциплине. Ну, а если какой-либо интеллигент не перенесет тягот организации и дисциплины, не пожелает поступиться ради общего дела своей неповторимой индивидуальностью, что ж, значит, такому деятелю не место в партии. Партии в ее тяжелейшей борьбе, в условиях нелегального существования, нужно совершенствовать конспирацию, нужен централизм, при котором низшие организации подчиняются высшим.

Вооруженная знанием законов общественного развития, имея ясную программу и гибкую тактику, партия может обеспечить руководство пролетариатом, направить его усилия к свержению эксплуататорского строя, к достижению победы социализма.

Артем читал книгу Ленина, вдумываясь в каждое ее слово. Как точно и метко разила ленинская мысль всех вольных и невольных врагов рабочего дела! Будто автор книги побывал и в Донбассе и здесь, в Елисаветграде, побывал в самой гуще рабочих. Увидел среди них и передовых бойцов и отсталых, темных людей, понял, что без организации не идут солдаты в бой, без дисциплины не бывает победоносного войска. Решающие бои не за горами. Близка в России народная революция, капиталистический мир созрел для социалистического переворота. С величайшим волнением читал Артем вещие слова Ленина:

«У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации…» [10] Эти ленинские слова надо нести к сознательным рабочим, сплачивать их, готовить к грядущим боям — таков был вывод Артема после изучения нового произведения Ленина.

Через станцию Елисаветград шли эшелоны с солдатами, которых везли на Дальний Восток. В январе 1904 года там вспыхнула война с Японией. Царизм принимал свои меры для удушения надвигавшейся революции, и война с Японией была главной ставкой царизма в его смертельной борьбе с революционным движением.

— Война с Японией ведется не в интересах русских рабочих и крестьян, а в интересах царского самодержавия. Правители России обескровливают народ, чтобы он не сверг царского правительства. Долой несправедливую войну, долой самодержавие!

На перроне станции собралась большая толпа новобранцев.

Далеко слышен громкий голос оратора. Артем призывает солдат повернуть ружья против угнетателей народа… Речь закончена, летят над толпой солдат «белые голуби» — листовки.

Но слушали Артема не только солдаты. С агитатора не спускали глаз и жандармы. По окончании митинга Артем пытается незаметно уйти со станции, но его схватывают.

Артема посадили в Елисаветградскую тюрьму. Полтора месяца провел он в заключении и был выпущен.

Южное бюро Центрального Комитета РСДРП направило Артема в город Николаев. По всей стране производилась мобилизация в армию. Правительству нужно было много «пушечного мяса». Война с Японией оказалась не по зубам прогнившему самодержавию. Новыми сотнями тысяч человеческих жизней, новыми дивизиями бездарное командование царской армии пыталось заткнуть бреши в разваливающемся фронте. 14 ноября в Николаеве состоялась двухтысячная демонстрация рабочих-судостроителей против войны и самодержавия. Артем оказался в центре событий. Он собрал членов партии для подготовки новой манифестации против отправки на фронт новобранцев. Артем рассказал товарищам о положении в партии после II съезда, о предательской роли меньшевиков, требовал созыва нового съезда партии. Николаевская охранка была заранее информирована об этом собрании. В секретном сообщении упоминалось имя Артема:

«Из числа лиц, поименованных в списке, который составлен для их задержания, мне были известны: Сергеев Федор — пропагандист, который приехал в Николаев из Елисаветграда специально с целью пропаганды…»

Полиция нагрянула неожиданно, были арестованы многие члены николаевской организации РСДРП и в их числе Артем. Два с половиной месяца тюремного заключения. Из тюрьмы Артем вышел уже в начале 1905 года.

ЧАСТЬ II
В ОГНЕ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Приезд в Харьков

Студеным январским утром в облаках пара вдоль перрона вокзала в Харькове прогромыхал паровоз, привезший с юга пассажирский поезд. По обыкновению поезд встречали железнодорожные жандармы. Никто из них не обратил внимания на молодого рабочего без багажа, вышедшего из вагона третьего класса.

На привокзальной площади стояла конка. Две белые клячи, заиндевевшие на морозе, тронулись с места и потащили вагончик по Екатеринославской улице. Артем впервые приехал в Харьков. Раньше приходилось лишь проезжать мимо этого большого промышленного и торгового города. Конка медленно катилась по рельсам, и можно было получить представление об одной из городских магистралей. Это был торговый район. Маленькие магазинчики занимали первые этажи домов с обеих сторон улицы. Вот справа — аптека, бакалея, писчебумажный магазин, портняжная мастерская, парикмахерская. Слева — оружейный магазин. В витринах выставлены пистолеты различных систем, ружья, боеприпасы. «Важное заведение, надо запомнить место, где оно расположено». Конка въехала на мост, и впереди открылся вид на широкую лестницу. Любезный сосед объяснил, что она ведет к зданиям Харьковского императорского университета, крупнейшего на юге России. За речкой следовали широкие площади: Сергиевская, Павловская, Николаевская. С обеих сторон площадей стояли высокие здания, в которых помещались отделения банков, гостиницы, большие, европейского типа магазины. Конка стала подниматься по Сумской улице. На перекрестке Сумской и Рымарской Артем вышел из вагона. С левой стороны на углу Артем увидел в окнах наполненные цветной жидкостью стеклянные шары — здесь находилась аптека. На противоположном углу, через улицу, в полуподвальном помещении разместилась кофейная. Аптека служила передаточным пунктом, в котором можно было получить информацию о состоянии явочной квартиры для иногородних, приезжающих в Харьковский комитет РСДРП.

Артем вошел в аптеку и приблизился к конторке провизора. Молодой человек, стоявший за конторкой, спросил, что угодно посетителю.

— Будьте любезны, отпустите мне флакон ментолового масла, — сказал Артем.

В этот момент в телефонную будку вбежал субъект

неопределенного возраста, очевидно известный провизору, ибо ответ о наличии лекарства задержался. Провизор внимательно прислушивался к телефонному разговору. Некто в гороховом пальто закончил разговор и вышел из аптеки. Провизор уточнил заказ Артема:

— Вам лекарство для смазывания носоглотки?

— Не мне, а тете.

— Ну и чудесно, лекарство сейчас вынесут, а вы отправляйтесь, товарищ, по этой же Сумской улице в дом номер пятьдесят, в квартиру Стоклицкой, там все в полном порядке. Я испугался было, что за вами хвост, этот субъект, звонивший по телефону, шпик. Но у него оказалось другое дело. Сейчас сообщу куда следует о его визите.

Провизор вместе с Артемом вышел на улицу.

Артем отправился вверх по Сумской, а провизор перешел мостовую, спустился в кофейную и, увидев там нужного ему товарища, приказал немедленно убираться через черный ход подобру-поздорову.

— Шпик сообщил по телефону о вашем пребывании в кофейной, с минуты на минуту вас здесь схватят, уходите сию же секунду.

Через полчаса Артем был уже на месте. Его там ждали. Артем приехал в Харьков не один, вместе с ним из Екатеринослава прибыли еще два товарища, Валентин и Максим. Работающие в Харькове Авилов, Александра Валерьяновна Мечникова и хозяйка явки Стоклицкая встречали представителя Бюро комитетов большинства — Артема, присланного в Харьков для организации большевистской группы.

9 января

В крупнейшем промышленном центре юга России Харькове работало в те времена на заводах и фабриках около сорока тысяч рабочих. На таких, как паровозостроительный и Гельферих-Саде, трудилось по нескольку тысяч человек. В харьковской партийной организации социал-демократов господствовали меньшевики. Организованной группы большевиков не существовало. Революция уже стучала в двери, а положение в Харькове было неутешительным. Меньшевики своей болтовней могли провалить любое начинание. Необходимо было в кратчайший срок поднять к живому революционному делу рабочие массы Харькова.

Договорились о разделении партийной работы в городе по районам. В железнодорожном будет работать Валентин, среди ремесленников — Максим, в заводском пустит корни Артем. Артем и Авилов будут давать общее направление работе и поддерживать связь с центром.

Первый удар грома пробудил пролетарскую Русь. 9 января 1905 года в Петербурге была пролита рабочая кровь. Безоружные рабочие, их дети и жены, обманутые провокатором попом Гапоном, пошли к царю-батюшке с просьбой об улучшении своей страшной жизни. Они просили хлеба — и получили свинец. Тысячи убитых и раненых остались на мостовых Питера.

«Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока… революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского питерского пролетариата: «Смерть или свобода!» эхом прокатывается теперь по всей России…» — писал Ленин о событиях Кровавого воскресенья 9 января 1905 года в Петербурге.

Через три дня после расстрела мирной рабочей манифестации в столице, сразу же, как только весть об этом гнусном преступлении царизма дошла до Харькова, Артемом и его товарищами была выпущена листовка, в которой рабочие призывались с оружием в руках завоевывать себе свободу.

Низкий простуженный бас Харьковского паровозостроительного завода волнами проносился над встревоженным городом. Было девять часов утра. К чему бы ему гудеть такими короткими, частыми, хватающими за душу звуками? На паровозном в знак протеста против людоедских действий царизма была объявлена забастовка. Молодые рабочие с паровозного, новые друзья Артема, отправились на другие заводы

срывать с работы, вовлекать в забастовку тружеников Харькова. На улицах толпы рабочих и разговоры о недавних событиях. Городовых в заводском районе не видно, попрятались как клопы в щелях.

Возле проходной в завод стоит большая группа рабочих, читает вслух листовку.

«…Тени убитых наших товарищей в Петербурге зовут нас к борьбе, к непримиримой борьбе с гнусным режимом самодержавия. Сомкнем же наши ряды и смело пойдем вперед! Бросайте работу, товарищи! Остановите фабрики, заводы и мастерские!»

Шумит, бурлит народное море. На площади перед заводом собрались уже тысячи людей. А вот и оратор. Мало еще знают на паровозном Тимофеева, и почти никому не известно, что он автор прокламации. Артем говорит. Он рисует картину массовых убийств в Питере, говорит, что в басню о царе-батюшке, защитнике народа, теперь, после пролитой по его приказу крови рабочих, никто больше не верит. Русский царь — кровавый палач. Никто не даст рабочему освобождения от рабства и нищеты. Он сам вырвет свободу, свергнет гнет самодержавия…

— Организуйтесь, товарищи, для грядущих битв, война царизму уже объявлена. Доставайте оружие, голыми руками самодержавие не разрушишь. Правда восторжествует, и революция победит…

Вслед за паровозным забастовала Канатная фабрика. В этой стачке участвовало около трех тысяч рабочих. Через день после Канатки объявили забастовку на заводе Гельферих-Саде и на многих других предприятиях. Рабочий Харьков протягивал руку далекому Питеру — громко заявлял о своей пролетарской солидарности. Забурлила рабочая масса по всей стране. Будут отливы и приливы в этом могучем движении, но справиться с ними одряхлевшему самодержавию уже не по силам.

Революция уже началась, но РСДРП в результате дезорганизаторской деятельности меньшевиков фактически оказалась расколотой.

Работать вместе с меньшевиками в условиях начавшейся революции было очень трудно. Нужно было терпеливо разъяснять рабочим, находившимся под влиянием меньшевиков, пагубность для дела революции половинчатых, предательских теорий меньшевизма. Оторвать рабочих от меньшевистских болтунов, повести их под большевистскими знаменами на штурм самодержавия — вот в чем задача, неотложная задача дня. Для успешного решения ее необходимо было собрать и оформить все революционные силы в харьковской организации РСДРП.

Потребовать от имени этих сил немедленного созыва III съезда партии.

В университетском городе, каким являлся Харьков, была многочисленная группа марксистски настроенной интеллигенции, которая после II съезда РСДРП почти целиком перешла на сторону меньшевиков

Большевикам, которые работали в Харькове до приезда туда Артема, из-за сильного влияния меньшевиков не удавалось образовать свою отдельную большевистскую организацию.

Артем создает группу «Вперед»

Вечером 30 января 1905 года в квартире товарища Мерцалова Артем созвал организационное собрание харьковских большевиков. На этом собрании было решено объединить всех большевиков Харькова в группу «Вперед», названную так в честь ленинской газеты. Рабочий комитет группы был избран из пяти человек, во главе с Артемом. Одного из членов рабочего комитета, Бориса Васильевича Авилова, позже избрали делегатом на III съезд партии. С первого же дня своей работы группа «Вперед» фактически выполняла роль городского партийного большевистского комитета.

Артем редко бывал в центральных районах Харькова, его постоянным местопребыванием на долгое время стали заводские окраины. Там на крупных заводах — паровозном, Гельферих-Саде, Мельгозе — он вел свою повседневную работу партийного пропагандиста. Этой работой Артем завоевал себе репутацию общепризнанного руководителя рабочих масс Харькова. В небольших партийных кружках выковывалась Артемова гвардия — рождались десятки и сотки сознательных, боевых организаторов, которые позже повели харьковский пролетариат на вооруженное восстание.

На огромной территории раскинулся Харьковский паровозостроительный завод. Семь тысяч рабочих трудятся на этом гиганте, более крупного предприятия в Харькове нет. Артем работает здесь чернорабочим. Живет неподалеку в маленькой комнатке на Корсиковской улице. Живет не один, а в «коммуне» с несколькими молодыми рабочими, его единомышленниками Сашкой Садевским, Сашкой Рыжим, Кожемякиным, Гринченко, Егоровым и другими. Жизнь в коммуне не легкая. Не все ее члены имеют работу. Заработок, одежда, обувь и даже шапки — все это считается общественной собственностью.

Артем возвращается домой позже своих товарищей.

Ночь. Свободного места на кроватях не осталось. Спят даже по двое на одной койке. Делать нечего, придется сегодня поспать на полу. Артем сбрасывает грязную рабочую одежду и, положив что придется под голову, засыпает глубоким сном. Утром, если проснулся позже других, окажется, что верхняя одежда, которая получше, разобрана. Что ж, это не беда. Наскоро одевшись и освежив лицо, Артем берет кусок хлеба и бежит на завод.

На заводе в этом неспокойном 1905 году часто собираются митинги.

Окончился рабочий день. На площадке возле паровозных бандажей столпились несколько сот рабочих. Выступает меньшевик Владимир. Он долго тянет волынку о том, что рабочие не должны отталкивать от себя буржуазию. Пусть власть у царизма возьмут буржуи, рабочие должны помочь этому. По его словам, это и есть демократическая буржуазная революция, через нее прошли все народы Запада, и Россия должна проделать подобный путь, и тогда революция будет бескровной, не будет жертв…

Меньшевика сменяет эсер Забелин. Этот призывает рабочих не забывать, что они вчерашние крестьяне, что их братья и сестры, отцы и матери живут в деревне. Русь — страна земледельческая. С заводами и фабриками пришли на Русь нищета и бедность. Сельская община должна быть в центре внимания революционеров. Преуспевающий, владеющий землей крестьянин определит будущее России.

В сельской общине родится коммунистическая организация общества.

— И мироед-глитай вместе с нищим батраком войдут в этот ваш воображаемый коммунизм? — вдруг прозвучал над толпой чей-то голос.

— Не остановить движения солнца, не остановить вам, эсерам, движения России по пути промышленного капиталистического развития. В деревнях нет мира, как нет его и здесь, на заводе. Душили крестьянина-бедняка помещики, душили кулаки, вот он и поднялся на угнетателей, жжет помещичьи имения, доберется и до односельчан-мироедов. Идет этот обездоленный крестьянин в город на завод, продает свой труд. Он, недавний селянин, не забыл о своих братьях и сестрах в деревне, он придет на помощь крестьянину. И да здравствует союз рабочих и крестьян! Вместе они победят и царя, и помещиков, и капиталистов — установят на земле нашей царство освобожденного труда…

Рабочие слушали затаив дыхание. Забелин незаметно покинул трибуну. Говорит этот паренек, Тимофеев. Говорит по-рабочему, понятно, говорит так, что за душу берет. С таким вожаком, горячим и убежденным, крепким и башковитым, можно идти на врагов рабочего человека…

Митинг закончен. Утомленные после трудового дня люди идут по домам, но около Артема остается несколько молодых паровозников. Их уже знает Артем. Эти рабочие раньше называли себя левыми социал-демократами. Теперь они будут большевиками. Вместе со своими новыми друзьями Артем идет по бесконечной территории завода, но не к главному входу, а в

противоположную сторону, туда, где имеются не всем известные лазы в заборе.

Неподалеку от заводов раскинулся больничный городок, окруженный высокими кирпичными стенами. Это Харьковская психиатрическая больница — Сабурова дача. Территория больницы, отделенная маленькой речушкой, граничила с большим заводом сельскохозяйственных орудий Гельферих-Саде. Удобное соседство. Чутье конспиратора быстро оценило возможности, которые представляла для подпольной работы изолированная от внешнего мира Сабурова дача, ее близость к одному из крупнейших заводов Харькова. Артем частенько заглядывал в эти края.

…Кочегар Сабурки подбросил в топку котла последние лопаты угля. Передал дежурство сменщику, умылся после работы и вышел из котельной. Звездный полог повис над землей. Тепло. Весна вступает в свои права. Кое-где пробивается зелень первой травы. Кочегар спешит к мосту через ручей. Он с нетерпением ожидал этого вечера. Днем ему сообщил дружок о том, что сегодня за речкой на лугу новый товарищ будет вести беседу с рабочими.

Под звездным небом

На траве на полянке собралось человек пятнадцать, люди друг другу знакомые, посторонних нет.

— Больше никто не придет? — спросил басовитым голосом агитатор, которого большинство из собравшихся еще не знало.

— Можно начинать!

И он начал издалека, с тех древних времен, когда человеческое общество только-только стало распадаться на классы.

— В древности это были рабы и рабовладельцы, в средние века — феодалы и крепостные, в наше время существуют классы рабочих — пролетариев и класс капиталистов — буржуазии. Рабовладельцы пользовались даровым трудом рабов, выжимали кровь и пот из несчастных людей. Так было в древней Греции, Риме, странах древнего Востока. Феодал отбирал у крепостного плоды его труда, распоряжался жизнью своих вассалов. Класс капиталистов эксплуатирует рабочих. Между угнетателями и угнетенными всегда шла война. Капиталисты стремятся заплатить рабочим по возможности меньше, а рабочие хотят получить справедливую оплату за свой тяжелый труд. Все это и называется борьбой классов…

Артем рассказывал своим слушателям об исходе классовых боев. Они в прошлом редко заканчивались победой рабочих. Буржуазия бросала объедки со своего стола тем, кто создавал на земле все богатства, кто делал все, не имея ничего. Революционеры учат рабочих воевать с буржуазией, вооружают их знанием законов развития человеческого общества.

Просто и понятно разъяснял Артем сложнейшие законы политической экономии, законы общественного развития — неизбежности гибели капитализма и победы нового, справедливого социального строя. Беседы происходили регулярно, люди узнавали друг друга, сближались. Постепенно в сознание молодых пролетариев входила уверенность в своей силе, в силе сомкнутых плеч. Руководитель их кружка не был школьным учителем, это была их родная рабочая косточка, и учение велось не ради учения. Каждый понимал, что завтра может наступить светлый и грозный день их первого сражения за идеалы социализма. Война уже шла везде, по всей необъятной России, и эти социал-демократические кружки и группы рабочих были боевыми подразделениями армии пролетариата.

На лужайках за городом, в оврагах учились не только науке

марксизма, но и военному делу. Учились стрелять из пистолетов и ружей, бросать гранаты.

Знакомство с реалистом Костей

В Харькове было много учебных заведений. Артем находил время и для партийной работы среди учащихся. Однажды Артем познакомился с реалистом — участником политического кружка. Долговязый парень, худощавый как жердь, с приятным тенорком и умными глазами, приглянулся Артему. Реалист рассказал Артему, что у них существует кружок, в котором занятия ведет студент старшего курса университета, меньшевик. Кружок этот собрался на прогулку за город. Костя, так звали реалиста, предложил Артему вместо заболевшего студента провести во время прогулки беседу. Артем принял предложение.

Выехали в Липовую рощу — дачный поселок вблизи Харькова. Нашли там удобное и приятное место, где и расположились вроде бы на пикнике. Артем познакомил своих слушателей с разногласиями между большевиками и меньшевиками…

Организатор беседы реалист Костя, ставший позже близким другом и соратником Артема, оставил воспоминания об этой прогулке:

«…Нашего руководителя-меньшевика с нами не было, а мы были очень мало подготовлены, чтобы возражать товарищу Артему.

Его задушевный голос, энергия, с которой он говорил, на многих из нас произвели неизгладимое впечатление.

Спустя некоторое время мы устроили дискуссию, и наш руководитель вынужден был «спасовать» перед товарищем Артемом. С этого времени у нас в кружке произошел раздор. Мы раскололись на два лагеря. Сочувствующие большевикам искали общения с товарищем Артемом, он влил нас в кружок большевиков и стал нашим руководителем.

Время от времени под видом какого-либо семейного торжества у наших благонадежных папаш, занимавших иногда довольно значительные посты, но причислявших себя к либералам, нами устраивались вечеринки, на которых митинговали на политические темы. Иногда устраивались дискуссии с меньшевиками и эсерами…»

Сколько таких кружков среди рабочих и революционно настроенной учащейся молодежи организовал Артем, сколько кропотливого и вдохновенного труда отдавал он воспитанию сознательных борцов за дело рабочего класса!

На Кирилло-Мефодиевском кладбище

Был канун вербного воскресенья. Теплый весенний вечер. Празднично одетые горожане высыпали на улицы Харькова. Повсюду в руках у детей и взрослых виднелись ветки вербы с распустившимися желто-зелеными почками, похожими на больших мохнатых жуков. На заводской окраине, на Петенке, в церкви при Кирилло-Мефодиевском кладбище, было полным-полно народу. Шла праздничная служба. Толпы верующих стекались сюда со всех сторон. Самое удобное время в этой праздничной веселой суматохе провести собрание революционеров. Вместе с богомольцами в церковь явилось много участников намеченной Артемом массовки. Полиции и в голову не могло прийти, что среди богомольных прихожан насчитываются сотни харьковских социал-демократов. Как и было условлено, в церкви не задерживались, по двое, по трое выходили из храма и спускались вниз по склону оврага на татарское кладбище. Там в кустах открыли митинг. Расчет был таков, чтобы массовку закончить до завершения церковной службы и вместе с толпой из церкви незаметно выйти на улицу.

Разгорелся ожесточенный спор между представителем меньшевиков Владимиром и Артемом. Перед лицом харьковских пролетариев, рабочих крупнейших заводов, столкнулись два мировоззрения, две тактики. Меньшевик угрожал неисчислимыми бедствиями всем тем, кто пойдет за большевиками на вооруженное восстание против самодержавия. Артем разносил вдребезги все трусливые и предательские предсказания своего противника. Крепкое словцо, гневные обличения, которые обрушил на головы меньшевиков Артем, встречали поддержку и одобрение со стороны рабочих. Идея вооруженного восстания доходила до их сердец. Сколько еще можно ждать, как бы не упустить время и не дать царизму, ослабленному войной с Японией, подорванному всеобщими забастовками почти во всех промышленных центрах страны, прийти в себя и перейти в наступление на пролетариат? Нет и нет, ждать больше нельзя. Надо вооружаться, развертывать шире и шире массовое движение трудящихся против самодержавия, ждать сигнала к восстанию.

Увлеклись организаторы массовки и пропустили момент окончания службы в церкви, опомнились только тогда, когда стали богомольцы расходиться.

Кто-то, очевидно, проследил за участниками массовки и сообщил о ней полиции. Часу в десятом вечера рабочие патрули,

расставленные на Балашовском вокзале, у Паровозного завода, стали давать сигналы тревоги. Зеленые ракеты взлетали в потемневшее ночное небо. Участники митинга так были увлечены выступлением Артема, были так взволнованы его гневными словами в адрес меньшевиков, что не заметили сигналов опасности. И только когда прибежал один из «маяков» и закричал: «Спасайтесь!»— тогда лишь до сознания участников массовки дошло, что происходит. Более опытные товарищи, уже знакомые с казачьей нагайкой, призывали уходить не к улице, а в глубь кладбища, увлекали за собой еще не бывших в подобных переделках рабочих. Артем был вместе с ними. Те же, кто смалодушничал и поспешил к главному выходу с кладбища, наскочили на казаков. Дальше пошло обычное: удары нагайкой, а убегающим — пули вдогонку.

Трое казаков устремились по аллеям кладбища, преследуя группу рабочих, в которой был Артем. Когда уже казаки настигали беглецов, кто-то из уходивших заметил свежевырытые могилы. Недолго думая, многие прыгнули в них. Казаки уже торжествовали победу, вот они захватят революционеров — и вдруг беглецы исчезли! Артема тоже след простыл, ему не впервой было уходить от преследователей. Один из казаков в темноте свалился с лошади и угодил в могильную яму. Кричит, ругается.

Где-то в ночи слышались выстрелы, чьи-то крики. Потом все смолкло. Взошла луна, осветив печальные надгробия. Рабочие, которые прятались в ямах, тихонько вылезли, бесшумно пробрались к забору родного Паровозного завода, перелезли через него и с ночной сменой вышли с территории завода. Они увидели на улице не менее 40 арестованных товарищей.

Были и тяжелораненые.

Ликвидация красавца с черными усиками

Охранка чрезвычайно обеспокоена усилением революционного движения в Харькове. Забастовки не прекращаются, все чаще рабочие выходят на улицы, участились массовки с невиданным количеством участников. Чувствуется опытная рука, направляющая развитие событий. И почерк стал другой. С меньшевиками все было проще, по-домашнему, чинно-благородно. Ну, не без того, собирались, разговаривали и забастовки объявлялись, но все это было, как бы сказать, в рамках, и никаких неожиданностей. Обо всем чины охранного отделения заранее информировались. Одним словом, можно было жить. А теперь объявилась эта большевистская группа «Вперед», делами в ней заправляет молодой, но серьезный противник под кличкой «Артем». Попытки обнаружить его местопребывание пока безрезультатны. Он вездесущ, и следы его «преступной деятельности» видны на каждом шагу, но он неуловим. Много хлопот еще предстоит охранному отделению с этим человеком.

И борьба с большевиками усиливается. Агенты полиции нащупали одну из важнейших квартир партийной организации. Именно ту, куда, впервые прибыв в Харьков, явился Артем. Сумская, № 50, квартира Стоклицкой. Комитетская явка для связи с центром взята охранкой на учет. Агенты сыскным чутьем разнюхали, что эта квартира имеет особо важное значение, и решили подселить в дом № 50 своего наиболее квалифицированного шпика.

Этажом ниже квартиры Стоклицкой поселился на постоянное жительство офицер в форме частей кавказских войск. Этакий ферт в мягких сапогах, в черкеске с газырями, кинжалом и тонким пояском с серебряными инкрустированными пластинками. Красавец с черными усиками, в дорогой каракулевой кубанке, с осиной талией. Нарядили молодца — мать родная не узнает, таких шпиков в природе еще не бывало. Однако вскоре этого красавца, мнимого офицера раскусили. Двум боевикам, Спесивцеву и Васильеву, Артем поручил избавиться от него. Поздно вечером, когда офицер возвращался на «квартиру», его подкараулили у самого дома и без шума, но с усердием избили до полусмерти. После этой процедуры шпик в доме № 50 не появлялся, но явка все же была испорчена. Связь с товарищами, приезжавшими из центра, установили в новом месте, в тихом домике под Харьковом, в поселке Бавария. Аптека же на Сумской улице и провизор продолжали действовать.

Будни конспираторов

Вторая стычка с охранкой произошла в комитетской квартире по Епархиальной улице, № 73[11]. В этом доме жил секретарь большевистской организации Харькова Александра Валерьяновна Мечникова. Здесь часто собирался рабочий комитет группы «Вперед» во главе с Артемом. И все было хорошо до апреля 1905 года, когда агенты охранки сумели выследить явку, устроили засаду и произвели тщательный обыск. Результаты этой операции не оправдали надежд полиции. Александра Валерьяновна была своевременно предупреждена о засаде и скрылась.

Обыск никаких улик против большевиков не дал. Была лишь потеряна еще одна нелегальная квартира.

Артем придавал большое значение устройству надежных подпольных квартир, организации и их расположению. Была до мельчайших деталей продумана и разработана сама система конспиративных помещений разного назначения. Один из Артемовой гвардии, участник революционных событий в Харькове в период первой русской революции 1905 года Саша Садевский (Александр Васильевич Васильев), оставил интересные воспоминания о том, с какой изобретательностью и мастерством Артем и его товарищи вели конспиративную работу.

Первая группа квартир предназначалась для собраний общегородского комитета и иногородних явок. Здесь, как правило, жил секретарь, хранились документы и протоколы партийного комитета, ночевали нелегальные работники из центра и местные руководящие профессионалы-революционеры. Здесь же получали партийную почту и литературу из-за границы.

Вторая и третья группы квартир предназначались для техники: в них размещались подпольные типографии, передаточные склады, хранились шрифты и литература.

В четвертой группе располагались районные партийные центры Харькова, в пятой находились склады оружия, боеприпасы и взрывчатка, там же изготовлялись бомбы. Нашлось место и для организаций Красного Креста.

Нелегальные квартиры охранялись пикетами. Чем важнее квартира, тем надежнее ее охрана. Наряду с другими мерами обеспечения безопасности этих помещений применялось так называемое «проветривание». Квартира очищалась от нелегальной литературы и от других следов пребывания в ней людей, занимающихся противоправительственной деятельностью. Она принимала вид обычного жилища, в котором коротает свой

век семья мирного обывателя. Водружались на свои места друзья домашней хозяйки: всяческие кастрюли, ухваты, чайники, кувшины, чугунки и прочее. Появлялись канарейки и герань на окнах. Когда вся подготовка заканчивалась, объявлялась тревога. В полицию сообщалось, что в квартире такой-то на улице такой-то побывали воры. Конспираторы прекрасно были осведомлены, что полиция подозревает о существовании данной нелегальной квартиры. Знали и о том, что полицейские, которые придут для выяснения обстоятельств кражи, приволокут за собой и агента охранки. Пока полицейский пристав или околоточный составлял протокол о краже, агент охранного отделения изучал квартиру под углом зрения своей сыскной специальности. Он внимательно искал следы нелегальщины и ничего не находил. И если подозрения шпика удалось рассеять, а так чаще всего и случалось, то задача «проветривания» была выполнена. Квартира может и дальше выполнять свое конспиративное назначение.

III съезд партии

Харьковские большевики серьезно готовились к вооруженному восстанию. Это была огромная и очень опасная работа. Были и потери, но на места вышедших из строя товарищей являлись новые и новые люди. О том, чтобы число этих солдат революции росло все больше и больше, заботился Артем и члены ленинской группы «Вперед». Трудились по двадцати часов в сутки, для сна Артему обычно оставалось три-четыре часа. Чтобы так жить и работать, нужно было иметь железное здоровье и несокрушимую волю. Особенно много сил и времени уделял Артем борьбе за созыв III съезда партии.

И борьба увенчалась успехом. За границу, в Лондон, делегатом на съезд от харьковской организации большевиков уехал Пал Палыч (Авилов). Представитель харьковского революционного пролетариата увез с собой привет III съезду и резолюцию партийной большевистской организации. В этой резолюции, написанной Артемом и единогласно принятой группой «Вперед», выдвигалось требование практической и немедленной подготовки к вооруженному восстанию:

«Данный момент выдвигает настоятельную необходимость популяризации в массах идеи вооруженного восстания и необходимость его подготовки и организации. С этой целью мы признаем необходимым организовать в каждом центре специальные конспиративные организации (дружины), которые получили бы специальную подготовку для руководства восстанием. Право и обязательство организовать вооруженное восстание и руководить им мы признаем за будущим ЦК, на котором должна быть признана также компетенция в определении момента, наиболее благоприятного для активного выступления дружин»[12].

Большевики же Харькова тем временем приступили к организации боевой дружины.

Накануне восстания и в ходе его развертывания особо важную роль должны сыграть массовые политические забастовки.

В Лондоне большевики провели огромную работу по приведению в боевую готовность всех сил революции, нацелили пролетариат и крестьянство России на вооруженное восстание.

В это время в Женеве, где собралась группа меньшевиков, был провозглашен всем уже давно известный предательский тезис о том, что в России, как и ранее в странах Западной Европы, революция должна проходить под руководством буржуазии и в

случае победы привести к господству буржуазии. Пролетариат не может и не должен руководить революцией, крестьянство не способно к революционным действиям. Вооруженное восстание готовить невозможно, ибо природа всякого восстания стихийна, бурю не подготавливают, она наступает внезапно. Всякая подготовка восстания может лишь навредить, отпугнуть буржуазию.

В 1905 году произошло два съезда и фактически образовалось две партии.

III съезд закончил свою работу 27 апреля. Приближалось 1 Мая — день смотра пролетарских боевых рядов. Нужно достойно отметить этот праздник весны и пробуждающейся жизни, показать правящим классам силу и организованность трудящихся масс. Все усилия Артема и его друзей по партийной организации направлены на проведение первомайских забастовок и демонстраций.

Накануне 1 Мая 1905 года

В подпольной типографии на печатном станке, тайно изготовленном рабочими Паровозного завода по заказу большевистской организации, печатались первомайские воззвания группы «Вперед».

27 апреля Артем выступил перед тысячным собранием рабочих Паровозостроительного завода. Собрание состоялось в заводской столовой. Народу собралось столько, что пришлось выставить оконные рамы и дать возможность слушать стоящим на заводском дворе. По словам одного из рабочих, «Артем влил нам в душу значение 1 Мая». Было принято решение праздновать 1 Мая под лозунгами: 8-часовой рабочий день, окончание войны, созыв Учредительного собрания для провозглашения демократической республики.

В комитете большевиков обсуждался вопрос о характере демонстраций в день 1 Мая. Уличные вооруженные демонстрации были признаны несвоевременными, так как вооруженную демонстрацию трудно отделить от вооруженного восстания. Вооруженная демонстрация при настоящей подготовленности правительства может превратиться в бойню и дезорганизовать силы рабочих. Собрание большевиков решило, что вооруженная демонстрация в майские дни началом восстания быть не может, а потому следует накапливать и беречь силы для решительного нападения в момент наибольшей растерянности правительства.

Не дремала в эти бурные дни подготовки к 1 Мая и охранка. Она распространяла слухи, что демонстранты 1 Мая будут громить евреев, студентов и просто обывателей. Ввиду полицейских слухов была организована самооборона из социал-демократов, рабочих, интеллигентов и из евреев. Дежурства отрядов самообороны, в которых активнейшую роль играли боевики из Артемовой гвардии, велись в дни пасхи, а также 1 и 2 мая.

Полицмейстер Харькова Бессонов, который и собирал банды для еврейских погромов, получил хорошую взятку от еврейской буржуазии. Этот матерый провокатор, который хотел облить грязью первомайских демонстрантов, приписывая им еврейские погромы, был в страшном негодовании, когда узнал об организации отрядов самообороны, сбивающих ему цену за «защиту» богачей. Бессонов накануне первомайского праздника произвел массовые, но безуспешные обыски в поисках оружия. Благодаря принятым большевиками мерам дни пасхи прошли в

Харькове спокойно, погромов не было.

Поет Шаляпин, говорит Артем

В субботу днем, накануне 1 Мая, бросили работу некоторые пекарни и мельница Дубинского. Вечером в Народном доме, что на Конной площади, в заводском районе, должен был состояться концерт Федора Ивановича Шаляпина. Группа «Вперед» решила воспользоваться благоприятным случаем и после концерта Шаляпина устроить в помещении Народного дома митинг. На этом митинге было поручено выступить Артему.

На концерт Шаляпина пришли не только рабочие, коренные обитатели заводского района, приехали гости из нагорной, буржуазной части города: партер был занят представителями властей, фабрикантами, богатыми торговцами… Зато весь балкон, амфитеатр заполнили рабочие. Все проходы были забиты людьми. На концерт Шаляпина ввиду чрезвычайного положения накануне 1 Мая прибыл крупный наряд полиции.

Шаляпин пел с величайшим подъемом, его чудесный голос проникал в сердца слушателей. «Вдоль по Питерской…», «Тройка», «Блоха», «Клевета». После каждого номера буря аплодисментов потрясала зал. Публика неистовствовала. И когда концерт Федора Ивановича приблизился к концу, певец устал, сотни людей на галерке и на балконе закричали:

— Просим «Дубинушку», спойте «Дубинушку»!

Шаляпин еще раз вышел на сцену, поклонился, подошел к рампе, поближе к публике. А публика, рабочая публика ринулась с балкона и амфитеатра навстречу певцу.

Могучим голосом Шаляпин запел:

«Много песен слыхал я в родной стороне…»

Все шире и шире разносилась по залу песня. Казалось, пел ее не один человек, а целая рабочая артель, и это не только казалось. Шаляпин взмахивал своими большими руками, и весь зал подхватывал слова припева:

«Эх, дубинушка, ухнем…»

Провожаемый возгласами благодарности Шаляпин ушел со сцены. Но публика из зала не расходилась. Человек в простеньком пиджаке, в синей косоворотке, в начищенных сапогах взбежал на

помост и объявил:

— От имени харьковской организации Российской социал-демократической рабочей партии захватным порядком открываю революционный митинг. Слово предоставляю товарищу Артему.

На сцену спокойно вышел тот, о ком уже давно говорят в Харькове: одни с ненавистью, другие с любовью. Бесстрашный это человек, если он посмел выйти на эту, в сущности, общегородскую трибуну, стать лицом к лицу не только перед рабочими, но и власть имущими, включая харьковского полицмейстера, сидящего в первом ряду партера. Но друзей здесь куда больше, чем врагов.

— Товарищи' Наступает великий и славный день, день торжества и братства трудящихся, великий праздник пролетариата Первое мая! Светло и радостно отпразднуем этот день, бодро и уверенно пойдем навстречу будущему!

Так Артем начал свою речь.

— Довольно с нас порабощения, довольно слез и нужды — свет прорезал тьму, и пелена неведения спала с наших глаз. Своим трудом создаем мы богатство имущих, на наших спинах покоится их благополучие, роскошь; их права — права насильников и хищников — поддерживаются нами же, армией из наших солдат.

Для них все — обеспеченная и довольная жизнь, наука, искусство; для нас — голод, болезни, изнурительный труд, бесправие, невежество. Довольно же, товарищи, пора и нам пожить!..

Алеет заря будущего, заря грядущего царства свободы, социализма; не будет тогда деления на сытых и самодовольных буржуев и неимущих пролетариев, не будет безумной роскоши одних и нищеты других, наглого насилия эксплуататоров и безропотной покорности угнетаемых ими масс. Не будет стонов и проклятий. Все будут равны, свободны, все будут братья, легок и непродолжителен будет тогда труд, много досуга, и мы посвятим его тогда, товарищи, наукам и искусствам, знанию музыки, поэзии. Мы будем светло и радостно жить. Вот что значит для нас, пролетариев всего мира, день Первое мая! Он сулит нам лучшее будущее, он возвышает нас в собственных глазах. Будем же дружно праздновать его, сплотимся воедино, покажем врагу нашу силу и мощь.

Российская революционная социал-демократическая рабочая партия зовет вас, товарищи, объединиться в день Первого мая вокруг ее красного знамени, зовет вас на борьбу против общих наших врагов — русского самодержавия и капитализма…

Бросайте же работу, товарищи, протестуйте против гнета

самодержавия, его пуль и нагаек, против расстреливания ваших лучших товарищей — борцов за свободу, социализм…

Протестуйте против эксплуататоров-капиталистов, выжимающих соки из рабочих. Проявите свою солидарность с рабочими всего мира, покажите, что вы один из отрядов международного пролетариата, борющегося за свободу и жизнь. Пусть в воскресенье Первого мая замрет вся жизнь города, пусть приостановятся железные дороги, конка, почта, прекратится торговля, не выедут извозчики, пусть забастуют пекаря, прислуга, пусть приостановят работу всюду, где она есть в воскресенье. В понедельник, второго мая, пусть бросят также работу рабочие фабрик, мастерских и заводов…

Товарищи! Дружно бросайте работу во имя Первого мая, во имя социализма, во имя неустанной борьбы с самодержавием.

Да здравствует Первое мая — международный праздник пролетариата!

Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

Долой самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

В первых рядах партера продолжали оставаться полицмейстер и другие чины полиции в форме и без нее. Эти господа были лишены возможности передвижения. Со всех сторон зала, в проходах стояли стеной рабочие, пройти через их строй и покинуть помещение было делом физически невыполнимым. Одно место в выступлении Артема представители власти прослушали с особым вниманием. Артем бросил в зал боевой клич:

— Запасайтесь оружием, товарищи! Организуйтесь в боевые дружины! Чем скорее мы победим, тем меньше будет кровопролития, тем скорее для всей России наступит желанная свобода!

Речь Артема была прослушана в полной тишине, но когда он закончил говорить, как лавина с гор, обрушились в зал аплодисменты. Они бушевали около пятнадцати минут и закончились пением «Марсельезы». Когда публика начала расходиться, в зал проникла большая группа полицейских. Они бросились к сцене, где только что стоял Артем. Но полицейских встретила добрая сотня молодцов, преградившая им путь за кулисы. Артема окружили заводские ребята. Кто-то сбросил с себя ярко-красную рубаху, на себя надел косоворотку Артема. Отдали Артему соломенную шляпу, а у него взяли кепку.

Переодевание было произведено молниеносно. Две девушки, одна из них член партии, подошли к Артему. Ему сообщили, что сегодня ночь он проведет на Сабуровой даче. Даша Базлова, так

представили Артему одну из двух девушек, работает фельдшером в отделении для буйнопомешанных. Место это абсолютно экстерриториальное, не доступное для посторонних людей. Там в полной безопасности товарищ Артем может пробыть любое количество дней и ночей. Артем поблагодарил товарищей за заботу и сказал девушкам:

— Идите вперед, а я буду пробираться за вами, чтобы не привлечь внимания полиции. Здесь сейчас много переодетых шпиков.

Девушки пошли к выходу. Весь Народный дом был оцеплен полицейскими, и с большим трудом они прорвались на улицу. Девушки медленно пошли по направлению к земской больнице.

Мария Львовна — так звали товарища, которому было поручено связаться с работниками Сабуровой дачи, — сказала Даше Базловой, фельдшерице психиатрического отделения больницы:

— Боюсь за Артема, не схватили ли его жандармы…

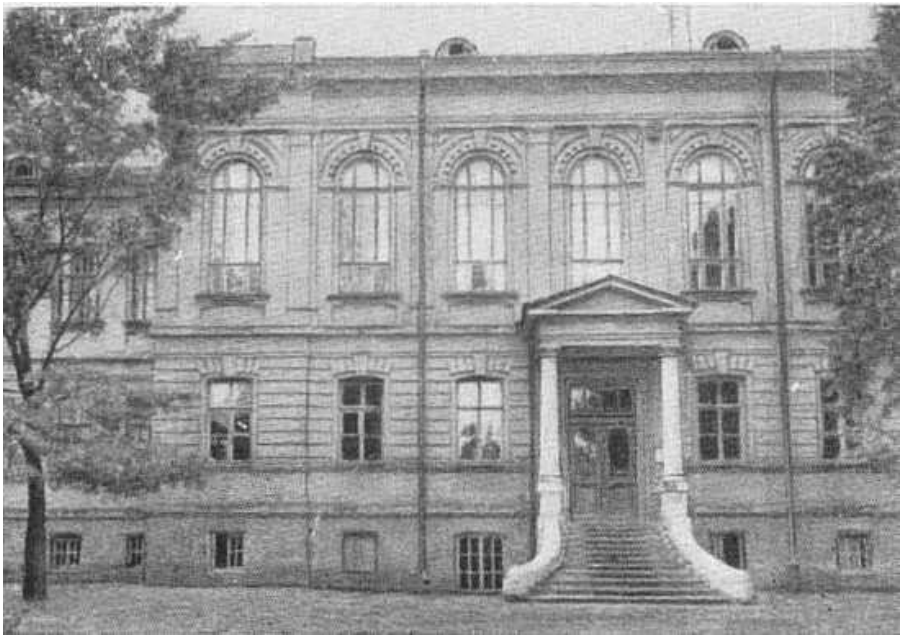
Девушки прошли еще квартал. Позади послышались чьи-то шаги. Подозрительная личность в соломенной шляпе догоняла девушек. Они пошли быстрее, и вдруг громкий смех раздался в темноте, и неизвестный назвал себя. Это был Артем. Он что-то сказал смешное относительно храбрости девушек и сразу же озабоченно спросил:

— Как отнесется доктор, заведующий отделением, к моему появлению? Квартира ваша идеальная в смысле безопасности, я давно уже мечтаю обосноваться на Сабуровой даче, но как бы доктор не донес в полицию о наших планах.

Даша возразила, что доктор очень хороший и честный человек.

— Перед нашим доктором Петром Петровичем Тутышкиным, лучшим из врачей в больнице, когда он появляется в отделении, сиделки и служители не встают, он запретил им это. Доктор знает, куда я пошла, больше того — он заменяет сейчас меня на дежурстве… За доктора не беспокойтесь.

Артем с группой заключенных в Воронежской тюрьме. 1902 г.



Сабурова дача. Здание пансионата для душевнобольных в Харьковской психиатрической больнице. Конспиративная квартира Артема.

Из дела Артема в охранном отделении.

Артем (справа) в Пермской тюрьме. 1908 г. (Рис. художн. Журавлева.)

Тревожные и радостные дни мая

Как обычно, только три часа спал в эту ночь Артем. На зорьке его проводили из больницы, и он отправился на Паровозный завод. Было чудесное майское утро. Солнце, ослепительно яркое, поднималось над умытым ночным дождиком Харьковом. Всюду стояла праздничная тишина. Только множество переодетых полицейских шпиков и военных «оживляли» улицы. Как и было решено комитетом партии, в воскресный день бастовали работники обслуживающих население профессий. Демонстраций в этот день не было. Силы противостоящих лагерей отмобилизовались лишь к понедельнику 2 мая. Именно в этот день должны были забастовать рабочие крупнейших предприятий Харькова.

2 мая утром над городом раздался голос Паровозного завода, старшего в семье харьковских заводов. Как и в январе 1905 года, он низким, простуженным басом издавал короткие тревожные звуки. Гудок паровозного был условным сигналом. Рабочие других заводов, услышав голос «отца», бросали работу и шли к центру города. На паровозном из утренней смены в три тысячи человек на работу явилась только тысяча.

Войска в городе были приведены в боевую готовность. Особое внимание власти обратили на Паровозный завод. Начальство знало, что благодаря трудам Артема и его товарищей из группы «Вперед» паровозостроительный превращается в крепость большевизма. Главные уличные магистрали, ведущие от этого завода к центру города, были во многих местах перехвачены казаками, драгунами, солдатами и полицией. Тускло поблескивали на солнце штыки винтовок и острия пик. Казалось, что рабочим не вырваться в город. Масса рабочих собралась на леваде (лужайке) возле столовой. Артем был тут же. У многих паровозников в руках появились куски железа и камни на случай схватки с казаками.

Полицмейстер и губернатор приказали передать руководителям рабочих, что мирную демонстрацию они дозволят, разрешат и ношение флагов, если на них будет написано «Да здравствует Первое мая!» и «Да здравствует 8-часовой рабочий день!». Но они знают, что, кроме этих флагов, есть и другие… Их допустить они не могут.

До того, как двинуться в город, прошел митинг. Настроение у всех приподнятое, боевое. Артем, выступая на митинге, передавал от имени паровозников привет международному пролетариату,

пристыдил железнодорожников, которые, как об этом стало известно, не примкнули к забастовке. Привольно и широко полились революционные песни. На казаков уже никто не обращал внимания. «Неужели так начинается революция?» — спрашивали с сияющими лицами рабочие у Артема.

Веселый, возбужденный Артем громко отвечал: «Это, товарищи, лишь начало, впереди — борьба, лишения и победа!»

Артем потребовал у полицмейстера убрать войска с завода и с пути шествия рабочих. «Отцы города» струсили, передали приказ об отходе. Масса рабочих прямо с митинга плотными рядами двинулась по Петинской и Оренбургской улицам. Прорваны первая, вторая и третья цепи казаков и полиции. В это время другие колонны рабочих из депо Юго-Восточной дороги и мельниц вышли в тыл войскам и вооруженным с головы до ног казакам и полицейским. Войска и полиция отступили. По пути движения рабочих колонн с тротуаров из толпы раздавались поздравления с 1 Мая, а солдатам, уступившим дорогу рабочим, кричали: «Долой войну!» В толпу рабочих, стоявших на улицах, летели из колонн прокламации от группы «Вперед». Развевались, трепыхали на ласковом весеннем ветру красные знамена. Шествие двигалось к центру города. Но вот на углу Петинской и Молочной улиц в центр колонн ворвались драгуны и разъединили демонстрацию на две части.

Драгуны и казаки действовали нагайками не очень охотно. Газета «Пролетарий» писала: «Одного товарища десять казаков подряд даже не тронули, хотя казалось, нагайки хотели сокрушить. Один из казаков нарвался: офицер увидел, что он сплутовал, вытянул самого казака через плечо нагайкой, тот свирепо замахнулся. Товарищ уже закрыл глаза, ожидая удара, но почувствовал не боль, а лишь то, что нагайка легла на плечо: казак все-таки не ударил. Вообще казаки заявляют, и даже публично, на открытых массовых собраниях (тут пользуются всяким удобным случаем для их устройства), что они будут бить лошадей, но не рабочих-демонстрантов. Они говорят, что они не могут к нам перейти, потому что еще мало рабочих выходят на улицу».

Разъединенные войсками рабочие бросились переулками в сторону Конной площади. Но на Тарасовской улице у складов винной монополии на них снова напали казаки и полиция. С боем рабочие отступили. В дело пошли камни, гаечные ключи, все, что было под руками.

Вечером сотни рабочих собрались в университетском саду, в центре города. Отсюда колонна демонстрантов вышла на главную улицу города — Сумскую. И снова схватка с казаками, раненые.

Так прошла первая проба сил. «Пролетарий», оценивая первомайские события в Харькове, писал: «Возбуждение вообще было колоссальным, и Первое мая имело громадное значение».

Прошло немного дней после первомайских выступлений, и снова забастовал Паровозный завод. Волнения и забастовки рабочих на Паровозном заводе в конце мая 1905 года происходили на фоне событий, получивших отзвук по всей России и во всем мире. В Корейском проливе, на морском театре военных действий между Японией и Россией, был разгромлен русский флот. Второй сокрушительный удар получило самодержавие после падения Порт-Артура.

Весть о гибели русского флота ошеломила всех.

В своей статье «Разгром» Владимир Ильич Ленин писал:

«…Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом… Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно… Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия… Самодержавие… бросило народ в нелепую и позорную войну. Оно стоит теперь перед заслуженным концом Война вскрыла все его язвы, обнаружила всю его гнилость, показала полную разъединенность его с народом… Война оказалась грозным судом. Народ уже произнес свой приговор над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение»[13].

Рицонни и Артем

Разговаривать с представителями рабочих, как это делалось в «добрые» старые времена, было уже нельзя. После поражений на Дальнем Востоке авторитет правительства упал настолько, что люди смеялись над дурачками, именующимися министрами. Надо уступать рабочим, но уступать разумно, драться за каждую хозяйскую копейку Больше ничего не остается. И директор Паровозостроительного завода Рицонни объявляет, что требования комитета забастовщиков о повышении суточной ставки чернорабочих с 85 копеек до 1 рубля удовлетворяются. Директор обещает выкроить 20 тысяч рублей на техническое училище. Артем с группой рабочих пришел в кабинет директора завода для ведения переговоров. Оказалось, что директор дает посулы, но не намерен их выполнять. Артема взорвало:

— Товарищи рабочие, это одна отговорка! Обещает выкроить двадцать тысяч рублей. Мы, рабочие, заработали эти деньги, и пусть нам дадут эти средства, мы сами построим техническое училище. Пусть нам отдадут нашу прибавочную стоимость, и мы сами найдем, куда ее деть и как с ней поступить…

Директор Рицонни, холеный, изящно одетый господин, с акцентом, выдающим его нерусское происхождение, обратился к Артему:

— Ты чужак, Артем, ты не из наших паровозников. Товарищи твои хотят иметь техническое училище, а ты их мутишь.

Артем продолжал настаивать «а своем:

— Деньги наши, отдайте их нам, и мы сами построим это училище. И оно будет нашим, рабочим училищем, заработанным нашим трудом. Нам не нужна ваша милость. Мы требуем свое.

Наткнувшись на твердую позицию Артема и членов рабочей делегации, Рицонни идет на уступки, но тут же бросает упрек делегатам:

— Вы, друзья, сильно огерманились, среди вас проводится сильная германская социал-демократическая пропаганда.

Артем немедленно парирует удар:

— Идеи социал-демократии родились в Германии. Этим мы обязаны Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, учителям рабочего класса. Мы не стыдимся такого родства. Рабочие в Германии живут лучше, чем мы живем. Давайте пошлем человек пять наших рабочих в Германию, пусть посмотрят, как там устроена жизнь рабочего человека. И пусть эта группа наших рабочих едет без представителя администрации, пусть сами во всем разберутся.

Рицонни одобрительно кивает головой и говорит:

— Что ж, это идея хорошая — послать в Германию наших рабочих для ознакомления с производством, но для ее осуществления требуется попросить разрешения управления Паровозостроительным заводом.

Артему не стоит большого труда, чтобы разобраться, куда клонит директор: я, мол, поддерживаю вас, а уж решает начальство. Моя хата с краю.

— Зачем вы, господин директор, все время нам тычете в лицо: разрешение да разрешение? Отдайте наши двадцать тысяч рублей, и мы сами, без разрешения управления, найдем, куда послать наших рабочих.

Директор не соглашается с таким требованием Артема:

— Самоуправства я не одобряю. Но послать рабочих в Германию, чтобы посмотреть производственную жизнь на крупных механизированных предприятиях, — вещь полезная, и я буду об этом ходатайствовать перед управлением. Буду также просить управление об удовлетворении ваших предложений о строительстве технического училища…

Так и разошлись.

Всеобщая июньская забастовка

На Сабуровой даче большие перемены. Фельдшерица Даша Базлова вступила в партию и получила членский билет за № 6 Сабуровского района. Создан особый Сабуровский район. Чтобы пребывание Артема в больнице не вызывало особого внимания, решено его законспирировать перед больничной администрацией. Так появился новый мастер по проверке водосточных труб. Он проведен по штатным книгам больничной конторы. Организованы и работают несколько политических кружков для наиболее сознательных рабочих и медицинского персонала больницы. В большом здании пансионата, где содержатся психические больные из состоятельных семей, имеется обширное подвальное помещение. Там находятся комнаты для прислуги. Здесь устраиваются политические занятия. Сюда часто приходят рабочие с близлежащих заводов за нелегальной литературой и приносят для сохранения оружие: револьверы, бомбы, динамит и патроны. На каждый день Артем дает пароль Базловой, по которому она принимает людей и передает им поручения от имени партийного комитета.

В те дни, когда намечено провести заседание общегородского комитета партии, далеко от больницы ставятся патрули для охраны от возможных налетов полиции.

В один из июньских вечеров было разослано извещение об экстренном заседании комитета. К ночи в больницу собрались члены рабочего комитета группы «Вперед» и представители районных организаций. Заседание открыл Артем Уже вернулся из-за границы Пал Палыч (Авилов) и информировал товарищей о решениях III съезда партии.

На экстренном заседании комитета Артем рассказал о событиях на Черноморском флоте, о восстании в Одессе и переходе на сторону революции броненосца «Потемкин». Эти события с очевидностью подтвердили своевременность призыва партии к восстанию. Артем поставил вопрос о том, в какой степени большевики Харькова готовы к принятию сигнала о восстании. Все ли делается в районных организациях и по крупным предприятиям для того, чтобы встретить решающий день? Артем предложил в знак солидарности с восставшими матросами объявить в Харькове всеобщую политическую забастовку. Тревожный гудок с Паровозостроительного завода должен быть подхвачен тревожными гудками всех заводов города. Всеобщая забастовка будет проверкой, репетицией к более

решительным выступлениям харьковского пролетариата.

Утром 27 июня в Харькове была объявлена всеобщая политическая забастовка. Меры, предпринятые комитетом большевистской группы «Вперед», дали свои результаты. Бастовали не только паровозостроители, но и рабочие заводов Гельферих-Саде, Шапара, Тиля, портные, пекари и другие.

Рабочие вышли на улицы. Это была чисто политическая забастовка, а поэтому — никаких экономических требований к хозяевам. Как началась она организованно, так и закончилась. 29 июня по призыву большевиков рабочие закончили забастовку и вернулись на предприятия. Такой сплоченности и сознательности пролетариат Харькова еще не знал. Пробная мобилизация всех сил рабочих удалась на славу.

В забастовке приняли участие более 60 заводов и мелких предприятий, около 75 процентов всех харьковских рабочих. Три дня и три ночи боевая дружина харьковских большевиков вела ожесточенную борьбу с черносотенцами, полицией и казаками, ликвидировала попытки устройства еврейских погромов и избиения революционного студенчества.

Подводя итоги всеобщей политической забастовки, Артем и его товарищи из группы «Вперед» писали в прокламации:

«Цена и смысл этой забастовки исключительно в том, чтобы выяснить свои силы и заявить перед всеми о своей солидарности со всем российским пролетариатом, выступившим на борьбу за политическую свободу…»

Артем громит Милюкова

На гребне революционных событий буржуазия кралась к власти. Руками рабочего класса она хотела загребать жар. В Харьков приехал профессор Милюков, один из руководителей будущей кадетской партии. Милюков должен был прочесть лекцию в доме губернской земской управы. Заранее было оповещено, что вход свободный. Артем с большой группой рабочих Паровозостроительного завода и Гельферих-Саде пришли на лекцию.

В ярко освещенном зале богатого дома был представлен «цвет» высшего общества Харькова. Сам городской голова явился послушать знаменитого гостя из столицы. Большевики Харькова решили воспользоваться удобным случаем и устроить неожиданное выступление Артема. Пусть представители буржуазных кругов услышат голос рабочего класса. Операция эта была рискованной, потому что собрание охранялось большим отрядом полицейских и еще большим числом шпиков в гражданской одежде. Чтобы не было провала, молодые люди из Артемовой гвардии расположились и в партере, среди «чистой» публики, поближе к трибуне, и у входов в зал, чтобы в непредвиденном случае блокировать помещение.

Один из молодых рабочих был одет в офицерскую форму.

Милюков говорил долго и красиво. Он в меру критиковал правительство за бездарное ведение войны. Хулил неспособных министров, намекал на то, что есть в стране достойные люди, которые могут руководить народом. Призывал бороться с казнокрадами, взяточниками… Смысл речи Милюкова сводился к тому, что больного — русское самодержавие — нужно заботливо лечить. Руководители хозяйственной жизни страны, промышленники и коммерсанты, должны быть привлечены к управлению, их опыт должен послужить бедной нашей родине…

Шумными аплодисментами закончилась лекция. Профессор был очень доволен собой, благодарил за внимание и, благосклонно обращаясь к публике, спросил:

— Нет ли желающих задать вопросы или высказаться?

Откуда-то из задних рядов раздался громкий и спокойный голос:

— Я прошу слова!

Артем прошел через весь зал и медленно поднялся на кафедру.

На новом ораторе не было черного вечернего костюма —

сапоги, простенькие темные штаны и синяя косоворотка.

— Здесь, в зале, собрались так называемые хозяева жизни. Те, в чьих руках находятся заводы, фабрики, железные дороги, торговля. Господин профессор от вашего имени выражал здесь гнев по адресу царского самодержавия и правительства. Да, плохо ведет ваши дела царь Николай Второй, и вы справедливо критикуете его методы руководства страной. Вы ждете нашей рабочей помощи в том, чтобы исправить дела в государстве. И надеетесь с нашей помощью вырвать у царя конституцию, навести ваш порядок в стране, чтобы с еще большей силой «культурно» эксплуатировать трудящихся. Боюсь, что вы рассчитываете на политических дураков, когда выражаете надежду на то, что рабочие помогут вам добраться к власти. Наши с вами цели в революции диаметрально противоположны. Мы в революции пойдем до конца: свергнем самодержавие, а потом возьмемся за вас и отберем у вас заводы и фабрики, хозяином которых может быть только тот, кто на них трудится…

В зале раздались гневные возгласы. Артем не обращал на них внимания. Он не оставил камня на камне от всех построений Милюкова. Ясно и точно изложил программу большевиков в революции. Он напомнил о только что закончившейся политической забастовке в Харькове и заключил свою речь словами:

— Мы с чувством удовлетворения можем признать, что наша пробная мобилизация вполне удалась. В следующий раз мы остановим всю промышленность в городе и торговлю и постараемся оружием отразить нападение войск. Мы завоюем в конце концов политическую свободу, свергнем самодержавие, и тогда у нас развяжутся руки для дальнейшей борьбы за освобождение рабочего класса от ига капитализма, за передачу всех средств производства в руки общества, за социализм…

Да здравствует революция! Да здравствует вооруженное восстание! Вся власть в стране — рабочим и крестьянам!

В зале творилось что-то невероятное. «Чистая» публика оставила свои места и в панике бежала. Рабочие отовсюду, где они находились, бросились к Артему, подхватили его и начали качать. Саша Садевский, которому комитетом была поручена охрана Артема, едва пробился к нему.

— Дом земской управы окружен полицией. Ты опознан шпиком. Они ждут твоего выхода, чтобы схватить. Мы здесь кое-что придумали, пойдем в курилку.

Артема там ожидал переодетый офицер. Быстро, не мешкая, он помог ему переодеться в офицерскую одежду, а сам взял себе вещи Артема.

В дверях земской управы появился бравый фендрик, ведя под руку нарядно одетую даму. Чернявый офицер, наклонившись к своей спутнице, шептал ей на ухо что-то очень пикантное. Молодая женщина заливисто смеялась. Полицейские, увидев офицера, отдали ему честь и ели глазами начальство, пока оно не скрылось из виду. Парня в костюме Артема какой-то шпик схватил за руку, но, присмотревшись к его лицу, чертыхнулся и отпустил. А содокладчик Милюкова был уже далеко.

Губернатор предупреждает Артема об опасном агитаторе Артеме

Кабинет харьковского губернатора. Его превосходительство читает очередное донесение начальника охранного отделения. Речь идет о новом публичном выступлении Артема. Рядом с донесением на столе лежит досье на Артема, в котором собраны все имеющиеся в распоряжении охранки данные об этом опасном профессионале-революционере. Времени у губернатора немного: через полчаса он назначил прием делегации харьковских рабочих.

Его превосходительство листает документы.

«По собранным агентурным путем сведениям, 21 сего июня в г. Харькове в Народном доме на разрешенную для прочтения лекцию профессора технологического института П. А. Кузьмина собралось до 2000 человек — в большей массе рабочие…» «Около 11 часов ночи, по окончании означенной лекции, присутствующие потребовали удалиться полицию, что таковая и выполнила…» Губернатор подчеркнул последние слова. Дожили, что какая-то там публика выдворяет стражей порядка из общественных мест. Так, пожалуй, дождешься, что и губернатора попросят удалиться из губернского присутствия…

«… После чего начал говорить речь рабочий Паровозостроительного завода, состоящий в составе рабочего комитета социал-демократической организации на означенном заводе — о текущих событиях в России, о необходимости немедленного прекращения войны и созыва Учредительного собрания, призывал всех говорить тоже открыто и смело, не боясь шпионов и полиции, указывая на то, что он был несколько раз арестован, но ничего не боится и всегда будет говорить открыто. За ним в таком же роде речи говорили неизвестный рабочий по кличке «Артем» — от организации большинства — и два неизвестных интеллигента… Продолжалось это до 1½ ночи. В присутствующей толпе собирались деньги на революционные цели и распространялись преступные воззвания. Об изложенном доношу вашему превосходительству».

Генерал задумался. Все тревожнее становится в Харькове. По существу, он, губернатор, уже не хозяин в своем городе. Социал-демократы, руководимые опасными революционерами, завоевывают авторитет среди рабочих. А Харьков не Киев, здесь большие заводы, и голос рабочих становится все слышнее. Их дружины уже берут на себя функции охраны и защиты порядка в

городе, борются с хулиганами, громилами, которые не без ведома начальства пытаются устраивать еврейские погромы и избиения студентов. Вот и сегодня, когда и где это было видано, чтобы он, губернатор, слуга царя, должен принимать какой-то сброд — делегацию рабочих?.. Из этих невеселых размышлений губернатора вывел его адъютант:

— Ваше превосходительство, группа рабочих ждет разрешения на прием.

— Проводите их сюда в кабинет, а я сейчас выйду.

Губернатор удалился в комнату, смежную с приемной.

Рабочие пришли к губернатору с жалобой на грабежи в городе, на неспособность полиции справиться с уголовными элементами. В делегацию входило 20 человек. Среди них был Артем. Перед тем как идти к высокому начальству, он надел черные усики, подгримировался (на это Артем был большой мастер; он мог по желанию хорошо загримироваться под монаха, военного, старого еврея), надел фуражку и костюм рабочего. Эта предосторожность оказалась отнюдь не излишней, ибо при входе в дом губернатора каждого из группы рабочих жандармы и шпики буквально обнюхивали.

Вошли в кабинет. Навстречу рабочим из своей комнаты появился в генеральском мундире, при всех орденах сам губернатор. Зная о цели прихода делегации, губернатор стал расспрашивать рабочих о случаях грабежей. Ему привели точные данные, указали на бездействие полиции и попросили разрешения иметь на заводе свою рабочую охрану. В начале беседы в кабинет вошел харьковский полицмейстер. Губернатор разыгрывал из себя доброго дядю и делал вид, что готов удовлетворить требования рабочих. Но в разговор вмешался полицмейстер, он решительно выступил против создания рабочей дружины.

— Я дам заводу большой наряд полиции и охрану, этого будет достаточно для наведения порядка в заводском районе.

Слова попросил Артем.

— Мы благодарим господина Бессонова (полицмейстера) за внимание, но твердо настаиваем на самоохране рабочих. Полиция боится показываться в районе заводов (Артем не сказал губернатору, почему полиция стала такой робкой и какова в этом роль рабочих дружин), дайте нам оружие, и мы сами будет охранять свои жилища. Выловим и доставим вам всех воров и бандитов.

Бессонов «убедил» губернатора не разрешать рабочим организацию самоохраны, и, невзирая на настойчивые требования Артема, цель делегации не была достигнута.

Губернатор обратил внимание на молодого человека с черными усиками и его активное участие в разговоре.

— Ты, я вижу, человек смелый, у тебя умное и открытое лицо. Скажи своим товарищам на заводе, чтобы они честно работали и не подвергали город непрерывной лихорадке своими забастовками. У вас там, на Паровозном заводе, появился агитатор Артем. Вот и сегодня я читал донесения о его преступной деятельности. Берегитесь таких смутьянов, они пришли к вам неизвестно откуда, чужие они заводу…

Товарищи смотрели на руководителя своей делегации и еле сдерживали улыбки, слушая, как губернатор проникновенно убеждал Артема об опасном агитаторе Артеме.

На городской окраине

Более трех-пяти дней Артем под одной крышей не ночевал. Квартиру на Лебединской улице у Николая Чинова он особенно любил. Она находилась в сердце Петинского (заводского) района. Здесь в 1905 году было проведено, по подсчетам Саши Садевского, около 300 заседаний комитета большевиков и занятий партийных кружков. В хорошей рабочей семье Чинова Артем чувствовал себя прекрасно. Ни разу на этой квартире не было обыска. Недаром Николая Чинова в шутку и всерьез называли «Коля-конспиратор». Квартиру и людей, в ней живущих, охраняли не только специально назначенные для этого люди, но и все жильцы Лебединской и прилегающих к ней улиц.

Вечереет. Теплое южное солнышко золотит убогие рабочие домишки. Почти на каждом перекрестке собирается молодежь, играет гармоника, раздаются чудесные украинские песни, а там уж и танцы начались. Многие из молодых людей, отдыхающих после трудового дня, знают Артема, они побывали на массовках, слушали речи большевика. Артем, имеющий немалый опыт революционной работы, и сам еще молодой человек, ему всего 22 года. Он сверстник этих парней и их подруг. И как же иной раз не присоединиться прямо здесь, на улице, к певцам: голос у Артема завидный, нечто среднее между баритоном и басом, и слух хороший. Такой как начнет вторым голосом выводить — заслушаешься. Или, скажем, потанцевать. И гопака, украинского разудалого, и простенькую рабочую кадриль отпляшет Артем с величайшим удовольствием. И как не любить заводским ребятам такого компанейского, сердечного человека! Не только молодцы из Артемовой гвардии, или, как иначе их называют, «гарибальдийцы», души не чают в своем вожаке, — Артема любят и знают многие молодые и немолодые рабочие на Петинке.

Артем вечером возвращается в свое временное жилье, в квартиру Николая Чинова. Попозже там состоится заседание комитета. По этому случаю на условленных местах расположились рабочие патрули, наблюдают за «погодой». Артем остановился около двух парней, раскуривающих цигарки. Что-то шепнул им и пошел дальше.

За Артемом в этот вечер увязался некто в засаленном котелке, прикрывающем бегающие мышиные глазки. В центре города шпик увидел Артема, кого-то он ему напомнил. И, доверяя лишь своему чутью ищейки, не имея еще точного представления о том, кого выслеживает, шпик приплелся за Артемом на Петинку.

Сигнал принят. И вот двое подгулявших парней, делая вид, что еле держатся на ногах, пошли навстречу субъекту в засаленном котелке.

— Раз-ре-ши-те, пожалста, милейший, папироску!

Шпик быстро лезет в карман и протягивает гулякам пачку папирос. Те не спеша копаются в коробке, будто выбирают папиросу получше. Затем они просят огонька. Появляются спички, загорается огонек.

— Премного благодарны..

Подходят еще парни, шпику уйти из этого окружения невозможно.

— Разрешите проводить вас. Места здесь глухие, а вы, видать, человек не здешний. Не ровен час, бока наломают, всякие хулиганы бывают…

Парни берут шпика под руки и уводят в укромное местечко, несмотря на его энергичные протесты и попытки освободиться. След потерян… Ну, а дальше все идет как по писаному. Шпик получает изрядную трепку и с радостью за то, что остался жив, уносит ноги с Лебединской улицы.

Всякий раз, когда в районе нелегальных квартир на Петинке появлялись шпики, приходил в действие безотказно работающий механизм предупреждения об опасности и удаления шпиков. Играла гармошка, пели песни, танцевала молодежь, а где-то в темном углу били шпика, били усердно, и зачастую филерам приходилось уходить из этих опасных мест с перебитыми ребрами и сильно помятыми конечностями. О физиономии говорить не приходится — так разрисовывали гостей, что и мать родная не узнала бы.

Панихида в Мироносицкой церкви

Заседание комитета в этот вечер затянулось допоздна. Почти в самом конце заседания Артем предложил почтить память павших товарищей — жертв 9 января. 9 июля должно было миновать полгода со дня этого тяжелейшего преступления самодержавия. Артем изложил свой план проведения своеобразной политической демонстрации — специальной панихиды по жертвам 9 января. В рядах организации «Вперед» была дальная родственница священника Мироносицкой церкви. Эта церковь находилась в самом центре города. Удалось уговорить священника церкви отслужить панихиду по петербургским товарищам. Эсерам было предложено присоединиться к проведению этой демонстрации. Лидер эсеров Забелин посмеивался, что это вдруг большевики захотели молиться. Но Артем настоял на проведении панихиды.

К условленному часу группы рабочих пришли в церковь, собралось народу столько, что, как говорится, яблоку было упасть негде. Священник по всем правилам, с большим подъемом и чувством отслужил панихиду по убиенным «царем Иродом» рабам божиим. У многих из присутствующих на панихиде были слезы на глазах. Все шло так, как было задумано, но среди участников панихиды были замечены шпионы и переодетые жандармы. Это святотатство — присутствие палачей на панихиде — взорвало наиболее горячих товарищей: тут же, в церкви, шпионов начали избивать. На помощь к избиваемым бросились их дружки, и началось побоище. Откуда ни возьмись появилась конная и пешая полиция, прискакали казаки.

Огромная толпа возле Мироносицкой церкви поет «Марсельезу». На поющих с обнаженными головами рабочих налетают казаки, и начинается жестокое избиение. Свистят в воздухе нагайки, разгоряченные кони топчут людей. Слышны выстрелы, крики раненых, толпа тает, рабочие уходят от преследования. В Харькове произошла еще одна схватка между двумя смертельно ненавидящими друг друга лагерями. От столкновения к столкновению нарастает ожесточение враждующих сторон. Вечером того же дня, 9 июля, в университетском саду повторилась демонстрация рабочих, снова поднимались над головами красные флаги, звучала «Марсельеза». На демонстрацию напали войска и полиция, были раненые, произведены многочисленные аресты. Грозовая атмосфера в Харькове накалялась все сильнее и сильнее.

События на заводе Гельферих-Саде

Попытки царского правительства сбить революционное пламя уступками и обещаниями успеха не имели. В августе 1905 года царь издал манифест о созыве Государственной думы (названной Булыгинской по имени царского министра, предложившего создать эту думу). В том же месяце был подписан мир с Японией.

Суть Булыгинской думы была ясна большевикам. Царизм берет к себе в союзники либеральную буржуазию: в думе соберутся помещики, капиталисты и для виду несколько представителей богатого крестьянства. Но даже такой думе ничего, кроме права совещательного голоса, при царе не будет дано. Грубая подделка народного представительства, издевательство над пролетариатом. Бойкот этой думе! А на повестке дня по-прежнему стоят: вооруженное восстание, привлечение армии на сторону народа, свержение самодержавия и созыв Временного революционного правительства. С этими призывами большевики всей страны идут к народу.

С каждым месяцем нарастала в Харькове волна революции. События в июле были более серьезными, чем в июне. На заводе Гельферих-Саде вспыхнула забастовка и произошло столкновение с полицией и казаками.

Дело началось так. Несколько рабочих завода были уволены за участие в июньской политической забастовке. По заводу поползли тревожные слухи, что такая же участь ждет и многих других. Борцов за рабочее дело изгоняют с завода, обрекают их семьи на голод. Как не вступиться за своих товарищей, не защитить их от произвола администрации! По совету Артема гельфериховцы предъявили директору завода требование о немедленном приеме обратно на работу уволенных рабочих и чтобы впредь никогда подобного безобразия на заводе не повторялось, чтобы людей за открытое выражение ими своих политических взглядов не лишали куска хлеба.

Требования рабочих на этом не заканчивались. По примеру Паровозостроительного завода гельфериховцы настаивали на создании специальной комиссии из рабочих, которая положила бы предел произволу заводской администрации и имела бы право представительствовать от заводского коллектива в переговорах с дирекцией.

Директор завода дал уклончивый ответ. Тогда рабочие решили, если их требования не будут удовлетворены, объявить забастовку. Среди них нашелся один черносотенец, который стал

агитировать против забастовки и угрожал донести полиции на Артема и других руководителей. Дело с этим отщепенцем закончилось по-рабочему: схватили молодца за шиворот и с позором вывели за ворота завода. На следующий день он снова как ни в чем не бывало вернулся на завод. Его снова подхватили крепкие рабочие руки и выбросили вон.

О бесславном конце карьеры хозяйского холуя стало известно директору завода. Тогда тот заявил, что отказывает рабочим во всех их требованиях, пока черносотенец не будет без помех возвращен на завод. В дополнение к ранее уволенным с завода передовым рабочим директор пригрозил уволить еще 50 человек.

Рабочие в долгу не остались, по совету Артема они довели до сведения директора о том, что за каждого уволенного рабочего они будут сажать в мешок и с позором вытаскивать с завода одного представителя администрации, наиболее известного своей гнусностью. На этих позициях и остались два враждующих стана в ожидании дальнейших событий. Ожидать их долго не пришлось.

В один из дней стало известно, что администрация намерена уволить еще одного товарища. Об этом были немедленно оповещены все активисты заводской партийной большевистской организации. Решили не давать товарища в обиду и свою угрозу администрации привести в действие. По всем цехам были разосланы члены партии, чтобы сообщить всем рабочим о новом вызове дирекции. В одном из цехов навстречу партийным активистам шел сверлильный мастер. Заячья душа, он, зная, как ненавидят его рабочие, боялся избиения и самосуда. Бросившись опрометью от попавшихся навстречу активистов, мастер на бегу выхватил из кармана револьвер и, дважды выстрелив, скрылся в конторе. Собралась большая толпа рабочих, все слышали выстрелы, произведенные негодяем. Наиболее сознательным товарищам с трудом удалось Удержать рабочих от того, чтобы они не разнесли в щепы контору. Под руку попался табельщик, который и вздумал стать на защиту мастера. Прихвостню начальства досталось на орехи: его избили.

Появись и директор завода, ему тоже перепало бы, как и табельщику, если бы активисты не остановили наиболее горячих.

Пока длилась вся эта история, на заводе появились казаки и принялись за свое привычное дело — стали избивать нагайками попадавшихся им под руку рабочих.

Двор опустел, рабочие укрылись в мастерской. Раздалось четыре залпа из винтовок, два боевых и два холостых. Рабочие ответили казакам выстрелами из револьверов; из окон цехов посыпались на Головы опричников гайки, куски железа и дерева. Этот обстрел подручными средствами был настолько сильным,

что казаки не выдержали его и бежали, бросив лошадей и оставив на поле боя трех раненых.

После удаления казаков с заводского двора был немедленно созван митинг. Проводил митинг Артем.

Ящики из-под машин были его трибуной.

— Товарищи! Вы только что дали такой отпор «храбрым воинам», что бежали они, не чуя ног под собой. Казаков больше нет на заводе. Наш враг нагл, но труслив.

Перед нами факт произвола хозяев и гнусное насилие правительства. Управляющий заводом по своему усмотрению лишает наших товарищей работы, из-за всякого мерзавца черносотенца грозит уволить лучших людей, чтобы подавить всякий протест.

Товарищи, по всей России поднимается рабочий класс, как река весной в половодье, повсюду разливается мощным потоком забастовочное движение. И хотя правительство с прежней, известной всем наглостью старается поставить препоны нашему движению, подавить его, но это угнетателям не удается. Разве остановишь вешние воды? Сила наша огромна, и, если рабочий класс начал борьбу, его уже не остановят никакие преграды. Хватит с нас, сыты по горло насилием и безобразиями! Наступает пора расправы, близок конец существующему произволу. Рабочим как воздух нужна политическая свобода, и мы добьемся ее, свалим ненавистное самодержавие. Наша борьба здесь, на Гельферих-Саде, пробудит сознание товарищей на других заводах, послужит им примером и приблизит нас к нашей цели.

Мы обратимся ко всем рабочим Харькова с призывом: бросайте, товарищи, работу, требуйте, чтобы были удовлетворены все требования рабочих Гельферих-Саде, чтобы никого здесь не арестовывали, не увольняли с работы и чтобы уволенных приняли обратно. Скоро нам предстоит более серьезная борьба — всеобщее вооруженное восстание, и ввиду этой великой борьбы было бы позором не дать отпора насилию и произволу. Кто знает, быть может, здесь, на этой заводской земле, где вы трудитесь, нам придется дать бой царизму.

Долой самодержавие! Да здравствует революция!

Июльская политическая стачка охватила большинство предприятий города. Рабочие показывали изумительный пример организованности. По призыву партии они бросили работу, по призыву же партии вышли на работу. Партия решила, что рабочие завода Гельферих-Саде будут вести свою борьбу до конца, а вышедшие на работу пролетарии других заводов и фабрик помогут своим братьям трудовой копейкой. Одну четвертую часть дневного заработка большинство рабочих Харькова отдали в фонд

помощи стачечникам на Гельферих-Саде. И здесь инициатива Артема сделала свое доброе и полезное дело.

Харьковская охранка с тревогой сообщила в Петербург, что сбор средств в помощь гельфериховцам позволит выдавать забастовщикам по одному рублю в день.

До десятого августа бастовали поддерживаемые рабочим Харьковом гельфериховцы и добились полной победы: все требования забастовщиков были удовлетворены. Далеко за пределами Харькова отозвались эти события. Ленинская газета «Пролетарий» отмечала высокую организованность и сознательность руководимых Артемом харьковских рабочих: «Выяснилось, что огромное большинство харьковских рабочих готово выступить на борьбу за политическую свободу, а более сознательная часть рабочих способна на вооруженную борьбу» [14].

Группа «Вперед» — руководитель харьковского пролетариата

Признанием большой революционной работы, проведенной Артемом и руководимой им харьковской большевистской группы «Вперед», было решение Центрального Комитета объединенной Российской социал-демократической рабочей партии о предоставлении группе «Вперед» прав Харьковского комитета РСДРП.

Оповещая об этом знаменательном событии всех членов партии и рабочих Харькова, Артем в специальной листовке писал:

«Товарищи!

Вам известно, что в нашей партии существует раскол между так называемыми «большинством» и «меньшинством». Желая достигнуть примирения и объединения обеих частей партии, «большевики» созвали общепартийный съезд (III съезд РСДРП. — Б. М.), но «меньшевики» отказались даже явиться на этот съезд, и, таким образом, примирение не произошло. Съезд, однако, состоялся, так как на нем была представлена большая часть партийных организаций. На съезде был сделан новый шаг к примирению, именно было принято постановление, что, несмотря на разногласие между «большинством» и «меньшинством», меньшевистские комитеты могут участвовать в общей партийной организации, причем им была обеспечена полная свобода проводить и отстаивать свои взгляды. Единственным условием их участия в общей партийной организации было поставлено, чтобы они признавали центральные учреждения партии, так как без этого не было бы никакого единства партии.

Меньшевики, в том числе Харьковский комитет, отказались принять это условие и не вошли в состав объединенной Российской социал-демократической рабочей партии! Поэтому Центральный Комитет партии счел необходимым предоставить права комитета харьковской группе «Вперед», которая отныне будет называться «Харьковским комитетом» партии.

Центральным органом партии вместо «Искры» III съездом признан «Пролетарий».

Харьковский комитет объединенной Российской социал-демократической рабочей партии (бывшая организация «Вперед»)».

Охота охранки за Артемом

Имя Артема все чаще и чаще появляется в донесениях харьковской охранки. Нелегальная деятельность этого революционера не на шутку беспокоит жандармов. Шпикам даны задания во что бы то ни стало выследить Артема. Жизнь Федора Андреевича становится труднее, все чаще ему приходится менять места ночлега. Случается, по ночам раздается тревога, и приходится уходить с подпольной квартиры. Добрались охранники и до квартиры Юнакова по Оренбургской улице, № 9. Второй раз ночевал Артем здесь. Причем на ночь для большей безопасности устроился в сарае. Хозяин квартиры, Федор Алексеевич Юнаков, всю ночь прислушивался к шорохам во дворе. Дважды выходил из дома. Стояла обычная летняя теплая ночь. Где-то высоко мерцали звезды. Залает далеко пес, и опять тишина'. Постоял на крылечке Федор Алексеевич, потом вернулся в комнату, прилег на кровать. Задремал. Вдруг слышит совсем близко-близко лай собаки. Вскочил с кровати. Собака лает рядом… Выбежал во двор и видит: полицейский пытается перелезть через забор. Беда! Метнулся Юнаков в сарай к Артему, трясет за плечо. Тот со сна что-то бормочет, а Юнаков уже тащит босого гостя, благо верхнюю одежду по привычке подпольщика Артем, ложась спать, снимал редко, подтащил к забору, выходящему на другую улицу — Старобельскую. Перекинул, и от сердца отлегло.

Полицейские первым делом ворвались в дом, там ничего не обнаружили: Артем исчез, хотя сведения от шпика были получены верные.

Позднее через «какого-то молодого человека я передал Артему его сапоги», — вспоминал об этом эпизоде Федор Алексеевич Юнаков. Ночью босиком Артем прошел через весь город и под утро появился на Ивановке. Там на высоком обрывистом берегу над речкой Лопань находилась запасная нелегальная квартира. Хозяин ее, Андрей Никитченко, вышел на зорьке во двор, видит человека, худого, подвижного, одетого в старенький оливкового цвета с круглыми полами пиджак, в черной косоворотке, подпоясанной ремешком, в черных же старых брюках и без сапог.

— Вы Никитченко Андрей? — спросил у хозяина неизвестный, он держался левой рукой за борт пиджака.

— Я, — ответил хозяин.

— Знаете ли вы Грамматикова?

— Знаю.

— Ну, вот и хорошо, он направил меня к вам на день-другой, пока я устроюсь… Пароль и отзыв сошлись, значит все в порядке.

Здесь, на Ивановке, Артем ночевал несколько ночей.

Старый большевик и друг Артема Бассалыго вспоминал, что Артем считал неудачными поездку на завод, беседу, митинг, если они не влекли за собой организацию партийной ячейки или в крайнем случае связи, которую можно было впоследствии развивать. Он никогда не являлся на завод второй раз, не зная имен ряда рабочих, их адресов, не имея необходимых сведений об администрации, об экономических условиях жизни рабочих, о политических настроениях в рабочей среде.

Артем в глазах рабочих, по свидетельству Бассалыго, был апостолом рабочего дела. Он и по внешности жил как «птица небесная», не имея ни денег, ни свободной одежды (второй рубашки и пиджака), ни крова. У него не было угла, где бы он мог остаться один и отдохнуть. Он ночевал в нелегальных квартирах, постоянно меняя их, потому что за ним неустанно охотились жандармы и полиция. Преследуемый охранкой, он часто ночью уходил из нелегальных квартир в поле и ночевал под открытым небом. После одной такой бесприютной ночи он явился с простреленным пальто: его ловили казаки. Другой раз, спасаясь от погони, он попал в болото, в камыши и там провел ночь. На рассвете, еле выбравшись из трясины и собрав последние силы, добрался до квартиры товарища. Но со свойственной ему скромностью и деликатностью, не желая беспокоить людей, он, промокший и до смерти уставший, заснул тут же во дворе. Железное здоровье Артема и то не вынесло таких нечеловеческих условий жизни. Он заболел.

Артем лежал на Журавлевке в одной из нелегальных квартир у товарища. Кто-то из соседей сообщил в охранку, что здесь находится опасный революционер. На следующую ночь был назначен обыск и арест Артема. Но большевистская организация имела в охранке своего контрразведчика, и сообщение о предстоящей операции жандармов на Журавлевке было своевременно передано товарищам больного Артема. Было решено немедленно переправить Артема в более надежное место. И вот ночью на руках товарищи переносят больного Артема с Журавлевки на Павловку. Путь этот далекий и небезопасный. Долго ли наскочить на полицейский патруль! Впереди и сзади тех, кто несет Артема, идут разведчики. Все кончается благополучно, но сколько часов или дней сможет пробыть на новом месте Артем? Охранка идет по пятам.

Отъезд из Харькова

Партийный комитет выносит решение о том, чтобы Артем на короткое время покинул Харьков. Этот отъезд должен усыпить бдительность охранки. Отъезд Артема не отразится на партийной работе, ибо большевистская организация Харькова, для создания которой он положил столько сил, окрепла, ее влияние на заводах выросло, появились десятки опытных и преданных делу революции организаторов и пропагандистов. Артему нужно уехать не только по соображениям конспирации, — наступило время, когда руководителю харьковских большевиков остро необходимо вступить в личный контакт с ЦК партии, получить указания о тактике большевиков на решающий период революции.

Охранка, как это и ожидалось, быстро узнала об отъезде Артема. Начальник Харьковского охранного отделения сообщил своему коллеге в Одессу:

«По имеющимся в отделении сведениям нелегальный представитель «Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии» с революционной кличкой «Артем» в последних числах августа текущего года выбыл из г. Харькова, направившись в Одессу. Приметы его: среднего роста, лет 23, шатен, волосы коротки, стрижется ежиком, усы совсем маленькие и редкие, по подбородку и щекам редкая, едва заметная растительность, лицо худощавое, нос большой, носит немецкое кепи с пуговкой наверху, одевается в рубаху, подпоясывается ремнем, подражает рабочему костюму. В Харькове он наблюдался с первой половины мая сего года и по приблизительной установке проживал по паспорту на имя дальского мещанина Егора Сергеевича Суханова, выданному дальским городским старостой Вологодской губернии 18 января сего года за № 10. «Артем» посещал сходки как Федор, вел усиленную агитацию среди рабочих от имени большинства, подготовлял и руководил рабочими забастовками в г. Харькове в июле месяце, работая временно на Паровозостроительном заводе» [15].

Но Артем и не думал ехать в Одессу, в этом отношении информация была не точной. Артем отправился в Тверь, а затем переехал в Петербург. Он встретился с товарищами из Центрального Комитета, участвовал в Октябрьских боях в Петербурге. Не случайно в своем донесении охранители назвали Артема нелегальным представителем ЦК РСДРП в Харькове, им

он, по сути дела, и был.

В эти дни было бурно и в Харькове. Сначала забастовали железнодорожники, потом паровозостроительный, а за ним и все промышленные предприятия города. 10 октября мощная демонстрация победоносно, разгоняя казачьи разъезды и полицейские отряды, прошла по городу. Вечером, когда демонстранты расходились по домам, на рабочих стали нападать казаки. Затрещали выстрелы, рабочие-дружинники сумели отбить первый натиск. Появились первые баррикады. Казаки стреляли без разбора, и было ранено и убито несколько прохожих и праздных зевак.

В следующие дни баррикадные бои продолжались. Рабочие разбили оружейный магазин, запаслись оружием и патронами. В Университетском районе мощные баррикады преградили путь войскам. После переговоров с губернатором и командующим войсками защитники баррикад, сохраняя оружие, покинули свои укрепления, прошли по всему городу как победители.

Но Харьков был объявлен на военном положении.

Возвращение Артема

«…Городовые и казачьи патрули, — писала большевистская газета «Новая жизнь», — все последующие дни нападали на прохожих, особенно по ночам, отбирали деньги и часы и избивали, а если находили оружие, убивали на месте. Им деятельно помогали в этом добровольцы из черной сотни. По городу разбрасывались черносотенные прокламации с призывами к еврейскому погрому, агенты полиции организовывали хулиганов, закупали для городовых штатское платье и раздавали оружие. Настроение в городе напряженное и озлобленное».

Артем в дни харьковских баррикад находился в Петербурге, принимал деятельное участие в петербургской октябрьской всеобщей забастовке.

Более двух миллионов человек приняло участие в октябрьской политической стачке, она вплотную подвела рабочий класс России к вооруженному восстанию.

Артем спешил вернуться в Харьков, но прибыл туда после баррикадных боев и окончания всеобщей политической забастовки. О возвращении Артема стало сейчас же известно полиции. В донесении харьковской охранки своему начальству в Петербург указывалось:

«В Харьковском комитете Российской социал-демократической рабочей партии снова обнаружился знаменитый оратор нелегальный «Артем»… Нелегальный этот по виду рабочий, в действительности интеллигент, живущий без прописки в рабочем районе, и потому ведение наружного за ним наблюдения невозможно… Среднего роста, шатен, лет 20–25, телосложения среднего, в рабочей рубашке, осеннем темно-синем пальто и синем картузе. Он недавно вернулся из Петербурга, куда выбыл из Харькова в начале сентября… Отличаясь необыкновенной способностью убедительно говорить, он пользуется большим расположением рабочих… В Петербурге, по его словам, участвовал в депутации, просившей разрешения хоронить убитых в октябрьских беспорядках. С прибытием в Харьков «Артем» возобновил собрания, из которых состоялось уже два: первое в губернской земской управе, где Артем собрал забастовавшую прислугу больницы Александровской и Сабуровской, а также на заводе Гельферих-Саде.

В последнем собралось более тысячи человек… Говорили речи — Николай Клестов и «Артем». Первый обрисовал свое печальное положение после ареста его 18 февраля, лишившего

его плодотворной работы на социал-демократической ниве, ознаменовавшейся победой пролетариата 17 октября, а второй передал в самых сгущенных красках петербургские события в октябре, призывал к борьбе рабочих и вооружению для всеобщего восстания, которое не должно допустить Государственной думы, но вместо нее объявить демократическую республику. «Артем» призывал рабочих входить в сношения с крестьянами и организовывать их для общей борьбы с правительством. На собрании был объявлен ответ губернатора делегатам от Паровозного завода и Гельферих-Саде с ходатайством о снятии военного положения. Передатчик объяснил, что губернатор делегатов назвал хулиганами и обещал арестовать, если они явятся с таким ходатайством вторично. По адресу губернатора после объявления посыпалась ругань».

Приехал Артем — и охранке нет покоя. Она не в силах организовать за ним «наружное наблюдение», проще говоря, вести систематическую шпионскую, филерскую слежку. Не в силах, ибо филеров и шпиков в заводском районе быстро распознают. Субъектам, которые следят за Артемом, грозит смерть. Многим из них уже никогда не придется выслеживать «знаменитого оратора»: рабочие ревниво защищают своего любимца. Но охранка имеет другие способы шпионажа. Среди рабочих, маскируясь под революционеров, живут провокаторы. Продажная душа, еще не распознанная подпольщиками, ходит где-то рядом, участвует в заседаниях комитетов, выступает на собраниях, клянется в верности рабочему делу, а через два-три часа, воровски озираясь, незаметно вползает с черного хода в здание охранки. Этот шпион-осведомитель и информирует начальство об Артеме. Это он сообщил о его приезде, о первых шагах его революционной работы после возвращения из Петербурга. За первым сообщением провокатора, в котором он отмечал действия Артема среди медицинских работников и рабочих завода Гельферих-Саде, последовало второе. На этот раз речь шла о положении дел в «отдельной республике», в крепости революции, на Паровозостроительном заводе.

«На Паровозостроительном заводе усиленно распространяется слух, что акционерное общество намерено закрыть завод ввиду неудовлетворительного его состояния. Надо сознаться, что действительно за последнее время, когда завод сделался очагом революционных организаций, работы на нем идут отвратительно. Рабочие произвольно и почти ежедневно прекращают работы на 2–3 часа и собираются для слушания речей революционных ораторов, проникающих беспрепятственно под охраной рабочих в завод. Кроме того, ценные пропагандисты

под видом рабочих принимаются на завод, где они, конечно, ничего не работают, ибо не умеют, но зато успешно агитируют на заводе. Таким был на заводе одно время нелегальный «Артем». Администрация завода и местный полицейский надзиратель это хорошо знают, но умалчивают из страха…»

«Экипаж» доктора Якоби

17 октября самодержавие разразилось манифестом, в котором народу было дано много лживых обещаний: свободы слова, собраний, организаций обществ и союзов, неприкосновенности личности. В манифесте царя объявлялось о создании «российского парламента» — Государственной думы с правом издавать законы. Ленин оценивал появление манифеста как показатель невозможности царизма управлять страной прежними методами. Но цена этой бумажки, по мнению Ленина, была невелика. Вот ее действительная стоимость:

«Личность объявлена неприкосновенной. Но те, кто самодержавию не угоден, остаются в тюрьмах, в ссылке, в изгнании. Собрания объявлены свободными. Но университеты, создавшие на Руси впервые свободу собраний на деле, закрыты, и вход в них охраняется полицией и войском. Печать свободна, — и поэтому орган рабочих интересов, газета «Новая Жизнь», конфискуется за напечатание социал-демократической программы. Место черносотенских министров заняли министры, провозгласившие правовой порядок. Но черносотенцы «работают» еще сильнее при помощи полиции и войска на улице, и неугодных царизму граждан свободной России свободно и безнаказанно расстреливают, избивают, калечат» [16].

Артем в своих бесчисленных выступлениях на фабриках и заводах раскрывал рабочим смысл событий, связанных с появлением манифеста.

Особенно часто бывал Артем на Сабуровой даче. Здесь находились основные места хранения оружия, здесь собирается Харьковский комитет РСДРП большевиков. Все большее число работников больницы входит в ряды революционеров. Не только санитары и медицинские сестры примыкают к движению, но даже врачи. Ординатор Тутышкин однажды вбегает в отделение и с искренней радостью сообщает своим помощницам-фельдшерицам (обе они члены партии большевиков) о манифесте, поздравляет со свободою. Девушки благодарят доктора за поздравления, но заявляют ему, что тогда наступит истинная свобода, когда царю Николаю II Кровавому будет снята голова. Девушки эти идейные ученицы и соратницы Артема. Это они помогли Артему закрепиться на Сабурке. Но не все выглядит так благополучно, как это кажется на первый взгляд. Главный врач больницы доктор Якоби не хочет больше терпеть засилья революционеров в подчиненном ему медицинском заведении. «Ведь до какой

наглости дошли эти смутьяны: чуть ли не ежедневно открыто собираются в конференц-зале больницы! Слыхано ли это…» И Якоби договаривается с губернской земской управой, в ведении которой находится Сабурка, о плане увольнения из больницы политически неблагонадежных работников. Поздно взялся за это дело Якоби: ему предстоит остаться без доброй половины медицинского персонала. Но Якоби не таков, чтобы отступать от принятого решения. По постановлению губернской земской управы уже уволена из больницы Мария Львовна, присланная на Сабурку по решению городского комитета партии. Дашу Базлову Якоби хотел перевести из лечебного отделения заведующей в прачечную, чтобы отделить ее от революционно настроенных служащих лечебных корпусов. Доктор Тутышкин, ординатор отделения, в котором работала Базлова, отстоял ее от нападок главного врача.

Чашу терпения переполнил приказ Якоби — уволить одного из лучших работников Сабуровой дачи, члена партии, проработавшего в больнице пять лет. Артем, к этому времени снова зачисленный в штат больницы «слесарем по ремонту водосточных труб» и ставший во главе коллектива революционно настроенных служащих Сабурки, созвал экстренное собрание. Решением собрания была объявлена общая забастовка.

В больницу прибыл попечитель от земства Задонский. Он выслушал требования служащих и обещал отменить решение главного врача о незаконно уволенных. Попечитель также обещал удовлетворить просьбу служащих о повышении заработной платы. На беседе с попечителем, естественно, присутствовал главный врач Якоби. Этот распоясавшийся самодур раскричался до хрипоты, он угрожал увольнением всем смутьянам. Якоби уже успел побывать на приеме у губернатора, и тот обещал помочь в наведении порядка в больнице. В случае забастовки будут присланы солдаты из военного госпиталя и сестры из Красного Креста.

Содержание беседы представителей коллектива служащих с попечителем и главным врачом было изложено на общем собрании всех сотрудников больницы. Артем предложил собранию удалить Якоби из больницы, избрать больничную комиссию и передать ей все управление больничными делами. Здесь же на собрании была избрана больничная комиссия, в нее вошли доктор Тутышкин, Даша Базлова, Степан Россохацкий, Артем и другие. Собрание поручило трем членам больничной комиссии без промедления сообщить Якоби, что его отстраняют от службы.

Делегаты, посланные к Якоби, нашли его вместе с Задонским

на кухне. Шла раздача обеда. Главному доктору здесь же в присутствии поварихи, рабочих и служащих, получающих пищу, было объявлено об его увольнении от обязанностей руководителя больницы. Якоби онемел от неожиданности, но это продолжалось недолго. Придя в себя, бывший главный доктор заорал на делегацию:

— Уходите вон, я никаких делегатов не признаю! Я сейчас же снесусь с полицией, и вы все будете арестованы.

Артем вышел к Якоби и спокойно сказал:

— Руки у вас коротки арестовать нас всех. Народ не посадишь за решетку. За неподчинение воле общего собрания рабочих и служащих больницы мы будем вынуждены удалить вас отсюда силой.

Толпа служащих окружила кухню. Оттуда доносились крики разъяренного Якоби. Артем, обращаясь к служащим, весело сказал:

— Товарищи, расступитесь, дайте дорогу доктору.

Толпа расступилась, образовав проход для Якоби, но тот и не думал никуда уходить. Артем еще раз обратился к товарищам:

— Бывший главный доктор не желает уходить. Наш долг помочь ему сдвинуться с места.

Кто-то из толпы крикнул:

— Раз не хочет добром уходить, вывезем его на тачке.

Откуда-то появилась тачка, в которой на кухню подвозили мясо. Двое санитаров взяли Якоби под руки и положили в тачку. Кочегар Мокей Рябуха повез Якоби. Покатился «экипаж» позора по больничному двору. Вид у главного доктора был страшный: глаза выпученные, рот раскрытый, костюм в грязи. Одни кричали: «Вези его за ворота!», другие: «Хватит с него».

Послышался голос Артема:

— Товарищи, оставьте его!

Тачка остановилась. Попечитель Задонский бежал до начала этой истории. Якоби после прогулки в танке повели на его квартиру. Здесь же, во дворе больницы, был избран новый главный врач — Петр Робертович Ферхмин. Якоби было предложено к вечеру покинуть больницу.

Всю ночь совещались члены партии, обсуждали, каким образом вести работу в больнице, где находилось около двух тысяч больных. Были организованы комиссии: хозяйственная, административная и ревизионная. Все нововведения в управлении огромной больницей необходимо было легализовать, утвердить решением губернской земской управы.

На заседание губернской управы направилась делегация во главе с Артемом. В делегацию входили врачи Тутышкин,

Рутковские и другие.

Переход административной власти на Сабуровой даче в руки избранных служащими комиссий был не единичным явлением среди медицинских учреждений Харькова; аналогичные события произошли в Александррвской и Николаевской больницах. Губернская управа была растеряна и не знала, что предпринять в связи с переходом управления больницами в руки выборных органов. Подумали, посудили и решили за благо утвердить полномочия больничной комиссии, о чем выдали официальную бумагу. Председатель губернской управы Старосельский сказал делегатам Сабурки, что он очень рад удалению Якоби, что этот человек своей грубостью надоел и в земстве.

Миссия Артема в губернской управе, таким образом, завершилась успешно. Заседание окончилось, делегация Сабуровой дачи собиралась домой. В этот момент Артему сообщили о надвигающейся лично для него опасности. У выхода из управы дежурят полицейские, которым дан приказ арестовать нелегального Артема. Повторился трюк с переодеванием. Сын одного из земских деятелей подпоручик Десятов, сочувствующий большевикам, отдал Артему свою одежду.

Артем вторично превратился в офицера и благополучно прошел через полицейский кордон.

На Сабуровой даче происходили «чудеса». С удалением Якоби дела пошли не хуже, а лучше. Больных кормили значительно сытнее, уход за ними стал внимательнее, повсюду на территории больницы слышалось слово «товарищ».

Федеративный совет

Недолго продолжалось затишье на харьковских заводах. В ноябре забастовки рабочих начались вновь. Артем выступал на многих митингах рабочих, призывал их бороться за образование Временного революционного правительства.

В бурные дни всероссийской политической стачки впервые в истории родилась новая форма власти восставшего народа — Советы рабочих депутатов. Владимир Ильич Ленин горячо приветствовал Советы — эти органы вооруженного восстания пролетариата, зародыши революционного правительства.

Меньшевики совсем по-иному отнеслись к Советам; они видели в них лишь органы местного самоуправления, отрицая за ними значение революционного правительства и организатора восстания. Меньшевики по-прежнему ничего не хотели слышать о вооруженном восстании, они отрицали его необходимость, не понимали значения Временного революционного правительства. Меньшевики боялись оттолкнуть от себя буржуазию, которой они предназначали первостепенную роль в буржуазно-демократической революции. Отвергая ленинские взгляды на руководящую роль пролетариата в революции, они шли на соглашение с либеральной буржуазией.

В Харькове, как и по всей стране, развернулась напряженная борьба между большевиками и меньшевиками по одному из серьезнейших вопросов революции — организации Советов рабочих депутатов. Меньшевики были против образования в Харькове Совета рабочих депутатов; вместо этой формы руководства революционным движением они предложили организовать Федеративный совет комитетов РСДРП (большевистского и меньшевистского). Меньшевики надеялись, что, пользуясь своим влиянием в Федеративном совете, они смогут сорвать вооруженное восстание харьковского пролетариата.

Случилось так, что проект меньшевиков был осуществлен, и в Харькове накануне декабрьского восстания не был образован Совет рабочих депутатов, как это было сделано в других крупных городах России. Место Совета рабочих депутатов занял Федеративный совет комитетов РСДРП, в который вошло по три представителя от большевиков и меньшевиков. Артему не оставалось ничего другого, как повести решительную борьбу за то, чтобы влияние меньшевиков в Федеративном совете было незначительным, чтобы Федеративный совет сыграл свою роль в

надвигающихся событиях.

И Федеративный совет благодаря большевикам с каждым днем приобретает все большее значение революционного штаба в Харькове. Директор департамента полиции, характеризуя положение в Харькове, обращает особое внимание на деятельность Федеративного совета:

«18 ноября во время заседания городской думы в помещение думы вошла группа революционеров и, прекратив заседание, предъявила требование: или немедленно перейти на сторону Федеративного совета и действовать против правительства, или же выйти в полном составе в отставку и передать власть «Совету». После крупных пререканий с революционерами члены думы должны были разойтись.

Федеративный совет поставил своей целью объединение всех революционных организаций. Среди рабочих масс Федеративный совет пользовался настолько большим влиянием, что рабочие его называли не иначе, как своим «правительством»…»

Вопреки желаниям меньшевиков Артем и его товарищи старались придать Федеративному совету функции Совета рабочих депутатов. Они потребовали от городской думы отказа от власти в городе.

В записке департамента полиции о революционном движении в Харьковской губернии есть еще одно важное свидетельство роли Федеративного совета в ноябрьские дни:

«13 ноября рабочие электрической городской станции прекратили работу по освещению частных и казенных помещений. Командированному генерал-губернатором адъютанту с целью узнать о причинах забастовки рабочие ответили, что сделали это по распоряжению своего «правительства», из «канцелярии» которого ими был получен письменный приказ прекратить освещение в домах, так как им пользуются только богачи и царские слуги, улицы же освещать в интересах пролетариата. Установить местонахождение упомянутой «канцелярии Федеративного совета» не удавалось вследствие того, что она постоянно переносилась из одного дома в другой и в то же время тщательно охранялась созданной революционерами собственной милицией, которая была вооружена револьверами, пиками, топорами и другим оружием».

Кто же хозяин в Харькове? Губернатор шлет своего адъютанта в Федеративный совет с просьбой включить электроосвещение. Рабочие электростанции не признают власти губернатора, они подчиняются лишь своему «правительству». В городе фактически двоевластие. Наперекор воле меньшевиков Артем придает Федеративному совету функции революционного правительства.

Артем идет к солдатам

Особое внимание Артема и большевиков города привлекала работа в воинских частях Харьковского гарнизона. Жизнь показала, что без присоединения к революционному движению солдатских масс трудно ожидать успешного исхода вооруженного восстания. Артем проникает в расположения воинских подразделений и ведет беседы с солдатами. Соратники Артема также направляют свои усилия на работу в войсках. Работа опасная, но очень важная для дела революции. Солдаты не слепы, они видят, что делается в Харькове и по всей стране, они внимательно слушают Артема и все больше проникаются сознанием долга перед народом. Они требуют улучшения своего положения. Мобилизованные во время войны настаивают на отпуске домой. У Артема созревает решение об организации общегородского выступления солдат и рабочих дружин. Это выступление произойдет во время всеобщей забастовки рабочих. В результате такой вооруженной демонстрации, еще никогда не бывавшей в Харькове, может возникнуть такая ситуация, что власть в городе перейдет в руки пролетариата. И так уже власть губернатора в городе уменьшается с каждым днем. А в войсках брожение — первые плоды успешной агитации большевиков. Этого не может не признать и директор департамента полиции:

«…Начались волнения в частях гарнизона. Утром один батальон Богодуховского пехотного полка с оружием и музыкой, без офицеров, направился в казармы Лебединского полк, где предъявил начальству ряд требований экономического и служебного характера. После объяснений с командиром Богодуховского полка пришедшие успокоились и были отведены командиром в казармы». Это факт неслыханный в гарнизоне. Солдаты выходят из казарм без офицеров, с оружием в руках, приходят к своему командиру и добиваются удовлетворения своих солдатских нужд. В другие времена они бы этого сделать не посмели, а если бы и пошли на такой шаг, то многим бы пришлось предстать перед военным судом и пойти в тюрьмы и на каторгу.

В Севастополе на кораблях Черноморского флота вспыхнуло восстание. Сведения об этом восстании, руководимым лейтенантом Шмидтом, приходят в Харьков и заставляют Артема ускорить проведение уже намеченной вооруженной демонстрации рабочих и солдат. Демонстрация была назначена на 23 ноября. Накануне выступления, ночью 22 ноября, Артем провел на

Сабуровой даче совещание с представителями воинских частей. Был создан особый солдатский комитет для связи с солдатской массой. Представители воинских частей говорили о готовности своих товарищей к демонстрации. Полки Старобельский, Лебединский, Богодуховский и часть Луцкого обещали участвовать в демонстрации. Тамбовский и Воронежский полки гарантировали сочувственное отношение к предполагаемому выступлению. Рабочие заводов Гельферих-Саде и паровозного, а также боевые дружины харьковских большевиков были также готовы.

23 ноября с рассветом по сигналу солдаты Старобельского полка вышли на свой плац. Фельдфебель Одишария скомандовал: «Разбирай ружья и запасайся патронами!»

Стояла утренняя тишина, в предрассветной мгле как тени бегали солдаты. Но вдруг все ожило, над городом раздались тревожные гудки харьковских заводов-гигантов: басовитый паровозный и повыше голосом Гельферих-Саде.

— Проснулись заводы, вместе нам будет веселее, — говорили друг другу солдаты, выстраиваясь в колонну.

Откуда ни возьмись перед солдатами вынырнул полковник Гоштофт; он умолял солдат вернуться в казармы, не коверкать жизнь себе и ему, командиру полка. Никто из солдат не прислушивался к голосу полковника. Зато команды, подаваемые фельдфебелем Одишария, слышали все. Полк вышел на улицы Харькова. С оркестром впереди, под звуки «Марсельезы» старобельцы двинулись к Конной площади. Там была назначена встреча с другими воинскими частями и рабочими. По пути к Конной площади к старобельцам пристроился Лебединский полк. Здесь также был оркестр.

На площади солдат восторженно встречали рабочие заводов. Алые стяги развевались над демонстрантами. Во главе паровозостроителей стоял Артем. Он был одет в кожаные куртку и фуражку. На правом боку в деревянной кобуре висел маузер. На лице Артема была счастливая улыбка, глаза с восторгом смотрели на приближающиеся колонны войск. Вот она, сбывается старая мечта революционеров: солдаты идут с рабочими, и вместе они выступят против самодержавия. «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье!» — вспомнились почему-то строки из пушкинского послания декабристам. Но хватит предаваться мечтам и радоваться сделанному. Впереди борьба тяжелая и длительная.

Паровозники поднимают над своими головами Артема.

Огромная площадь заполнена людьми — солдатами и рабочими. Артем начинает одну из своих пламенных речей.

Далеко вокруг слышен его звучный взволнованный голос:

— Товарищи солдаты и рабочие! В эти дни, когда царизм уже празднует свою победу над восставшими военными моряками в Севастополе, новые и новые тысячи вооруженных сыновей родины идут навстречу революции. Рабочие дружины радостно приветствуют вас, своих братьев в солдатских шинелях. Близится час расплаты с вековыми угнетателями, вся необъятная Россия поднимается против самодержавия. Колеблется трон Николая Вешателя. Народу, взявшему в руки оружие, ничего не страшно. Наш путь — вооруженное восстание. Сегодня же мы продемонстрируем нашим врагам несокрушимое единство народа и армии. Пусть дрожат палачи при виде нашей силы. Да здравствует вооруженное восстание! Долой самодержавие, долой палачей народа! Да здравствует революция!

Площадь гремит возгласами «ура!». Тысячи людей повторяют за Артемом: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!»

Солдаты строятся в походные колонны, рабочие также выстраиваются для марша. Под музыку военных оркестров демонстрация приходит в движение. По Молочной улице демонстранты вышли на Москалевку, дальше через Газовый мост, через Конторскую улицу к Екатеринославской, одной из главных улиц Харькова. По пути следования демонстрантов к ним присоединяются солдаты других полков. Уже многие десятки тысяч людей участвуют в этой грандиозной демонстрации.

На остановках Артем произносит короткие речи-призывы. Он задает демонстрантам вопрос: «Все ли готовы к борьбе с еще сильными защитниками царизма? В любую минуту может возникнуть необходимость вступить в бой с казаками и гренадерами». Ответ Артему единодушный: «К бою готовы, пусть только нас тронут, встретим врагов трудового люда пулями, штыками, бомбами!»

Около 12 часов дня вооруженная демонстрация солдат и рабочих вышла на Екатеринославскую улицу. Впереди солдаты Лебединского, Старобельокого, Богодуховского полков. Идут правильным походным строем, с ружьями на плече, с поблескивающими на солнце штыками. За воинскими частями следует бесконечная колонна рабочих дружин и манифестантов. Впереди заводских колонн идет Артем.

Богодуховцы, старобельцы, лебединцы шли по Екатеринославской улице к центру города. Черносотенная газета «Южный край» окрестила их потом «малодушными», назвала «беснующимися», но даже буржуазно-либеральный орган «Мир» вынужден был признать:

«Малодушные»… «Беснующиеся»… Назовите, как хотите,

поступок солдат, примкнувших к манифестации рабочих, но не говорите про малодушие. Люди, которые под звуки музыки шли умирать, шли на расставленные вами в городе пулеметы и пушки, — это не малодушные люди…»

Голова демонстрации перешла через мост на речке Лопань, повернула направо и, идя вдоль Университетской горки, приблизилась к Павловской площади. Вход на Павловскую площадь был закрыт пулеметными гнездами. Позади изготовившихся к ведению огня пулеметчиков на площади стояли правительственные войска: Луцкий полк, казаки, драгуны, только что прибывший в Харьков Охотский полк, какой-то батальон с белыми погонами, офицеры участвующих в демонстрации полков.

Движение демонстрации замедлилось, а потом приостановилось. Оставалось 200 метров до пулеметов. Артем и его помощники вышли вперед. Нужно было, не мешкая, что-то предпринять. Не идти вперед было нельзя, не для того собрались десятки тысяч людей, чтобы отступить перед насилием. Идти на пулеметы — прольется большая кровь, ряды демонстрантов могут дрогнуть, и хорошо начатое дело позорно сорвется.

Пока эти мысли быстро возникали в голове Артема, обстановка изменилась. Саша Рыжий, разудалая головушка, во главе десятка ближайших друзей Артема, прозванных «гарибальдийцами», приблизился к пулеметчикам. Фуражка набекрень, во рту цигарка, вид молодецкий — море по колено, — подошел к пулеметчикам и говорит:

— Товарищи, неужели вы будете стрелять в народ и своих братьев солдат? Разве вы боитесь своего пузатого офицера?

Саша Рыжий указал пальцем на стоявшего здесь же офицерика. Тот, ухмыляясь, ответил за своих солдат, похлопывая по кобуре, где лежал револьвер:

— Солдаты боятся не меня, а моего револьвера!

Саша Рыжий мгновенно выхватил из кармана револьвер и, наведя его на офицера, сказал:

— И у нас есть такое!

Офицер побледнел, но ответил, показывая на пулеметы:

— А это вот?

Саша Рыжий понимал, что от исхода этого внешне безобидного и немного дурашливого разговора зависит многое, распалился и закричал:

— Товарищи солдаты, вы окружены бомбистами и как только дотронетесь до пулеметов, взорветесь вместе с ними!

Пулеметчики окаменели, они видели молодых бесшабашных рабочих парней, державших руки в карманах и папироски — в зубах. Долго ли этим ребятам приставить огонек папиросы к

бомбе, с этими ребятами шутки плохи. И послышался чей-то возглас: «Пропустите их». Артем зорко наблюдал за действиями своих боевиков. Воспользовавшись переговорами, он приблизил голову демонстрации к пулеметчикам, и не успел офицер сообразить, что происходит, как пулеметы были сбиты ногами бросившихся вперед дружинников. Рабочие обнимали пулеметчиков, целовали их. Демонстрация вошла на Павловскую площадь.

Артем обратился к своим «гарибальдийцам»: «Товарищи, пулеметы остались без охраны, вернемся и заберем их». Когда дружинники возвратились к месту, где стояли пулеметы, пулеметные команды уже пришли в себя. Офицер был на своем посту, и солдаты подчинялись его приказам. Овладеть пулеметами дружинникам не удалось.

Павловская площадь. Два вооруженных лагеря расположились друг против друга. На тротуарах стоит стена народа. Чем же закончатся эти события? К солдатам-демонстрантам подскочил генерал Нечаев. Он крайне взволнован и, заикаясь, спрашивает солдат:

— Братцы, что вам нужно? Возвращайтесь в казармы, не губите себя!

К генералу подошел Артем и сказал:

— Солдаты и рабочие требуют созыва Учредительного собрания, увольнения в запас задержанных в связи с войной солдат, срок службы которых окончился. Мы требуем пропустить нас и дать нам беспрепятственно закончить нашу демонстрацию.

Генерал не желает разговаривать не с военным. Он пытается пройти в глубь боевых порядков солдат-демонстрантов, но натыкается на выставленные вперед штыки. Тогда генерал круто поворачивается и уходит. Убрался генерал несолоно хлебавши, но приходят делегаты правительственных войск. Артем взобрался на будку трамвайной остановки и обращается к своим и «чужим» солдатам:

— Товарищи солдаты! Вся трудовая Россия поднимается на угнетателей народа. Вы видели, как вашего генерала трясло словно в лихорадке, когда он обращался к солдатам. Так же трясет сейчас при виде восставшего народа царское правительство. Царизм заживо гниет, распространяя вокруг ядовитую заразу разложения. Царизм еще держится лишь темнотою войск. Когда солдаты поймут, что их интересы и надежды народа неразрывны, царизм падет. Восторжествует революция. Не стойте же на пути революции, поворачивайте ружья против угнетателей народа!

Слова Артема доходят до сердец солдат, противостоящих

демонстрантам. Они расступаются, дают дорогу демонстрантам. Артема несут высоко на руках, он продолжает обращаться с революционными призывами к войскам. Демонстрация проходит Павловскую площадь, поворачивает на Николаевскую, а затем по Московской улице следует к мосту через реку Харьков. Ликующие массы народа приветствуют солдат и рабочих.

У моста через Харьков последний митинг. Артем прощается с солдатами, благодарит их за солидарность с трудовым, рабочим Харьковом, призывает быть готовыми оказать помощь рабочим, когда придет час восстания. В полном порядке полки расходится по своим казармам. Вооруженная демонстрация закончена. Она завершилась победой над слугами царского правительства. Ничто не могло помешать вооруженному народу пройти по улицам родного города. Стали крепче связи большевиков с солдатской массой. Теперь, после уроков революционной борьбы, которые пройдены пролетариями Харькова и всей России, — прямой путь к вооруженному восстанию.

Накануне восстания

Катакомбы Сабуровой дачи — подземные галереи — протянулись от котельной ко всем корпусам больничного городка. Шириною в один метр, высотою в полтора метра, они образовали причудливый лабиринт, в котором дорогу мог найти только человек, хорошо изучивший расположение этих тоннелей. В катакомбах имелись 22 камеры, в которых можно было сохранять любое количество оружия. В этих подземных комнатах в первых числах декабря 1905 года вел лихорадочную подготовку к восстанию штаб, возглавляемый Артемом. Были получены точные сведения, что восстания готовятся в Москве и в Петербурге.

В камерах катакомб был накоплен и надежно укрыт от посторонних глаз запас оружия. Оружие хранилось и в других местах города, главным образом в заводском районе. Так, в одном из складов на Решетниковской улице, № 12, у Федора Корнеева во дворе, были спрятаны десятки винтовок, берданки, 50 револьверов разного калибра и систем, бомбы различных образцов. Круглые, прозванные «эсеровскими», свинчивались из двух половинок. На заводах была налажена их отливка и расточка. Затем были бомбы «большевистские», в виде жестянок с паяным коробком; они действовали безотказно. Дима Бассалыго умудрился достать где-то и принести на этот склад два ящика так называемых «немецких» кислотных бомб. Имелись здесь бомбы под названием «американские», в желтой картонной коробке с красным кругом, засыпанные песком; при них инструкция, как нужно пользоваться ими.

Накануне дня вооруженного выступления в катакомбах собрался штаб восстания. Пришли делегаты от Лебединского и Тамбовского полков, от Змиевских и Москалевских казарм. Среди посланцев от воинских подразделений, как это потом выяснилось, оказался шпион-юнкер, который, вернувшись ночью из штаба восстания, сообщил старшему офицеру, а тот, в свою очередь, коменданту города данные о начале восстания в воинских частях. Таким образом, у военного командования оказались в распоряжении несколько часов, необходимых для разоружения революционно настроенных солдат и для ареста организаторов предполагаемого выступления военнослужащих.

Об этом предательстве ни Артем, ни его товарищи по руководству восстанием в ночь накануне восстания ничего не знали.

Центром восстания был избран завод Гельферих-Саде. Этому заводу Артем в последнее время уделял не меньше внимания, чем паровозостроительному. Первые двенадцать дней декабря вплоть до вооруженного восстания на Гельферих-Саде полыхала забастовка. Руководил ею Артем. На митинге в малярном цехе была избрана делегация для переговоров с владельцем завода господином Блэком. Артем и делегаты пришли к Блэку и предъявили ему требования рабочих. Блэк заявил делегации, что в ее составе он видит посторонних заводу людей, а поэтому вести переговоры не хочет. Пусть рабочие завода без пришлых зайдут к нему в контору. Артем отвечал Блэку, что тот, кто хочет накормить детей рабочих досыта, тот, кто свою жизнь отдает делу рабочих, никогда для рабочего человека не будет посторонним.

— Хотите, чтобы завод работал, — выполните наши требования, не хотите — забастовка будет продолжаться…

В Москве восстание уже началось.

В ночь перед вооруженным восстанием в Харькове в городском драматическом театре шла новая пьеса Е. Н. Чирикова «Евреи».

Через сотников и десятников дружинникам было отдано распоряжение собраться в театре. Ближайшей целью такого приказа было предупреждение погрома, который черносотенцы хотели устроить в театре и сорвать спектакль. Другая, более важная цель — театр был удобен в качестве сборного пункта дружинников. После спектакля «зрители» по Мещанской, Московской и Старомосковской улицам должны были идти на Гельферих-Саде.

Перед последним актом выступил директор театра: он говорил о значении пьесы Чирикова и особенно ее последнего акта. Он закончил свое выступление выражением надежды на то, что придут новые времена и положат конец этому позорному явлению — еврейским погромам в России. В семье народов великой страны не будет тогда униженных и оскорбленных.

Пьеса окончена. Свет погашен. В зале могильная тишина. И вдруг откуда-то сверху слышится голос: «Товарищи! Мы объявляем войну царским палачам, угнетателям народов. Близок час расплаты!» Вниз с балкона летят прокламации с призывом к вооруженному восстанию.

В зале зажигается свет. В руках зрителей листовка, в ней написано:

«12 декабря 1905 года. Российская социал-демократическая рабочая партия.

Ко всем гражданам

Революция пришла. Великая, могучая. С треском и шумом рушится старое, мерзкое. Еще пытаются жалкие потомки выродившегося дворянства предотвратить свою гибель. Напрасные попытки! Пролетариат принимает наглый вызов господ Витте—Дурново[17]. Во главе революционной армии и революционного крестьянства он наносит последние удары издыхающему чудовищу. Вооруженным восстанием он сметет до основания кровавую деспотию. И, победив, вооруженный, он станет на страже интересов дорогой и несчастной родины.

«Беспокойный», он не успокоится, пока монархию «божьей волею» не заменит республика «волею народа».

«Беспокойный», он не успокоится, пока не вверит защиту народных интересов действительным представителям народа.

Граждане! Настал час последней битвы. Теперь преступна пассивность, преступен индифферентизм.

Жалкий самодержец годами издевался над вами. Пусть же из грудей ваших вырвется честный, достойный ответ ему. Гордыми словами молодого Пушкина обязано ответить все общество наглому уродцу:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу…

С царем или с народом, так ставит история вопрос. Выбирайте же. Выбирайте сейчас же, немедля. И если у вас хватит честности и мужества стать на сторону народа, спешите, чем можете, помочь ему. Еще раз: спешите, ибо битва в разгаре. И чем энергичнее, чем самоотверженнее будет ваше участие, тем скорее победит народ, тем легче будет пролетариату разрешить ближайшую задачу: создать свободную Россию, в которой шире и величественнее будет борьба неимущих за светлые идеалы социализма, за прогресс, за культуру, за человечество. Спешите!

Федеративный совет харьковских комитетов РСДРП»

Писал эту листовку Артем. Вышедшие из театра дружинники видели ее уже расклеенной на столбах, стенах, театральных тумбах.

Шли часы этой последней перед восстанием ночи. В квартире

доктора Тутышкина, где жили в эти дни Артем, Авилов и другие члены комитета, уже не говорили о том, что должно произойти через несколько часов. Спать некогда, скоро Артем, Авилов с товарищами уйдут на Гельферих-Саде. Настроение было какое-то торжественно-праздничное. Этого завтра, вернее — уже сегодня, Артем и его друзья ждали годы. Сколько труда было затрачено, сколько душевного огня было отдано, чтобы это завтра наступило! Каждый своим сердцем ощущал величие теперь уже близкого будущего.

Авилов тихо сказал:

— Ну, товарищи, завтра я буду уже не Пал Палычем, а Борисом Васильевичем Авиловым. А тебя, Артем, мы сможем назвать Федором Андреевичем Сергеевым.

И не нужно было объяснять всем слушавшим Авилова, что значат для революционера его слова. Для революционера, который живет и действует годами в подполье, остерегаясь неверного шага и не имея права назвать себя своим настоящим именем. Неужели завтра наступит такой день, когда революционеры выйдут из подполья и в открытом бою с царизмом либо победят, либо?..

Днем хозяйка квартиры, жена доктора Тутышкина, спросила Артема:

— Скажите, дорогой Артем, а что будет, если мы не захватим власть?

Артем был задумчив, он ответил, по своему обыкновению, не шуткой, а очень серьезно:

— Победим ли мы завтра, или не победим, но выступать мы должны. Даже наше поражение пойдет в итоге нам на пользу. Научимся лучше драться. За одного битого двух небитых дают. Придет время, мы снова пойдем в бой. В конечной победе нашего святого дела не сомневаюсь.

Дружинники, вышедшие из театра, ночным городом спешили на Гельферих-Саде. Другим товарищам было поручено нарушить телефонную связь, подготовиться к занятию канцелярии губернатора, телеграфа, банка и ждать сигнала для решительных действий. В казармах воинских частей также все должно было быть готово к выступлению.

Товарищ В. И. Кожемякин рассказывал, как рабочие-дружинники после ночного марша по Харькову вместе с Артемом проникли на завод Гельферих-Саде. Уже было 2 часа ночи.

— Подошли мы к проходной и на вопрос сторожа — здоровый такой был детина — «Кто идет?» ответили: «Экстренная телеграмма, прошу принять и расписаться».

Группа дружинников отошла в сторону, чтобы своим видом

не испугать сторожа. Открылась дверь, двое дружинников ворвались в проходную и оттеснили сторожа, второй сторож бросился к телефону и попытался позвонить, но связи не было. Все дружинники проникли на завод и расставили в условленных местах свои караулы.

Неравный бой

С каждым часом, называя пароль, на завод прибывало все больше и больше вооруженных людей. Пришли боевики, обвешанные бомбами, санитарки с Сабуровой дачи во главе с Дашей Базловой. Развертывался перевязочный пункт. Устанавливались огневые точки для прицельной стрельбы из винтовок и для метания бомб. Все шло по заранее намеченному плану, кроме одного, и, пожалуй, самого важного: на завод еще не прибыли солдаты революционных полков. Это начинало беспокоить. Артем, Авилов, Палчевский, Бассалыго посоветовались с товарищами и решили послать связных в воинские части, в казармы, чтобы на месте выяснить причины задержки.

Что же увидели связные, посланные в воинские части, на помощь которых рассчитывали восставшие рабочие? Одним из связных был Саша Садевский. Он пришел в Святодуховские казармы, где размещался Лебединский резервный батальон. Здесь все было как будто бы в порядке, солдаты одетые лежали на койках, ружья стояли в пирамидах. В Воронежском батальоне внешне все шло тоже хорошо: арестовали офицеров, патрули из революционных солдат охраняли расположение части, командный состав был революционный. Эти батальоны по плану восстания поднимались не первыми. Начинать восстание в гарнизоне должны были Московские казармы.

— Но там я нашел ужасную картину, — рассказывал по возвращении на завод Саша Садевский. — Вместо того чтобы, как и в других частях, у ворот стояли наши дневальные, я увидел у ворот группу офицеров, затем какую-то подводу и ни одного боевика. Я туда не зашел, пробрался со стороны Ващенковской улицы, нашел там двух боевиков. Заглянул через забор на казарменный плац. Стоит у стены казармы толпа разоруженных солдат, человек двести пятьдесят — триста. Их охраняют караульные с винтовками. На плацу множество вооруженных полицейских и офицеров. Видны попы. На подводах лежат водка и пряники. Сотками раздают водку обезоруженным солдатам. В других казармах, где стояли революционные или колеблющиеся войска, та же картина: солдаты обезоружены и заперты в своих помещениях.

Штабом восстания принято решение отправить Артема к паровозникам, чтобы в случае необходимости ударить по осаждающим завод войскам с тыла боевой дружиной Паровозного

завода.

В пятом часу утра около завода Гельферих-Саде стали появляться отдельные казаки-разведчики. Одного из них поймали, привели в столовую завода, где находились руководители восстания. Начался допрос, выяснилось, что выступление солдат провалено окончательно.

Правительственные войска окружают завод — пехота, казаки, артиллерия. Жерла пушек наводятся на заводские ворота и здания. На Конной площади, что прилегает к заводу, устанавливаются пулеметы. Все улицы и переулки на подходах к заводу блокированы полицией и пехотой.

Правительственные войска готовятся к штурму завода так, будто бы он представляет собой первоклассную крепость.

К воротам завода подходит офицер с белым платком. Он передает штабу восставших ультиматум военного командования: полная капитуляция без всяких условий. На размышления дается 30 минут. Если осажденные не сдадутся, они будут уничтожены орудийным огнем.

Телефонная линия на Паровозостроительный завод еще действует. К аппарату вызывают Артема. Ему докладывают о положении на Гельферих-Саде. Артем просит товарищей держаться до прихода на помощь паровозников: «Мы идем к вам на выручку!»

Над Харьковом трубит тревожный гудок Паровозостроительного завода. «Отец трубит, отец зовет», — надо всем бросать работу и идти на зов паровозного…

Два митинга происходят в одно и то же время. Первый на Паровозостроительном заводе. Артем призывает рабочих немедленно идти на помощь осажденным на Гельферих-Саде. Меньшевик-провокатор Сигаев, а за ним эсер Забелин бьются в истерике: «Вас ведут на пролитие крови, куда вы идете?» Артем называет этих ораторов предателями и предлагает кончать разговоры:

— Революционеры, за мной, а прочие могут отправляться домой… — Три тысячи рабочих, предводительствуемые боевой дружиной во главе с Артемом, строятся в колонну. Развернуты красные знамена. У дружинников в руках винтовки, револьверы, бомбы; остальные берут, что попадет под руку: железные прутья, полосы, гайки, большие гаечные ключи и другое заводское «оружие»…

На Гельферих-Саде также митинг: как быть с ответом на ультиматум военного командования? Настроение у осажденных подавленное. Нашлись слабые души, которые предложили сдаться на милость победителей. Несколько десятков человек, в

большинстве студенты-меньшевики, вышли из ворот завода с белым флажком. Их тут же арестовали. Дружинники и рабочие расходятся из столовой завода по боевому расписанию. Ответа на ультиматум не будет.

С крыши дома заводской администрации революционеры обращаются к солдатам, окружившим завод, с призывом не быть братоубийцами. Но слишком много на площади офицеров, казаков, жандармов. Выпитая с благословения начальства водка также притупляет слух солдат, они не отвечают на призывы рабочих.

Из воспоминаний адъютанта харьковского генерал-губернатора видно, какие большие усилия были предприняты командованием, чтобы солдаты не перешли на сторону рабочих. Отбирались наиболее стойкие подразделения, привезенные в Харьков из других городов. Адъютант губернатора писал:

«День 12 декабря должен был послужить проверкой и испытанием для войск гарнизона, которые так опозорили свое имя три недели тому назад. Рассчитывали, что если солдаты будут действовать молодцами против гельфериховского завода — второго по своему значению в революционном отношении — и с честью выйдут из этого испытания, то, разгромив это осиное гнездо, можно будет ударить и на главных заводил, которые засели на Паровозном заводе».

Если оставить в стороне контрреволюционную фразеологию адъютанта-белоподкладочника, то из приведенного отрывка его воспоминаний ясно видно, что харьковские генералы придавали весьма серьезное значение штурму завода Гельферих-Саде. Против 500–600 дружинников действовала целая армия, солдаты которой должны были доказать свою благонадежность. Полной уверенности в этой благонадежности у командования не было.

На втором этаже длинного выходившего фасадом на площадь старого заводского здания находился склад готовой продукции: здесь стояли приготовленные к отправке земледельческие машины, которые производил завод.

Дружинники освободили себе место между окнами, в простенках. Сложили там бомбы и запас патронов к винтовкам. Здесь обосновались бомбометальщики. Из окон здания хорошо просматривалась вся Конная площадь и расположенные на ней войска. Часть боевиков расположилась во дворе и у забора, прилегающего к улице, некоторые забрались в снежные сугробы.

Кто-то из рабочих поднялся на вершину водокачки и оттуда прокричал товарищам в заводском дворе:

— Вижу, вижу, позади войск, с той стороны площади, идут к нам на помощь паровозники. Видны красные знамена, впереди в

кожаной куртке Артем!

Не успел рабочий с водокачки закончить радостную весть о приближении товарищей с паровозного, прозвучал рожок горниста. Время ультиматума истекло. Это было первое предупреждение осажденным. Снова заиграл горнист — второе предупреждение, и, наконец, третий сигнал горниста… Затрещали пулеметы, раздался ружейный залп. Прогромыхали два пушечных выстрела. В ответ на обстрел, будто раненое живое существо, загудел Гельферих-Саде. Заводской гудок гудел непрерывно и тревожно, оповещая город о совершающемся беспримерном насилии.

Но что это, почему на Гельферих-Саде не слышат свиста пуль? Стрельба все усиливается, но правительственные войска стреляют не по осажденным на заводе, а в обратную сторону. Огонь открыт по паровозникам, по Артему.

В «Известиях Федеративного совета харьковских комитетов РСДРП» от 13 декабря 1905 года описывается сражение правительственных войск с возглавляемой Артемом рабочей дружиной Паровозного завода.

Паровозостроители «…Двинулись по Петинской улице и, не встречая нигде препятствий, достигли Конной площади. В это время раздались два пушечных выстрела. Всем стало ясно, что отступать нельзя и надо перейти к решительным действиям. Милиционеры обнажили шашки и с криком: «Бей их, за ними, братцы!» — ринулись в бой. Раздался треск револьверных выстрелов. Казаки отошли назад на расстояние, при котором револьверные пули и бомбы не могли достать их, и затем дали по толпе целый ряд оружейных залпов. Милиционеры дрогнули, но не отступили. Передовые отряды продвинулись вперед и ответили выстрелами. Тогда началось нечто не поддающееся описанию. Казаки открыли огонь пачками. Дождь пуль буквально засыпал всю площадь, воздух огласился шумом и треском со всех сторон. Милиционеры были вынуждены отступить, оставив на поле брани много раненых и убитых. Озверевшие казаки дошли до того, что не давали подбирать раненых и грозили стрелять в санитаров. Только спустя довольно долгое время удалось подобрать с площади наших товарищей и отправить в больницу».

Артем, шедший в атаку в первом ряду дружинников, остался жив. Дружинники засели за укрытиями и продолжали вести огонь по войскам. Тем временем вся огневая сила правительственных частей обрушилась на осажденный завод Гельферих-Саде. Из трехдюймовых орудий полетели снаряды.

Со слов очевидцев можно составить картину неравного боя регулярных воинских подразделений всех родов оружия —

пехоты, конницы, артиллерии — против вооруженных чем попало дружинников и рабочих на заводе Гельферих-Саде.

Брат Димы, командира дружинников-боевиков, Константин Бассалыго стоял под деревом рядом с кирпичным забором. С этой позиции бой, по его свидетельству, развертывался так:

— По всей площади раздалась трескотня пулеметных и ружейных выстрелов, звук которых сразу заглушили три орудийных раската. Два снаряда пробили стенку наружного фасада завода, осыпая наших боевиков кирпичом и штукатуркой. Третий снаряд был направлен в железные ворота завода. Ударом был разрушен верхний железный горизонтальный упор ворот, который со свистом и шумом вместе со снарядом пролетел недалеко от меня в глубь завода.

Пулеметные пули беспрерывно свистали по крыше здания, отсекали ветки деревьев и сбивали снег. Ветки эти со снегом падали вниз и осыпали меня, стоявшего под деревом.

Стрельба из пулеметов и ружей велась не только по осажденным, а почти по всем прилегавшим к Конной площади улицам, где скопилось много рабочих, решивших при звуках горниста броситься на солдат и захватить пулеметы. Но отчаянная отвага почти безоружных людей была разбита пулеметным огнем.

Через пару минут орудийный залп повторился. Снаряды пробили стены завода, произвели опустошения внутри зданий, где засели наши боевики. Что могли эти беззаветно храбрые люди противопоставить снарядам? Свои револьверы, которые никакого вреда не могли причинить солдатам, стоявшим от завода на расстоянии пятисот метров.

Другой участник восстания на заводе Гельферих-Саде, А. С. Шаповалов, так описывает пережитое во время событий 12 декабря:

«…Метальщики бомб были все товарищи, мне мало знакомые… В ближайшем около меня простенке стоял также с бомбой в руках, как мне показалось, мальчик лет 16 с очень тонкими чертами лица. Всмотревшись ближе, я заметил, что это была девушка, переодевшаяся, чтобы принимать участие в боевых действиях, в мужское платье… На миг прибежал к нам комендант Николай. Он отдал последний приказ, как обращаться с бомбами.

— Выбивай, товарищи, окна!..

Метальщики бомб стояли в простенках окон наготове. Во рту каждого дымилась папироска, чтобы зажечь фитиль и бросить вниз через бойницы бомбы. Грянул выстрел, что-то рухнуло, ударило в стену… Здание, как мне показалось, пошатнулось. Силою удара снаряда, отдавшегося сквозь стену, меня отбросило

от стены аршина на полтора. Тотчас раздался второй выстрел, третий, четвертый. Отбрасываемые ударами снарядов, мы снова немедленно подскакивали к стене. С потолка сыпалась известка, воздух наполнился густой красной кирпичной пылью. Тряслась стена, шатался под нашими ногами пол. Ухали орудия. Я насчитал не менее 20 пушечных ударов. Вдруг, после того как я оказался отброшенным особенно далеко ударом снаряда от простенка, у которого я стоял, послышался страшный треск, все закачалось, и значительная часть стены во всю вышину помещения рухнула вниз.

Группу бомбометателей раздавил рухнувший простенок. Влетает в здание снаряд, оторвана нога у одного из боевиков, разворочен бок, вываливаются кишки. Несчастный человек понимает, что это конец, он просит товарищей оборвать его страдания, застрелить из револьвера. Но кто способен сделать такое? Сосед, к которому обратился с этой страшной просьбой умирающий, через минуту падает контуженный новым разрывом снаряда, он очнется лишь в больнице».

Артиллерийский огонь прекратился. Из развалин вытаскивают раненых и убитых, сносят их в столовую завода.

«Это были цветочки, ягодки впереди…»

Сопротивляться охотничьими ружьями и револьверами нападению целой армии превосходно вооруженных солдат, сопротивляться артиллерийскому огню бессмысленно. Помощи ждать неоткуда.

Дима Бассалыго выставляет в полуразрушенные ворота привязанную к длинной палке белую занавеску.

Переговоры о прекращении огня вели с командованием правительственных войск Николай, комендант осажденных, и Дима, командир боевой дружины. Их задача заключалась в том, чтобы возможно дольше разговаривать с царскими офицерами, получить побольше времени до момента выхода из завода. Пока шли переговоры, на заводе припрятывались оружие и бомбы, уходили по еще не занятым врагом дорогам руководители восстания, арест которых подорвал бы дальнейшую социал-демократическую деятельность в городе.

Часть боевиков нашла свободным выход через малярный цех к угольному складу и дальше на Конную площадь. Несколько солдат видели уходивших с завода боевиков, но мер к задержанию их не приняли, очевидно потому, что среди них не было офицера. Боевики, сумевшие уйти с завода, примкнули к еще сопротивлявшимся царским войскам паровозникам. Здесь впервые Артем встретил своих дорогих товарищей, к которым он так и не смог пробиться. Вид у Артема был невеселый, подавленный. Лицо его осунулось. Он по-братски расцеловался с товарищами, прибывшими с завода, и серьезно сказал им:

— На этот раз не удалось, на другой удастся!

Другим боевикам не повезло, они не успели уйти с завода. Шаповалову и еще нескольким товарищам кричали:

— Спешите уходить, пока еще не поздно!

Они бросились к боковой калитке, через которую только что ушли другие активисты. Калитка оказалась запертой. Они попробовали перелезть через забор. С этой стороны завода во время бомбардировки не было совсем войск, а теперь здесь стояли солдаты и казаки. Они направили на беглецов дула ружей и закричали:

— Назад, забастовщики, стрелять будем!

У выхода из завода стояли охранники, полицейские и офицеры. Каждого выходившего тщательно обыскивали. Жандармы командовали одним «прямо» — этих арестовывали, их окружали солдаты и вели к другим задержанным товарищам.

Команда идти «налево» или «направо» означала, что человека отпускали на все четыре стороны. Всего было арестовано 137 человек. Но среди них не было ни одного из руководителей восстания. Боевиков-дружинников, гвардейцев Артема, почти не сумели задержать. Рабочие помогли всем нелегальным и находившимся на подозрении у полиции своевременно исчезнуть с завода.

Пользуясь суматохой, при обыске благополучно скрылся и избежал ареста Константин Бассалыго.

Ушел боевик товарищ Пирог. Он был контужен и хромал. Проходя «налево» мимо казаков, он слышал ехидные замечания:

— Что, достал земли и воли?

Приходилось молчать и уходить поскорее от царских собак, пока они не разнюхали, кого отпускают на волю.

Недолго после разгрома Гельферих-Саде отстреливались от солдат засевшие за соляными мешками на Конном базаре Артем и его товарищи. Пора было уходить, иначе угрожало окружение. Отходили к винному складу и дальше, на Заиковку.

На Сабурову дачу было перевезено 20 раненых и несколько человек убитых. Мертвые были помещены в морг. Явилась полиция и потребовала выдачи трупов. По совету Артема администрация больницы под формальным предлогом трупы не выдала. Предполагалась демонстрация во время похорон.

Вечером на Сабурке состоялось собрание членов партии. Артем выступил на этом собрании и подверг разбору все действия восставших: ошибок было допущено много. Не сумели сохранить в тайне план восстания, дали возможность провокатору оповестить врагов и тем вывести из борьбы такую большую силу, какую представляли революционные солдаты. Кто-то из меньшевиков — членов Федеративного совета помешал выполнению приказов о захвате канцелярии генерал-губернатора, телеграфа, жизненно важных учреждений города. Плацдарм восстания, таким образом, сильно сузился. Было много и других серьезнейших промахов в подготовке и проведении восстания.

— Но не будем унывать, мои дорогие боевые товарищи! Хотя нас и разгромили, буржуазия не забудет выступления харьковских пролетариев. Мы дали хороший урок самодержавию. Нас побили, но мы сплочены сейчас, как никогда. Это были цветочки, ягодки впереди…

На собрании большевиков было решено проводить партизанские выступления, нападать на полицию, на, охранников. Показать властям, что силы революции не разбиты и не побеждены.

В городе шли аресты. По улицам днем и ночью разъезжали

казачьи патрули. Тюрьмы были переполнены арестованными. Но руководители восстания были на свободе, на свободе оставался и Артем.

Артем неуловим…

Начальник харьковской охранки знал, что Артем укрывается на Сабуровой даче. Охранка пыталась, и не раз, схватить этого неуловимого революционера, но безуспешно. Насколько информированы были жандармы обо всем, что касается Артема — опытного в конспирации и умного противника, видно из донесения харьковского охранного отделения.

«По полученным сведениям, — пишет начальник охранки, — нелегальный «Артем» посещает в городе здание Земской управы, где часто присутствует на заседаниях в качестве представителя от низших служащих земской больницы на Сабуровой даче, хотя таковым вовсе не состоит, а просто избрал себе там жилище при посредстве фельдшерицы Базловой и техника по электрическому освещению Соболева и устраивает совещания остатков «Федеративного совета».

Для поимки «Артема» устраивалось наблюдение несколько раз за помещением Земской управы, которое наблюдало его присутствие там, но проволочка за получением наряда для ареста «Артема» при выходе всякий раз давала возможность ему ускользнуть…»

В такой несколько наивной форме харьковские охранители пытались оправдаться перед своим высшим начальством. Ссылка на какие-то мифические наряды, отсутствие которых мешало схватить своего врага № 1. Сказали бы честно и прямо: несмотря на все старания «наблюдателей», Артем умеет выскользнуть из-под самого носа жандармов и шпиков.

«…В заседаниях управы «Артем» вел себя крайне резко и преступно. На запрос председателя, почему он, назвавшийся Тимофеевым, является представителем от низших служащих Земской больницы, когда по сведениям управы он в числе таковых не значится, «Артем» отвечал, что он не желает давать ответов на такой неуместный, по его мнению, вопрос, так как «Артем» считает себя агентом «партии социал-демократов, которому поручен район Паровозостроительного завода и Сабуровой дачи, и потому он поступает служащим сам по своему усмотрению в одно или другое место, где ему всего нужнее и удобнее выполнить требование партии. После этого «Артем» заявил собранию восемнадцати гласных земцев под председательством князя Голицына… что теперь наступил такой политический момент, когда можно сказать только — иду направо или налево. Как представитель крайней левой, «Артем»

объяснил земцам в страстной речи, что только его точка зрения правильна и что в ней он признает одно средство — вооруженную с правительством борьбу, для которой он собирает пожертвования… Заседание управы слушало молча «Артема» и дало ему возможность безнаказанно уйти из заседания, не передав в руки властей. Осведомленный обо всем этом генерал-губернатор решил арестовать «Артема» и доктора Тутышкина и, если представится возможность, то и застигнутых там членов «Федеративного совета». С этой целью был назначен обыск Сабуровой дачи в ночь на 21 сего декабря…»

В меру своего разумения о политических мотивах поведения Артема охранка в общем дала правильный отчет о его выступлении в земской управе. Что члены управы, далекие от политических идеалов Артема, слушали затаив дыхание страстную речь большевика — это тоже можно понять. Горячее и правдивое слово Артема не раз превращало его политических врагов в немых, бессловесных слушателей. Ну, а относительно того, что князь Голицын не отдал приказа об аресте Артема, не передал его в руки охранки, то здесь еще раз ведомственный обман начальства. И князь Голицын был там, и жандармы там были, а вот схватить Артема — руки коротки. И, наконец, хвастливое заверение, что генерал-губернатор решил арестовать Артема на Сабуровой даче в ночь на 21 декабря — просто желание создать впечатление у петербургского начальства, что харьковская охранка только сейчас впервые серьезно берется за поимку Артема.

Донесение начальника харьковской охранки в Петербург с описанием операции по аресту Артема на Сабуровой даче звучало так:

«…Подошедший наряд (полиции и жандармов. — Б. М.) встретил очередных патрулей из революционеров, охраняющих дачу, которые, конечно, успели оповестить «Артема»…»

«…Последний (Артем) скрылся в палаты душевнобольных, что подтверждает прислуга больницы, указавшая его пальто, калоши и шапку, висевшие на вешалке. Вещи эти признаны агентами (охранного) отделения за принадлежащие «Артему», в которых его видели 12 декабря на Конной площади во время беспорядков. В кармане пальто «Артема» найден паспорт на имя крестьянина Харьковской губернии и уезда Ольшанской волости от 3 ноября текущего года за № 2145 Ивана Никитовича Лихонина. Опознание «Артема» среди больных было невозможным, и сделанная в этом направлении попытка грозила бунтом всех больных, набрасывавшихся на агента отделения, пытавшегося пройти по палатам. «Артем» остался, таким образом,

неарестованным. По указанию прислуги заседания революционеров происходят по ночам в помещении больницы на Сабуровой даче и даже будто бы такое заседание закончилось незадолго перед приходом наряда для обыска… Доктор Тутышкин арестован».

Вот и вся официальная версия очередной облавы охранников на Артема. Облава эта провалилась: «больные помешали»!

После событий 12 декабря внимание охранки к Сабуровой даче усилилось. В парке больницы днем и ночью бродили неизвестные и подозрительные лица. Некоторых из них благодаря революционной контрразведке, действующей в харьковской охранке, удалось опознать по заранее присланным фотографиям. Таких разоблаченных агентов охранки дружинники Артема арестовывали, сажали в подвальное помещение, а некоторых из них, наиболее вредных для подпольщиков уничтожали. Пощады им не было. Дисциплина среди работников и жителей Сабуровой дачи была идеальной, территорию этой своеобразной «республики» держали на осадном положении. Вот уже несколько месяцев вся власть здесь находилась в руках большевиков, и враги революции опасались появляться на даче. Вокруг больницы была организована регулярная патрульная служба.

Однажды ночью в больницу нагрянули пристав I участка Сизов и начальник местного охранного отделения в сопровождении нескольких полицейских. Были арестованы заведующий фельдшерской школой Бронштейн и его жена Клавдия — оба они активно работали в сабуровской большевистской организации. Наряд полиции увез арестованных. Но не успели выйти за ворота больницы пристав и начальник охранки, как в них бросили бомбу. Была убита лошадь, полицейские же чины остались невредимы. Тогда насмерть перепуганные пристав и охранник бежали обратно на территорию больницы и потребовали от коменданта дружинников Степана Рассохатского гарантий их безопасного отъезда. Рассохатский им ответил:

— Во дворе Сабурки вас никто не тронет, вы официальные лица, и нам не хотелось бы ссориться с властями. Но за дорогу вне больницы мы не отвечаем и за вашу безопасность не ручаемся, охраняйте уж там себя сами…

Ночь на 21 декабря 1905 года была темной и вьюжной. За стенами больничных корпусов неистовствовал ветер. Снежные заряды били по оконным стеклам. Визжала и выла непроглядная вьюга. Патрули, невзирая на непогоду, были, как обычно, на своих местах. Контролировалась местность от больницы до Народного дома. Артем и его товарищи спали, надеясь на

патрульную службу. Но, очевидно, непогода усыпила бдительность патрульных. «Кто в такую снежную пургу сунется сюда, на Сабурову дачу?» — думали товарищи в дозорах. А враг как раз и воспользовался зимним ненастьем. Под покровом тьмы и снежной пелены к больнице стягивались большие силы полиции, казаков и жандармов. Как тени из призрачного мира, плыли они в снежном мареве. И, конечно, были обнаружены сторожевыми постами, но, к сожалению, не на дальних подступах к больнице, а почти у самых ее стен.

В отделение Даши Базловой, где находился Артем, вбежала дружинница Вера Алексеева.

— Товарищи, спасайтесь, уже вся больница оцеплена войсками, казаками и городовыми.

Даша Базлова не спала, она никогда не спала в те ночи, когда Артем находился в ее отделении.

Она мигом разбудила Артема и отдыхавших вместе с ним товарищей. Выпустить Артема и других членов комитета из главного корпуса больницы — это значит передать их в руки полиции, ибо уже все входы и выходы из здания заняты полицейскими. Базлова, как об этом заранее договорились на случай крайней опасности, переодела комитетчиков в форму служителей и развела их по рабочим местам. Что делать с Артемом, как его укрыть от полиции? Базлова бежит к доктору Тутышкину и советуется с ним.

— Закройте немедленно все входы и выходы в корпус и отделение, прикажите служителям не впускать сюда ни единую живую душу без моего разрешения. Артема поместите в изолятор для буйнопомешанных, переоденьте его в больничное белье, сделайте укутку [18] и уложите в постель. — Базлова быстро, с профессиональной сноровкой выполнила указания доктора. Артема укутали, положили в изолятор, для лучшего маскарада приклеили черные усы.

В это время полиция ворвалась в помещение первого этажа и начала ломиться в двери, ведущие на второй, в отделение буйнопомешанных. Служитель отодвинул глазок на двери и, увидев полицейского, обещал вызвать дежурного по отделению.

— Я дежурная фельдшерица и без доктора ординатора Тутышкина никому открывать дверь не имею права, — сказала полицейским Даша Базлова.

Полицейские площадно выругались и пошли искать квартиру доктора Тутышкина.

В квартире известного охранке доктора был произведен обыск. Тутышкин, отказавший полиции в допуске в отделение, был тут же арестован и отправлен в тюрьму. Даша зашла в

изолятор к Артему, чтобы проверить, как он там себя чувствует. Общество, в котором очутился Артем, оказалось не совсем обычным: рядом с ним лежал буйнопомешанный, который через каждые пять минут кричал дурным голосом, что он полено, и требовал, чтобы его положили в печку.

Сумасшедший был также в укутке, двинуться с места не мог, но произвел на Артема сильное впечатление. Когда Базлова появилась в изоляторе, Артем, улыбаясь, попросил ее забрать его отсюда, а то, чего доброго, он тоже может превратиться в полено!

В корпусе стало тихо. Полиция не решалась ломать двери и врываться в палаты для буйнопомешанных. Сочли за доброе подождать до утра, вызвать больничное начальство из города и тогда произвести тщательный осмотр всего корпуса.

Второй этаж сообщался с первым не только единственной лестницей, которая охранялась снизу и сверху дюжими служителями, но также специальным подъемником-лифтом, в котором поднималась наверх пища больным. Базлова вызвала фельдшерицу нижнего общего отделения Женю Смирнову, члена партии, и попросила ее принять Артема.

— Я спущу его в подъемнике, переодень его в больничную одежду. От тебя ему легче будет уйти во время прогулки больных по парку.

Артема эвакуировали в нижнее отделение. Рано утром нужно было позаботиться об отправке из корпуса членов комитета, которые были переодеты в служителей.

Одному из товарищей вручили в руки самовар, другому — половую щетку и тряпку, остальным выдали кастрюли для переноса завтрака больным. Смирнова открыла двери и хотела выпустить шестерых комитетчиков. Но у входа в корпус стояли полицейские, они преградили дорогу: «Без разрешения пристава никого не велено выпускать». Женя Смирнова подняла шум: «Пришли посторонние для больницы люди и мешают работать, оставляют больных голодными». На крик фельдшерицы пришел пристав Сизов. Он разрешил выпустить «служителей» из корпуса: товарищи были спасены. Оставался в корпусе Артем, и это сильно беспокоило всех, кто знал о том, какая опасность ему грозит.

Базлову по телефону вызвали в контору больницы на допрос. Следователь из охранки в черной сюртучной паре и жандармский офицер сидели за столом.

— Где Артем? Отвечайте немедленно, мы все о вас знаем. Если будете молчать, арестуем, отправим в Петропавловскую крепость, там и сгниете.

Базлова ответила, что никакого Артема она не знает.

— Глупый вы человек, Базлова, не думаете о своем будущем.

Скажите нам, где Артем, и вы не будете выброшены из больницы, мало того — вам прибавят жалованье.

Даша еще и еще раз подтвердила, что Артема не знает и не может сказать, где этот не известный ей человек скрывается.

Тогда рассвирепевший жандарм вскочил со стула и прохрипел:

— Знаем, подлая, что скрываешь Артема в своей берлоге! Сейчас приедет врачебный инспектор из земской управы, и тогда мы вытащим твоего гостя, а тебя повесим на первом фонаре. Вон отсюда!

Базлова вышла из конторы и со всех ног бросилась в свой корпус. В отделении она нашла Смирнову, рассказала ей о допросе и потребовала немедленно выводить больных на утреннюю прогулку. Были сейчас же собраны семьдесят умалишенных и строго по больничному распорядку выведены в парк мимо стороживших у входа в корпус полицейских. Среди больных был и Артем. Отличить его от других одетых в полосатую больничную одежду сумасшедших было невозможно. Черные усы, свисающие вниз, бессмысленные и тусклые глаза, какая-то странная, загадочная улыбка, застывшая на лице, — таков был портрет одного из семидесяти больных.

Так в больничной одежде Артем и бежал через парк, через ручей, в свой родной заводской район. Он был спасен.

Допрашивали затем и Женю Смирнову, но с таким же результатом, что и Базлову.

В 12 часов наконец-то пожаловал на Сабурку врачебный инспектор Грабовский. Он позвонил на второй этаж главного корпуса и вызвал Базлову. Зная, что все товарищи уже в безопасности, Даша, приветливо улыбаясь, спросила инспектора, чем может ему служить.

— Откройте дверь и впустите к себе в комнату агента полиции, старшего фельдшера и меня. — Базлова подчинилась приказу. Грабовский отвел Дашу в отдельную комнату, запер ее изнутри и доверительно сказал:

— Где Артем? Если он еще здесь, в отделении, то его можно спасти. Поверьте мне, я ваш друг.

История с Красной шапочкой и серым волком не повторилась. Уж слишком торчали волчьи зубы у инспектора Грабовского — «друга революционеров».

— Ведите меня по отделению, — сказал Грабовский фельдшерице уже другим, не заискивающим тоном, когда понял, что эту женщину на мякине не проведешь.

— Не поведу я вас и полицейских по палатам, сами не хуже меня знаете здесь все ходы и выходы.

Охранник, вломившийся в комнату Базловой, нашел там следы недавнего пребывания Артема: его пальто, шапку, калоши. В пальто и был обнаружен паспорт на имя крестьянина Ивана Лихонина.

Базлова сказала агенту, что это вещи ее мужа. Ее объяснение никого не ввело в заблуждение. Охранники спешили искать Артема в палатах. Вошли в первую палату. Больные, увидев посторонних, заволновались, многие из них, до того как попасть в психиатрическую больницу, были участниками революционных волнений. Их тяжко избивали в застенках полиции. И вот, узнав в агенте охранки одного из своих палачей, они с диким криком бросились на полицейского и на всех пришедших в палату незнакомых людей. Избиение чужаков было настолько серьезным, что угрожало их жизни. По тревоге прибежали служители и растащили больных. А окровавленные и истерзанные гости были вынесены из корпуса. Волнение больных передалось и в другие палаты. Желание продолжать в корпусе обыск у охранников исчезло бесследно. К вечеру генерал-губернатору было доложено о безрезультатности облавы на Сабуровой даче. Был задержан лишь один Саша Садевский, но и тот сумел вечером убежать от часовых, по нему стреляли, но неудачно.

Более недели после облавы Артем не появлялся на Сабуровой даче. Но однажды ночью в комнату Базловой вбежал какой-то незнакомец в форме гимназиста. Даша, не узнав в посетителе Артема, насторожилась: кого это еще нелегкая принесла? Незнакомец заговорил. Это, конечно, был Артем, умевший, как никто, менять внешность, он сказал Даше, что ее квартира безнадежно испорчена, что за нею усиленно следят. О том, когда можно будет возобновить работу и получить явки в город, куда перенесена деятельность комитета, Артем обещал вовремя сообщить.

Накануне нового, 1906 года Сабурову дачу снова навестили казаки, городовые и жандармы. По заранее приготовленному списку вызывали работников больницы и арестовывали. Всего было взято около 60 человек, в их числе была Даша Базлова, бесстрашная начальница отделения для буйнопомешанных, преданный друг и товарищ Артема. Посадили ее сначала в полицейский участок, а затем перевели в городскую тюрьму. Базловой предъявлялось обвинение в укрывательстве Артема, в принадлежности к РСДРП, в содержании конспиративной квартиры, хранении оружия, в вывозе на тачке главного доктора Якоби.

Около девяти месяцев отсидела Даша в тюрьме, лишь врачебная комиссия смогла ее оттуда вырвать. Даша заболела

тяжелой формой туберкулеза. Позже последовала ссылка, побег и нелегальная жизнь, а затем опять тюрьма. С Артемом Даша уже больше не виделась, их пути разминулись.

После провала Сабуровой дачи Артем ночевал по нелегальным квартирам заводского и городского районов. Неудачи в поимке этого неуловимого подпольщика отражались на самочувствии начальника харьковской охранки Ротмистра и генерал-губернатора. Была выделена крупная сумма денег для выдачи тому, кто поймает Артема.

Подготовка к IV съезду партии

По указанию партии Артем временно покидает Харьков. Все вокзалы тщательно охраняются. Артем вынужден пешком уйти из города и на одной из пригородных станций сесть в поезд, следующий в Екатеринослав.

Несколько дней отдыхал Федор Андреевич в хате своей дорогой сестрицы Дарочки в селе Сурско-Михайловке.

В ходе революции 1905 года число членов РСДРП в харьковской партийной организации выросло и к концу 1905 года составляло около 1 000 человек. В баррикадных боях, в восстании 12 декабря рука об руку шли против самодержавия рабочие-большевики и те, кто еще оставался во власти меньшевистских иллюзий. Назрела необходимость в объединении этих разрозненных групп в партии. Сила ленинских идей в объединенной партии должна была привлечь на сторону большевизма все здоровое, что было в революционном рабочем движении.

Еще в конце декабря 1905 года объединенный ЦК РСДРП решил созвать IV съезд партии. Местные партийные организации приступили в феврале 1906 года к подготовке выборов делегатов на партийный съезд.

Из Екатеринослава Артем выехал в Петербург, где в это время находился Владимир Ильич Ленин и вел энергичную подготовку к съезду партии. Под руководством Ленина к съезду готовились основные кадры большевиков, в их числе был Артем. Еще раз ему посчастливилось быть вблизи Ильича, пользоваться его неисчерпаемой эрудицией и величайшим опытом в теории и практике революционного дела. Владимир Ильич Ленин разрабатывал проект основных резолюций готовящегося съезда. В этих резолюциях Ленин звал партию к подготовке нового революционного натиска на самодержавие. Как и в недалеком прошлом, 1905 году, вооруженная борьба широких народных масс признавалась Лениным главной формой борьбы с царизмом. Опыт вооруженной борьбы в основных пролетарских центрах России глубоко интересовал Ленина. И такие люди партии, как Артем, должны были во всех подробностях информировать Ленина о том, как в их городах протекали события 1905 года. Чему учил анализ этих событий, в чем была сила и в чем заключались главные промахи в организации вооруженной борьбы.

Подготовка к съезду заканчивалась. Товарищи, приехавшие с

мест, собирались в обратный путь. Необходимо было во всех крупнейших промышленных районах России провести выборы делегатов на съезд, обеспечить на съезде достойное представительство от большевиков.

Куда ехать Артему, этот вопрос еще не был решен. Возвратиться ли ему в ставший для него родным Харьков и там вести подготовку к выборам делегатов на съезд или по поручению партии отправляться в другое место? В Харькове почва все еще была горячей для Артема. Еще не успели остыть охранники, которые гонялись за ним целый год. Но вот неожиданно получено письмо из Харькова. Собрание большевиков города сообщило руководящему центру в Петербург, что оно выставляет кандидатуру Артема для избрания его делегатом на съезд РСДРП от харьковской партийной организации. Артема пригласили немедленно прибыть в Харьков. И Артем выехал на юг.

Еще и недели не пробыл Артем в Харькове, как его имя снова появилось в отчетах охранки.

«Подорванный арестованием за последнее время нескольких серьезных революционных деятелей, Харьковский объединенный комитет Российской социал-демократической рабочей партии обратился в Петербург за присылкой ему подкрепления, причем указывал главным образом на присылку «Артема». Кличка эта известна отделению и под ней подразумевается нелегальный Тимофеев, скрывшийся после неудачного обыска в Земской больнице на Сабуровой даче, где скрывался «Артем» и подлежал аресту.

«Артем» действительно прибыл в Харьков около 20 числа марта, о чем отделение было осведомлено, и уже 25 марта после всенощного бдения около 9 часов вечера в надежде, что наблюдение более не ведется, нелегальный «Артем» собрал серьезную сходку из 30 приблизительно человек на Кирилло-Мефодиевском кладбище возле Паровозостроительного завода…

Целью сходки было обсуждение вопросов об освобождении из тюрьмы арестованных, об агитации среди войск и, если удастся, о восстании части войск Харьковского гарнизона между 7–9 апреля, подобном ноябрьскому; забастовка учащихся средней школы с 9 апреля и далее — всеобщая забастовка с демонстрациями и вооруженным нападением на полицию и войска.

Составленный приставом I участка наряд лиц для захвата сходки не мог, конечно, переловить всех участников, и половина успела бежать вместе с главным руководителем «Артемом»; семнадцать же человек были задержаны, доставлены в участок, у них произведены обыски, и приступлено к установке неизвестных».

Такая картина была нарисована охранкой в связи с новым появлением в Харькове Артема. И снова провал. Артем не человек, а какой-то призрак.

Больших трудов стоило «призраку» быть для охранки неуловимым, невидимым. Рядом с Артемом неотступно все это время находился Дима Бассалыго. Храбрый и беззаветно преданный делу партии человек, Дима был готов следовать за Артемом в огонь и в воду.

Вот как сохранилась в памяти большевика Дмитрия Николаевича Бассалыго история проведения одного из предвыборных большевистских собраний в Харькове. Оно происходило близ Паровозостроительного завода. Это было как раз то собрание на Кирилло-Мефодиевском кладбище, о котором сообщалось в донесении охранки. Артем рассказывал товарищам, расположившимся среди могильных крестов, о платформе большевиков на предстоящем съезде партии. Было проголосовано предложение о посылке на съезд делегатом от харьковской организации РСДРП Артема. Никто из собравшихся не знал, что рядом действуют предатели.

Была лунная, светлая ночь. Казаки и полиция бесшумно окружили кладбище. Когда ближние маяки сообщили об окружении, времени для ухода с кладбища уже не оставалось. Люди бросились бежать в разные стороны. Раздались выстрелы, послышались крики раненых.

«За товарищем Артемом и мной, — рассказывал Дима Бассалыго, — был пущен в погоню целый взвод казаков. И в этом состязании мы победили. Мы бежали по паровому полю. Казаки на лошадях по свежевспаханному полю ехать не могли: они остановились и открыли огонь. Полянка сменилась оврагом… Сделав прогулку верст в десять, мы кружными путями к утру вернулись в Харьков».

Тяжелая это была пора для Артема, так трудно ему в Харькове никогда не было. Охранка, взбешенная неудачами в поимке Артема, мобилизовала все и вся для его ареста. Все шпионы, доносители, провокаторы, пролезшие в ряды революционеров, все филеры-шпики, тайные агенты, вся полиция и жандармерия были поставлены на ноги. И партийная работа в этих условиях страшнейшей охоты за человеком стоила Артему неимоверных физических и нравственных усилий.

Еще одно предвыборное собрание. Кажется, все закончилось хорошо, на этот раз провокатору не удалось вовремя донести в охранку о том, что Артем будет на собрании. Товарищи выслушали речь Артема, высказали свои сокровенные думы о партии, о необходимости объединения ее рядов, но не ценой

уступок соглашателям. Дружно проголосовали за выдвижение Артема делегатом на съезд партии, дали ему свой рабочий наказ.

Артем и Бассалыго вышли после собрания на улицу. Осмотрелись. Как будто все спокойно, ничего подозрительного нигде не видно. Что было дальше… Об этом рассказывает Бассалыго, тот, кому было поручено охранять Артема:

— После собрания в одной мастерской на Нетечинской улице, когда товарищ Артем проходил со мной через улицу, к нам на углу подскочили два шпика и три городовых с криками: «Стой!» Один из полицейских схватил Артема, но широким движением плеч Артем сбросил его на землю. Мы бросились бежать. Загремели выстрелы. Пуля попала в развевающуюся полу пальто Артема. Чтобы легче было уходить от преследователей, Артем сбросил пальто. Он споткнулся и чуть не упал. Свернули направо, на небольшую полянку. Вскочили во двор, закрыли калитку на засов и через заборы и по крышам продолжали уходить. Здесь пути беглецов разошлись.

С крыши двухэтажного дома Артем увидел двор военного госпиталя. По двору гуляли больные солдаты. Артем крикнул им сверху:

— Товарищи, я большевик, за мной гонится полиция!

— Ну и прыгай, — отвечали солдаты. Артем прыгнул. Солдаты с любопытством и явным дружелюбием смотрели на появившегося «с неба» человека. Артем, приземляясь, повредил себе ногу. Пересиливая боль, он, улыбаясь, сказал солдатам:

— Вот так, товарищи. Не убийца я и не вор, служу трудовому народу. За это преступление меня преследуют фараоны, помогите уйти от погони.

Не ошибся Артем адресом, знал, к кому обратиться за помощью. Солдаты тут же набросили на него казенную шинель, нахлобучили солдатскую шапку. После этого они окружили беглеца со всех сторон и повели через лазарет к парадному входу. Проверив, что на улице не видно полицейских, солдаты выпустили Артема, пожелав ему «ни пуха ни пера».

Меньшевики клевещут на Артема

Трудности работы Артема в Харькове весной 1906 года объяснялись не только тем, что за ним была организована охранкой невиданная по размаху охота, но и борьбой с меньшевиками, которые, потеряв в 1905 году значительно меньше людей, чем большевики, играли все возрастающую роль в делах харьковской организации РСДРП.

Предвыборные собрания меньшевиков проходили чаще всего среди интеллигенции. Они были менее доступны охранникам, чем рабочие большевистские собрания, и потому протекали в спокойной обстановке. Между большевиками и меньшевиками шла борьба за голоса членов партии для посылки делегатов на съезд. Случилось так, что меньшевики собрали голосов больше. Артем был избран делегатом съезда, но с совещательным голосом — это было делом меньшевиков. Для проведения своих предвыборных махинаций с голосами меньшевики присоединили к харьковской и белгородскую организацию РСДРП, которая была в их руках. Этот трюк был скрыт от большевиков. Меньшевики боялись разоблачений Артемом на съезде партии их неблаговидной роли в событиях 1905 года. Благодаря предвыборным фокусам оказалось, что харьковские рабочие, которые в 1905 году шли во главе с Артемом и большевиками в бой, послали на съезд двух меньшевиков и только одного большевика — Артема. Меньшевики дошли до невиданной еще в партии низости, обвинив Артема в том, что он «сам себе написал мандат».

В Стокгольм на съезд партии с юга России ехало не мало людей. В числе их был Артем, снабженный документами на имя некоего Артамонова. Делегаты сначала добирались в Питер, где их принимали члены ЦК партии. Ехал в Питер из Луганска и большевик Володин — так назвал себя луганский слесарь Климент Ефремович Ворошилов.

Ворошилов красочно описывает прием, который был оказан ему на цекистской явке в Питере, где происходила регистрация делегатов съезда и давались указания о дальнейших действиях. Принимал делегатов член ЦК Загорский (Крохмаль), ярый меньшевик. Узнав, что вновь прибывший товарищ — из рабочего Луганска, «Загорский сделал кислую мину и, глядя в записную книжку, процедил сквозь зубы, сильно заикаясь: «Б…б…б… ольшевик, к…к…онечно». Отвечаю: «Да». Загорский предлагает идти мне к «своим».

Очевидно, такой же прием ожидал и другого посланца рабочего юга — Артема. Ворошилову и Артему необходимо было ехать в «Техноложку» (Технологический институт), к «своим», и представиться Надежде Константиновне Крупской, которая принимала делегатов-большевиков.

Климент Ефремович пишет, как встретила его Надежда Константиновна:

«…С особенной мягкостью и лаской расспросила об организации, работниках, настроении рабочих и пр. Все записала, отметила в малюсенькой записной книжечке. Подробно инструктировала и сообщила все, что нужно и можно было сообщить о съезде. Не удержался и задаю вопрос — увижу ли, где и когда, т. Ленина? Надежда Константиновна, улыбаясь, говорит, что не раз увижу и услышу… Отъезд за границу еще не назначен, и куда поедем, нам еще не сообщили. Приходится ждать.

Надежда Константиновна рекомендовала держаться осторожнее: «шпиков в Питере тьма-тьмущая…»

Встреча с Лениным

В издательстве «Парус», которым руководил Бонч-Бруевич, Ленин собирал уже приехавших в Питер большевиков. В маленькой комнатушке рассаживалось 10–12 человек, и каждый по очереди рассказывал Владимиру Ильичу о положении дел в своей организации. Вместе с Ворошиловым на этих встречах с Лениным был и Артем. Климент Ефремович в своих воспоминаниях писал, что Ильича «интересовало буквально все. Он с одинаковым интересом слушал и о том, как прошли выборы в Государственную думу, и о кознях меньшевиков, и о кадетах, о наших боевых дружинах, их обучении и вооружении…»

Можно представить себе, с каким интересом слушал Владимир Ильич посланца рабочего Харькова, пострадавшего лично от «козней меньшевиков». С какой веселой иронией Ленин принимал информацию «самозванца-большевика, изготовившего себе мандат на съезд партии». Обо всей этой гнусной истории Ленин просил Артема рассказать на съезде: пусть все воочию увидят, к каким отвратительным методам борьбы прибегают «меки».

Ленина особенно интересовали действия боевых дружин в новых условиях после декабрьского восстания 1905 года. Артему было что рассказать. Эти дружины после неудачи декабрьского восстания не распустили, подавляющая часть боевиков избежала гибели и арестов. Уже в 1906 году велись за Сабуровой дачей, в излюбленных дружинниками местах, боевые учения. Нападения на полицейские участки и на отдельных городовых, особо ненавистных боевикам, продолжались с неослабевающей силой.

Вот один из многочисленных маленьких эпизодов. Городовой нес в одной руке большую булку, а под мышкой другой тащил какую-то здоровенную книгу. Руки заняты. Не успел «фараон» толкнуть дверь в подъезд дома, как дружинник вцепился ему в горло. Захрипел полицейский. Отрезали у него шашку, отобрали револьвер и оставили в состоянии, не очень пригодном для размышлений о смысле жизни. Оружие в полном порядке было передано Артему. Дружинников поблагодарили, посоветовали и впредь действовать смело, по-партизански, без шума. Позже участник этой истории товарищ Спесивцев очень жалел, что так легко отпустил городового. Случилась однажды облава, кого-то искали, и лицо Спесивцева вызвало у городового какие-то неясные и не совсем приятные воспоминания. Спесивцев же сразу узнал недобитого знакомого и постарался так скривить свою

физиономию, что и родная мать бы его не узнала. Через пару дней тот же Спесивцев с другим боевиком, Бурденко, разоружили двух солдат. Ежедневно в Харькове происходили мелкие стычки боевиков с полицией, охранниками, шпионами, провокаторами. Враги революции знали о действиях боевой дружины и ее боялись. Нет, не погашено революционное пламя, оно не видно с поверхности, но на нем всегда можно обжечься…

Надо было видеть, с каким удовольствием Владимир Ильич слушал рассказы товарищей, приехавших на съезд партии.

Климент Ефремович дальше писал в своих воспоминаниях о том, какие, по мнению Владимира Ильича, перспективы ждут большевиков:

«Владимир Ильич не верил в объединительную миссию предстоящего съезда и старался подсчитать наши силы. Делегаты еще съезжались, и мы полагали, что будем иметь большинство. Но Владимир Ильич уже тогда допускал, что и меки (меньшевики) смогут иметь большинство на съезде и нам придется выдержать основательные бои с ними.

Слушали мы все Владимира Ильича и чувствовали такую громадную, мощную, титаническую силу в нем, что никакие «большинства» и махинации меньшевиков, о которых все присутствующие кое-что, и не мало, порассказали, были нам не страшны. Теперь мы уже своими глазами видели и слышали того, кто являлся истинным строителем пролетарской революционной партии и неустанным ее стражем и вождем.

Мы чувствовали, что наш Ленин точно знает пути и средства для защиты революции и революционной социал-демократии, на долю которой выпало руководить великим освободительным движением в России. Мы все верили, что революционные волны еще вздымаются и девятый вал впереди…

Я чувствовал себя превосходно. Владимир Ильич произвел на меня огромное впечатление. Все в нем мне показалось необыкновенным. И его манера говорить, и его простота, и, главное, пронизывающие душу глаза.

Было хорошо и весело на душе. И я, позабыв на минуту о шпиках и прочей гадости, пошел бродить по улицам тогда еще чужого С. Петербурга».

Близкие к тому, о чем писал Ворошилов, чувства от встречи с Лениным переживал и Артем. Какими несущественными казались Артему после душевной беседы с Лениным все треволнения и тягости февральских и мартовских дней в Харькове!

Сколько бы ни пакостили делу революции меньшевики, как бы ни свирепствовала охранка, ничто не в силах остановить революции в России.

Перед отъездом за границу Артем встречался с Владимиром Ильичем еще раз в Куоккале.

В Стокгольме

Отправка делегатов съезда за границу была сопряжена с целым рядом трудностей. В маленьком финляндском порту у пристани стоял небольшой пароходик, который был заранее зафрахтован для перевозки делегатов в Стокгольм. Всем здесь распоряжалась Надежда Константиновна Крупская. Посадка на судно прошла благополучно, внимание полиции не было привлечено. Отошли от берега, и все вздохнули легче, наконец-то осталось позади недреманное око охранки. Ночью, когда пароход шел в тумане, случилось несчастье: старая посудина днищем напоролась на подводный камень. Началась сильная течь, нужно было принимать срочные меры для спасения пассажиров. Пересадили всех в шлюпки. Утром следующего дня финский ледокол подобрал людей, терпящих бедствие, и доставил их обратно в порт отправления. Организаторам переправы делегатов пришлось немало потрудиться, пока они нашли другое судно для фрахта на Стокгольм. Этот второй пароход доставил делегатов уже без приключений к месту назначения. В Стокгольме Ленин и другие товарищи, которые прибыли раньше, встретили не совсем удачливых путешественников. Но хорошо все, что хорошо кончается. Владимир Ильич со своей характерной улыбкой пожимал руки товарищам, получившим на море боевое крещение.

В числе наиболее видных делегатов-большевиков на IV съезде партии были «В. И. Ленин, Артем (Ф. А. Сергеев), В. В. Боровский, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, М. В. Фрунзе, С. Г. Шаумян, Е. М. Ярославский. Большевиков на съезде поддерживал делегат от социал-демократии Польши и Литвы Ф. Э. Дзержинский.

Среди делегатов с решающим голосом было 46 большевиков и 62 меньшевика…»

Такой состав съезда определил меньшевистский характер многих его резолюций.

Владимир Ильич Ленин был докладчиком от большевиков по аграрному вопросу. Он защищал требование конфискации помещичьей земли и национализации всей земли. Земля должна быть собственностью государства. Программа Ленина звала крестьян на решительную борьбу с царем и помещиками.

«Национализация земли не только уничтожала остатки крепостничества, но и усиливала классовую борьбу внутри самого крестьянства, способствуя сплочению бедноты вокруг пролетариата, ускоряя перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую».

Меньшевики, протащившие на съезде свою программу так называемой муниципализации земли, сеяли иллюзии разрешения вопроса о земле мирным путем, при сохранении реакционной центральной власти в стране. Идею союза рабочего класса и крестьянства они подменили политикой соглашения крестьян с помещиками. Ленин воевал с меньшевиками, разоблачал вред их политики. Всего, чего можно было добиться от меньшевистского большинства на съезде по аграрному вопросу, — это замены соглашательской формулы «отчуждения» земли лозунгом конфискации помещичьих земель.

Ленинский доклад «О современном моменте и классовых задачах пролетариата» был важнейшим на съезде. Владимир Ильич требовал разоблачения роли партий либеральной буржуазии и выступал за союз с демократическими силами в борьбе против царского самодержавия. Меньшевики же отдавали руководство революцией в руки буржуазии. Законы царского правительства, его обещания всяких конституций, его Государственная дума — все это обман народа. Вера меньшевиков в думу, их стремление свести революцию на парламентские рельсы ведут к удушению революции.

Среди полезных рабочему классу решений IV съезда РСДРП было принятие ленинской формулировки первого параграфа Устава партии. С тех пор большевистское положение о демократическом централизме вошло в Устав партии.

Важным было также решение об объединении РСДРП с польской и латышской социал-демократиями. Съезд принял также проект и условия объединения с еврейским «Бундом», но в особой резолюции решительно высказался против организации пролетариата по национальностям.

Ленин отмечал, что слияние РСДРП с национальными социал-демократическими партиями укрепляет партию, усиливают мощь пролетариата всех народов России.

Был избран новый ЦК партии, в него вошло 3 большевика и 7 меньшевиков.

Артем выступает на партийном съезде.

Острая борьба с меньшевиками велась на протяжении всего съезда. Она ярко проявлялась в выступлениях и докладах Ленина, в речах делегатов-большевиков. На IV съезде партии выступал и товарищ Артамонов (Артем). Он говорил о состоянии харьковской организации РСДРП, о борьбе между большевиками и меньшевиками.

— С декабря я почти не работал в Харькове. Письмо, в котором сообщалось о выставлении большевистским собранием моей кандидатуры и в котором меня приглашали прибыть

немедленно, я получил неожиданно. В Харькове в это время работа была в очень неопределенном состоянии, потому что произошел внезапный провал большевистских верхов. Очень заметны были резкие отношения фракций, полное недоверие их друг к другу и ожесточенная борьба.

После провала товарищей из комитета большевистское собрание… потребовало доведения до нормы состава комитета… Товарищи из меньшевиков отказались пополнить состав комитета кандидатами, которых наметило большевистское собрание… Итак, произошел временный раскол… В таких условиях начались выборы на съезд…

Борьба между ленинцами-большевиками и меньшевиками не затихала никогда, и IV съезд, названный объединительным, не смог приглушить идейных разногласий между двумя течениями в социал-демократии. Весь съезд и особенно его большевистская часть с особым вниманием слушали Артема, когда он говорил о том, что нигде в России так резко не враждовали большевики и меньшевики, как в Харькове. На съезде, где были представлены оба направления в социал-демократии — революционное и соглашательское, Артем не мог сказать большего, чем он сказал. Но все понимали, что Артем предъявлял меньшевикам политическое обвинение за их неприглядную роль в событиях 1905 года. Колебания, нерешительность меньшевиков в период острых классовых битв вредили рабочему делу, служили врагам революции.

Ленин предлагает Артему работу на Урале

Ленин слушал Артема и думал о том, что хорошо бы усилить такими людьми партийные большевистские организации важнейших пролетарских районов. В Москве и Питере, Иванове и Харькове такие крепкие большевистские кадры есть. А вот на рабочем Урале дела с кадрами обстоят не блестяще. Пожалуй, нужно послать на Урал Артема и его боевых друзей из харьковской организации: пусть они на Урале, так же как и в Харькове, разъяснят рабочим, что такое меньшевизм, пусть «резко настроят большевиков против меньшевиков», против этих оппортунистов, проводников буржуазного влияния на пролетариат.

Артем уже имел беседу с Лениным о своей будущей партийной работе. После короткой поездки в Харьков, где он отчитывается как делегат съезда, предстоит дорога на Урал. Поедет Артем не один, а со своими товарищами. В Харькове же большевики найдут силы для продолжения дела, начатого Артемом.

Заседания съезда длились свыше двух недель, с 23 апреля по 8 мая.

Делегат съезда от Уральского комитета большевиков Клавдия Тимофеевна Свердлова в своих воспоминаниях о Ленине сердечно описывает встречи делегатов-большевиков с Владимиром Ильичем, его внимание и простоту в обращении с ними и ленинскую непримиримость к меньшевикам:

«…Вспоминаются собрания нашей большевистской части участников съезда, которые происходили не реже чем через день. Собирались мы обычно в каком-нибудь ресторане, где, заняв две-три комнаты, обменивались мнениями и впечатлениями, намечали планы действия на очередных заседаниях съезда. Эти собрания не были официальными в полном смысле этого слова. Ни председателя, «и секретаря на них не было, никто не просил слова. Шла живая, шумная, непринужденная беседа, центром которой всегда был Ленин, умевший выслушать каждого, вовремя подать нужную реплику или веселую шутку, дать мудрый и глубокий совет, разъяснить самое сложное и запутанное.

Почти каждая наша беседа кончалась просьбой Владимира Ильича:

— Сергей Иванович, ну, а теперь спойте что-нибудь, очень все вас просим.

Делегат от москвичей большевик Сергей Иванович Гусев

обладал прекрасным голосом. В ответ на просьбу он садился к роялю и запевал, а к нему присоединялись и другие, и широкая русская песня лилась и звенела. Любил Ильич музыку, любил хорошую песню, и почти «и одна наша беседа в далеком Стокгольме не проходила без песни.

Но насколько прост и внимателен был Ленин со своими друзьями и единомышленниками, настолько же беспощаден он был с противниками, с врагами марксизма — с меньшевиками. Не раз во время съезда он обрушивал на их головы такие веские доводы, такие убийственные для них доказательства и бичующие остроты, что каждому становилась предельно ясна вся путаница и ошибочность их взглядов… Меньшевики, никогда не верившие в победу рабочей революции… провозглашали с трибуны съезда, что декабрьское восстание было ошибкой, что рабочим вообще не надо было браться за оружие. Таких голосов на съезде было много, растерялся и хныкал и кое-кто из наших товарищей большевиков. Но не таков был Ленин! С исключительной силой, страстью и энергией громил он предателей, нытиков и маловеров. Нам, большевикам, на каждой беседе он неизменно и настойчиво повторял, что основная борьба только начинается, решающие бои впереди и не складывать надо оружие, а готовить рабочий класс к вооруженной борьбе за власть».

В этой атмосфере товарищеской сплоченности, исключительного внимания к каждому из делегатов-большевиков со стороны Ленина прошли дни съезда в Стокгольме. Артем, как и каждый из его товарищей, получил здесь революционную зарядку на многие годы приближающегося безвременья. Ни тюрьмы, ни ссылки, ни эмиграция не смогли погасить в Артеме светлых надежд в победу дела революции.

В мае 1906 года Артем снова побывал в Харькове. На собраниях членов харьковской организации РСДРП он делал доклады об итогах работы IV съезда партии, о задачах большевиков в послесъездовский период.

Задерживаться в Харькове Артем не предполагал. Партия направляла его для постоянной работы на Урал. В Харькове нельзя было оставаться и потому, что охранка, разнюхав след Артема, возобновила за ним охоту. На этот раз Артем покидал ставший ему близким город на долгие годы.

На седом Урале, в краю гор и лесов, заводов и рудников, Артему предстояло восстанавливать разгромленные полицией большевистские организации. Создавать новые очаги ленинизма, громить ненавистных соглашателей — меньшевиков. Прощай же, Харьков, прощайте, дорогие товарищи с Гельферих-Саде, паровозного, до лучших времен, друзья с Сабуровой дачи, до

новых встреч, быть может, уже после свержения царизма и начала нового века — социалистической революции.

Поезд мчался на север. С обеих сторон железнодорожного полотна мелькали узенькие полоски крестьянских полей, хатки, крытые соломой, проносились кудрявые дубравы, белые меловые горы. Уплывали назад, в прошлое, южные степи, земля отцов… Мыслями своими Артем уже был на Урале. Как-то встретит его тамошний рабочий люд, как пойдет революционная работа? Артем вспоминал все, что ему говорили об Урале делегаты уральских большевиков на IV съезде партии товарищи Новгородцева и Назар. Внутренне настраивался к большой и, видимо, нелегкой работе.

ЧАСТЬ III
ГОРЫ УРАЛЬСКИЕ

«Завоевание Урала»

Развитие капитализма на Урале, старейшем горнопромышленном районе России, происходило особым, отличным от других районов путем.

До отмены крепостного права промышленность Урала почти целиком была основана на труде крепостных. Пережитки крепостничества сохранялись здесь длительное время и после 1861 года. Рабочий уральских предприятий еще зачастую был занят и крестьянским трудом на земле, принадлежавшей заводчику. Это связывало рабочего по рукам и ногам, превращало его труд в своеобразную барщину с очень низкой оплатой.

В самом начале XX столетия положение уральских горнорабочих и металлургов стало постепенно изменяться. Сказывалось появление в стране марксистской рабочей партии. Свою роль сыграл и приход на Урал пролетариев из других районов России, в частности с Поволжья, центральных и южных губерний. Эти пришлые рабочие, не знавшие крепостнических нравов, бытовавших на заводах Урала, повели за собой молодое поколение и коренных уральских рабочих.

1905 год за ничтожно короткий период времени быстро продвинул древний Урал по пути революционного развития. 1 Мая бастовали рабочие Екатеринбурга, Мотовилихи, Миньяра и других городов Урала.

В сентябре и октябре всеобщей политической забастовкой были охвачены почти все уральские рудники, заводы и железные дороги.

В октябре и ноябре в Екатеринбурге, Мотовилихе, Нижнем Тагиле, Сосьве, Уфе, Надеждинске, Златоусте, Ижевске, Алапаевске, на Боткинском заводе и в ряде других мест создаются Советы рабочих депутатов.

9 декабря в Уфе, 13 и 14 декабря в Мотовилихе происходят вооруженные восстания. Особенно ожесточенными были схватки рабочих с казаками, правительственной пехотой и полицией на Мотовилихинском казенном заводе, который работал на военное ведомство, производил оружие, включая пушки. Восстание это было свирепо подавлено. Часть рабочих не бросила оружие и во главе с Александром Михайловичем Лбовым ушла в уральские леса, превратилась в «лесное братство», в партизан. Лбовцы продолжали внезапно налетать на полицию, производить «эксы». С лбовцами, с их настроениями и влиянием их на рабочую массу приходилось неоднократно считаться Артему, когда он начал

свою работу на Урале.

Укрепление большевистских организаций на Урале становилось неотложным делом. Вообще слабая по сравнению с другими пролетарскими центрами большевистская партийная работа на Урале еще более пострадала в результате подавления декабрьского восстания. И положение на Урале сильно беспокоило Владимира Ильича Ленина. Родившаяся у Ленина крылатая формула «завоевание Урала» выражала готовность партии немедленно укрепить партийную организацию Урала лучшими революционерами-подпольщиками. Во главе группы товарищей еще в октябре 1905 года в Екатеринбург прибыл Яков Михайлович Свердлов. Он создал там нелегальную школу партийных агитаторов и пропагандистов — это было важнейшим делом. Получившие политическую закалку люди партии после окончания краткосрочной школы должны были нести идеи Ленина в рабочие массы Урала.

Свердлов, или, как его звали тогда в партии, «Андрей», сумел наладить согласованную работу трех наиболее важных уральских партийных организаций: екатеринбургской, уфимской и пермской. В дни вооруженного восстания товарищ Андрей возглавлял Екатеринбургский комитет РСДРП. В январе 1905 года он переехал в Пермь, прилагая много усилий для восстановления пермской и мотовилихинской партийных организаций, разгромленных охранкой после подавления восстания. Много сил приложил Яков Михайлович, чтобы восстановить разгромленные организации, но в разгар работы он и еще пять большевиков были арестованы.

На смену Свердлову для «завоевания Урала» Ленин послал другого своего соратника — Артема.

В неприглядной, залатанной рабочей робе Артем появлялся на заводе, находил избу надежного человека. Днем укрывался от посторонних глаз, а вечером собирал рабочих. И начинал разговор о самом главном. О жизни трудящихся. О борьбе за лучшую долю. О том, как борются большевики с самодержавием. О том, кто такие меньшевики и как они вредят рабочему делу. Это была будничная, кропотливая работа солдата революции. И, несмотря на частые в то время провалы в организациях, несмотря на подлую работу провокаторов, Артем оставался цел. Для полиции он был неуловим, так как никогда не имел определенного места жительства, ночи проводил где-нибудь и как-нибудь. Квартира любого сознательного рабочего была всегда к его услугам. От нюха шпиков и провокаторов его спасала достаточно оборванная внешность. Благодаря ей он почти ничем не выделялся среди окружающего бедного заводского населения.

Его простота и задушевность привлекали к нему все сердца, делали его желанным гостем в бедных рабочих хатах. Неизменная бодрость и веселость его скрашивали самую непривлекательную обстановку. Тяжести работы он не испытывал, она была знакома ему с малых лет. Среди рабочих он был свой. Он умел подойти к рабочему человеку. Если нужно было растолковать рабочему что-либо непонятное, Артем готов был сидеть с ним день и ночь, пока не добивался полного понимания.

За Камой-рекой

Явка в Перми была у технического секретаря организации Марии Загуменных.

«Как живой, стоит передо мной Артем. Чуть выше среднего роста, коренастый, широкоплечий, не то в синей, не то в голубой косоворотке и в кепке. Вечно смеющиеся добрые глаза, порой пускающие стрелы иронии и сарказма в сторону противника», — таким Артем запомнился Марии Загуменных.

Старая, знакомая и вечно новая, волнующая работа подпольщика-революционера. Теперь не на леваде за Сабуровой дачей, а за Камой-рекой, за Егошихой, где-нибудь в могучем уральском лесу собирались массовки, туда приглашались не только большевики и меньшевики, но и эсеры. Артему приходилось вести борьбу со всеми идейными противниками большевизма.

Запомнилась Марии Загуменных одна такая массовка, которую созвал Артем. Ее сорвала полиция. Что ж, и это дело не новое, знакомое!

Чудесный летний день. Ранним прохладным утром из Перми идут за город празднично одетые рабочие.

В условленном месте на опушке леса их встречает пикет. Двое молодых парней расположились на траве и покуривают. У одного из них на плече небрежно лежит белый носовой платочек, другой сидит с раскрытым черным зонтиком, как будто защищает голову от солнца. Так и должно быть: платок и зонтик — это условные приметы пикетчиков. Сообщив пароль и получив отзыв, рабочие продолжают прогулку. Немного поодаль их встречает второй пикет, вторая проверка.

Наконец добрались до большой поляны. Артем уже там. Он ведет оживленную беседу с мотовилихинскими рабочими.

И вдруг послышался сигнал тревоги. Пикетчики предупреждали о приближении полиции. Разные люди были среди рабочих. Опытные сгрудились около Артема и ожидали от него команды к дальнейшим действиям. Но нашлись и новички, которые, услышав о нашествии полиции, бросились бежать во все стороны.

Артем своим громким голосом призвал их к порядку:

— Товарищи, не бегите куда попало. Узнаем прежде, с какой стороны едут городовики, а то нарвемся прямо на них.

К сожалению, многие в страхе не услыша пи Артема и бежали куда глаза глядят.

Артем уходил с последней группой.

Полиции удалось задержать только нескольких рабочих. А Артем ушел, ушел туда, где никакой полиции и духа не было.

В Москву за подкреплением

Знакомство с положением партийной организации уральцев заставило Артема серьезно задуматься над вопросом о кадрах. Охранка не дремала и каждого более или менее заметного «деятеля» брала на учет и при «удобном случае» препровождала на «романовскую дачу».

Урал нуждался в пополнении, и Артему было поручено выехать в Москву за новыми партийными работниками.

На партийной явке у Александры Валерьяновны Мечниковой, которая к этому времени переехала из Харькова в Москву, Артем неожиданно встретился еще с одним харьковчанином, Димой Бассалыго.

Обнял Артем Бассалыго. Крепко, по-мужски ударил по плечу и без всякой дипломатии сказал:

— Едем со мной на Урал.

Дима был счастлив встрече с любимым товарищем и без всяких колебаний согласился следовать за Артемом.

Вскоре выяснились и другие кандидаты. Из Гельсингфорса на Урал по указанию Ленина переводился товарищ Лядов. Была достигнута договоренность о переезде «Петровича» — Степана Рассохацкого, Константина Бассалыго (брата Димы).

Засиживаться в Москве Артем не хотел. На Урале ждет непочатый край работы. Из нелегальной партийной кассы он взял с собой всего лишь 2 рубля.

— Как же мы доедем до Перми с двумя рублями? — спрашивал Дима Артема. — Одни железнодорожные билеты чего стоят! А питание?

Артем хитро улыбался.

— Поездом поедем бесплатно. Товарищи помогут. До Нижнего Новгорода двух рублей нам хватит, а там все равно нужно идти на явку. Значит, достанем еще немного презренного металла. Беречь нужно трудную партийную копейку.

— А если явка провалена?

— Почему провалена?.. Нельзя так, Димушка, мрачно смотреть на жизнь.

Из Москвы друзья везли с собой солидный груз: большую плетеную корзину, эта к пуда на два, наполненную нелегальной литературой.

Переезд в Нижний Новгород обошелся без приключений. Как и предполагал Артем, затрат на железнодорожные билеты не было, а двух рублей для поддержания бренного существования

двух молодых и здоровых подпольщиков хватило, хотя и в обрез.

Приехали в Нижний. Артем усадил Диму с тяжеленной корзиной на скамейке в сквере и приказал ждать, пока он не вернется.

— Посиди здесь. Я пойду на явку. Это займет не более двух-трех часов.

Артем ушел. Бассалыго скрутил козью ножку и, посматривая настороженно по сторонам, раскуривал махорочку.

Прошло три часа, а Артема все нет и нет. Городовой явно присматривался к корзине. Нужно уходить, а Артем не появляется. Бассалыго уже встал, схватил корзину и в этот момент заметил Артема.

— Ну, как, все в порядке?

— Явка провалена, — ответил Артем.

— Что же будем делать?

— Надо переменить место, с корзиной тут дольше сидеть опасно.

Вскоре нашли укромный уголок.

Артем снова собрался уходить.

— Ты куда?

— Пойду на какой-нибудь завод, потолкую с рабочими. Быть может, что-нибудь нащупаю.

Артем знал, куда и зачем идет. Он твердо рассчитывал найти тех, кого искал.

Через два часа к томившемуся в ожидании и неопределенности Диме подошел Артем, с ним какой-то незнакомый человек в рабочей одежде.

— Вот товарищ Игнат (так тогда условились называть Диму Бассалыго), знакомьтесь. Это наш нижегородский друг, он берет нас к себе на ночевку.

Отлегло от сердца у Димы. Легко взвалив тяжелую корзину на плечи, пошел за Артемом.

Пришли в рабочую хибарку и кое-как устроились на полу.

Утром Артем снова куда-то ушел. Вернулся в полдень, принес хлеб и сало. Друзья плотно закусили и собрались в дорогу. Из Нижнего на Каму отходил последний в этом году пароход. Стояли уже холодные дни, по реке плыло «сало», и со дня на день ожидался ледостав. Капитан парохода оказался своим человеком, его предупредили о приходе двух подпольщиков. В почти пустом пароходе можно было устраиваться с комфортом. Дима со своей корзиной занял каюту второго класса. Артем в каюту идти не захотел, он поместился на палубе.

Пароход отвалил от пристани и пошел вниз по Волге до Камского Устья.

Проплывали волжские берега.

Оголились деревья, пожелтела трава. Дима прогуливался по палубе парохода. Встречаясь с Артемом, не подавал виду, что его знает. Это были азбучные правила конспирации. Питались друзья одним хлебом. Через три дня на одной из пристаней Артем расщедрился: купил жеребячью ножку и дал ее повару сварить. Жеребенок оказался не слишком юным. Ножка варилась долго. Пенилась юшка, и человеку, непривычному к жеребятине, стало бы дурно. Дима понюхал мясо, сморщился и с сомнением заметил:

— Телятиной не пахнет. Как есть будем?

— Ничего, аппетитом нас бог не обидел, — смеясь, ответил Артем и добавил с кавказским акцентом — Нюхать надо цветы, а жеребятину кушать надо…

Миновали Камское Устье и пошли вверх. Все выше обрывистые берега. Могучие медноствольные сосны сторожат водный путь. С каждым часом все холоднее. Вот-вот мороз скует Каму. Дошли до Боткинского завода. Здесь пароход стал в затон на зимовку.

«Вдоль да по бережку, бережку крутому…»

Вышли наши путешественники на берег, сели на бревна и задумались. До ближайшей станции железной дороги 70 километров. А там? У кого были деньги, те наняли подводы, погрузили вещи и поехали по свежему морозцу. Артем с Димой подсчитали свои ресурсы. На большой мозолистой ладони Артема сиротливо лежали несколько маленьких серебряных кружочков. Весь капитал — рубль. Взвалили на плечи тяжеленную корзину и пошли по бережку.

Дорога далекая, поклажа тяжелая. Идут медленно, времени для разговоров много. Вспоминаются горячие денечки в Харькове, оживают картины близкого прошлого. Артем часто возвращается к своим мыслям, связанным со Стокгольмским съездом РСДРП, с Лениным.

— Ты понимаешь, Дима, никогда и нигде я не встречал такого человека! Он смотрит на тебя и сквозь череп видит, чем ты живешь, какова цена тебе, о чем ты думаешь. А смеется он словно ребенок, заливисто, до самозабвения. Полемизирует с идейными противниками: что ни слово — гвоздь, вколачивает он его без промаха, щелей не оставляет. С «им спорить невозможно, его логика и диалектика убийственны. И до того же мне было горько и досадно после того, когда я что-то промямлил на съезде в присутствии Владимира Ильича, споря с Масловым.

Меньшевики предложили выбросить из программы партии требование установления демократической республики. Их

устраивала дума. Они своими нечистыми руками передавали буржуазии — кадетам — власть в стране, вели линию «а свертывание революции.

— Вот идем мы с тобой, тянем эту набитую будто камнями корзину, голодные и замерзающие. Наши люди шли и идут на смерть, на виселицы. Ради чего все это? Ради кадетского «общенационального центра», ради этой паршивой думы. Заменить революцию, свержение самодержавия союзом с либеральной буржуазией, которая лижет царю сапоги, — до чего же скатились меньшевики! Надо было все это бросить им в лицо на съезде, а я этого с достаточной силой, ясностью и прямотой не сделал. Все мы немного грешили, успокаивали себя: если ты чего-либо не сделал, как следует большевику, или сделал недостаточно хорошо, за тебя это на съезде сделает Владимир Ильич. Надеялись на него, как на каменную гору, а сами порой ограничивались выражением своего восхищения и любви к Ленину. А этого, ой, ой, как мало для настоящего ленинца!

В горячих разговорах время проходило быстрее, забывался и голод, только туже подтягивали пояса. Ночевали в лесу. Не сон, конечно, это был на морозе, а какое-то полузабытье. Пришли, наконец, к железной дороге. Увидели на полустанке товарный поезд, взобрались на площадку и «зайцами» доехали до Перми.

Неужели мы доживем до социализма?

Квартира Марии Загуменных была в порядке, туда доставили свой пропагандистский груз Артем и Дима. С величайшим удовольствием помылись в русской бане. Хозяйка явки утром ушла на работу, уверенная в том, что без нее гости хорошо отдохнут, а вечером можно будет поговорить о партийных делах. Возвратясь с работы, Мария, к своему огорчению, увидела, что Артем и не думал отдыхать. «Возвратясь в тот день с работы, я увидела, что Артем сидит измученный, усталый, с какой-то листовкой в руках. Последняя была выпущена в его отсутствие и, видимо, написана была плохо. Я не помню содержания ее, так как все свое внимание обратила на приезжих товарищей и на рассказ Артема о том, как они добрались до Перми.

С его возвращением мы опять почувствовали живую струю в нашей работе».

В тот же вечер, не откладывая, Артем отчитался о результатах своей поездки на заседании Пермского комитета. Артем рассказал товарищам о положении партии, об остром недовольстве избранным на IV съезде РСДРП Центральным Комитетом, который был целиком в руках меньшевиков. Артем говорил о требованиях ряда партийных организаций созыва нового съезда, который положил бы конец засилию меньшевиков

в центральных органах партии и их политике сдерживания революционного движения.

На заседании комитета были распределены обязанности среди вновь прибывших товарищей. Дима, теперь именуемый Игнатом, был назначен ответственным пропагандистом; его брат Константин — военным организатором; Саша Садевский (который также прибыл на Урал по вызову Артема) — разъездным работником по заводским партийным организациям

Каждый вновь прибывший получал от Артема исчерпывающую партийную характеристику.

«Какая работа была возложена на Артема, трудно сказать. Он был все — мозг и сердце нашей организации», — пишет Мария Загуменных.

С утра до поздней ночи работал Артем. То он заберется в цех какого-либо завода, найдет место и время для беседы с рабочими. То уйдет на явку, чтобы встретиться с необходимым человеком, прибывшим из отдаленного района Урала или из центра. Не мало времени уходило на расшифровку и чтение партийной почты, на писание листовок и воззваний от имени областного комитета партии, на отчеты в Петербург и Москву. Нужно было найти способ снестись с товарищами, сидящими в тюрьме, и в первую очередь со Свердловым (Андреем). Вечером работы еще больше. Бывало, одновременно в разных концах города назначались массовки, занимались кружки — везде надо побывать, выступить перед народом. И, несмотря на такую занятость, когда некогда, как говорится, свободно вздохнуть, Артем все же находил время для длительных бесед с людьми, не имевшими прямого отношения к партийным делам. Так, по свидетельству Марии Загуменных, Артем превратил в «марксиста» ее деда,

Маленькая комнатушка, негде повернуться. Только что закончилось какое-то конспиративное заседание. Артем сидит на кровати. Вокруг него товарищи. Артем что-то говорит, и товарищи слушают, стараясь не проронить ни одного слова. Днем успешно прошло рабочее собрание. Артем полон впечатлениями дня, он потрясен оптимизмом пермских рабочих, не сломленных временными неудачами революции. Артем мечтательно говорит:

— Неужели мы с вами доживем до социализма?

Сидящая рядом Мария Загуменных, волнуясь, отвечает:

— Жизнь человеческая коротка, а жизнь революционера и того короче.

Артем как бы размышляет над вопросом, который сам задал, и, придя к заключению, говорит:

— Безусловно, доживем. Время это уже недалеко. Смертельный недуг уже давно гложет самодержавие и

капитализм. Еще один такой шквал революции, какой был в прошлом году, и зашатается колосс на глиняных ногах. Наше же дело, кротов революции, подтачивать, без устали подтачивать шатающиеся опоры царского самодержавия. Когда снова начнется буря, день будет равен году, а месяц десятилетиям. События не пойдут, а полетят. Доживем мы до светлого праздника нашей победы.

Таким был Артем в небольшом кругу партийных товарищей. Но вот Артем на рабочем митинге.

Уже отговорились меньшевики, приглашавшие рабочих продвигаться в неизвестное потихоньку да полегоньку. Тише едешь — дальше будешь…

— …от того места, куда едешь.

Этот неожиданный конец известной поговорки за меньшевика досказал Артем. Он вышел к столу, где выступали ораторы. Наружностью не то слесарь, не то механик — одним словом, квалифицированный рабочий. Коренаст, лицо, опаленное солнцем, дышит здоровьем, глаза живые, умные. Весь его вид проникнут сознанием чувства собственного достоинства. Так и должен стоять крепко на земле рабочий человек. На нытье меньшевиков, надоевшее до чертиков, о ненужности и вредности вооруженных выступлений Артем отвечал простым и образным языком:

— Декабрьское восстание было необходимо — это наш боевой урок. Придет время, опять поведем рабочих на штурм самодержавия. Смешно пережевывать жвачку и пенять на зеркало, когда рожа крива. Скажите откровенно, господа меньшевики, что цель рабочего одна, а ваша цель другая. Вы боитесь новой борьбы, вот и поете курскими соловьями. Но знайте, ваши песни нас не усыпят! Мы хотя ребята неугомонные, но без нянек проживем!

Рабочие смеются. Меньшевики негодуют, подают Артему с мест реплики:

— Довольно!.. Ирония «е ответ… Надо сказать по Марксу… Довольно!..

Но голоса меньшевиков перекрывают возгласы дружелюбно настроенных к Артему рабочих:

— Говори, брат, говори!.. Правильно, товарищ!.. Ишь, не по нутру пришлось меньшевичкам!..

— Товарищи рабочие меня понимают, — продолжал Артем, — и мы вместе, большевики и рабочие, пойдем к новым восстаниям, к новым боям с врагами. А вы, коли потеряли почву под ногами, ждите у моря погоды хоть до скончания веков…

Митинг окончен. Рабочие окружают Артема. Вопросы, вопросы, им нет конца. Уходит с митинга группа хорошо одетых

людей, это гости из центрального района города. Один из них замечает:

— Какой неприятный и резкий человек этот последний оратор!

В другой группе иные суждения. Здесь собрались рабочие из-за Камы.

— Здорово он того, в очках-то, поддел! — смеясь, говорит синяя рубаха.

— Откуда он, оратор веселый?

— Это мотовилихинский рабочий из снарядного цеха.

— Нет, он у Любимова токарем.

— А я его видел у Балашихи.

И все были правы, и все ошибались.

Начало избирательной кампании в думу

За шесть месяцев во второй половине 1906 года, которые Артем и его единомышленники проработали на Урале, общее число большевистских партийных организаций возросло с 12 до 24. Количество членов партии выросло с 4 до 7 тысяч человек. С этими возросшими силами можно было выполнить наказ Ленина о посылке на V съезд партии от рабочего Урала не менее 10 делегатов. Одновременно с выборами делегатов на партийный съезд необходимо было вести избирательную кампанию по выборам во II Государственную думу.

Отношение большевиков к думе в условиях спада революционной волны изменилось. Политику бойкота I думы сменила тактика участия во II Государственной думе. Необходимо было использовать думу, эту брешь в потрепанной крепости самодержавия, как трибуну для революционной агитации, трибуну, с которой в легальных условиях можно обличать самодержавие и контрреволюционную буржуазию.

Избирательная кампания во II Государственную думу была сама по себе хорошим легальным способом ведения широкой политической агитации и политического просвещения пролетариата.

И все наличные силы партии на Урале были брошены для ведения этих двух важнейших кампаний: выборов делегатов на V съезд РСДРП и выборов в депутаты II Государственной думы.

Прокатный цех Мотовилихинского завода. По окончании работы организуется летучий митинг. В цех пришел Артем. Его подняли на станок. Внизу тысячи рабочих. Обветренное, загорелое, немного усталое лицо у Артема.

Он заканчивает свою речь, призывает называть кандидатов в уполномоченные.

— Как его звать? — спрашивает пожилой рабочий у рядом стоящего товарища по цеху. Неискушенный в конспирации член партии, к которому обратились с вопросом, называет имя Артема.

Старик отходит к группе своих друзей-рабочих, и оттуда доносится голос:

— Мы тебя хотим выбрать, Артем!

Опытные в избирательных делах товарищи объясняют рабочим, что Артем не работает на заводе и его нельзя выдвигать в уполномоченные. Артем снова вскакивает на станок и говорит:

— Меня, товарищи, власти не пропустят, выбирайте своих проверенных на деле людей.

Все 7 уполномоченных от Мотовилихи прошли по большевистскому списку. Мария Загуменных вспоминает:

«…Бывало, скажут рабочие:

— Артем, сегодня собрание, будут кадеты, ты должен дать сражение.

Артем, заложив левую руку в карман, голову немного втянув в плечи, правой проведет по волосам, тряхнет головой, немножко лукаво, немножко добродушно улыбнется и скажет:

— Эх, да что там! Побьем. Вы только, товарищи, обставьте так, чтобы можно было пробраться и выбраться оттуда, о разоблачении же кадетов уж будьте спокойны.

Вечером же, вернувшись домой, рассказывал, какой «мы» (не он, Артем, а мы) успех одержали…»

Перевоплощения Артема

Опасности, подстерегавшие подпольщика Артема в эти суматошные и напряженные дни избирательной кампании, естественно, удвоились и утроились. Он должен был выступать перед тысячами людей, и не было гарантии, что среди такого скопления народа не окажутся агенты охранки. Только благодаря неусыпной заботе товарищей большевиков и собственной находчивости Артем до поры до времени избегал провала и ареста.

Артему в эти горячие времена приходилось выступать на избирательных собраниях не только у себя в зоне действия пермской организации, которой он руководил, но и как члену областного Уральского комитета РСДРП и в других губерниях.

И так случилось, что после крупных операций охранки в столице рабочего Урала — Екатеринбурге были либо арестованы, либо провалены лучшие агитаторы. Артема срочно вызвали в Екатеринбург и предложили выступить на ряде избирательных собраний. Одно из них происходило в городском театре. Это не был рабочий митинг, на сей раз здесь собрались приказчики.

Приказчики, городской театр — все это не очень способствовало безопасности агитатора. Охранять Артема было поручено товарищу Шварцу, известному боевику в Екатеринбурге. Шварца и его соратников, его знаменитый браунинг знали и побаивались в полиции и охранке.

Шварц лично сопровождал Артема в городской театр. Артем, славившийся еще в Харькове искусством перевоплощаться, включая гримировку, придал себе вид типичного приказчика из не очень богатого магазина. И речь Артема была построена соответственно слушавшей его аудитории, она была близка и понятна им. Артем горячо, сильно и живо осветил положение и нужды своих слушателей, умело перевел речь на общее политическое положение. Он просто и ясно охарактеризовал цели и задачи, которые ставили перед будущими депутатами думы большевики. Внимание и сердца приказчиков были завоеваны Артемом.

Охранка тем временем, узнав о том, что в театре выступает знаменитый большевистский оратор, организовала у главного входа засаду. Все помещение было окружено чинами полиции и жандармерией. У самых дверей водрузили шпика — верзилу огромного роста с плечами в косую сажень.

План Шварца по спасению Артема от неминуемого ареста

состоял в том, чтобы использовать подъем настроения и симпатии, которые Артем вызвал в массе слушателей. Шварц быстро отобрал несколько групп, рассказал людям об опасности, угрожающей оратору-«приказчику», и о своем плане, как помочь ему избежать ареста.

Шварц идет впереди, за ним шаг в шаг, прикрываясь его спиной, следует Артем, сзади движется группа посвященных в план товарищей; они всеми силами задерживают стремящихся выйти из театра избирателей. Когда напор толпы станет настолько сильным, что его нельзя будет удержать, верзила и полицейские будут сметены сплошным людским потоком, его действие будет подобно вылету пробки из бутылки шампанского. Так и случилось. Напором толпы верзила был отброшен, он встретился с глазу на глаз с шедшим впереди боевиком, которого боялся. Артем выскочил из-за спины Шварца за двери, Шварц за Артемом, прикрывая его от преследователей, повалила толпа, все закончилось благополучно. Артем скрылся.

Артем — руководитель пермских большевиков

Роль Артема в ходе кампании по выборам в Государственную думу не могла ограничиться талантливыми и смелыми выступлениями на собраниях рабочих. Руководитель пермской партийной организации, он был обязан направлять весь ход избирательной кампании своей партии, организовывать вместе с товарищами из губернского комитета всю огромную работу в массах.

В воспоминаниях старого уральского большевика А. А. Шпагина хорошо отражены некоторые стороны деятельности Артема в связи с выборами во II Государственную думу.

Меньшевики, сами напуганные до смерти опасностью со стороны черносотенцев, пугали Артема возможностью победы этих мракобесов на выборах. Они требовали идти на выборы в полном союзе с партией буржуазии — кадетами. Артем отверг эту позицию. Только в самой последней стадии выборов и только там, где черная сотня действительно имела перевес в силах, можно идти на блок с кадетами. Меньшевики же сразу пошли в ногу с буржуазией, выставив своего кандидата Матвеева в кадетском списке. Приютив под своей сенью одну меньшевистскую душу, кадеты с неимоверной яростью изливали потоки грязи на большевиков. «Тот, кто не лишился здравого рассудка, пусть не голосует за список заговорщиков-большевиков!»— вопили кадеты. Так писала кадетская газета «Камский край», ей вторили черносотенные «Губернские ведомости» — вешать их, большевиков-супостатов, а не выдвигать в думу. Газеты писали, а охранка действовала.

«Артем буквально кочевал с квартиры на квартиру, ибо его фигура была для охранки самой интересной. В этом отношении у нас с нею никаких разногласий не было. Мы также считали Артема незаменимым». Автор этих строк А. А. Шпагин, активный участник избирательной кампании от пермской организации РСДРП, рассказал, как Артем направлял его действия.

7 января 1907 года в железнодорожных мастерских и депо Пермь было назначено общее собрание рабочих. Оно должно избрать одного уполномоченного по выборам. Из полутора тысяч рабочих-железнодорожников на выборное собрание явилось не более трехсот человек. Одни рабочие боялись участвовать в выборах, чтобы не навлечь на себя гнева администрации и не

оказаться без куска хлеба. Другие, в силу антидемократических условий ценза, не имели права участвовать в выборах уполномоченных.

Собрание открыл начальник железнодорожных мастерских. Слово взял Шпагин. Он призвал товарищей по работе избрать такого уполномоченного, который шел бы вместе со всем рабочим классом против буржуазии и самодержавия. Таким уполномоченным мог быть только большевик. Другой оратор внес предложение избрать таким уполномоченным члена РСДРП Шпагина.

Началась процедура голосования. Она заключалась в том, что сначала избиратели подавали списки с именами кандидатов в уполномоченные, а затем следовала баллотировка — голосование.

Были признаны пригодными к баллотировке четыре кандидата. В результате голосования Шпагин получил 250 голосов, двое других рабочих, также членов РСДРП, получили по 25 голосов. Члену «Союза русского народа», черносотенцу, досталось всего лишь 5 голосов.

Радостный за одержанную победу в первом избирательном сражении Шпагин возвращался к себе домой. Там и встретил его Артем.

«Артем расхаживал взад и вперед по комнате. Он с нетерпением ждал моего прихода, — вспоминает Шпагин.

— Ну, Кувалда (Шпагин), как дела в ваших мастерских? — спросил он. Вместо ответа я вынул из кармана клочок бумаги и, подав ему, сказал:

— Вот смотри.

Прочитав бумажку, Артем даже запрыгал от радости. Ему не верилось, что кандидат от «Союза русского народа» мог получить только 5 голосов. Затем, хлопая меня по плечу, Артем произнес:

— Ну, Кувалда, теперь готовься к губернскому съезду уполномоченных. В Мотовилихе тоже успех будет на нашей стороне, — добавил он».

Съезд уполномоченных, о котором говорил Артем, должен был состояться на исходе января 1907 года.

В день его открытия Артем побывал и у Кувалды и у других активистов организации. Еще и еще раз уточнил до мелочей план действий: кто и когда будет выступать с трибуны, о чем будет говорить. Особое внимание Артем и его товарищ по руководству партийной организацией (Накоряков) уделяли работе с уполномоченными по крестьянской курии. От их поведения во многом зависел исход выборов, ибо они представляли подавляющее большинство избирателей: надо было склонить на

свою сторону выразителей воли крестьянства.

Съезд открыт. Он происходит в здании краеведческого музея. Собралось около 200 человек. Первым выступает уполномоченный от Надеждинского металлургического завода большевик Василий Чащин. Незадолго до начала избирательной кампании в думу он, отбыв наказание в Николаевских арестантских ротах, снова вернулся к революционной деятельности. Этот избранник народа, побывавший в одной из страшнейших тюрем на Урале, решил рассказать съезду уполномоченных о порядках в этом застенке, олицетворяющем царское самодержавие.

Чащин говорил о гнусных издевательствах над политическими заключенными в Николаевке.

Он рассказал съезду о мучениях, которым подвергали большевика Вилонова. Его неоднократно били, потом голого, истерзанного бросали в каменный мешок— карцер, обливали израненного круто посоленной водой. Восемь бесконечно долгих дней и ночей Вилонов купался в рассоле, соль разъедала раны, превращала их в язвы. Человек могучего здоровья быстро шел к гибели. Чахотка, полученная в Николаевке, доконала Вилонова.

— Возвещенные царским правительством свободы — свобода слова, неприкосновенность личности — есть обман; говорить правду на предвыборных собраниях царские чиновники не дают, жандармы, сыщики, полицейские за каждое сказанное «лишнее слово» хватают и бросают в тюрьмы, а эти тюрьмы в настоящее время превратились в застенки, где наших товарищей истязают, а то и убивают без суда и следствия; военно-полевые суды превратились в постоянное орудие расправы… Расстреляли, повесили и сослали на каторгу тысячи наших лучших товарищей, боровшихся за дело рабочего класса.

Один за другим поднимались на трибуну уполномоченные-рабочие и рассказывали о тяжелой жизни своих товарищей, о своем бесправном положении.

Запомнилась безыскусная речь бедно одетого, в лаптях рабочего-татарина из Бикбарды. Ломаным русским языком, с большой обидой и слезами на глазах он говорил:

— Наш хозяин совсем мало дает кушать. Работаем много, а кушаем мало, нечем кормить жен и детей. Сами работаем шибко, а детей посылаем по миру. Наша водка не пьет, а на хлеб не хватает. Хозяин богата, ему нада башка кончать…

Уполномоченные бурно аплодировали этому оратору в лохмотьях.

После татарина выступил господин в хорошем костюме, при твердом воротничке и галстуке. Он не волновался, говорил

спокойно и красиво. Назвал себя господином электриком из Екатеринбурга, рабочим городской электростанции. Он ратовал за 8-часовой рабочий день, но только там, где это будет целесообразно. Он требовал отчуждения земель в пользу крестьян, но за справедливый выкуп, выплачиваемый помещикам, и все в таком же роде. Кадетская личина выпирала из-под белоснежного твердого воротничка. Из зала донеслись крики: «Довольно!» Знаем мы вас!» Это был единственный кадет, затесавшийся в рабочую курию.

Уже был готов список кандидатов в выборщики, составленный большевиками. Собрались этот список огласить, но на трибуну вышел полицейский чиновник и объявил, что время, определенное властями для этого заседания, истекло.

— Прошу очистить зал, — заявил пристав.

Уполномоченные расходились по домам. Вышел из краеведческого музея и Шпагин с товарищами. Не прошли и двухсот метров, как заметили за собой «хвост»: агенты охранки выслеживали уполномоченных по выборам в Государственную думу, — факт примечательный, характеризующий царские «свободы».

Были приняты меры, чтобы отряхнуться от шпиков. Попарно разошлись в разные стороны. Наняли извозчиков и «замели след».

«Через полчаса мы были в Мотовилихе, — вспоминает Шпагин. — Недалеко от станции в одной убогой лачужке нашли Артема. Сделали ему подробный доклад о состоянии дел и представили список кандидатов. Артем просмотрел и внес в него две поправки. Список в окончательной форме немедленно был сдан для размножения и в ту же ночь отпечатан на гектографе в количестве трехсот экземпляров…»

Утром следующего дня у входа в зал краеведческого музея стояли товарищи, которые раздавали большевистский список всем уполномоченным. Этот список был единственным на съезде.

Городской голова Перми Рябинин открыл второе заседание съезда и объяснил порядок избрания — выборщиков. Каждый уполномоченный имел право составить от своего имени список желаемых кандидатов в выборщики и передать его в избирательную комиссию. Из собранных комиссией списков составлялся общий список кандидатов в выборщики, и каждое упомянутое в нем имя подвергалось баллотировке — голосованию. В списке большевиков значилось 10 товарищей, к ним было добавлено уполномоченными еще 25 имен.

В итоге баллотировки восемь из десяти большевиков были избраны выборщиками в Государственную думу. Девятым был рабочий с Юго-Камского завода, также поддержанный

большевиками, и десятым председатель съезда железнодорожник Бараш. Этот эсер солгал съезду, что он по убеждениям социал-демократ, и этим обманным путем пролез в выборщики.

Выборщиков поздравляли с избранием, вручали им наказы от избирателей.

Приближался завершающий этап избирательной кампании.

Выборщики съезжались в Пермь. Они должны были сказать свое веское слово — избрать депутатов от Урала во II Государственную думу. Большевикам теперь необходимо было вести политическую работу среди всех выборщиков: рабочих, крестьян и служащих.

«Однажды вечером, за четыре дня до выборов, Артем пришел ко мне на квартиру, — пишет Шпагин, — и заявил, что мне надо оставить работу в мастерских и заняться проведением бесед с вновь прибывающими выборщиками. Потом Артем, глядя на меня в упор, вдруг задал мне вопрос:

— Кувалда, что ты скажешь, если мы выставим твою кандидатуру в члены Государственной думы? Хватит ли у тебя духу выдержать все то, что может последовать в случае разгона думы?

Я был смущен и не сразу мог дать ответ.

— Быть в роли депутата не так-то уж легко, — заметил я, — к тому же, ты сам знаешь, Артем, у меня подготовка невелика.

— Ну, на этот счет не беспокойся, — возразил Артем. — А вот насчет семьи, которая может остаться, — вопрос. Впрочем, оставим это до завтрашнего дня.

С этими словами Артем вышел от меня».

Пятого февраля состоялось первое предвыборное собрание выборщиков. Вершителями судеб были крестьяне, их насчитывалось более ста человек. Большинство из них сочувствовало эсерам, но были и приверженцы социал-демократов. Членов РСДРП среди выборщиков насчитывалось 35 человек, кадетов до 45. При таком соотношении сил большевикам трудно было рассчитывать на значительные успехи.

На предвыборном собрании большевики выдержали натиск черносотенцев. Последние получили от представителей рабочего класса достойную отповедь.

Большевик Петров, человек не молодой, с окладистой бородой, дал отпор царским прихвостням:

— Граждане, вы слышали, как монархисты вызывающе держали себя в своих выступлениях против социал-демократов? Во многих случаях они говорили ложь. Но мы идем прямой дорогой, провокаций не устраиваем, наша партия открыто заявляет, за что она будет в думе бороться, а именно: за

отчуждение земли для крестьян без выкупа, за восьмичасовой рабочий день для рабочих и за Учредительное собрание.

Петров и другие ораторы-большевики сделали свое дело: симпатии многих крестьян-выборщиков склонились на сторону товарищей Артема.

Вечером того же дня состоялось нелегальное совещание фракции социал-демократов.

Маленькая узкая комната. Артем сидит на подоконнике единственного окна. Входят товарищи. В числе других пришел и Чащин. Он приблизился к Артему, протянул ему руку. Артем остро взглянул веселыми глазами на надеждинца, чем привел его в некоторое смущение. «Что это Артем так многозначительно поздоровался со мной? Глазами сверлит, а они веселые, озорные… Что-то готовит мне».

Собрались все 35 выборщиков социал-демократов. Артем прошел к столу и объявил совещание открытым. На повестке дня один вопрос: «Обсуждение кандидатур в Государственную думу».

На предварительном совещании фракций различных партий социал-демократы получили три места для выставления своих кандидатов.

Предварительно Артем поставил вопрос: учитывать ли при выдвижении кандидатур в думу признак территориальности, или судить о кандидатах только по личным качествам? Было признано по возможности учитывать и то и другое обстоятельство.

От Екатеринбурга был выдвинут Егор Алексеевич Петров, от пермских железнодорожников — Шпагин, от Надеждинска — Чащин. Обсуждались также кандидатуры товарищей Карелина из Мотовилихи и Ордина из Екатеринбурга.

Во время обсуждения кандидатуры товарищ, о котором шла речь, выходил из комнаты. В списке большевиков остались Петров, Шпагин и Чащин. Эти трое представляли социал-демократов, они были выставлены для баллотировки на предстоящих выборах.

7 февраля в губернском земстве состоялись выборы. Чиновник по особым поручениям при пермском губернаторе знакомил выборщиков с правилами выборов. Проверка полномочий выборщиков уже произведена, и те, кто опоздал ее пройти, от участия в выборах отстранялись.

Голосование было дружным. Согласованный заранее между фракциями различных партий список кандидатов в думу был проведен абсолютным большинством голосов. Ни один черносотенец и монархист в думу не был избран.

Депутаты думы пользовались личной неприкосновенностью.

Для большевика-подпольщика, получившего звание депутата Государственной думы, личная неприкосновенность была явлением почти фантастическим. Шпагин решил испытать эту самую неприкосновенность, использовать ее в революционных целях.

Пошел он на один из пермских заводов и во время обеденного перерыва устроил большой митинг рабочих. Произнес революционную речь и предложил рабочим составить ему, как депутату думы, наказ. И свершилось «чудо»: до поры до времени волшебные слова «депутат думы» действовали на охранку и полицию. На митинг, как и полагается, прибыл наряд полицейских, правда к шапочному разбору, когда уже все кончилось. Шпагина, только что произнесшего противоправительственную речь, арестовать было нельзя: депутат думы. И ничего иного не оставалось, как проводить господина депутата до его квартиры, а не взять, как прежде, за шиворот и отправить в тюрьму.

Позже, ознакомившись с законом о правах депутатов думы, Шпагин понял, что полицейские законов не читают. Если бы они заглянули в этот закон, то нашли бы там основание для ареста депутата, захваченного на месте преступления — произносящего революционные речи вне думы.

Через день после выборов Шпагин в последний раз виделся с Артемом. Кооптированный в Пермский комитет РСДРП, Шпагин явился на заседание. Оно состоялось в квартире Марии Загуменных. Решили организационные вопросы, исключили из партии меньшевика Матвеева за то, что он вошел в соглашение с кадетами. Заседание закончилось. Пили чай. Артем с присущей ему веселостью рассказывал о своих столкновениях с охранкой и полицией в Харькове. Рассказал он и о ставшем легендарным эпизоде, когда, в очередной раз спасаясь от гнавшейся за ним по пятам полиции на территории Сабуровой дачи, влетел в часовню и, не растерявшись, вскочил в пустой гроб. Прикрыл над собой крышку, пролежал в гробу несколько часов, дождался, пока сбившиеся с ног фараоны не покинут больницу. Тогда он живехонький вылез ив гроба и ушел подальше от опасного места.

Депутата в думу Чащина провожали из Надеждинска его друзья-единомышленники и масса рабочих завода. В день проводов Чащина была объявлена забастовка. Сотни и сотни рабочих шли к вокзалу, пели революционные песни. Вот уже и поезд подошел к перрону. Один из членов партии поднялся на площадку вагона, потребовал внимания и начал читать наказ надеждинских рабочих своему посланцу в Государственную думу:

«Мы, рабочие Надеждинского завода, собравшиеся на

проводы нашего депутата Чащина Василия Андреевича, избранного от уральских рабочих во II Государственную думу, поручаем ему защищать интересы рабочих и крестьян.

Мы твердо верим и надеемся, что ты не побоишься и не остановишься в момент борьбы перед опасностью, даже если бы тебе грозила смерть от врагов народа. Мы знаем, что Государственная дума в подавляющем большинстве будет состоять из помещиков-крепостников, капиталистов, либералов — изменников народа и погромщиков-монархистов — все они являются защитниками самодержавия. Против них с думской трибуны выступит с.-д. фракция, в которой и ты должен состоять, наш избранник, должен открыто, беспощадно разоблачать, вести борьбу со старым отжившим строем — самодержавием. Мы требуем, чтобы с.-д. фракция в Государственной думе отстаивала интересы рабочих, боролась за них в думе и вне ее, держала связь и была бы связана, непосредственно связана с рабочей массой, используя думскую трибуну для организаций этих масс, для завоевания ближайших требований программы РСДРП. Не законодательствовать в думе вместе с сидящими там помещиками-крепостниками, а бороться за Учредительное собрание, демократическую республику, за 8-часовой рабочий день, за конфискацию всех помещичьих, монастырских, удельных земель и за организацию крестьянских комитетов.

Да здравствует демократическая республика и борьба за социализм!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»

Чащин бережно принял наказ, поцеловал его, встал на перронную скамейку и в прощальном слове сказал, что сделает все, чтобы оправдать доверие рабочих избирателей. Раздались два удара колокола. Товарищи подхватили Чащина и быстро внесли в вагон. Под тысячеголосое «ура» поезд уходил на юг.

Ленин — делегат Урала

Избирательная кампания во II Государственную думу закончилась невиданным успехом. Нелегальная, жестоко преследуемая правительством, большевистская пермская партийная организация провела в думу трех своих товарищей. Авторитет большевиков на Урале возрос неизмеримо, это наглядно подтвердилось и в ходе выборов на V съезд РСДРП, избирательная кампания на который шла почти одновременно с выборами в думу.

V съезд партии должен был обсудить соглашательскую политику Центрального Комитета РСДРП, в котором прочно засели меньшевики. Оба крыла партии, большевистское и меньшевистское, лихорадочно готовились к съезду. Серьезнейшее сражение между революционными и оппортунистическими силами в партии было неминуемо. Исход этого сражения во многом зависел от числа делегатов съезда — большевиков и меньшевиков.

Число делегатов на съезд того или иного района зависело от количества членов партии в этой организации. Меньшевики шли на любые трюки, чтобы увеличить численность местных организаций, где их влияние было решающим.

Руководители уральской партийной организации и, конечно, в первую очередь Артем ясно представляли себе, что значит для будущего партии обеспечение большевиками перевеса сил на V съезде. Уральские товарищи обещали Ленину послать на съезд крупную, полностью большевистскую делегацию.

На заседании Уральского областного комитета Артем внес предложение провести от одной из низовых партийных организаций Урала делегатом на партийный съезд Владимира Ильича Ленина. Выступая с этим предложением, Артем говорил:

— У нас еще не проводились выборы на съезд на солеварнях в Усолье. Солевары — боевые рабочие, они ведут упорную борьбу. Кандидатуру Ленина они с радостью поддержат. Я предлагаю срочно послать в Усолье товарища Ивана (Иван — это нелегальное имя на Урале Константина Бассалыго. — Б. М.) и поручить ему провести делегатом на съезд товарища Ленина.

Партийное поручение было выполнено. Ленин получил мандат на V съезд РСДРП от большевиков Урала.

На IV съезде партии Урал был представлен тремя делегатами. Выросшая и окрепшая уральская партийная организация имела право послать на V съезд более 20 делегатов.

Артем заканчивал проведение кампании по выборам на съезд партии. Результаты выборов превзошли все ожидания. Было избрано 23 делегата, из них 22 большевика и лишь 1 меньшевик. В числе делегатов был и сам Артем. Сообщение о блестящей победе уральских большевиков на выборах стало известно меньшевистскому Центральному Комитету РСДРП. Немедленно на Урал направляется ревизор — член Центрального Комитета Аким (Леон Гольдман). Ему поручено произвести проверку с пристрастием, правильно ли проведены уральцами выборы на съезд партии. Аким уже прибыл в Пермь, и на 7 марта назначено с его присутствием внеочередное заседание Пермского комитета партии. На комитетском собрании будут присутствовать съехавшиеся в Пермь по пути в Лондон делегаты V съезда партии.

Собрание назначено в центре города, неподалеку от вокзала.

ЧАСТЬ IV
ТЮРЬМА И ССЫЛКА

Артем арестован

В последние дни перед этим собранием комитета Артем не мог оставаться ни на одной квартире более 10–12 часов: за ним по пятам шла охранка. Приходилось пользоваться всем арсеналом конспиративных приемов, чтобы сбить полицию со следа. После изнурительного труда последних месяцев, когда Артему пришлось вынести на своих крепких плечах две ответственные политические кампании, силы его были на исходе. Ну, думал Артем, еще день, еще два, и будет получена долгожданная передышка — предстояла поездка за границу.

Но неожиданно приехал Аким, человек небезызвестный Артему, и сегодня предстоит с ним встреча, даже не встреча, а серьезнейший поединок с идейным врагом, который, к сожалению, носит имя члена той же партии, что и он, Артем.

Все в сборе. Артем открывает комитетское заседание.

— Товарищи, разрешите вам представить агента Центрального Комитета Акима, которому поручено произвести ревизию правильности нашей работы по выборам на съезд партии и действительность выданных нами делегатских мандатов. По долгу социал-демократа большевика не могу утаить от вас, что Аким мне давно знаком, и вот обстоятельства, при которых мы с ним встретились.

На четвертом съезде партии в Стокгольме я был делегатом от партийной организации Харькова. С трибуны этого съезда Аким, руководствуясь интересами группы, которую он представлял, бросил мне обвинение в том, что я сам себе изготовил мандат на партийный съезд. Я и мои товарищи там же, на съезде, потребовали от Акима предъявления доказательств для такого беспрецедентного обвинения члена партии. Ни на съезде, ни после него Аким ничем не смог подтвердить своего безобразного поклепа на товарища по партии. В интересах меньшевизма, ради достижения своих групповых целей и только для этого в меня был брошен ком грязи. Такими нечестными методами меньшевики пользовались в своей борьбе с большевиками на четвертом съезде партии. Опытного в такого рода делах человека меньшевистский Центральный Комитет шлет к нам, на рабочий Урал, чтобы бросить тень подозрения теперь уже не на Артема лично, а на всех большевиков — делегатов пятого съезда партии. Дело товарищей из комитета принимать то или иное решение в связи с приездом Акима. Я же, со своей стороны, считаю Акима недобросовестным товарищем и вношу предложение послать

Центральному Комитету письмо, в котором указать от имени Пермского комитета партии на нетактичность откомандирования на Урал в качестве агента ЦК Акима. Не может быть представителем Центрального Комитета нечестный человек!

Ответить Артему по существу брошенных им обвинений Аким не мог: истина была не на стороне меньшевиков.

Тогда Аким перевел дискуссию на политические рельсы.

Атмосфера на собрании была накаленная, все делегаты съезда и члены комитета выразили свою солидарность с Артемом и присоединились к его оценке появления Акима на Урале.

Расходились с соблюдением всех правил конспирации, по двое. Первыми ушли Зеленый и Степан, удалились постепенно и другие товарищи. Артем выходил с Григорием Котовым, за ними следовали секретарь комитета Ольга Двинянинова и Аким.

По привычке подпольщика, выйдя из дома, Артем внимательно огляделся вокруг, но, не заметив ничего подозрительного, двинулся вдоль по улице. Прошли квартал и повернули за угол на другую улицу. В этот момент услышали за собой быстрые шаги и вслед за этим: «Руки вверх!»

Понимая, кто преследует его, Артем тем не менее закричал «караул», делая вид, что испугался нападения бандитов.

Полицейские навели на Артема и его спутников дула револьверов, схватили арестованных под руки и быстро доставили в участок. Были захвачены Артем, Котов, Двинянинова, Трефилов, Мальцев и Аким. Обыск в полиции ничего существенного не дал, при Артеме не оказалось чего-либо предосудительного. Отпустив каждому из арестованных по нескольку оплеух и тумаков, полицейские отвели их в камеру. На допросе полицейскому чиновнику был заявлен протест о том, что арестованных били. Протест был отклонен, пристав заявил: «Этого не могло быть». Из первого же допроса стало ясно, что полиция приняла Артема и других захваченных членов Пермского комитета за «лбовцев», вот почему и раздался приказ: «Руки вверх!» До сих пор неизвестно, кто предал Пермский комитет РСДРП, кто указал место его заседания, кто отдал Артема и его товарищей в руки полиций.

Лбовцы

Вооруженное восстание на Мотовилихинском заводе в декабре 1905 года закончилось поражением рабочих дружин. Скрываясь от преследований, многие участники восстания с оружием в руках уходили в леса. Среди этих людей оказался и Александр Лбов. Обосновавшись в лесных землянках, вооруженные рабочие, называвшие себя «лесными братьями», под командованием Лбова начали партизанские действия. Они совершали неслыханные по дерзости и смелости нападения на полицию, совершали экспроприации. Окружающее рабочее население сочувствовало своим товарищам, ушедшим в леса, снабжало их одеждой и пищей.

Кто же был сам Лбов?

Старый большевик Шилов вспоминал:

«Кто такой был Лбов? Как мне известно, раньше служил он в гвардии, выделялся высоким ростом и физическим здоровьем, был смел; деятелен и находчив, не терялся в трудные минуты. Табаку не курил, водки не пил, и в лесу ее мы не видели… В политике разбирался плохо и вообще грамотой не блистал. Был беспартийным. Я ни разу не слыхал от Лбова каких-либо суждений о политическом положении. Что нужно делать было в ближайшее время? Где искать выход из создавшегося положения для него самого и других? Продолжать ли партизанскую борьбу, находясь в лесу на положении затравленного зверя, или выехать куда-нибудь подальше? Об этом как-то не говорили.

Лбов принимал к себе любых людей, преследуемых самодержавием и борющихся против него, независимо от их партийной принадлежности. Он был за революцию вообще. Его отряд служил фактически базой для разных групп и разных предприятий, хотя дисциплину у себя он поддерживал твердую.

Существование такого отряда было еще оправданным, когда казалось, что новый подъем революции, новое вооруженное восстание близко. Лбову сочувствовали, ему помогали. Но постепенно становилось ясным, что пользы от отдельных экспроприаций и террористических актов куда меньше, чем вреда. Лбов не знал, куда идти.

Помощь со стороны рабочих — хлеб, боевое снаряжение и прочее, а главное, связи делались все слабее и опаснее из-за полицейской блокады. Лбовцы часто голодали…

Когда мы — я, Кожин, Папочкин и Богданов — вышли из леса, у Лбова сохранялась надежная связь с нами, и он изредка

ночью пробирался к нам. Спал не раздеваясь, винтовка и все прочее были у него под рукой. Он, видимо, отдыхал от переутомления и одиночества…»

В специальной резолюции V Лондонского съезда РСДРП «О партизанских выступлениях» говорилось:

«…Что в… настоящий момент сравнительного затишья партизанские выступления неизбежно вырождаются в чисто анархические приемы борьбы, ослабляя партию в ее борьбе против анархической агитации в рабочем классе и внося деморализацию в ее собственные ряды…

…В настоящий момент, при отсутствии условий для массового революционного взрыва, партизанские выступления нежелательны, и съезд рекомендует идейную борьбу с ними…»

В одном из своих писем к товарищам, спустя несколько лет после описываемых событий, Артем, возвращаясь к эпизодам своей партийной работы в Перми, упоминал о лбовщине, о том, что этим партизанским движением пытались овладеть люди, далекие от большевизма. Вот что писал Артем:

«…В этом письме я описал несколько эпизодов из моей жизни в Перми. Они касались той борьбы, которую мы вели со лбовщиной, отравленными отбросами умиравшей революции. В этой борьбе я столкнулся с группой авантюристов, таких же беспринципных и беспардонных, как и наглых…» Эта очень резкая оценка терроризма и авантюризма лбовщины была адресована Артемом, конечно, не к тем честным и неискушенным в идейной борьбе мотовилихинским рабочим, которые на какой-то короткий срок времени становились «лесными братьями». Артем писал об эсерах и анархистах, «отравленных отбросах… революции», которые обманывали вчерашних дружинников, ловили их на лживые и вредные для дела революции призывы к индивидуальному террору, экспроприациям, вырождающимся в разбой, и тому подобным приемам мелкобуржуазного анархизма и эсеровщины.

Полицейские и судебные власти жестоко расправлялись со лбовцами, считая их уголовниками: по делам лбовцев выносились смертные приговоры и многие годы каторжных работ.

Человек без имени

По соображениям конспирации Артем не называл своего настоящего имени, не желая обрадовать своих тюремщиков сообщением о том, кого они захватили в свои руки. Это обстоятельство помогало следственным властям делать вид, что они считают Артема лбовцем, и соответственно с этим создавать для него невыносимые условия тюремного быта.

Когда улеглось первое потрясение, связанное с арестом, и Артем обрел свое обычное спокойно-ироническое отношение к жизненным невзгодам, привычным для подпольщика, он, смеясь, говорил своим товарищам по заключению:

— Ну, я доволен, хоть отдохну как следует!

Григорий Николаевич Котов, который сидел в эти дни в тюрьме вместе с Артемом, писал: «Эти слова были действительно стоном уставшего тела и утомленной души. Человек настолько переутомился, что рад был и тюремному «отдыху».

Но было одно обстоятельство, которое отравляло тюремные будни Артема. Случилось так, что Артема посадили в одну общую камеру с Акимом, и начатая на заседании Пермского комитета жаркая полемика между большевиком и меньшевиком вспыхнула в тюрьме с новой силой. Противники дали волю своим чувствам и мыслям, шум и крики доносились из камеры и были слышны на всем этаже тюрьмы. Тюремщики прибегали в камеру, пытались унять спорщиков, но только они уходили, как все начиналось сызнова. Кончилось это многодневное сражение тем, что Артема и Акима рассадили.

О тюремной жизни Артема в первые месяцы его заключения в 1907 году можно судить по оставшимся воспоминаниям его товарищей по заключению и по коротенькому отрывку из письма Артема родителям.

Письмо это датировано 9 июля 1907 года:

«Здравствуйте, дорогие родители! Волею судеб, от меня не зависящих, я оказался снова там, где Вы меня видели в Москве и Воронеже». Дальше Артем пишет о «хороших» условиях в Пермской тюрьме: «Собственно говоря, на воле никогда не бывает таких благоприятных условий для работы… Я не маленький мальчик и не красная девица, и на воле я бывал гораздо в худших условиях довольно часто». Артем пытается успокоить мать и отца этими «хорошими» условиями тюремного существования, но в этом же письме, тревожась о своем ближайшем будущем, просит родителей «признать его своим сыном», иначе ему грозит перевод

в разряд «бродяг», то есть уголовников.

Приписать Артему участие в лбовских деяниях следственным властям не удалось. Чтобы не дать им возможности расправиться с собой, использовав обвинение в «бродяжничестве», Артему пришлось отречься от своих первых показаний и назвать свое настоящее имя Федора Андреевича Сергеева. Охранка, не получив при аресте никаких вещественных доказательств «преступной» деятельности Артема, кроме секретных донесений своих агентов-провокаторов, затруднялась в определении формулы обвинения. Чтобы выпутаться из этого неловкого положения, новые показания Артема были объявлены ложными, названное им имя Сергеев вымышленным, и ему предъявили уголовную статью за бродяжничество. Эта статья позволяла лишить Артема преимуществ, вырванных революцией для лиц, обвиняемых в политических преступлениях, позволяла осудить его на каторжные работы.

Из женской половины тюрьмы хорошо просматривался изолированный двор башенного корпуса, где гулял Артем.

Мария Загуменных, сидевшая в той же тюрьме, увидела Артема на прогулочном дворе. Постриженный наголо, он с хохотом носился по двору, стараясь ускользнуть от удара мяча, который бросали в него заключенные.

Мария окликнула Артема. Он сразу узнал ее голос и, смеясь, рассказал историю мяча.

— Раз попали сюда, то нужно же на досуге и за гигиеной немного последить. Волосы на голове отросли длинные, стричь было некогда, а здесь цирюльник бесплатный. Обрил всех наголо. Теперь легко, а так как всегда желательно соединять приятное с полезным и добро зря не бросать, то наши богатые шевелюры пошли на мяч. Теперь вот гоняем его по двору. Чудесное развлечение!

Григорий Котов, со своей стороны, дополняет эти сведения любопытными подробностями.

Первые два-три месяца заключения Артем отличался изумительной способностью мгновенно засыпать днем и ночью. Истощенная нервная система, в порядке защитных рефлексов, приспособилась к длительному отдыху. Однако Артем незамедлительно просыпался, когда приходило время для принятия пищи или когда наступал час прогулки. На тюремном дворе он ни одной минуты не оставался в покое: бегал, играл в мяч, проделывал физические упражнения.

В тюрьме, как и на воле, по свидетельству Клавдии Кирсановой, возглавлявшей пермскую военную организацию, Артем стал общим любимцем.

«Иногда даже душа закоренелого тюремщика словно отогревалась под лучами его простых и задушевных слов, и этот надзиратель становился сообщником Артема в передаче писем и всякого рода посылок с продуктами и лакомствами, какие получались с воли».

Шли месяцы, с делом Артема власти не спешили.

Арестовали Артема в марте, минуло лето, наступила ранняя уральская осень, замелькали за тюремной решеткой белые мухи, а следствию не было видно конца. Артем надоедал следственным властям, протестовал против безобразной медлительности, но толку от этого было мало. Власти знали, что Артем — фигура не простая, материалов же для суда почти нет, но не выпускать же Артема!

И вот однажды вечером загремела, зашумела тюрьма, будто сильный подземный толчок потряс стены. В двери и решетки камер летело все, что попадало под руку: столы, стулья, кровати, раздавался топот, крики заключенных. Все было поднято на ноги. Душой этой обструкции был Артем. Он же и пострадал больше других за строптивость и неуживчивость. Не нравится сидеть в Перми, что же, переведем этого опасного человека и его друзей в более спокойное место.

В николаевском застенке

На Урале в ту пору, кроме небольших уездных; были три большие тюрьмы: Пермская, Екатеринбургская и так называемые Николаевские исправительные арестантские отделения — «Николаевские роты» — в медвежьем, глухом углу таежного Верхне-Турского уезда. Сюда посылали заключенных из других тюрем «на исправление». Чуть ли не ежедневно в Николаевке совершались кошмарные расправы и истязания. Заключенным разрывали ушные перепонки, пороли размоченными бычьими кнутами и забивали до смерти, замораживали в холодных подвальных карцерах. Брошенных туда избитых, окровавленных людей подвергали варварской пытке: пол был углублен в виде конуса, в этой камерной яме невозможно шевельнуться. Попавший туда умирал, покрываясь льдом из собственной крови. Двое садистов-тюремщиков Николаевки — Калачев и Конюхов — позже стали известны своими зверствами на всю Россию. В эту страшную Николаевну отправляли Артема.

Над палачами низшего ранга стоял губернский тюремный инспектор Блохин. Лощеный господин, с высшим образованием, гладко выбритый, со вкусом одетый, он по совместительству состоял председателем пермского губернского отделения «Союза русского народа». Этот черносотенец с хорошими манерами особо интересовался заключенным Артемом — Сергеевым и обещал своим сослуживцам, что этот знаменитый революционер с двумя фамилиями вскоре забудет и первую и вторую.

Однажды в Пермской тюрьме Блохин заметил на стене сделанную кем-то из заключенных надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Подозвав надзирателя, инспектор попросил принести уголь. Затем он извлек из кармана белоснежный носовой платок, стер в конце надписи восклицательный знак и приписал: «в тюрьме!»

Блохин оказался инициатором перевода Артема в Николаевские исправительные роты, он же был вдохновителем истязаний и пыток над политическими заключенными в Николаевских ротах.

За высокими стенами главный корпус Николаевки — двухэтажное каменное здание. Здесь же разместились церковь и тюремная больница. Вне стен — дома администрации. Внутри главного корпуса по второму этажу тянется галерея, на которую выходят решетчатые двери камер. Второй этаж занимают политические, первый — уголовники. В подвале находились

карцеры — каменные холодные мешки, где пытали заключенных.

Пригнали в канцелярию, построили в два ряда. Начальник тюрьмы Жирнов, беззубый старик, произнес что-то вроде речи:

— Вас прислали ко мне для исправления. Если будете вести себя хорошо, исполнять все тюремные правила, не прекословить администрации, то вам будет у меня хорошо, в противном случае у меня достаточно средств привести вас в повиновение, пермскую дурь я из вас выбью…

Сразу же после слов Жирнова послышался голос Артема:

— Господин начальник, над нами еще не было суда, мы не осуждены, поэтому для исправления нас сюда прислать не могли. Ваши угрозы еще не осужденным есть грубое насилие и превышение власти.

— Молчать, бродяга! — завизжал старик.

К Артему подскочили старший надзиратель Евстюнин и помощник начальника тюрьмы ведающий политическими заключенными Калачев. Они схватили Артема, у которого были скованы руки, тут же отделили от остальных арестантов. На глазах у товарищей Артему постригли под машинку голову, одели в арестантское платье, обули в лапти и потащили в одиночную камеру. Остальных поместили в общую на втором этаже.

На первое письмо Артема с просьбой, чтобы родители сообщили следственным властям, что он действительно является их сыном Федором Андреевичем Сергеевым, ответа не приходило. Отсутствие подтверждения его имени со стороны родных грозило Артему новыми бедами, угрожало его жизни. С Артемом без имени и без родства, с бродягой Калачевы и Евстюнины разделались бы быстро.

Сестра опознает брата

Артем писал письмо за письмом к родителям в Ак-Булак Оренбургской губернии Актюбинского уезда, где они теперь жили. Писал сестре на Екатеринославщину. Большая часть этих писем не доходила до адресата, оседала у прокурора. Следственные власти разослали родным Артема фотографические карточки. На них Артем бы снят в бороде и усах.

Последний раз Андрей Арефьевич видел сына безусым юнцом в Воронежской тюрьме. Это было в 1902 году. Пять лет спустя, когда к отцу Артема, на затерянную в степях станцию Ак-Булак, пришел полицейский и, предъявив фотографию какого-то человека в бороде и усах, потребовал опознать в нем сына, Андрей Арефьевич отказался признать в нем своего Федора. То ли он действительно не узнал в предъявленной фотографии родного сына, то ли не хотел его узнать. Очень уж обидел старика Артем: вместо того чтобы стать солидным человеком — инженером, связал свою жизнь с арестантами-революционерами, сгубил свою молодость. Сыграло свою роль, вероятно, и то обстоятельство, что Андрей Арефьевич твердо не знал, как ему лучше поступить: что может больше повредить его непутевому сыну — опознание его по фотографии или, наоборот, отрицание его сыновства.

Письмо в Екатеринослав на имя Дарочки было доставлено в охранку. Дарью Андреевну вызвали вместе с братом Егором и мужем. Ей показали фотографию Артема. Все трое внимательно осмотрели фотокарточку и в один голос сказали:

— Это Федор Андреевич Сергеев, наш брат.

Таким образом, обвинение Артема в бродяжничестве, угроза уголовного преследования и каторги по этим мотивам были устранены. Но начальство, которое вело следствие по делу Артема, не спешило передать заключенному известие об опознании его родными.

Уже после того, как Дарья Андреевна сообщила властям об опознании своего брата Федора, ей вручили задержанное доставкой письмо Артема.

«Милая сестра Дарочка, — писал Артем, — признай хоть ты меня, когда родной отец отказался и не признал меня. Но я на него не обижаюсь, он пять лет не видел меня, а меня еще вдобавок в бороде и усах фотографировали».

Палачи и их жертвы

Жизнь Артема в Николаевне протекала между одиночной камерой и карцером в подвале. Более жестокого режима и мучительств, которым подвергался Артем, никто из его товарищей по Пермскому комитету не испытал. В своем письме, написанном около четырех лет спустя после заключения в Николаевке, Артем писал своему другу:

«…В тюрьме я слишком много пережил… Что было в тюрьме, Вы отчасти знаете. Но только отчасти. Оскорблялось, попиралось, растаптывалось все, чем дорожил, что часто ставил дороже самой жизни. Я вышел из тюрьмы почти калекой. Я уходил в тюрьме от конкретной обстановки в область абстракций, ти тем больше, чем гнуснее была обстановка. Я заставлял свой мозг работать значительно больше, чем он мог вынести. Из тюрьмы я вышел больным. Психически больным… Помните, я писал Вам о товарище, который, выйдя из тюрьмы, застрелился? Мы с ним пережили вместе, вдвоем, самые тяжелые минуты.

Бодрый, мужественный, сильный парень, огонь, а не человек, он умел в дни ужасных избиений и издевательств сохранять бодрость духа и мужество. Стойкость одного служила условием стойкости другого. Он был еще стойче моего… Он иногда только сдавался, но на минуты, не больше. Его смерть невероятно тяжело подействовала на меня. В ссылке, на свободе уже, человек не вынес гнета пережитых унижений».

Артем протестовал против оскорблений и издевательств над, заключенными, за это его хватали и сажали в карцер. В карцере жизнь начиналась и кончалась смертным боем. Опухшего, избитого, посиневшего Артема бросали на обжигающий от холода цементный пол.

Из карцера даже Артему с его железным здоровьем приходилось ложиться в тюремный лазарет. Там он приходил в себя. Его переводили в одиночную камеру второго этажа. А затем все начиналось сначала: карцер, больница, одиночка. Так шли дни и месяцы. Страшное время, о котором Артем никогда не мог забыть.

В карцер провинившихся заключенных провожали по раз и навсегда заведенному порядку. По обеим сторонам лестницы, ведущей из отделения для политических заключенных на первый этаж, выстраивались все надзиратели тюрьмы. Как в далекие времена крепостничества осужденного солдата пропускали сквозь строй шпицрутенов, так и здесь, в Николаевке, арестованного

ударами кулаков, перебрасывали, как мячик, от одного палача к другому, и так до самого конца лестницы. «Искусство» состояло в том, чтобы встречными ударами кулаков не давать заключенному упасть. В карцере арестованного раздевали, снимали с него то подобие обуви, которое было на ногах, оставляли человека в одном нижнем белье, босиком в помещении, где замерзала вода. Меньше чем на две недели в карцер не сажали.

График избиений в карцерах Калачевым, Евстюниным и их подручными был точным и никогда не нарушался: в будние дни били по ночам, по воскресеньям и праздникам — днем. Били кулаками, плетьми, особыми нагайками, большими тюремными ключами, топтали сапогами. В одном из карцеров Калачев приколотил к полу круглые жерди, так чтобы заключенный был лишен возможности лечь, сесть и даже поставить куда-либо босые ноги.

В воскресенье утром Евстюнин надевал новую шинель, шел в тюремную церковь и в течение всей службы усердно замаливал свои грехи. Отдав богу богово, он направлялся к своим жертвам в карцеры. Проникнутый божьей благодатью, он спрашивал у своего «крестника» в карцере:

— В бога веруешь?

Истерзанные, измученные пытками люди по большей части отвечали:

— Верую.

Тогда Евстюнин закатывал рукава шинели и говорил:

— В бога веруешь, а против царя пошел, в социалисты записался? Мать пресвятая богородица — раз… — Наносился первый удар. Затем со словами: «Казанская божья матерь — два…» — следовал второй удар. «Иверская» — третий удар. «Тверская» — четвертый. Избиение продолжалось до тех пор, пока Евстюнин не уставал вспоминать все известные ему чудотворные иконы.

У «крестника» № 1 Артема этой комедии не получалось. Здесь Евстюнин, сопровождаемый помощниками, бил молча, без присказок…

Весной 1908 года один из политических заключенных, посаженный в карцер, не выдержал всех этих ночных и дневных избиений и был отнесен в тюремную больницу, в которой, не приходя в сознание, через несколько часов скончался. Тюремный врач по обыкновению составил лживый акт: смерть после крупозного воспаления легких. На ту пору группа екатеринбургских товарищей отправлялась обратно в Екатеринбург. Оставшиеся в Николаевке политические заключенные обязали отъезжавших екатеринбуржцев сообщить на

воле об ужасах, творимых в Николаевских исправительных ротах, и рассказать матери только что убитого товарища об обстоятельствах его гибели. Мать имела право потребовать медицинскую судебную экспертизу для установления причины смерти ее сына.

«Подвиги» николаевских палачей стали известны в Петербурге, и о них социал-демократами был сделан запрос в Государственной думе. В свою очередь, один из крупных адвокатов в Екатеринбурге взялся за это дело. О Николаевке заговорили в газетах. Прокурору казанской судебной палаты, который был обязан наблюдать за уральскими тюрьмами, пришлось скрепя сердце назначить особую комиссию для расследования дел на месте.

Само собой разумеется, администрация Николаевки была своевременно предупреждена о выезде комиссии. Все карцеры были освобождены от узников. В числе их был и Артем. Товарищи из камер видели, как его с распухшим, изуродованным лицом, с выбитыми зубами, кровоточащим ртом ввели в тюремную больницу. Жердяной пол — изобретение палача Калачева — был сорван, орудия пыток тщательно спрятаны.

Заключенным, проведавшим о приезде комиссии, надзиратели говорили: «Начальство приедет и уедет, а мы с вами здесь останемся. Учтите это…»

Комиссия прибыла в Николаевку. Был назначен обход всех камер. Задавались казенные вопросы: какие имеются жалобы и заявления? Большинство заключенных ответили молчанием на эти дурацкие в условиях Николаевки вопросы. Некоторые узники николаевского застенка срывали с себя одежду и демонстрировали свое исполосованное, измученное тело. Некоторые просили перевода в любую другую тюрьму страны. Три человека официально заявили об истязаниях и пытках, их немедленно перевели в Екатеринбургскую тюрьму.

Член комиссии товарищ прокурора судебной палаты гарантировал заключенным прекращение истязаний. Калачева убрали. Позже свирепый палач был убит эсерами в Перми. Но вскоре Николаевка стала местом, казни для осужденных на смерть рабочих и крестьян всего уральского района. В праздник пасхи сюда привезли и повесили на тюремном дворе восемь рабочих… Все это происходило на глазах Артема и его товарищей.

Письма из-за решетки

Письма от Артема из Николаевки на волю почти не доходили. Изредка каким-то чудом проскакивала измаранная прокуратурой открыточка. Так, 25 января 1908 года такая открытка с картинкой, изображавшей «Аленушку» художника Васнецова, была получена Марией Загуменных.

«Привет. Ваши письма дошли — рожки да ножки… Дело к маю не пойдет, еще не предъявлен материал. Живем по-старому, через пень колоду… Обещали меня перевести в Пермь. Однако, я думаю, это случится не раньше, как повезут в суд…»

Из обрывков слов, оставшихся в письмах, проходивших прокурорский просмотр, а больше из писем, которые Артем умудрялся посылать нелегальным путем, товарищи на воле видели, что могучее здоровье их Артема разваливается. От цинги и избиений у него началось гангренозное воспаление челюстей, а лечения в Николаевке, само собой разумеется, никакого не было. Мария Загуменных получила в связи с этим от Артема «…прямо ужасное письмо. Сделать же мы ничего не могли», — отмечает она. Артем просил в своем письме к Загуменных сообщить о его положении родным.

«Многоуважаемый Андрей Арефьевич! Пишу Вам по поручению Вашего сына Федора. Он просит Вам передать, что прокурор переписку запретил, а потому он не имеет возможности писать сам…Ваш сын сел без улик, а потому можно надеяться на приличный исход. Вот только вытащить бы его из Николаевки, уж очень там скверно… Передаю Вам от него сердечный привет… Письмо это нелегальное. Пермь, 9 мая 1908 г. Мария Загуменных».

В июле того же 1908 года Артема все же перевели из Николаевки в Пермскую губернскую тюрьму. Случилось то, о чем даже мечтать не мог николаевский узник — вырваться из застенка после всего того, что было в нем перенесено и пережито.

Перевод в Пермь был связан с ожидающимся 25 сентября 1908 года судом над Артемом и его товарищами по Пермскому комитету РСДРП.

12 августа Артем послал из Перми в Москву большое письмо. Этим посланием была начата длительная, продолжавшаяся многие годы переписка между Артемом и Екатериной Феликсовной Мечниковой, матерью Александры Валерьяновны Мечниковой. Артема и Александру Валерьяновну связывали узы дружбы и подпольной партийной работы в Харькове в 1905 году.

Там, в Харькове, Александра Валерьяновна была техническим секретарем сначала большевистской группы «Вперед», а позже Харьковского комитета РСДРП, верным товарищем и помощником Артема.

Переписка с матерью Александры Валерьяновны, с большим сочувствием относившейся к политической деятельности своей дочери и ее друзей по партии, имела для Артема особое значение. В лице Екатерины Феликсовны он нашел старшего товарища, сердечного и доброго, готового отдать все, что имела, тем, кто боролся за счастье народное. Она была человеком высокой культуры и ясного ума. Письма Артема к Екатерине Феликсовне имели не только личное значение, они находили дорогу к товарищам из Московского комитета, за границу к Ленину. Таким образом, они связывали Артема с партией. Большинство писем Артема к Екатерине Феликсовне Мечниковой сохранились до наших дней. Они не были до сих пор опубликованы.

12 августа 1908 года в губернской Пермской тюрьме Артем написал одно из своих писем «Дорогой тете», как он называл Екатерину Феликсовну Мечникову.

«Я очень долго ничего не писал; то есть, вернее, Вы ничего от меня не получали, — пишет Артем. — Объясняется это тем, что мое последнее письмо было мне возвращено обратно; я его написал в первых числах июля, сейчас же по получении обвинительного акта… в форме, которая прокурору показалась дерзкой. Теперь я пишу уже из Перми, из губернской тюрьмы. Меня перевезли 3 недели назад, как только Николаевна получила извещение от Палаты (судебной. — Б. М.) доставить меня в заседание суда к 25 сентября…»

Артем описывает Екатерине Феликсовне мучения, пережитые им в Николаевке. Речь идет не о зверствах, которые он там перенес; об этом в письме, идущем через прокурора, писать нельзя. Артем пишет о последствиях избиений и голода — о болезни челюсти и начавшейся гангрене; приходится удалять часть челюсти, которая гниет и может привести к гибели от общего заражения крови.

«…С гораздо меньшим любопытством, чем исход болезни, я жду исхода суда. С этой стороны я не ожидаю ничего хорошего. Обвинительный материал очень бледен; есть свидетель, который утверждает, что моя хозяйка называла меня Артемом, писала что-то со мной и ходила на какие-то собрания, есть протоколы заседания Пермского комитета с.-д., где председательствует Артем, есть основание предположить, что хозяйка «конспиративной» квартиры собака (здесь написано неразборчиво. — Б. М.). У меня не найдено ничего; не

обнаружено нигде ничего написанного моей рукой. Доказать, что свидетельница говорит неправду, равно доказать, что совпадение имен не обозначает тождество лиц, — невозможно; первое — потому что свидетельница не ссылается в подтверждение слов ни на кого, второе — потому, что это азбучная истина. Никакой адвокат мне в этом случае не в силах помочь. Я ожидаю получить на точном основании 102-й статьи 1-го пункта ссылку на поселение…

…Я чувствую себя немного утомленным; дорога меня развлекла; новых впечатлений много; прекращение вынужденного одиночества и вместе отсутствие шума (мы сидели хоть и в одиночке, но втроем) действует на первое время хорошо, много книг… Ж. Занд, Бальзак, Достоевский, Шекспир, Байрон, Гёте и другие. Наслаждаюсь, когда могу… Я массу перезабыл из того, что знал, и чтение книг по механике… физике имело бы для меня существенное значение. У меня, например, есть желание понять эмпириомонистов; вообще их позиция мне кажется неудовлетворительной, но они так развязно обращаются с наукой (впрочем, этот недостаток свойствен представителям большинства философских направлений), что поневоле является желание ближе познакомиться с естественными науками. Как курьез могу отметить, что лекции по механике начальником Николаевского исправительного отделения не пропускаются, потому что слово «механика» ему не известно. Но есть основания предполагать, что меня в Николаевку не отправят. Судя по тому, что о губернской тюрьме писалось в печати, вы предположите, что я не много выиграю, наоборот, здесь всякие начальства и гораздо легче устранять всякие недоразумения, а это огромный шанс. Здесь невозможен запрет на «механику» и библию на иностранном языке на том основании, что начальник не изучал наук и не знаком с иностранными языками. А в смысле режима теперь по всей России одинаково, и шальная пуля даже на воле не менее опасна, чем в любой тюрьме, и если на что можно сетовать, так только на то, что пули стали совсем шальными. Что же касается карцера, так ведь темных комнат боятся только дети, пока они не дорастут до 7 лет… Пожелайте мне получить поселение, потому что оправдание, по-моему, не означало бы освобождения, а по-моему, лучше быть заключенным в пределах уезда или волости, чем в тюрьме. Ваш Федя…»

На письме надпись: «Прокурор Окружного Суда. Просмотрено и пропущено».

Письмо не нуждается в пространных объяснениях. Поражают жизнелюбие и оптимизм Артема. Он только что вырвался из ада, во рту у него незаживающие язвы и гангрена — память о

Николаевне. Он с наслаждением читает Бальзака, Достоевского, Шекспира. Просит прислать книги по механике и физике, критикует эмпириомонистов и для того, чтобы делать это крепче, увесистей, желает поближе познакомиться с естественными науками. Какая широта интеллекта, какие серьезные и глубокие умственные интересы!

25 сентября 1908 года суда над Артемом не состоялось. Главная свидетельница обвинения, очевидно не без помощи охранки, бесследно исчезла, и без того тоненькая ленточка обвинительного заключения повисла на одной ниточке. Судьи медлительные и неправые решили вернуть Артема в Николаевку и ждать лучших времен для слушания дела этого опасного революционера, который не помог им создать мало-мальски «приличного» судебного процесса.

И, несмотря на то, что Николаевка стала уже не той, какой была в недалеком прошлом, возвращение Артема в это проклятое и гиблое место было для него тяжким и неожиданным ударом.

Из тюрьмы в тюрьму

14 сентября 1908 года в письме Екатерине Феликсовне Артем сообщает из Верхотурья о спешном переводе на «старое пепелище»… «Партия была так велика, что конвой заковал нас; но, наше счастье, у него не хватило оков, и нас пятеро, не в пример другим, шли так».

В Николаевке Артема встретили, как старого знакомого. Начальство злорадствовало: мол, ненадолго улетел из нашего гнездышка, сокол. Товарищи выражали Артему сочувствие, рассказывали о благоприятных переменах в режиме. По мере тюремных возможностей Артем информировал политзаключенных о том, что делается «на воле».

На этот раз Артем находился в Николаевских исправительных ротах недолго. Около двух месяцев прошло после его возвращения на «старое пепелище», и снова приказ о переводе в Пермь. В сообщении об этом переезде Артем пишет в Москву Мечниковой:

«Снова переменяю местожительство. Еду на экзамены; осенью, Вы знаете, не пришлось их держать. Первый экзамен 17 января. Мои предположения о возможных результатах не изменились». Речь идет о новой дате, на которую был назначен суд.

Привезли Артема в Пермь. Первый «экзамен» должен был состояться 17 января, но он снова был отложен. Второй раз суд откладывался из-за неявки главного свидетеля обвинения. В связи с этим Артем в одном из своих писем «дорогой тетушке» указывал:

«…Обо мне могу написать, что все еще не известно даже время суда; а сколько раз его еще могут снова и снова откладывать, этого тем более сказать нельзя. Главная и, можно сказать, единственная серьезная свидетельница забежала куда-то так далеко, что ко времени январского суда ее не могли разыскать. Говорят, что она уехала чуть ли не в Восточную Сибирь. Не знаю, разыщут ли ее к следующему. Нерозыск ее меня удивляет потому, что она была, судя по делу, агентом полиции (в деле есть донесения от нее полиции, которые посылались задолго до ареста ее хозяйки). Я боюсь, что она предпочитает совсем не появляться на суд. В таком случае, нам придется еще долгое время ожидать суда».

В тюремной больнице

Последнее предположение Артема о том, что еще много утечет времени, прежде чем состоится суд над ним и его сопроцессниками, целиком оправдалось. Ждать суда Артему пришлось еще долгие месяцы. Но перевозки из одной тюрьмы в другую добром для Артема не обернулись. Он заразился сыпным тифом. Так несчастливо начался для Артема новый, 1909 год. Суда нет и нет, когда он будет, неизвестно, зато болезни нагрянули со всех сторон. Артем лежит в тюремной больнице вот уже месяц без сознания. Врачи махнули на него рукой: какой организм способен вынести столь ужасную по тяжести форму сыпняка? Больной мечется по постели, переживает в горячечном бреду бурные события 1905 года. Он командует дружинниками, прячется в лесах, яростно спорит с политическими врагами, поет революционные песни. Так проходят дни и ночи «обреченного» на гибель сыпнотифозного.

Но больной, к удивлению врачей, невзирая на бессознательное состояние, невзирая на температуру свыше 40 градусов, принимает пищу; он ест вопреки всем правилам медицины о том, что без сознания больные не едят.

«Кисель, молоко и хлеб, которые мне совали в рот, — рассказывал позже со слов нянюшек Артем, — я всегда проглатывал до последней ложки».

Этот «волчий» аппетит революционера, который на воле месяцами довольствовался «куском хлеба в кармане», спас его во время тяжелейшей болезни. Артем выжил. 7 марта 1909 года он уже выписался из больницы и был способен дать полный отчет «дорогой тете» о своей жизни.

В тюремной больнице выздоравливающий Артем попал в плохую компанию.

«Представьте, целый месяц пробыть в обществе воров-рецидивистов, рыцарей большой дороги, вырезавших на своем веку немало народу; профессиональных нищих, шулеров и тому подобной братии. Читать я не мог, да и нечего было; заниматься еще чем, чтобы уединиться хоть на время, тоже было невозможно; однообразные рассказы о том, как один «работал» с дубинкой, а другой с браунингом или мечеными картами, скоро надоели».

Режим дня для заразных больных был суров: из палаты выходить нельзя, писать письма нельзя, куда ни кинешься — все нельзя и нельзя. Говорить громко тоже было нельзя, а говорить тихо — ничего не услышишь. Но этот запрет систематически

нарушался. Артем основательно оглох после приема «лошадиных доз» хины. Так лечили его от второй по тяжести болезни — цинги: пять раз в день хинное питье.

По мере выздоровления Артема все сильнее мучил голод. Больничные харчи только усиливали это тягостное ощущение.

«В земской больнице ужасно скупо кормят: после обеда можно съесть без труда три фунта хлеба, — писал Екатерине Феликсовне Артем, — мы для сытости выпивали по кварте квасу; когда не было лучшего, приходилось покупать сыра, чтобы быть сытым. Я страстно стремился поправиться…»

Помогать Артему деньгами ухитрялись друзья, чтобы поскорее его поставить на ноги. И Артем поднялся с постели и стал готовить себя к новым испытаниям. Почувствовав себя крепче, он берется за работу, доступную ему в условиях тюрьмы. «С грехом пополам одолеваю понемногу английский». Быть может, все это пригодится в будущем. Когда же нибудь состоится суд. Сошлют в Восточную Сибирь. Уральских по обыкновению ссылают в эти гиблые места. В ссылке он обосновываться надолго не собирается. Обстоятельства могут сложиться так, что он окажется за границей, а там необходимо знание языка. Таким универсальным языком, на котором его поймут во многих странах мира, явится английский.

Из земской больницы Артема перевели долечиваться в тюремную. Наступила уральская холодная весна, которую Артем называл скверной карикатурой на южную зиму. Всю пасху шел снег. Из окна палаты Артем видел, как на землю падали снежинки. Ни зима, ни весна. Он подходил к окну, осторожно смотрел на безрадостную улицу, осторожно потому, что это запрещалось тюремным законом. Часовой, увидя в окне заключенного, имел право в него стрелять.

«В общем живу ничего, но Вам желаю жить лучше», — писал друзьям Артем,

«Я был, есть и буду членом своей партии»

В апреле Артем был, наконец, переведен из больницы, где провел более трех месяцев, в общую камеру Пермской губернской тюрьмы. И был этим переводом доволен.

«В первый раз попалась более или менее приличная компания. Хотя шумно, но не скучно. Беседуем на литературные темы, ежедневно занимаемся гимнастикой…» — отмечает Артем перемену в своем положении. Беседы на «литературные» темы означали политические дискуссии, обсуждение текущих событий в жизни страны.

Давным-давно была разогнана II Государственная дума. В ссылку, в Сибирь, пошли избранники народа — социал-демократы, те, кого напутствовал не на легкую жизнь весной 1907 года Артем. Была созвана новая, III дума, в которой из 429 депутатов было всего лишь 19 социал-демократов. В стране, зажатой в тиски черносотенного террора, свирепствовала столыпинская реакция. Тысячи участников революционной борьбы были казнены, десятки тысяч осуждены на каторгу. Тюрьмы были переполнены. Так, в одной из камер Пермской тюрьмы, где сидел Артем, находились 20 заключенных. Завоевания революции постепенно уничтожались: увеличивался рабочий день, снижалась заработная плата, широко практиковались штрафы. Массы рабочих подвергались локаутам — выбрасывались на улицу. Но полностью вернуться к дореволюционным порядкам самодержавие уже не могло. Россия, прошедшая через горнило революции, была уже не той, что до 1905 года.

Аграрная политика Столыпина была направлена к тому, чтобы создать самодержавию опору в деревне в лице кулачества за счет всего крестьянства в целом, не ущемляя при этом интересов помещиков. Кулаки выходили из крестьянских общин, по дешевке скупали земли у бедняков, покидавших деревню в поисках куска хлеба.

Столыпинская политика привела крестьянство к дальнейшему разорению и обострению классовых противоречий в деревне.

Сильно пострадала в эти годы безвременья партия. Например, в Екатеринбурге из 1 070 членов партии в 1907 году к 1908 году осталось 250 человек. Условия партийной работы в подполье стали намного тяжелее, чем в предреволюционный период. Отступать всегда тяжелее, чем наступать. Здесь нужна

особая идейная стойкость и выдержка.

В таких трудных условиях партийной жизни естественным было углубление пропасти между большевиками и меньшевиками. Последние отступали в беспорядке, в панике, отрекались от святая святых революционной программы, взывали к соглашению с буржуазией, к примирению с кровавым столыпинским режимом. Меньшевиков прозвали ликвидаторами за то, что они ратовали за ликвидацию партии. С другой стороны, нашлись нестойкие люди и среди большевиков. Они заявляли, что не к лицу революционеру сидеть в октябристской думе, призывали полностью отказаться от легальных методов борьбы с царизмом. Этих шатающихся людей, которые предлагали отозвать депутатов-большевиков из Государственной думы, окрестили отзовистами. Ленин называл их ликвидаторами наизнанку. И ликвидаторы и отзовисты посягали на существование партии, проявляли неверие в революционные силы рабочего класса.

В декабре 1908 года в Париже состоялась V Общероссийская конференция РСДРП. В ней участвовали большевики и меньшевики. На конференции были представлены крупнейшие партийные организации страны и в их числе уральская. Ленинский доклад на конференции определил линию партии на весь период реакции. Новый революционный кризис неизбежен, ибо остались причины, его вызывающие: народ, как и раньше, бесправен, крестьяне остаются в кабале у помещика, рабочие испытывают гнет фабриканта и жандарма. Перед партией стоят по-прежнему старые революционные задачи. Так заявила партийная конференция. Она по предложению Владимира Ильича со всей решительностью осудила ликвидаторов и совершенно определенно отмежевалась от отзовизма Богданова и ему подобных. На конференции большевики одержали большую победу в борьбе с меньшевиками.

На Урале приверженцы Богданова нашли общий язык со сторонниками партизанских методов борьбы, которые в новых условиях, без связей с революционными массами, превращались в анархистские террористические группки. Отзовисты и террористы-лбовцы вредили революционному делу.

Террор не ослабляет царского правительства, а создает излишние затруднения в деятельности нелегальных партийных организаций, говорили большевики рабочим.

Все эти сложные условия жизни партии быстро становились известными политическим заключенным в царских тюрьмах. Знали их также Артем и его товарищи по камере. Горячие многочасовые споры разгорались за тюремными решетками. Эти споры в письмах Артема скромно назывались «беседами на

литературные темы». Артем и в годы реакции твердо стоял на ленинских позициях. В черную эпоху столыпинщины в письмах Артема из тюрьмы доносились его слова верности партии и ее идеям:

«…Я никогда, я так думаю, не стану изменником движения, которого я стал частью. Никогда не буду терпелив к тем, кто мешает успехам этого движения. Я был, есть и буду членом своей партии, в каком бы уголке земного шара я ни находился. Не потому, чтобы я дал Аннибалову клятву, а потому лишь, что я не могу быть не мной…»

О том, что Артем был прекрасно осведомлен в тюрьме о всем, что делалось «на воле», свидетельствует его рассказ о содержании «литературных бесед» в камере.

«Вы знаете, как ни странно, — писал Артем своему старшему другу Мечниковой, — а я почти доволен, что эти три года просидел в тюрьме (письмо это было написано Артемом по истечении трех лет тюремного заключения в 1910 году. — Б. М.). Обстановка вашего военно-полевого конституциализма, с его политической апатией, провокациями… и общим умыванием рук, подействовала бы на меня в тысячу раз тяжелее сыпного тифа и прочего. В тюрьме у меня было всегда так много возни с правительственными агентами и такая хорошая товарищеская компания, что я мог забывать или, скорее, не так остро чувствовать процессы, которые происходили на воле. В тюрьме меня к тому же ближе интересовала теоретическая сторона борьбы… Публика, которая сидела со мной, да и я сам должны дико выглядеть на воле. Один из нас, попавший было на волю, говорил, что на него смотрели, как на чудище. Он быстро вернулся к нам обратно: одна из жертв центральной провокации, он ненамного хуже чувствовал себя в тюрьме по сравнению с волей. Не подумайте, что я пою панегирик тюрьме. Будь она тысячу раз неладна, пропади она пропадом! Она сумела достаточно хорошо отравить мне существование. Но я не могу не признать факта глубокого различия и в настроениях и душевном складе людей, проведших последние годы на воле и в тюрьме. Должен сказать еще, что на Урале общественные настроения пострадали менее, чем где-либо. Те же факты из рабочей жизни, о которых здесь приходится слышать на каждом шагу, там совершенно отсутствуют. Бегство интеллигенции там поголовное, но оно бросается резко в глаза благодаря тому, что это стремление незаметно у рабочих. Передовые рабочие там сузили деятельность, но не остановили. Где было 300, там осталось 60, но эти 60 действительно социал-демократы. Разбиты только центры. Например, из Мотовилихи выслали всю молодежь

(больше 1 000 человек); для одного завода это много. То же произошло в Надеждинском и отчасти в Алапаихе. Поэтому сидевшие по тюрьмам чувствовали ближе свою связь с действительностью… У нас пессимисты считались единицами. Целый ряд высланных, сосланных на поселение или оправданных сидят уже снова, но еще далеко не все арестованы.

Люди, которых мы видели или слышали, производили далеко не такое впечатление, как Ваше (да и не только Ваше) письмо. Когда нет ясно поставленных задач, а только неясные стремления, то трудно быть определенным. Говорят, что отсутствие индивидуальности (я бы сказал, пошлость господствующего типа) — наша национальная черта. Раньше ее объясняли самой невозможной чертовщиной (идеализм — только разновидность чертовщины, более утонченная, чем чертовщина забитого вотяка, но все же чертовщина)… А разве человек, не занимающийся определенной общественной или интеллектуальной деятельностью, может выражать что-либо, кроме видовых качеств, то есть не быть общим местом? Нам не нужно прибегать ни к какой чертовщине для объяснения этого, по существу, очень простого и доступного факта.

Как я буду доволен, когда я буду в состоянии не только говорить! Я жду этого момента с большим нетерпением. Однако без всякого нервничанья».

Северная весна между тем с каждым апрельским днем становилась все краше. Белизна снегов, синие тени снежных сугробов — все это прошло, и в свои права вступила весна воды. Потекли, зазвенели ручьи, двинулись вешние воды. Лучи солнца, отражаясь в каплях, рождали мириады маленьких солнц. Из-за решетки камеры Артем долгими часами смотрел «на волю». Лес, кладбище, черный двор, свалочный пункт, свиньи, голуби, с наслаждением купающиеся в талой воде, вороны — все это впитывал в себя Артем.

В такие неповторимые дни ласковой северной весны, когда в камеру через решетку окна заглядывала золотые лучи и виднелся голубой платок уральского неба, Артема охватывала какая-то лень. «Вот уж третий день, как не беру английской книжки в руки», — писал он.

Последствия болезни ощущались все меньше, глухота проходила. Артем пытался прыгать и бегать во время прогулок по тюремному двору. Изредка лишь ноги напоминали о недавнем пережитом — начинались сильные боли. Тогда Артем валился на койку, крепко сжимал челюсти, чтобы не проронить ни одного звука.

Наступил май, а с ним тревоги и надежды в связи с

приближающимся днем суда. На 28 мая было назначено слушание дела Артема. Но испытаниям Артема не было конца. Суд в третий раз был отложен. Опять оставалось ждать и ждать, а он уже заказывал себе через друзей на воле сапоги «с огромными голенищами, непромокаемые», для жизни в ссылке «в местах не столь отдаленных».

В Харьков по этапу

Неожиданно в июне Артема взяли из камеры и повезли, как это выяснилось уже в дороге, в Харьков «на опознание».

О том, что везут его в Харьков, Артем узнал лишь в Рузаевке. Ему удалось послать весточку о своем переезде в Москву Мечниковым. «Напишите в Харьков, — просил Артем Екатерину Феликсовну, — что я приеду с первым пензенским. Привет им от меня». Артему важно было, чтобы товарищи в Харькове знали об его приезде. Он понимал, что эта поездка связана с тем, что харьковские охранители напали на его след. Теперь очевидно, что Артема будут судить по двум делам, пермскому и харьковскому. Важно было знать, что предъявят Артему в качестве обвинения в Харькове. Дел за ним осталось в Харькове много. До каких из них докопаются охранники и судебные крючки? Эти думы не давали покоя Артему, но живая русская действительность, какой ее видел после такого долгого перерыва Артем, привлекала к себе его пристальное внимание. Сохранилось описание Артемом его поездки из Перми в Харьков.

«Надо сказать, что теперешние путешествия далеко не так привлекательны, как были в добрые старые времена. Самое худшее — это что не дают в дорогу деньги. Ехать три недели и получать ежедневно только на два фунта хлеба — 10 копеек — это значит быть на карцерном положении во все время пути. Единственное, что хорошо в дороге, это огромная масса знакомств, которые заводятся в дороге. Кого только не приходится встречать в дороге! Рабочие, солдаты, крестьяне, интеллигенты, воры, политики, просто публика. И эти люди путешествуют из края в край… Из Владивостока, Ташкента, Закавказья, из Донецкой области, Западного края, Польши, Москвы, Петербурга, с Дона, с Волги, с Днепра — отовсюду идут, идут без конца сотни и сотни людей. У каждого из них есть свое больное место, он готов без конца говорить о нем. И если бы собрать в одно всю массу разговоров, участником которых был и я, получилась бы огромная картина жизни той части общества, которая не фигурирует в литературе, не имеет своих газет, но которая определяет собой ход нашей жизни. Я бесплодно бился в попытках понять внезапное по виду удаление со сцены того, что мы называли революционным народом. А здесь сразу, без особого труда, мне стало все ясным. И то, каким он был, и то, как и почему его вдруг не оказалось. Как видите, хотя мое путешествие далеко не таково, как дарвиновское или гумбольдтовское, но оно

для меня тоже имело свои поучительные стороны. И все же как вспомнишь бесконечное уханье, брань, лязг цепей, бесконечную цепь обысков, так придешь к убеждению, что вольным пассажирам путешествовать куда вольготнее. Зато не так содержательно».

В этих арестантских вагонах с решетками кочевали из одного конца страны в другую закованные в кандалы люди. Встречаясь с ними, Артем знакомился с судьбами родного народа и страны, вглядывался в ее будущее.

В Харькове Артема посадили в городскую тюрьму, что на Холодной горе, за Южным вокзалом. Большие двух- и трехэтажные каменные здания, построенные как будто на века, были разбросаны по значительной территории и окружены высоким кирпичным забором. Это был целый тюремный городок.

Две недели находился здесь Артем, но следователь все еще не появлялся в его камере. Затем начались непрерывные изнурительные допросы, которые ничего нового жандармам не принесли. Речь шла не о главном — восстании на Гельферих-Саде, о волнениях в войсках Харьковского гарнизона, о Федеративном совете, который в 1905 году был истинным хозяином положения в Харькове. У Артема не выпытывали показаний о его роли в массовых выступлениях рабочих Паровозного завода и других крупнейших предприятий Харькова. Лишь долго и кропотливо выяснялась никчемная история вывоза на тачке из Сабуровой дачи доктора Якоби и об участии в этом прискорбном происшествии «нелегального, известного в революционной среде под кличками «Артем» и «Артем Тимофеев».

Немного наскребли харьковские блюстители законности в деле руководителя харьковского пролетариата в штормовые 1905–1906 годы. Наскребли немногое, к радости Артема.

Одному из скромных участников революционного движения в Харькове, адвокату Алексею Акимовичу Поддубному, товарищи поручали защиту в политических судебных процессах, которые велись в харьковской судебной палате.

Дело Артема также вел Поддубный. Он встретился с Артемом в камере Холодногорской тюрьмы и договорился с ним об основных положениях, на которых будет строиться защита.

Как вспоминает Поддубный, в деле Артема донесения агентов и сообщения охранки имели преимущественное значение, ибо жандармы не имели возможности добыть свидетелей, которые могли бы изобличить Артема.

Харьковское дело Артема было начато 3 апреля 1909 года, когда были получены сведения, что Артем, задержанный в Перми,

является «в действительности крестьянином Федором Андреевичем Сергеевым».

В харьковское дело охранка включила донесения о выступлении Артема в Народном доме 21 июня 1905 года. Революционная деятельность Артема в июле, августе и сентябре в документах дознания не была отражена. Далее шли материалы, характеризующие работу Харьковского комитета РСДРП. Об Артеме персонально ничего не говорилось. В одном из донесений охранки Артема называют «знаменитым оратором». Признавалась невозможность арестовать Артема «ввиду отсутствия у него квартиры». Излагалась печальная история неудач в поимке Артема на Сабуровой даче. И, наконец, следовала комедия с доктором Якоби. Зная, что в деле Артема все выглядит не в пользу охранки, следователи приложили к делу для пущей острастки членов будущего суда общие материалы, характеризующие размах революционного движения в Харькове и губернии. Сшитое белыми нитками дело Артема было передано в судебную палату, осталось ждать, когда оно поступит к слушанию. А пока Артем в Харькове больше не нужен, можно его отправить на Урал. Там, в Перми, произойдет первый суд, а затем в Харькове второй.

Пользуясь тем, что он временно находится в Харькове, Артем пытался через Поддубного и с помощью других лиц связаться с товарищами. Сохранились письма Артема, которые он писал из Харьковской тюрьмы своим друзьям. Одно из них было адресовано Евфросинье Васильевне Ивашкевич. С этим товарищем Артем был связан узами дружбы в годы подпольной работы в Харькове. В течение ряда лет Артем вел с Ивашкевич регулярную переписку.

«Дорогая Фрося! Не знаю, удастся ли мне личное свидание, поэтому не стоит терять из виду других возможностей…»

Артем называет Ивашкевич «одной из немногих уцелевших, которые близко знали меня», и делится с ней своими думами о временном положении в партии. Артем понимает, что новая полоса в жизни страны «требует новых форм (политической деятельности. — Б. М.) и что эти формы только в процессе созревания…». Артема тревожит, что сидевшие с ним в тюрьме товарищи, «один был моим учеником, а другой — самостоятельно мыслящий, близкий прежде к большевизму», в свое время активные революционеры, «перешли к резонерству». Насколько это «резонерство» распространено теперь в партии? — спрашивает Артем у своего корреспондента. Под резонерством Артем, очевидно, понимает понижение интереса к активной революционной деятельности, своего рода апатию, а быть может,

и того серьезнее — неверие в дело партии. Артем был на воле сгустком высокой революционной энергии, непрерывного революционного горения. Он хочет понять, что же произошло с людьми, подобными его двум тюремным товарищам, которые могут как-то по-иному, чем он, Артем, относиться к делу партии. «Вооружитесь терпением, чтобы рассеять или подтвердить мои недоумения», — пишет в своем письме Артем.

Ответила ли на это письмо Артема его товарищ по харьковскому подполью или нет, сведений об этом не осталось. Впрочем, не это важно. Из письма к Ивашкевич хорошо видно, как серьезно относился Артем к деятельности большевиков в годы реакции, как тяжко он переживал проявления уныния в среде своих товарищей. Дело партии всегда было глубоко личным делом Артема.

Артема по этапу перевезли из Харькова в Пермь.

Подводя итог этой поездке, в просмотренном цензурой письме Артем сообщил в Москву:

«Меня там (в Харькове. — Б. М.) опознавали какие-то лица и признали за некоего Тимофеева. И как таковому мне предъявили два дела. Одно связано с вывозом на тачке какого-то врача; а другое — произнесение речи; оба дела 1905 года, оба закончены. По обоим делам суд будет около конца октября или начала ноября. Оба дела покрываются без остатка пермским. И мне по-прежнему рисуется перспектива поехать в Енисейскую губернию».

Суд неправый…

Всему на свете приходит конец. После долгих и мучительных лет тюремного заключения и Артем дождался своего суда. Судили его в Перми по 102-й статье уголовного уложения. Приговор казанской судебной палаты 15 сентября 1909 года гласил: «Крестьянин Сергеев Федор Андреевич присужден к лишению прав состояния и ссылке на поселение». Срока ссылки не указывалось, она была бессрочной — вечной. В сентябре Артем был осужден в Перми, а в декабре того же 1909 года был доставлен в Харьков для второго суда.

Его защитник Алексей Акимович Поддубный припоминает некоторые интересные подробности этого процесса [19].

Судебное присутствие (заседание) палаты по политическим делам состояло из семи человек. Четверо из них были так называемые коронные судьи, то есть штатные чиновники царской юстиции, представители короны — царя. Трое остальных судей представляли «общественность». Это был предводитель дворянства, затем следовал городской голова — представитель городской буржуазии — и, наконец, волостной старшина — царский чиновник в деревне, «представитель» крестьянства. Таков был классовый суд, судивший Артема. Все судьи были, как отмечает Поддубный, жители Харькова. На их глазах происходили события 1905 года, и они слышали немало рассказов о «легендарном Артеме». Надеяться на их симпатии Артем не мог.

Характеризуя поведение Артема на суде, Поддубный говорит:

— Он держал себя во время процесса крайне спокойно, выдержанно и с большим достоинством. Его объяснения были точны, убедительны и кратки.

Прокурор много разглагольствовал о революционном движении в Харькове вообще и весьма мало говорил о конкретных «преступлениях» Артема. Он рисовал образ Артема как весьма опасного революционера, а судьи видели перед собой в общем приятного молодого человека лет двадцати пяти, спокойного и вежливого. Внешний вид «знаменитого оратора» ничем не отличался от внешности обыкновенного рабочего. Когда же прокурор дошел в своей речи до осязаемых, так сказать, фактов — заговорил о тачке, на которой вывозили всем известного в Харькове самодура доктора Якоби, и о других подробностях деятельности Артема на Сабуровой даче, — судейские иронически заулыбались.

Судимый по 1-й части 102-й статьи и по 1-й части 129-й статьи уголовного уложения Артем по требованию прокурора должен был получить многолетние каторжные работы.

Помощник присяжного поверенного Поддубный в защитительной речи умело использовал несодержательность и неконкретность предъявленных Артему обвинений. Да, Артем член РСДРП, уже один этот факт уголовно наказуем. Рассказы о его роли в Харьковском восстании носят фольклорный[20] характер и не могут быть приняты в качестве юридических находок. Свидетельские показания о преступной деятельности Артема начисто отсутствуют, и самое большее, на что может пойти суд, это подтвердить приговор казанской судебной палаты, ибо он полностью поглощает виновность Артема по предъявленным ему статьям уголовного уложения.

Суд удалился на совещание. Несколько часов длились споры между судьями о мере наказания Артему. Виновность его была вне сомнений, но принять ли точку зрения прокурора и присудить обвиняемого к каторжным работам или согласиться с защитником и считать приговор казанского суда достаточным наказанием по всем преступлениям обвиняемого?

Споры между судьями были ожесточенными.

— Наши опасения о возможности окончания процесса каторжными работами не были лишены основания, — вспоминает Алексей Акимович Поддубный, — к подлинному приговору Харьковской судебной палаты было приложено особое мнение трех коренных судей, которые «полагали необходимым» приговорить товарища Артема к четырем годам каторжных работ. Таким образом, только один голос помешал осуществлению крайней жестокости в отношении моего подзащитного. По окончании суда мы дружески и сердечно расстались с Артемом, и он отбыл этапом в ссылку в Сибирь.

В Харькове все обошлось, таким образом, сравнительно благополучно. Пермский приговор сочли достаточным за все прегрешения Артема против самодержавия: ссылка на вечное поселение в отдаленные районы Сибири.

Лишь благодаря своему мастерству конспирации, умению не оставлять «вещественных доказательств» революционной деятельности и, конечно, благодаря уроку, который царизм получил от пролетариата в революции 1905 года, руководитель вооруженного восстания в Харькове, крупный деятель большевистской партийной организации, участник партийного съезда, ученик Ленина, Артем получил не высшую меру наказания — смертный приговор через повешение, а только ссылку в Сибирь. Такой исход из всех возможных был самым

легким.

Путь далекий, кандальный

Прошел день нового, 1910 года. Новогодний праздник принято отмечать встречей друзей, добрыми пожеланиями счастья и здоровья, свершения жизненных планов и надежд.

В камере Харьковской тюрьмы, где сидел Артем, так же, как и во всем мире, отмечали наступление Нового года.

«Мы съели по горсти изюма и около десяти часов легли спать, — записал Артем в связи с этим, — но зато у нас не было скуки. Было немножко грустно; однако это не было неприятное чувство. К тому же мы наслаждались своей грустью умеренно. И очень неумеренно мечтали о будущем. Мечтали про себя…»

Пройдет несколько дней, и Артем отправится в Сибирь. Там он не будет сидеть сложа руки, постарается пробыть не слишком долго в местах, отведенных ему для жительства царским судом.

Перед близким отъездом из Харькова Артем написал несколько прощальных строк Фросе Ивашкевич, которая с помощью подпольного Красного Креста должна была облегчить предстоящее далекое путешествие.

«Теплые сапоги могли бы мне пригодиться, — пишет Артем. — В Сибири это универсальная обувь и при лесных скитаниях очень полезная». Нужна, очень нужна пара теплых сапог Артему, но надо же знать его характер, его деликатность по отношению к товарищам. И, только что выразив желание иметь в далекой, холодной Сибири пару теплых сапог, он тут же добавляет:

«Я без них очень хорошо обойдусь, поэтому не прилагайте чрезмерных стараний, чтобы достать их. Можно — хорошо, а нельзя — тоже хорошо. Примените этот принцип и ко всему остальному. Вы пишите об одеяле. Разве у вас есть лишнее? Я очень давно не имел собственного и не помню, когда на воле пользовался своим…

В Самаре я встретился с Ал. Вал. (речь идет о добром и старом друге Александре Валерьяновне Мечниковой. Она ехала на поселение, а Артем на суд в Харьков. — Б. М.), и через мою попутчицу передала мне маленькую подушечку. Вот и все мое постельное имущество… Вот видите, как немного мне нужно. Если есть теплое белье, пришлите до отъезда. Это вещь необходимая в дороге… В партию я уйду, вероятно, на будущей неделе…»

За годы тюремного сидения сколько думано-передумано о том, что и как делать, когда окажешься за пределами тюремной

камеры. Ссылка это не тюрьма. Артему, человеку энергичному, предприимчивому, воображение рисовало заманчивые и смелые планы побега. Но нужно было подумать и о том, как и чем жить в ссылке до побега, что делать и каким путем зарабатывать себе на жизнь.

В письмах из тюрьмы Артем в самых общих словах делился с друзьями мыслями о своем приближающемся ссыльном существовании:

«Я сейчас же по приезде буду принужден переменить свой вид на чалдонский [21]. Но про запас надо иметь вид мастерового. Вы знаете, что я по внешности хамелеон. Мое верхнее всегда меняется соответственно среде. Вы понимаете, приходится искать работу, а кто примет поселенца? Меня в Иркутскую губернию привезут, выпустят где-нибудь при волости, припишут к ней, выдадут паспорт «крестьянину из поселенцев», и иди, Федя, на все четыре стороны. Этим Иркутская губерния выгодно отличается от других губерний, вроде Енисейской, где поселение не такое старое и где не скоро выдают паспорт. Итак, пойду я на все четыре стороны, а где придется остановиться, не скажу, потому что и сам этого не знаю. Знаю только, что на месте не буду жить: первое соображение — то, что надо зарабатывать, а на месте поселения заработки, сами знаете, плохи. Остальные соображения Вам и без объяснения ясны. Отдыхать я уже потому не думаю, что надоело отдыхать за последние три года. К тому же для меня деятельность — самый лучший, освежающий и оздоровляющий отдых, а самая мучительная, тягостная и непосильная работа — бездействие. Буду ли я кочегаром, машинистом, слесарем, чем угодно, я буду отдыхать. А если труд будет связан с большими передвижениями, то я, как прирожденный бродяга, у которого эта склонность в крови, буду такой деятельностью вполне доволен…»

В конце января с группой других заключенных Артем был отправлен из Харькова по этапу в Восточную Сибирь.

Короткие часы зимнего дня Артем проводил у окна вагона, всматривался в вечно меняющиеся картины родной природы. Степи сменялись лесами, равнины горами. Ритмично выстукивали свою непрерывную дробь колеса. «Какая огромная, богатая и нищая наша страна! — думал Артем. — Едешь сутки, недели, а дороге нет конца и края». Проплыл ставший родным Урал, потянулась Западно-Сибирская низменность. Рощицы чахлых березок — «колки», прикрытые снежным одеялом озера. Низко нависшее небо цвета серого арестантского сукна. В вагоне холодно, не греет собранная на воле одежка. Быстро проходит зимний день. Темно. Еле светит свеча в фонаре. Покачивается из

стороны в сторону арестантский вагон. Надо уснуть, во сне легче переносится холод, быстрее текут часы.

В Иркутск прибыли в феврале месяце. В Иркутской пересыльной тюрьме Артем вторично перенес тиф. Болезнь на этот раз прошла легко, температура высоко не поднималась. Артем лежал недолго. Вскоре стал выходить на прогулку и играть в шахматы. Ходил по тюремному двору, слегка покачиваясь, словно выпил лишнее.

В Иркутской пересыльной тюрьме и в Александровском централе скопилось невиданно много этапников. Надежды на то, что скоро отправят дальше, мало. Надо терпеливо ждать своей очереди. Люди сидят здесь по нескольку месяцев.

Как жил Артем в Иркутской тюрьме, об этом он сообщает своим теперь уже далеким друзьям в России. В Сибири Россией называют земли, лежащие на запад от Урала.

Письмо Артема адресовано в Харьков Фросе Ивашкевич, которой он был бесконечно признателен за внимание, проявленное к нему при отправке:

«Здравствуйте! Получил Вашу телеграмму, как именинный пирог, и тогда же повестку на 15 рублей. Посылки пришли до моего прихода в тюрьму, и их отправили обратно. Я долго не писал. По дороге истратил марки и открытки… Никому до сих пор не писал… Напишите сестре об этом. Я не знаю еще, как долго пробуду в Иркутске. Меня, как и всех, отправляют в Киренский уезд. Он самый северный, смежный с Иркутской областью. Размерами площади превосходит Францию. До отправки буду сидеть в селе Александровском Иркутской губернии. Центральная пересыльная тюрьма. Пришедшие со мной харьковцы уже назначены. Я пока нет. Сейчас меня отправляют в Александровское. Там будем ждать партии на Лену.

Первая очередная партия идет в мае, вторая — в августе. Но между ними назначаются экстренные, если ожидается много народу. Весьма возможно, что уже в первую партию не попаду. Очень много уже назначено раньше, и Александровская пересыльная уже заполнена. Скверно только, что опять так долго придется сидеть.

В сущности, ничего нового нет, Я до сих пор не могу примириться с мыслью, что буду на воле: отвык. Нас сидит довольно много. Партии идут беспрерывно. В вагонах, вплоть до самого Иркутска, не расковывали. Книг нет, занимаемся пустяками. Публика разнообразная и гораздо худшая, чем я предполагал. В рубрике партии так и пестрят беспартийные или анархисты. Последние, известно, в тысячу раз хуже просто беспартийных. Режим для пересыльных мало чем отличается от

прочих. Только и разница, что спят на нарах, под нарами и просто в проходах на полу. Прогулка не всегда и небольшая — 25 минут в день… У нас стоят морозы, утрами больше 20 градусов. Не юг. Но не чувствуем себя плохо… 10 марта 1910 года (с этапа)».

Александровский централ

Пришел, наконец, день отправки из Иркутска в Александровский централ, что в 75 верстах от города. Весь этот путь арестанты совершили пешком. До первой остановки и ночного отдыха 31 верста. Шли закованные в ручные кандалы, каждый отдельно. Идти нужно было довольно быстро: зазеваешься — получишь в спину удар прикладом винтовки До станка [22] пришли измученные, повалились в чем были на нары и уснули замертво.

Второй день перехода был тяжелее первого. Более 40 верст прошли за восемь часов. Отдыхали на морозе около 30 минут, погрызли мерзлых калачей и продрогли до того, что были едва в силах снова двигаться в путь. Почти все простудились. Артем после этого варварского перехода, слабый после перенесенного недавно тифа, снова свалился с ног, глухо кашлял, сильно болело горло…

В Александровской пересыльной тюрьме пришлось обосновываться не на один день, ждать очередной партии для отправки к месту ссылки. Кормили здесь из рук вон плохо. Политические жили коммуной по десять человек, все наличные денежные средства собирали вместе и расходовали их по мере надобности. Артема, никогда не страдавшего отсутствием аппетита, после тифа особенно сильно мучил голод. В связи с этим «волчьим» аппетитом никогда не было недостатка в остротах и шутках по его адресу.

1 Мая в Александровском централе праздновали с самодельными красными флажками. Был устроен «праздничный» обед, и Артем прочел реферат об Интернационале. Даже меньшевики были вынуждены признать, что это был отличный реферат. В Александровке вообще политическая жизнь протекала весьма живо, «издавались» рукописные журналы, в которых большевики боролись с нытиками, часто помещались карикатуры. На одной из них Артем был представлен в виде волка с широко раскрытой пастью — сие означало, что Артем вечно голоден, способен съесть все и в неограниченных дозах.

5 или 6 мая Артем послал в Россию очередное письмо, в котором обстоятельно рассказал о быте политических в Александровском централе:

«…У нас почти вся публика страстно стремится на широкий простор, чтобы зажить прежней привычной жизнью. Но почти все останавливаются перед отсутствием средств. Меня отсутствие их

не остановит: я привычный бродяга, и меня лишения не испугают. У них положение иное. Не знаю или просто нервничаю и фантазирую, но у меня роится масса планов в голове, и мне кажется, что с подходящим товарищем я сумею извернуться…

…У нас сейчас тревожное время; что называется, военное положение. Мы ведем войну сразу на 4 фронта. Прежде всего со своим знакомым врагом — администрацией. Но это не самая серьезная борьба…».

Артем пишет об «особом типе ссыльных, которые деклассировались, выродились в хулиганов, шантажистов, прошистов (подающих просьбы о помиловании. — Б. М.). Всему этому противостоят коллективы настоящих, убежденных политиков. Эти коллективы вступают в конфликты с администрацией… Угрозы расправы из-за угла и смертные приговоры не действуют… Мы перенесем борьбу и в ссылку и там сумеем показать, что есть политики и политики. Вообще шумим. Результаты уже налицо: наиболее хулиганствующие изгнаны… Есть обыватели, которых пугает угроза поножовщины. Они искренне боятся всех этих хулиганов, жиганов, иванов и прочих. Они трусливо ругаются по нашему адресу и услужливо виляют хвостом по адресу горлопанов… Вообще не сидим без дела…» Артем не боялся уголовников, и те, зная это, испытывали к нему особое уважение.

В Александровке Артем вел жестокие споры с отзовистами и ликвидаторами. И тех и других среди политических было немало. Артем говорил отзовистам:

— Вы требуете от нас того же, что и черносотенцы. Они улюлюкают: «Вон из думы, христопродавцы!» Вы вслед за ними голосите: «Уйдем из реакционной думы». Вы забываете хорошее старое правило: «Посмотри, чего хочет для тебя твой враг, и того не делай». Вы, по существу, являетесь «ликвидаторами слева».

Уже ушла первая партия. Это случилось 10 мая. В ней было несколько харьковчан, друзей Артема. Грустно было расставаться с товарищами. Последние дни пребывания в Александровской пересылке казались самыми тягостными, ведь это были последние дни тюремной жизни. Когда партия выйдет из ворот централа, наступит новая жизнь, железная решетка, отделявшая Артема от мира, останется позади.

Места не столь отдаленные

Вторая партия ссыльных собиралась в путь. Уже стало тепло — половина июня. В партию назначили около 350 человек, политических и уголовных. Ее должен был сопровождать большой военный конвой — около 100 солдат во главе с офицером.

Строились по четыре человека в ряд. Солдаты впереди, с боков и сзади. Среди них много конных. Раздалась команда:

— Смирно! Шагом марш…

И через открытые ворота тюрьмы колонна двинулась в путь. Два дня дороги, и ссыльные выйдут на Ленский почтовый тракт. Там в селе Жердовке, на этапке — окруженной высоченными остроконечными бревнами площадке — будет дневка.

Дорога тянулась по холмистой местности, проходила по увалам, среди вековых лиственниц и елей. Впервые дышалось глубоко и свободно. Солнце ласково освещало луга, деревья, травы, согревало тех, кто так долго не ощущал настоящего солнечного тепла. Артем шел, не чувствуя усталости. «Как красива природа в этих краях, и как хорошо после многолетнего заключения свободному созерцать свободу и наслаждаться ею!» — думал Артем. А то, что вокруг идут солдаты с винтовками в руках, это теперь уже было неважно. Скоро они исчезнут, как дурной сон.

Весь день шли без остановок. Ели хлеб на ходу, пили воду из родников. Через два дня подошли к селу Жердовке. Здесь отдыхали. Быстро промелькнула летняя короткая сибирская ночь. В эту первую ночь, проведенную под открытым небом, Артем не сомкнул глаз. Думы о том, что его ждет впереди, теснились в мозгу, не давали покоя. Догорали костры на площадке, догорали звезды в небе, занималась заря нового дня.

От Жердовки к великой сибирской реке Лене семь дней пути на подводах. Ночевки в попутных этапках. Все дальше на север уходили ссыльные. Возле села Качуга увидели Лену. Могучая река в таежных берегах спокойно катила свои воды к далекому Ледовитому океану. Партию здесь ждали три паузка — сплавные суденышки, приспособленные на этот раз для перевозки арестантов. Посредине палубы возвышался барак, в нем нары в два этажа. На корме земляная насыпь, в центре которой костер, где повара готовили для каждой коммуны обед и кипятили воду. На крыше барака и на палубе на горячем солнце лежали ссыльные, грели свои простуженные груди. Голова кружилась от этих речных просторов.

Три паузка, часто теряя друг друга из виду, плыли вниз по Лене. Здесь, в верховьях Лены, много перекатов, и паузки не раз скреблись о дно реки. А вот и мель, пробовали длинными шестами столкнуть с песка паузок. Артему этот способ показался неэффективным, он закатал повыше штаны и прыгнул в воду, за ним другие. Дружно под артельную команду Артема ссыльные плечами и руками быстро сняли паузок с места.

Порой паузки приставали к берегу возле деревень. Группы ссыльных под конвоем шли покупать всякую снедь. Другие купались, собирали букеты цветов, украшали свои бараки зелеными ветвями.

Через три дня возле села Жигалова, где Лена становится глубже, паузки оставили, и партия была переведена на большую баржу, которую дальше потащил буксир.

Постепенно в больших волостных селах началась высадка ссыльнопоселенцев. Артему с группой товарищей пришлось следовать дальше всех остальных. В селе Усть-Куте их высадили на берег. Семьдесят человек верхом на конях поехали до Илима, правого притока Ангары. Часть ссыльных осталась в Илимске, другие следовали дальше то верхом по горной тайге, то в лодках на буксире лошадью, то в двухколесных таратайках, вытряхивающих все внутренности. Реки, горы, тайга — дикие, необжитые, безлюдные места. Одному человеку здесь не пройти, пропадет в горно-таежной пустыне. Прошло немало дней, пока Артем и оставшиеся с ним 17 товарищей добрались через водораздельные хребты от Лены до Ангары. 10 июля, наконец, ссыльные прибыли на берег широко разлившейся реки, на противоположной стороне которой в дымке тумана на фоне гор и тайги виднелась кучка домов — это было село Воробьеве на Ангаре, место ссылки Артема.

Ссылка на Ангаре

Артем стоял на берегу у самой воды. Река мчалась с невиданной быстротой. Позади горы и тайга, которые с неимоверным трудом только что прошли ссыльные, впереди эта бурная река, а за ней снова дикие горы и тайга. В силах ли будет он при побеге отсюда преодолеть эти горы и реки, это безлюдье? Ведь тогда у него не будет ни товарищей, ни коней, ни лодок. Одна пара рук, ноги — вот и все. А оставаться здесь навсегда он не собирается…

Прожил первые два дня. Послана первая весточка из этих далеких мест — сестре Дарочке.

«Дорогая сестра! Позавчера прибыл сюда. Путешествие было удивительно весело… Я здоров, укрепился, теперь поправляюсь и укрепляюсь окончательно. Охота, рыбная ловля, различные крестьянские работы поправят все, что порасшаталось. Глушь здесь изрядная. До ближайшей почтовой станции больше 100 верст летом и 80 зимой. В селе 60 дворов. Огромная река. Около нас ее ширина 2 версты 350 сажен.

Не желал бы я кувыркаться в ней в скверную погоду. Спасения ждать неоткуда. Нас здесь 20 человек. Народ подходящий. Завтра иду на расчистку леса. Взялись по 16 рублей за десятину. Пока до свидания. Целую тебя…»

Работа по выкорчевке леса очень тяжелая. В лесу житья нет от гнуса — комариков и комаров всех видов и размеров. Ссыльные, отощавшие на тюремных харчах, быстро валятся с ног: корчевка леса — дело не для них. Артем, физически сильный человек, держался на этой работе дольше всех. Он косил и жал в поле, работал плотником, чинил мосты по дороге от Воробьева до Нижне-Илимска. Никакая работа ему не была в тягость. Но прошли первые недели этого наслаждения физическим трудом, все больше наблюдений за окружающей жизнью и бытом накапливалось в уме Артема. И уже не казались столь прекрасными картины дикой природы, все больше бросались в глаза дикость отношений между людьми, живущими в этом далеком таежном углу Сибири. В большом письме Артема к Екатерине Феликсовне Мечниковой чувствовалась тоска по «живой, бодрой, деятельной жизни. Здешние же условия существования в этом смысле наименьше могут удовлетворить».

Артем наблюдал «застойную психику обывателя-полудикаря». Он писал об этом типе «жестокого, жадного, ограниченного, грубого и пьяного, неподатливого к новым завоеваниям

культуры» богатого крестьянина. Он видел «пьяную женщину, ругавшую ребенка матерными словами (тот отвечал тем же), с вонючей трубкой в зубах», и эта картина вызывала в нем чувство гадливости.

«Если бы наши злоключения ограничивались одними мозолями и ранами от тяжелой работы, как легко было бы жить на белом свете!» — восклицал Артем.

Ни одного фельдшера на волость, которая раскинулась на 450 верст в длину! Находились ссыльные, которые в поисках какого-либо общества общались с местными лавочниками. Артем не способен был на это, он бежал от таких собеседников, как от чумы. Часто Артем уходил в тайгу, пытался ориентироваться в хаосе гор и лесов. Это была своеобразная разведка для будущего побега из ссылки. О результате таких вылазок в тайгу он писал:

«Скверно без компаса. Я раз четырежды возвращался к тому же месту, а был всего в 8—10 верстах от села. Измучился, обозлился, но в конце концов выбрался на место, где по профилю сумел определить направление. Хотел определяться по деревьям, по мху, оказалось, на различных деревьях той же породы мох растет в разных направлениях. Солнца не было, шел как раз дождь. Если бы пришлось верст 60–80 идти тайгой без определенной дороги, вряд ли дошел бы… По солнцу, по звездам я свободно нахожу направление».

Подготовка к побегу

Идут дни, все сильнее нарастает желание уйти из ссылки, уйти куда глаза глядят. Артем не слушает товарищей, которые убеждают его не торопиться с побегом, пока им не удастся снестись с центром. Артем не хочет и слышать об отсрочках, которые означают зимовку в селе Воробьево. Он экономит заработанные гроши, они будут нужны в побеге. «Я уже начинаю нервничать, становлюсь способным к нехорошо обдуманным действиям. Мне же хотелось воздержаться от них хотя бы на первых порах», — пишет Артем Фросе Ивашкевич 24 августа 1910 года.

В другом письме к тому же товарищу Артем более глубоко характеризует состояние, в котором он находился на исходе августа, через месяц-полтора после прибытия на место ссылки:

«…Я постоянно нервничаю. Как я себя ни сдерживаю, все же я иногда, как мне кажется, бываю невозможен. И чего только я не предпринимаю, чтобы рассеяться, успокоиться! Вначале работал — не помогало… Бегал по лесу, вспоминая, как благотворно влияла на меня в добрые старые времена прогулка в глуши леса. Это мне стоило обуви, одежды, но не помогло. На днях уходил в Нижне-Илимск, думая, что дорога рассеет немного… Моцион с заходом по пути в села — 200 верст, новые лица, разговоры, впечатления. Ничего.

Все по-старому. Дошел не только до прямого физического истощения, но форменно заболел: лихорадка меня треплет уже вторую неделю… Я надел сапоги, которые были недурны, пока в них приходилось ходить по комнате. Но после первого же дня, когда я прошел 40 верст с лишком, я их уже не мог надеть… Я повесил сапоги через плечо и пошел босиком. Была прескверная погода, шел дождь мелкий, холодный, отвратительный; дорога шла вдоль берега Илима — каменистая, неровная; до ближайшего пункта, где жили товарищи, надо было шагать 33 версты. Там я взял коты (арестантская обувь), в них дошел до Нижне-Илимска и в них же возвратился обратно…

Я как-то писал Вам, что способен наделать глупостей, так как перестаю владеть собой. В этот раз я глупостей не наделал. Но пароксизм нетерпения может возвратиться. В такие минуты я собой плохо владею и способен на все, чтобы только избавиться от гнетущего душевного состояния. Впрочем, виноват: не на все. Водку, например, в такие минуты я не могу пить (в иные тоже не пью). Это тем хорошо, что я не рискую превратиться в коллегу

Ваших старожилов-поселенцев… Одна мысль о возможности 2–3 месяцев бездеятельного проживания здесь приводит меня в состояние невменяемости… Конечно, все это преходяще… Я знаю ведь, как с ним справиться. Подобное состояние не поддается, конечно, паллиативным средствам. Однако я не вечно думаю довольствоваться паллиативами. Они могут годиться на месяц, на два, не больше…»

Из этого письма, которое может попасть и в чужие руки, ясно: Артем скоро уйдет из Воробьева, убежит из ссылки. Он не думает пользоваться «паллиативами» более месяца-двух — этим все сказано.

В этом же письме Фросе Ивашкевич Артем красочно рисует отдельных представителей коренного населения приангарского края. Быть может, в чем-то суждения Артема и неверны, преувеличенны, но в общем он правильно характеризует хозяев-предпринимателей, кулаков-выжиг, которые способны пропить последнюю рубаху, когда запьют, а в минуты, когда трезвы, способны содрать с вас последнюю шкуру.

В конце августа Артем получил почтовый перевод на 15 рублей от сестры Дарочки. В присутствии десятского, наблюдавшего за ссыльными, Артем отдал 10 рублей казначею коммуны, чтобы тот купил необходимые продукты в запас на зиму. Себе Артем оставил 5 рублей. Он сказал десятскому, что с этими деньгами пойдет по ближним селам искать работу, быть может, где-либо останется плотничать.

На волю!

На другой же день Артем собрался в дорогу. Теперь уже ничто не могло изменить его решения бежать из ссылки. Он сунул в мешок сухари, взял с собой котелок, ложку. В том же мешке ранее были уложены костюм, пара белья, нож, спички, чай — все самое необходимое для далекой дороги.

Сердечно попрощавшись с товарищами, Артем двинулся в путь. Дремучею тайгою он должен пробираться к почтовому тракту, чтобы затем трактом доехать до железной дороги.

Высокий скалистый берег Ангары. Как часовые, стояли над ангарскими кручами вековые кедры. Внизу, где-то далеко, шумят неумолчные кристально чистые и холодные воды. Артем идет ходко, широкими мужскими шагами. Непрерывные блуждания в тайге до побега сослужили ему добрую службу, ноги укрепились, им теперь дальние походы не страшны.

Первый этап пути Артема заканчивался в Братском остроге на Ангаре. Там товарищи должны привести в надлежащий порядок его паспорт и дать явку в дальнейшие пункты следования.

Солнце уже не грело, как летом. Август кончался, и со дня на день в этих местах можно было ожидать заморозков и пасмурной погоды. Холодные осенние дожди могли стать серьезным препятствием в движении по тайге и берегам рек.

Нужно было перебраться на правый берег Ангары. Старик паромщик переправил Артема и пожелал доброго пути, предостерег от того, чтобы беглец не шел на Иркутск и на железнодорожную станцию Зиму. Дошел Артем до места, где в Ангару впадает ее правый приток — река Илим. Теперь путь его определяла тропка вдоль Илима на многие-многие десятки верст. Места эти совершенно безлюдные. Идя по каменистому берегу реки, Артем сбил ноги. В местах, где была сорвана кожа, началась нестерпимая боль. Пришлось снять обувь. Это случилось на третий день пути. Первые две ночевки Артем провел в тайге. Никто из людей его еще не встретил, ни один медведь в тайге не пожелал справиться о состоянии его здоровья. Дальше Артем пошел босиком. Небо затянулось тучами, заморосил осенний дождь. Острые камни впивались в сбитые ноги, от холода они стали синими. Крепко сжав зубы, превозмогая боль и холод, Артем шел и шел вперед. В этот страшный день он прошел 40 верст по каменистому берегу Илима. До Братского острога еще оставалось около половины пути, а запасы еды в мешке уже иссякли, израненным ногам нужен был немедленный отдых. И

вот, как в сказке, на исходе дня, идя вдоль берега Илима, Артем наскочил на глухую таежную деревушку. Это не были те места, где «культура» уже успела отравить душу сибирского крестьянина неутолимой жаждой наживы, где каждого путника оценивали по тому, сколько денег с него можно содрать. Артема попросили зайти в первую же избу. Приняли с гостеприимством, которое не знало границ. В этих диких таежных местах грамотный человек был редкостью, а бывший солдат считался чуть ли не генералом.

Артема накормили, согрели, подлечили ему ноги, дали харчишек на дорогу и еще от души поблагодарили за то, что именно к ним он зашел. Просили снова заходить, если придется бывать в этих забытых богом местах. Соседи, узнавшие, что рядом гость, прибегали посмотреть на Артема, звали его к себе. Конечно, Артему было не до визитов. Он снова вел образ жизни подпольщика, которому на каждом шагу грозит тюрьма и возвращение в покинутые места ссылки, если он попадет в руки полиции.

Около трехсот верст пешком по тайге прошел Артем. Один дневной переход колебался между 25–70 верстами. Причем, как отмечает Артем, 70-верстный переход оказался легче, чем был 25-верстный. Ноги у него постепенно зажили, стали крепче, чем были когда-либо прежде. В Братском остроге Артема постигла неудача. Паспорт, который друзья хотели ему подчистить, улучшить, испортили настолько, что он стал вовсе непригодным для пользования. Зато у друзей Артем раздобыл еще 15 рублей: для предстоящего переезда по железной дороге эти деньги ему были совершенно необходимы. В блужданиях по тайге он еще не истратил ни копейки из тех 5 рублей, с которыми вышел из Воробьева. Теперь у него их было 20.

Артем, наконец, выбрался на почтовый тракт, ведший к железнодорожной станции Тулун. Продвигаться дальше пешим ходом было неудобно, это привлекло бы к себе внимание властей. Пришлось договориться с хозяином попутной телеги — уплатить 3 рубля за проезд оставшихся до железной дороги 250 верст.

Уселся Артем на телеге, рад, что все хорошо устроилось, и поехали путники по разбитому древнему тракту.

В письме к Екатерине Феликсовне от 24 сентября 1910 года, написанном, по выражению Артема, «между небом и землей, как пишут в старинных сказках», в шутливом тоне рассказано об этом путешествии на телеге и о «маленьком» дорожном несчастье.

«…Мы ехали ночью. Было так темно, что мы едва различали контуры лошадей. Я свесил ноги с телеги и весь ушел в наблюдение за безопасностью дороги впереди. Вдруг я почувствовал в ноге страшную боль, и лошади одновременно с

этим с размаху остановились на спуске горы. Оказывается, мы наехали на тумбу толщиной в два с половиной или три телеграфных столба, которая защищает трубу от стока вод, проложенную под дорогой; она стояла на краю дороги, чтобы не давать колесам скатываться в сторону и портить канаву. Мы ночью не могли ее заметить, так как она не высока и по цвету мало отличается от земли; мы же ехали довольно крупной рысью. Я думал, что мне раздробило ногу. Оказалось, все обошлось совсем благополучно. Я сильно хромаю, ногу раздуло, но ничего серьезного нет. Пока что смазал ее йодом и жду, что из этого выйдет. Но курьезно было видеть меня сразу после происшествия. До самого ночлега я ехал лежа ничком на телеге с поднятой вверх ногой. Было больно, досадно и смешно в то же время. Меня трясло и перебрасывало из стороны в сторону, как бревно, но я был значительно чувствительнее бревна. К тому же я мешал немного ямщику. В общем мое неудобное положение давало нам порядочно пищи для всевозможных шуток, и мы доехали до ночлега совсем незаметно».

В Харбине

До железнодорожной станции Тулун Артем добрался без особых приключений. Здесь нужно было решить, куда ехать: на запад, в Россию, или на восток. У Артема была явка — частный адрес в Харбине. Путь на Харбин лежал на восток. Первые 200 верст от станции Тулун Артем проехал зайцем — в целях конспирации. После расчета с владельцем телеги и расходами на хлеб насущный денег оставалось около 17 рублей. До станции Маньчжурия, где начинается Восточно-Маньчжурская железная дорога, билет стоил 14 рублей, от станции Маньчжурия до Харбина — еще столько же. Нужно было как-то выходить из положения. Артем не унывал, недаром он служил когда-то на железной дороге. Знал, как можно лроехать за половинную сумму. В одном случае он приобрел билет, стоивший 10 рублей, за пятерку, в другом — организовал артель переселенцев в 40 человек и арендовал товарный вагон. Так устроился с расходами на переезд, что доехал до Харбина с 70 копейками в кармане и железнодорожным билетом до Владивостока. Паспорта нигде у него не потребовали, но, следуя пословице: «На бога надейся, а сам не плошай», — Артем «конспирировал и хитрил — страсть сколько». Ему ведь наговорили бездну ужасов о том, как в дороге жандармы хватают беглецов из ссылки.

Сделавшись старостой артели переселенцев, Артем меньше беспокоился за свою безопасность, в его конспирации были теперь кровно заинтересованы все 40 крестьян, переезжавших на новые земли Дальнего Востока.

«В Харбине я застрял. У меня с Харбином были связаны самые широкие мечты. Я ведь не думал сразу ехать из России. Мечтательно поглядывая по направлению к Амуру, я думал: «Отсель грозить мы будем шведу». Увы, все мои мечты и расчеты оказались написанными на песке. В Харбине я не мог найти не только сочувствия своим планам, но даже и квартиры, самой элементарной помощи».

С 70 копейками в кармане Артем очутился в большом и чужом городе. Как он сам выразился об этом: «Сел на мель». Паспорт испорчен; надо считать, что его совсем нет. Денег также нет — остались копейки. Попробовал достать хоть какую-нибудь работу — здесь хватает своих безработных. А без паспорта о работе и думать нечего.

Имевшийся у Артема частный адрес немного облегчил положение, удалось снять в китайской части города лачугу.

Домохозяин оказался аферистом, и ему было наплевать на то, есть ли у его нового жильца паспорт, или его нет. В этих кварталах и не такое бывало.

В поисках работы уже совершенно обессилевший Артем зашел однажды в редакцию одной из харбинских газет. Там он предложил свои услуги в качестве журналиста. Отказа на это предложение не последовало. «Что же, пишите. Посмотрим, что у вас получится», — ответил один из газетных заправил и тут же поинтересовался паспортом. Артем ответил, что паспорт он утерял и надеется скоро получить новый вид на жительство.

Опыт литературной работы, накопленный за время революции в Харькове и на Урале, пригодился Артему. Он начал писать неплохие статьи, очерки и репортерские заметки. Но газетные боссы помещали, по словам Артема, «лишь чепуху: серьезное же, то, что мне хотелось поместить, они хоронили в редакционной корзине или уродовали до того, что получалось безграмотное брюзжание без определенного содержания».

Писать Артему разрешали, но насчет гонорара он смело мог надеяться, что получать его не будет. К газете пристроилась шайка жуликов, которая вообще избегала кому бы то ни было платить гонорар, особенно когда это не грозило ей скандалом. Этим прохвостам Артем не был опасен, так как они знали его беспаспортное существование. Рубля два — нищенскую подачку — получил Артем за свой труд в газете.

В довершение всех бед, пережитых в Харбине, как следствие голода и лишений, Артем заболел брюшным тифом.

Это была наибольшая из неудач, постигших Артема после побега из ссылки. Лечиться дома, в своей каморке, было не на что, а в больницу лечь нельзя. Нет паспорта, и без денег болеть совсем плохо. Не было в Харбине докторов, которые бы лечили бесплатно, не было аптеки, где бы можно было без денег получить лекарство.

Пришел какой-то врач, осмотрел больного и решительно заявил:

— Либо ложитесь немедленно в больницу, либо я сейчас же сообщу властям, что в таком-то доме находится больной брюшным тифом.

Это была бы для Артема катастрофа, но беда не грянула. Не успел доктор осуществить свою угрозу, из далеких краев пришла от друзей телеграмма, а вслед за нею и сто рублей. Доктор больше не угрожал, а лечил на совесть. Ему помог своим могучим организмом сам Артем, в болезни произошел перелом, дело пошло на выздоровление. Едва упала температура, как Артем перестал возиться с диетой. А когда почувствовал, что никакая

пища ему не вредит, решил с первым же поездом убираться из Харбина. Опасность была в том, что изнуренного после болезни, скверно выглядевшего Артема могли задержать как подозрительного по чуме.

Харбин славился тем, что здесь никогда не переводились заболевания холерой и чумой.

В одном из писем в Харьков Артем коротко рассказал о мерах, которые принимались в Харбине для подавления чумной эпидемии.

«Чума тарабаганная: этим летом сурки больны чумой. От них заболели охотники-бедняки, которые ели тарабаганье мясо. Болеют китайцы и санитары. Меры принимаются решительные. Заболеет один — всех не выпускают. Бегут — стреляют, а как не бежать, когда держат в заперти 10 дней, а есть никогда не дают? Были случаи голодной смерти. Грозят, что если в Фугдя-Дони (китайская часть Харбина) убежит хоть один китаец, весь город оцепят войска и никого не впустят и не выпустят. Вот будет история!»

Артем жил ведь в китайской части Харбина. Ему и уезжать было опасно, могли высадить из поезда как чумного больного, такой у него неважный был вид после болезни. Рановато он счел себя здоровым.

ЧАСТЬ V
ГОДЫ СТРАНСТВИИ

Прощай, родина, до лучших времен!

Взвесив все обстоятельства, Артем рискнул покинуть Харбин. До границы недалеко — всего лишь восемь часов езды.

Поезд уносит Артема на юг. В вагоне он один русский среди китайцев. Вот и граница. Места здесь патриархальные: никто не спросил у беглеца паспорта, а минута ведь была решающей. Здесь кончалась власть царского правительства, дальше — территория, подвластная японскому императору. И граница уже позади.

Поезд мчался по чужой земле. Артем, сидя на скамье вагона четвертого класса, мысленно переживал все события своей недолгой, но бурной жизни. Ведь ему и сейчас, на исходе. 1910 года, исполнилось всего лишь 27 лет, а сколько всего осталось позади?..

Артем очнулся от своих дум: напротив сидели японские солдаты и с явным любопытством поглядывали в его сторону. Видимо, в забытьи Артем что-то говорил вслух — нехороший это признак. Подпольщики не имеют права ни наяву, ни во сне распускать язык. Сдают, что ли, нервы?

Один из японских солдат, маленький, в больших очках, волосы, аккуратно подстриженные бобриком, редкие желтые зубы, приветливо улыбаясь Артему, спросил, коверкая русские слова:

— Твоя русский солдат, убежал от боже царя храни батюшка?

Артем громко рассмеялся. Раз спрашивают, не солдат ли он беглый, значит ничего спросонок не наговорил. Отрицательно качая головой, Артем ответил:

— Нет, моя не солдат, моя рабочий — едет искать хорошую работу…

Солдаты недоверчиво слушают Артема. Русских дезертиров они видели много, а русских рабочих впервые. Но ледок первых слов быстро тает, и завязывается непринужденная беседа о том, как и где живет простой народ. Разговаривать с самыми разными людьми на земле — на это Артем мастер. Надолго запомнили японские солдаты свою встречу в вагоне поезда Харбин — Дайрен с крепко скроенным, широколицым русским рабочим, который знал про все на свете.

Через Желтое море в Японию

В Дайрене Артем задерживаться не предполагал. Каковы были его дальнейшие планы, отличались ли они какой-либо определенностью или нет? Об этом легко судить по отрывку письма из Дайрена. (Письмо это написано 15 ноября 1910 года, адресат — Е. Ф. Мечникова.)

«Сейчас я в Дайрене (Дальний). Жду парохода в Нагасаки (Япония). Пароход завтра. Как буду выбираться отсюда, не знаю. Думаю в Нагасаки поступить на какой-либо пароход кочегаром или чем придется и поеду куда придется: в Америку, в Австралию или в Европу. Я чувствую себя здоровым… Погода отвратительная. Идет снег и сразу тает. У меня калош нет, так и выходить неохота… Вот пока все, что могу сказать о себе… Ваш Федя».

За 20 иен Артем приобрел билет третьего класса на пароход, отплывающий в Нагасаки. После обмена рублей на иены и уплаты за билет на пароход у Артема еще оставалось около 50 иен. Это было все состояние, с которым он пускался в плавание по морям и океанам и долгие странствия по материкам и странам. Кроме этого, у него еще была пара сильных рук, которые не боялись и не гнушались никакой работы.

Ранним утром японский пароход из Дайрена входил в нагасакскую бухту. Нагасаки — крупнейший порт Японии. Пар входные линии связывают его со многими большими портовыми городами земного шара.

О работе русскому человеку в Японии и думать было нечего. Артем понял это в первый же день жизни в Нагасаки и не собирался терять времени на поиски работы. Приехал он сюда лишь для того, чтобы из Нагасаки — этих морских ворот Японии — выбраться на широкие океанские пути. В ожидании подходящего парохода на Шанхай, куда он решил отправиться, было много свободного времени.

Вырвавшийся в огромный мир царский узник восхищался сказочной природой Нагасаки.

— Ночи в Нагасаки были волшебно хороши. Нагасакские ночи — это дивная сказка, их описать нельзя, — делился своими впечатлениями с далекими друзьями Артем. — По обрыву гор лепятся улицы, скрытые в тени тропических растений. Вдали внизу рейд. Кругом горы. И все это залито матово-серебряным лунным светом. Домов нет. Они скрыты в тени садов. О них только догадываешься. И вместе с тем на каждом шагу

наталкиваешься на упорный труд поколений людей. Город завоеван у природы. На постройку его носили землю горсточками. Зато теперь это крепость, которой человек властвует над природой…

Как мало гармонируют с этим видом забитые и вялые, тщедушные жители японского города и спесивая солдатчина! Но как много во всем этом смысла! Только рабовладение в государственных размерах могло создавать такие сооружения. Надо было иметь огромные рабочие силы, сосредоточенные в одной местности и послушные воле одного учреждения, чтобы стали возможными при низкой технике все эти города, поля, водопроводы и прочее…

Ни одному из пароходов, уходившему в дальнее плавание, кочегары не требовались. Проезд в Шанхай в самом низшем классе стоил 30 иен. Пришлось Артему отдать и эти деньги. Осталось у него после расходов в Нагасаки всего лишь 5 иен. Это означало, что надо снова приготовиться к полуголодному существованию, перейти на знакомые сухари и воду.

Пароход шел из Нагасаки в Шанхай. Где-то внизу, на общей палубе третьего класса, среди китайских бедняков находился Артем.

Артем в Шанхае

Шанхай — один из крупнейших промышленных центров Китая. Город с населением в несколько миллионов жителей. Город кричащего богатства и безысходной нищеты. В Шанхае той поры, когда туда прибыл Артем, было собственно два города: сеттльмент — город для европейцев, с огромными благоустроенными домами, роскошными магазинами, с широкими чистыми улицами, со своим Бродвеем, и настоящий, китайский Шанхай, где жили хозяева города — китайцы: бесчисленные кварталы одноэтажных домов — трущобы в самом худшем смысле этого слова. Но и это еще не весь Шанхай: на большой реке стояли десятки тысяч джонок — в этом городе на воде рождались, проходили мучительно тяжкий жизненный путь и умирали многие поколения китайцев.

Артем нашел меблированную комнату, уплатив за неделю вперед все оставшиеся у него деньги. «Крыша над головой есть, остальное приложится — голодной смертью не умру», — думал он, медленно прохаживаясь по Бродвею, останавливаясь возле шикарных витрин английского магазина. Карманный словарик английского языка (подарок Екатерины Феликсовны) всегда с ним, и Артем не упускает случая попрактиковаться. Но чей-то робкий голос отвлекает его:

— Вы русский?

Артем не спешит вступить в беседу с незнакомцем. Он ощупывает его своими проницательными глазами. Потом, придя к какому-то выводу относительно этого оборванного, видимо, безработного соотечественника, отвечает на вопрос:

— Да, я русский. Только что приехал в Шанхай.

Из завязавшейся беседы выяснилось, что незнакомец также бежал из ссылки и в результате долгих странствий очутился в Шанхае.

— Где вы живете? — спросил безработного земляка Артем.

— Эту ночь провел в китайской шлюпке…

Артем предложил Владимиру Наседкину, так звали безработного, переночевать в его комнате.

Наседкин спросил Артема, не хочет ли он пройтись немного по Бродвею:

— Здесь неподалеку разместилась русская булочная, там уже работают двое русских парней, быть может, повезет пристроиться еще кому-нибудь.

Артем — китайский кули

Пришли по указанному Наседкиным адресу. Хозяина на месте не оказалось, зато удалось побеседовать с обоими русскими рабочими. Люди здесь были нужны, а это главное. Вскоре появился хозяин пекарни. Артем без всяких церемоний предложил свои и Наседкина услуги. Готовы делать любую работу. Работы в самой пекарне не оказалось, но хозяин, не очень уверенный в согласии двух русских, предложил им развозить по городу хлеб.

— Вы подумайте хорошо над моим предложением: заработок эта работа принесет вам очень небольшой, но тут есть еще, как бы вам сказать, этическая сторона дела. Развозка грузов в Китае — это дело кули, людей, находящихся на самом дне жизни. Европейцы в Шанхае не согласятся выполнять такую работу даже под страхом голодной смерти. Но вы русские, и работу сейчас в Шанхае достать едва ли вам удастся. С ответом я не тороплю. Мне совершенно безразлично, кто будет возить хлеб, китайцы или русские. Плата от этого не изменится.

Артем, прищурив глаза и еле заметно улыбаясь, слушал речь хозяина, его, «так сказать, моральные соображения о труде европейцев и китайцев». Но вдруг улыбка исчезла с его лица, глаза его стали жесткими, он грубо оборвал хозяина и сказал:

— Я согласен на развозку хлеба, не знаю, устроит ли это моего товарища. А насчет чести европейца и прочего не беспокойтесь. Никакой труд не способен обесчестить человека. Когда можно начинать работу?..

Напившись вволю чаю с сухим хлебом, двое старых рабочих и двое вновь нанятых отправились гулять в ботанический сад. Веселее и бодрее всех был Артем. Один из булочников, человек неимоверной физической силы, был одновременно человеком мрачным, угрюмым. Но веселость нового рабочего, назвавшегося Андреевым, а также его незаурядные физические данные сделали нелюдимого пекаря общительным. Он рассказал о своих приключениях, когда ему однажды пришлось пропутешествовать зайцем в трюме английского парохода на Филиппинские острова. Там он был обнаружен и на казенном содержании отправлен обратно в Шанхай.

Артем принял живое участие в этом обмене воспоминаниями. Он много рассказывал о своей жизни юношей в Париже, где ему довелось на время стать заведующим русской студенческой столовой.

— Однажды к нам в Париж приехал студент, исключенный из Томского университета. Детина рослый, как вот ты, Щербаков, — Артем указал рукой на мрачного пекаря, — у этого «ребенка», помню, была огромная рыжая шевелюра. В первый же день своего приезда в Париж он заблудился и никак не мог найти своей квартиры в Латинском квартале. Французского языка он, как и многие его соотечественники, не знал. Приведенный в отчаяние бесполезными попытками найти дорогу домой, обессиленный, он начал останавливать на улице прохожих, пытался жестами расспросить, куда ему идти. Толпа любопытных парижан вокруг рыжего студента росла с угрожающей быстротой. Но оттого, что число зевак увеличивалось, дело не продвинулось ни на шаг. Видя, что его по-прежнему не понимают, студент растрепал свои и так не очень покорные волосы, стал на четвереньки и начал бросаться на окружающих, издавая звуки, похожие на рычание льва. Парижане хохотали до слез, представление это достигло цели: всем стало ясно, что студент-иностранец живет неподалеку от Львиных ворот, куда его благополучно и доставили.

Артем рассказывал эту историю с такой живостью и при этом сам так заразительно хохотал, что угнетенное и безрадостное настроение прошедшего дня рассеялось, как дым.

В своих скитаниях по свету Артем, как и прежде, в тюрьме и ссылке, всегда находил час-другой, чтобы рассказать друзьям о своем житье-бытье.

«Простите, что так долго не писал, — начинает Артем свое послание Екатерине Феликсовне Мечниковой. — Очень часто мне хотелось написать Вам… Но постоянно встречались обстоятельства, которые мешали мне сделать это. Мы спим не на розах. Пробраться в Европу мне до сих пор не удается. Точно так же и в Америку или Австралию… Я застрял в Шанхае и жду не дождусь благоприятного случая, который бы позволил мне выбраться отсюда. Но, пока ждать-подождать, надо и делом заниматься. Жить на чужой счет я не могу… Я… кули. Никакой труд мне не страшен. Пусть англичане лицемерно отворачивались, когда я тащил тележку с хлебом по городу. Это меня нисколько не трогало… Одна англичанка… кричала на грязного усталого развозчика, что он привозит ей хлеб слишком поздно, в 8 часов, а не в 7½ часов (я выезжал в 4 часа утра). Я на другое утро привез ей хлеб в 5 часов. Все еще спали, и я прибил к ее дверям записку, в которой по-английски написал, что она напрасно затрудняет меня, заставляя рано приезжать. Она удивилась требовательности кули… Только среди проходимцев всех стран, а только они и представляют европейцев на Дальнем Востоке, возможны такие нравы. Они презирают труд, как

презреннейшее из занятий. Они поддерживают легенду о нациях, которые родятся с седлами на спинах, и нациях, которые родятся со шпорами на сапогах. Жалкая кучка европейцев насильно втискивает новые формы общественных отношений в огромную страну и думает, что их роль они могут разыгрывать столетия…»

«Китай сейчас — вулкан»

Очутившись в Китае, в этом совершенно новом для него мире, Артем пристально вглядывался в то, что происходит в этом гигантском котле. Чуткое ухо революционера улавливало пока еще неясный гул первых подземных толчков надвигающейся революции.

«Китай уже имеет свою буржуазию, — писал Артем в том же письме к Мечниковой, — которая хозяйничает в стране пока экономически. Она уже вступает в борьбу с отжившими господствующими классами, желая хозяйствовать и политически. Огромные массы китайского населения, оставшиеся без определенных занятий, с тех пор как дешевый европейский товар разрушил китайскую промышленность, составляют послушную армию, которую китайская буржуазия пока эксплуатирует экономически. Но эта же армия послушна ей и тогда, когда буржуазия пускает ее в ход во время столкновений в общественной жизни. Беспокойное китайское население, лишенное прочных условий существования, быстро обучается и дисциплинируется на службе у капитала. Пока оно послушный молот в руках китайской буржуазии. Это особенно ясно сказалось во время чумного бунта. Европейцы применили военную силу — и это только подлило масла в огонь. Китайская буржуазия выпустила только прокламацию, подписанную выдающимися китайскими промышленниками и торговцами, и все успокоилось. Но они ее написали лишь тогда, когда европейцы согласились на все условия, которые китайская буржуазия предложила им как ультиматум. Это было первое поражение европейцев. Европейцы сдались по всему фронту. Китай сейчас — вулкан… Беспокойным… китайское население является потому, что у него нет устойчивости в хозяйственном строе. Старое рушится быстрее, чем создается новое на его обломках… Что дальнейшее развитие Китая будет идти неровным, прерывистым шагом, это ясно. Тем более, что вмешательство европейцев создает еще большую неурядицу и вносит много путаницы в умы китайцев».

Активный участник русской революции 1905 года, соратник Ленина, Артем на каждом шагу своей нелегкой жизни в Шанхае убеждался в верности слов своего учителя. В Китае началась эпоха, которую Ленин назвал эпохой «пробуждения Азии». «Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции» [23].

Артем, называя Китай вулканом, дает марксистский анализ социальных сил, действующих в Китае накануне революции 1911–1913 годов.

Все в том же письме к Екатерине Феликсовне, возвращаясь к рассказу о совместной жизни группы русских эмигрантов в Шанхае, Артем писал:

«…А теперь у нас есть «коммуна». Теперь русскому беглецу или неудачнику не приходится, если он порядочный человек, скитаться по улицам Шанхая и просить сытых о милости. Теперь он идет на квартиру, которую мы снимаем, и живет в ней как дома. Как оплачивается квартира, как кормятся живущие в ней, — этого никто из живущих не знает. Когда надо платить 2 доллара за квартиру, деньги оказываются налицо. Едят. Пища бывает ежедневно. Мы все зарабатываем кое-что, и всякому приезжему или оставшемуся без работы находится какая-либо работенка. И во всем этом ни капли благотворительности.

А когда я приехал, я видел людей, уже совсем опустившихся и отчаявшихся во всем. Я сам просил работу за хлеб и ночлег, только и этой работы не мог найти… Мне не страшно голодать, и никакой труд меня не пугает. Если я мог быть кули в Китае, то я сумею им быть и в Индии. Я убежден, что весной, не позже, я отсюда уеду. Лишь бы заработать на билет до Сингапура. Ехать зайцем не решаюсь. Могу попасть наверняка в тюрьму и потом на родину. Лучше я попаду на несколько месяцев позже, куда хочу попасть. Но наверняка… Кстати, я ничего не мог написать в Париж, потому что не имел адреса. Пожалуйста, напишите обо мне все, что узнали от меня. Пока же желаю Вам всех благ. Я смертельно устал, слипаются глаза, а газ так ужасно скверно горит. Я целый месяц отравлял себя им, когда спал в чулане в пекарне. Бывало, свалишься одетый в 11 часов ночи и в 4 утра на ногах. Усталый, разбитый, измученный отсутствием кислорода в перегретом, отравленном газом воздухе пекарни. Теперь я уже не сплю тут. Но все же сплю не на розах. Все это чрезвычайно мало меня трогает. Я даже не замечаю почти этого. Всякая борьба меня увлекает и захватывает. А здесь была тяжелая борьба. Ваш Федя».

На улицах Шанхая

Образ жизни, избранный Артемом и его друзьями, был наглядной демонстрацией того, что и среди европейцев есть друзья Китая. Ведь Артему достаточно было бы зайти в любую европейскую миссию, заявить там, что он безработный, и его бы одели, накормили — и все это было бы сделано в колониальном Шанхае лишь для поддержания авторитета европейцев в глазах китайцев. Не может европеец здесь, в Азии, опуститься до уровня нищих китайцев. Нельзя унижать имя господина в глазах его рабов.

Появление Артема и его товарищей с тележками на улицах Шанхая не прошло незамеченным.

Китайцы в недоумении останавливались на тротуарах. Белый кули — это было невиданно в Шанхае. В английских и французских газетах появились гневные заметки о том, что русские компрометируют европейцев, занимаясь одинаковой работой с китайскими кули.

Время за полдень. Освободив очередную тележку с хлебом, Артем остановился на Янцзыпу. Вытирает платком льющийся по лицу пот. Рядом расположился уличный торговец съестным — передвижная китайская столовая. Время обеденное, возле торговца, рассевшись прямо на кромке тротуара, едят китайцы — это кули и рикши, тут же стоят их двухколесные экипажи. Артем подошел к торговцу, попросил горячих лепешек и сладкого картофеля. Перебрасываясь шуточками с кули, он с аппетитом начинает уписывать свой обед. Немедленно торговца и его клиентов окружает огромная толпа любопытных китайцев. Зрелище, на которое они собрались, редкое, единственное в своем роде: возле жаровни стоит европеец, по китайским представлениям, прилично одетый. С жару-пылу хватает лепешки, ест их да приговаривает: «Шибко шанго, люди — шибко шанго», дружески похлопывает китайца по плечу и смеется смехом праведника, довольный едой и этим еще более горячим, чем лепешки, шанхайским солнечным днем. Все с восхищением смотрят на Артема. Некоторые его уже знают — это белый кули. И лишь одиночки — богатые китайцы в дорогих костюмах и изредка показывающиеся на улице европейцы — с презрением оглядывают белого человека, унизившего себя общением с китайскими кули и рикшами. Большего позора они не знают.

Не легко Артему в Шанхае, но неистребим его оптимизм, да и он неистощим на самые неожиданные выдумки.

По шанхайскому Бродвею идут Артем и Наседкин. Проходят мимо здания одной из многочисленных христианских миссий. У входа стоит здоровенный монах, явно призывного возраста, и гнусавит свое: «You are welcomed!», что означает: «Добро пожаловать». Хочется поскорее пройти мимо этого паучьего гнезда.

Но Артем, придерживая товарища за локоть, неожиданно говорит:

— Давай зайдем…

Наседкин поднимает голову и удивленно смотрит на Артема.

Зашли в помещение миссии.

В фойе им предложили по чашке кофе и по куску кекса.

После принятия этой весьма скромной порции пищи следовало пройти в большой зал, где пели псалмы, — там в «лошадиных дозах» отпускалась «пища духовная».

«И зачем это понадобилось Артему забраться в логово отвратительных ханжей-миссионеров?» — думал Наседкин.

В зале стоял орган, за которым сидела хорошенькая мисс. Молодые англичане и американские матросы, находившиеся здесь, многозначительно посматривали в сторону этой девушки. Но вот заиграл орган, И все начали петь гимны, которые были напечатаны в розданных каждому книжечках.

Артем пел псалмы громко и отчетливо. Позже выступал проповедник, Артем стоял впереди и с большим вниманием следил за каждым его словом.

После того как вся программа богоугодных дел закончилась, выходя из миссии, Артем сказал Наседкину:

— Это самый лучший и дешевый способ быстро овладеть английским языком.

Недоумение, вызванное странным желанием Артема побывать в миссионерском заведении, получило свое неожиданное объяснение.

В своих воспоминаниях об Артеме Наседкин сообщил весьма интересные факты о роли, какую его товарищ по эмиграции играл среди русских, тем или иным путем попадавших в Шанхай.

Русские торговые моряки, как и моряки других наций, выходя на берег, тотчас же попадали в руки притоносодержателей, которыми кишмя кишели прибрежные кварталы Шанхая. В публичных домах, опиумокурильнях, в гангстерских притонах матросов спаивали, грабили, заражали венерическими болезнями.

Артем заранее узнавал о приходе в Шанхай русских кораблей и вместе со своими друзьями по коммуне встречал земляков. Он отдавал соотечественникам все свое свободное от работы время,

знакомил их с жизнью Шанхая, водил по магазинам, где можно дешево купить все необходимое для семьи.

Артем предостерегал матросов от посещения шанхайских притонов, объяснял, что им грозит в этих бандитских трущобах.

Однажды к Наседкину подошел один из гангстеров, специализировавшихся на ограблении матросов, и сказал:

— Передай Андрееву (имя Артема в Шанхае), что если он будет отваживать матросов от наших домов, то мы ему посчитаем ребра.

Об угрозе немедленно сообщили Артему, но он только улыбнулся:

— Насчет ребер мы это еще посмотрим. Я на своем веку и не таких бандюг видел и не такие угрозы слышал, а матросов к ним не пустим.

Артемова коммуна была сплоченной, и те, кому об этом надлежало знать, знали. Моряки клялись, что в случае, если бандиты пальцем тронут Андрюшу (так матросы звали Артема), то они в щепы разнесут их притоны.

Шанхайская коммуна Артема расширялась.

«Она занимала целый особняк — китайский двухэтажный домик, состоявший из четырех комнат, — писал Владимир Николаевич Наседкин. — Мы заняли все четыре комнаты… У нас был общий котел. Сашка-кочегар стал за повара, Санька-колбасник носил кости, всякие обрезки из колбасной, в которой работал. Щербаков и Евгений носили сухой хлеб. Самый большой заработок был у Артема и у меня, так как почти все остальные работали почти за кусок хлеба. Все эти средства шли на улучшение нашей коммуны: появилось белье, мыло, мы оделись.

Наш дом наполнялся беглецами со всех сторон.

Всякий бездомный имел у нас всегда приют. Артем продолжал развозить хлеб, посещал миссионерские вечера и так усовершенствовался в знании английского языка, что уже свободно читал местные английские газеты.

…Вспоминаю я наши вечера, когда вся наша семья была в сборе. Начинались интересные рассказы, шутки. Артем любил посмеяться, пошутить, перекинуться в картишки; встретив серьезного партнера, любил поиграть в шахматы. Никогда я не видел, чтобы он курил или прикоснулся к спиртным напиткам. Любил петь и часто затягивал: «На высоких отрогах Алтая стоит холм, и на нем есть могила, совсем забытая…» Как ни скуп он был на рассказы о своем прошлом, но все же он иногда рассказывал, как он был студентом и был жестоко избит при выступлении во время студенческой демонстрации в Москве… Рассказывал, как ездил на паровозе кочегаром и провозил газету

«Искру», которая распространялась в горняцких массах и среди железнодорожников.

При воспоминаниях о тяжелом труде горняков его лицо принимало грустное выражение, когда он говорил о работе саночников, которым приходилось при 10-часовом рабочем дне таскать на четвереньках тяжелые санки с 20-пудовым грузом угля из забоя в штрек. Как их руки, окровавленные об острый уголь, покрывались наростами. Положение горняков в Ки-зеле и на Урале было еще ужаснее, чем в Донбассе. Люди спали вповалку на грязных нарах, никогда не мылись, одежда их истлевала на них, работу начинали еще задолго до восхода солнца и выходили на-гора только ночью, так что многие слепли.

Через некоторое время Артем меняет работу. Он уже больше не развозит хлеб в тележке, а продает его в магазине при пекарне. Таким образом он сможет быстрее заработать необходимые для него и его друзей деньги на переезд из Шанхая в Австралию. Новая работа, как замечает Артем, «…14½ часов ежедневного труда и сутолоки в стенах магазина, разбивает его больше, чем тележка кули».

Барометр показывает бурю…

По-прежнему Артем обращает самое пристальное внимание на социальные процессы, протекающие на его глазах в Китае. Борьба с империализмом переплеталась здесь с борьбой великого народа против феодальных пережитков, еще имевших место в стране. В любом письме Артема из Китая эта тема находила свое отражение.

«…Напишу о самих китайцах. Прелюбопытнейшее зрелище для непривычного европейского взгляда представляет уже самая одежда китайцев. Где-нибудь на Hankin road или другой оживленной улице вы увидите молодых китайцев в юбках и с косами, увивающихся за китаянкой, которая преважно шагает с папироской в зубах, в очках и в брюках. Китаянки не носят юбок. К тому же женщины подбирают косу. Таким образом, мужчины превращены в женщин, и обратно. Больше о китайцах ничего не скажу. Потому что не могу о народе говорить, как об одном лице.

Как-то во время горячего спора о необходимых Китаю реформах один китаец на мой вопрос: «Какую же реформу вы считаете самой настоятельной?» — заявил: «Изгнание европейцев». Сколько я ни доказывал им, что для этого необходима сила, а сила может быть создана лишь народом, сплоченным в определенную нацию, с определенно сознанными потребностями и общественными органами выполнения их, то есть что хозяйственное и политическое обновление Китая является необходимым условием и для освобождения из-под власти европейцев, они все же упорно твердят: «Регент должен издать закон, что европейцы изгоняются». Будто бы европейцы побоятся бумажки.

Но все же как еще слабо политическое развитие даже образованных китайцев и как сильно интеллигентные китайцы ненавидят европейцев!»

В другом письме Артем снова возвращается к волнующей теме — его раздражает невозможность личного участия в революционных процессах, которые происходят в Китае.

«Испытываете муки Тантала [24]. Присутствуете при интереснейших процессах развития общественных отношений и не можете ни пальцем пошевельнуть, чтобы принять в них участие. От нечего делать созерцаем потешные батальоны, милитаристские карнавалы, которые от времени до времени устраивают здесь европейцы и те из китайцев, которые стоят на страже порядка и собственности. Здесь, как и везде, кровью и

железом культура прокладывает свой путь, с той особенностью, что железо здесь еще щадят, а насчет крови удивительно беззаботны. С большим пренебрежением относятся к ней, чем даже виноделы Бургундии и Шампани к винам… Цена этим потешным батальонам — ломаный грош…

Что значат все эти писцы, приказчики, аферисты, дельцы, ребятишки и прочее, одетые в солдатские и офицерские формы? Что они могут сделать с своими пушками, пулеметами и прочее, когда европейские дома разбросаны на огромном расстоянии среди китайских сеттльментов? Что же касается вообще защиты, защиты определенного места, в котором при случае могут укрыться европейцы, то для этого вполне хватит команд с броненосцев, крейсеров, миноносцев… которых здесь видимо-невидимо понаехало на страх китайской массе. Конечно, и они ни к чему не могут побудить шанхайское китайское население… Военные суда не станут стрелять по городу, в котором в фабрики, магазины и дома европейцы вложили свои капиталы. Китайцы искренне предполагают, что у белого душа живет в его кошельке… Ничего, кроме презрения, нет у меня, или, лучше сказать, я не чувствую, по отношению к здешним европейцам».

Воздав должное агентам империализма в Китае, Артем обращает свое внимание на проникновение буржуазных нравов в среду китайской интеллигенции, на проявление рабской идеологии. Китайские буржуазные интеллигенты презирают собственный народ. «И за что? Только за то, что она, эта масса (народ. — Б. М.), состоит из кули, то есть людей, занимающихся физическим трудом».

Однажды в магазине, где служил Артем, один европеец, разносчик хлеба, ударил китайца. Находившиеся в булочной другие китайцы возмутились. И чем? «Тем, что он сам кули и смеет бить кули». Китайцы горячо доказывали Артему, что этот европеец не смел ударить китайца, «потому что он сам кули, человек труда». Вот если бы Артем ударил бы того китайца, то это были бы пустяки, Артем перестал заниматься физическим трудом, он теперь служащий и потому имеет право бить. Он человек высшей касты.

Заканчивая описание этого случая в булочной, Артем подчеркивал:

«И это говорили интеллигентные китайцы, окончившие здешние высшие школы. Как вам нравится это рассуждение людей, которые сами превращаются в рабов, лишь только они имеют дело с хозяином? Это еще худшие рабы… Каково нам при виде всех этих картин?»

По морям и океанам

Давно бы уже Артем уехал из Шанхая, но по-прежнему отсутствие денег не позволяло ему сдвинуться с места. Из своего далека Артем чувствовал, что близится конец «мертвечине, которой пахло от русской общественной жизни последних трех лет». Не за горами новый революционный подъем. Скорее бы появилась малейшая возможность вернуться на родину и вновь без остатка отдаться самому важному и дорогому делу. «Какой-то бес вселился в меня, я хочу трудностей… Какая-то горячка деятельности, самого тяжелого и изнурительного дела овладела мной…» — писал Артем. Здесь же, в Китае, он был лишен возможности удовлетворить свою ненасытную жажду деятельности.

И все же в Россию из Китая Артем пока не поедет. Еще рано ему возвращаться на родину, где он неизбежно попадет снова в тюрьму, на каторгу и будет «ликвидирован». Он отправится в Австралию, пробудет там не более одного года. «Я убежден, что год жизни в Австралии укрепит мою психику настолько, что я не буду больше опасаться за ближайшее сильное потрясение…»

Собраны все наличные деньги — 600 мексиканских долларов. Их должно хватить для приобретения 6 пароходных билетов из Шанхая в Австралию. Артем, Наседкин и еще четверо членов шанхайской коммуны поднялись на борт английского парохода «St. Alban's».

Далекий путь предстоит совершить без копейки в кармане, и карман настолько пуст, что Артем не имеет даже возможности послать письма друзьям.

«St. Alban's» заходил в японские порты Модзи и Кобе, затем он пошел в Гонконг, английскую колонию на небольшом острове, вблизи Кантона.

В Гонконге пароход стоял около трех суток. Было достаточно времени, чтобы осмотреть остров, этот рай Магомета, по выражению Артема. Но не пышная природа острова привлекала его внимание, он был поражен, как и ранее в Нагасаки, тем, что способен сделать человеческий труд.

После долгих поисков в вещах всех шестерых русских путешественников были обнаружены медные монетки, на которые Артем смог купить почтовые марки и послать в далекую Москву свое письмо из Гонконга. Так благодаря случайности стали известны думы и переживания русского революционера.

Как в симфониях Бетховена звучит торжественный гимн

человеку, творящему чудеса на нашей грешной земле, так и в начале письма Артема из Гонконга мы слышим эту оду во славу людей труда.

«Здесь вы видите на каждом шагу, что человек тут господин всему. Он сделал с природой все, что захотел. И ни одна травинка, ни одна ветка, ни одна капелька из огромного количества воды не уйдет из-под бдительного взгляда человека. Здесь все подчинено контролю человека. И все, кроме холмов и моря, да разве туч, заняло то место, которое предназначил им человек…

Здесь везде видна его рука. Здесь Рим с его памятниками, которые пережили тысячелетия. Но Рим с трамваями, подвесными дорогами, электричеством. На каждом шагу шоссе. Каждая тропинка имеет свое определенное назначение и стоила бездны труда. Каждый ручеек окружен сооружениями, каких не знают наши самые важные реки. Все заковано в гранит. Одним словом, здесь господствует человек! Это кричит вам каждый случайно подвернувшийся камень».

Но закончилась ода труду человека, возникает новая тема — негодования и ненависти к тем, кто бесконечно унижает его, к тем, кто превратил в рабов покорителей природы и созидателей всех этих богатств.

Артем смотрит на роскошные здания, в которых живут колонизаторы-богачи. «Что-то сказочное в этих чудесных произведениях человеческого гения, но и от этой сказки пахнет человеческим потом». Сказка эта забралась так высоко в горы, что даже хозяину-англичанину трудно подниматься в свои волшебные замки.

«Но благородный англичанин, — пишет Артем, — и не нуждается в том, чтобы подниматься туда самому или по подвесной дороге… У него есть кули. Эти кули тащат на неприступные вершины современного римлянина — англичанина. Это они тащат в эти орлиные гнезда уголь, провизию и прочее, необходимое для того, чтобы его величеству господину англичанину были доставлены все мыслимые удобства. Это кули втащил на горы гранит, устроил ложбинки для ручейков, стенки тропинок, виллы. Это он построил внизу город, это он выстроил в облаках пятиэтажные громады домов… Здесь последнее слово человеческой культуры, но здесь еще и Рим с его презрением к живой рабочей силе, с его безумными тратами человеческих жизней».

Пароход уходил от берегов Китая, и чувство большой любви к великому и многострадальному народу Китая, ненависти к его обидчикам навсегда осталось в сердце Артема. Прощай же, Китай,

страна великого горя и страна великих надежд!

«Счастливая страна»

«St. Alban's» шел Южно-Китайским морем, западнее Филиппинских островов. В Макассарском проливе между островами Борнео и Целебес приблизились к экватору. Жара на пароходе была невыносимой, праздник Нептуна в честь перехода через экватор не сделал пассажиров более веселыми. Лишь немногие счастливчики, и в их числе Артем, переносили этот климат русской парной без особого неудовольствия. Общительный и остроумный путешественник, говоривший по-английски, был желанным собеседником на палубах всех трех классов парохода.

За бортом над зелеными волнами стаями проносились летающие рыбы. Частенько показывали свои могучие темно-серые, почти черные спины кашалоты. Высокими водяными кустами расцветали китовые фонтаны. Кто-то из пассажиров оказался по профессии гарпунером. Он на глаз определял размеры этих левиафанов.

— Вот этот самец длиной метров в двадцать пять весит не менее восьмидесяти тонн, но он уступает своим усатым собратьям, истинным китам — финвалам. Эти гиганты достигают длины до тридцати пяти метров, и их вес доходит до ста пятидесяти тонн. Китовый беби рождается длиной до девяти метров. Мать обязана впрыскивать в его детский ротик до трехсот литров молока ежедневно. Ученые подсчитали, что такой беби ежедневно прибавляет в весе на сто килограммов. Вот бы завести в Австралии китовую ферму!..

Пассажиры с явным интересом слушали гарпунера. Артем вместе с другими изумлялся разнообразию жизненных форм, скрывающихся под океанскими водами.

— Плохо хозяйничаем мы на старушке земле, столько вокруг богатств, средств для удовлетворения потребностей человечества, а сотни миллионов людей никогда не бывают сытыми, миллионы умирают от голода и систематического недоедания. Из рук вон плохо хозяйничаем на своей планете, — говорил Артем попутчикам на пароходе.

Долго еще плыли рядом с «St. Alban's» пять тупорылых огромных кашалотов, двигались одной шеренгой, голова в голову, как по команде погружаясь в волны и снова показывая на поверхности свои темно-серые спины.

Пароход, наконец, достиг северной оконечности Австралии — это был порт Дарвин. Дальнейший путь пролегал через Торресов

пролив, затем на юг, вдоль восточного побережья Австралии, в порт Брисбен, главный город штата Квинсленд. Здесь путешественники покинули пароход и сошли на берег. В конце июня 1911 года Артем очутился в Австралии.

В Брисбене в это время жило много русских эмигрантов. Они работали на железных дорогах, лесорубами, докерами и на сахарных плантациях. Через своих соотечественников, членов русской колонии, Артем и его товарищи вскоре нашли себе работу.

Не обошлось и без происшествий. Не успели Артем и его друзья ступить на землю Австралии, как их попытались завербовать на работу в сахарную промышленность. Вербовщики обещали хорошую заработную плату, приличное жилье и другие блага. Не избалованные вниманием вновь прибывшие эмигранты с радостью были готовы принять столь любезное приглашение. Изголодавшиеся по труду руки торопили своих хозяев принять предложение сахарозаводчиков. Но Артему с его острым классовым чутьем в посулах вербовщиков что-то показалось сомнительным. Он тут же на пристани пошел к простым людям, грузчикам, и, пользуясь своим знанием английского языка, вскоре получил полную информацию о взаимоотношениях между трудом и капиталом в Квинсленде. В частности, Артем узнал, что рабочие сахарной промышленности бастуют, ведут упорную борьбу за улучшение условий труда и повышение заработной платы.

Артем с помощью представителей русской колонии поступил работать на железную дорогу. Ремонт и прокладка новых железнодорожных путей требовали большой физической силы и выносливости, но это и была та работа, в которой нуждался Артем. Чем труднее, тем лучше, тем быстрее он выветрит из памяти тяжелые переживания тюрьмы и ссылки.

Проходит немного дней, Артем постепенно втягивается в каторжную на первых порах работу.

«Здешние шпалы — что-то ужасное. Они тяжелы, как железо, лежат по 25 лет… Первые дни у меня минутами в глазах темнело. Я боялся одного — как бы не отстать. А в конце концов, дня через 3–4, я оказался едва, ли не самым сильным рабочим… Нас привезли трех: двух англичан и меня. Один англичанин сбежал, другой разбил ногу, остался из трех я один», — таким было начало трудовой жизни Артема в Австралии.

Артему не легко было уживаться с теми порядками, которые царили вокруг него. «Я везде хочу установить свой справедливый порядок. Здесь подобралась шпана, которая хотела бы выезжать на других, строить старших. Ну, я и поднял маленькое знамя восстания. Мой партнер, хороший парень, еще подобралось

человека два, те меня молчаливо поддерживают, и я отбрехиваюсь. И иногда довольно ядовито…»

Артем везде остается самим собой. Куда бы его ни забросила судьба, нигде он не позволял обидеть или обмануть рабочего человека, жизнью которого он сам жил.

Не успев еще высадиться в Австралии, еще не оглядевшись как следует, Артем уже писал на родину Фросе Ивашкевич:

«…Я из России уехал лишь на время. И на очень короткое, быть может. Я вернусь, когда я почувствую, что я нужен.

Дыхание жизни русского рабочего движения не отлетело. Хотя, быть может, пульс и слаб… А в самом деле, что бы вы сказали, увидев меня в один прекрасный момент на одной из Ваших улиц? Впрочем, Вам придется этого подождать, ну, хотя бы до будущего года… Присылайте интересные книги, литературные сборники. Когда прочтете — в бандероль, и готово».

Живет Артем в 25 километрах от маленького городка Уорик, в 60 километрах от Брисбена. Живет на лагерном положении, в брезентовой палатке. Место живописное: глубокая котловина замкнута со всех сторон горными хребтами. Если подняться на близлежащие горы, то в самом центре котловины можно увидеть белое пятно — это и есть лагерь рабочих железной дороги. Угрюмые безлесные горы сторожат лагерь. Воздух в котловине тяжелый. Настороженную тишину долины только изредка прорезывает свисток паровоза, шум мчащихся поездов.

В южном полушарии в августе зима, но кругом зелено, хотя ночью бывают и заморозки. Днем же нельзя долго держать руку открытой на солнце. Как-то Артем пренебрег этим правилом и обжег обе руки. Но вот среди жаркого дня потянет ледяной воздух. То жаркие, обжигающие лучи солнца, то леденящий ветер — и кожа на руках рабочих трескается, появляются язвы. Чтобы избежать этого, Артем натирал руки машинным маслом, которое брал с паровоза, а позже нашел более удобным смазывать руки свиным жиром. «Руки все же трескаются, но мало, и нет язв», — отмечал Артем.

Вечером после тяжелого рабочего дня, когда утихает ветер и можно зажечь свечу без риска, что она тут же погаснет, Артем садится за походный столик и пытается писать письмо в далекую Россию. Где-то рядом развлекаются товарищи, один из них с завидным упорством бьет по солдатскому барабану, другой вот уже второй месяц пиликает на гармонике единственно известную ему песенку. Сегодня суббота, и в лагере довольно шумно. Но Артем умеет отключаться от окружающей его обстановки, этому искусству он научился в тюрьме. Вот и сейчас он не слышит ни боя барабана, ни пиликанья гармоники, перед глазами далекая

Россия и близкие друзья. Письмо начинается в идиллических тонах.

«Удивительно хорошая, спокойная страна Австралия. В ней чувствуешь себя уверенно. Просторная, богатая, свободная… Не нищета масс, а высшая, наиболее развитая форма капиталистической эксплуатации служит здесь основанием для создания богатств буржуазии. Быстрое накопление капиталов здесь не стеснено ни безумными тратами милитаризма, ни насыщенностью капиталом отдельных отраслей производства. Не избытком, а недостатком людей страдает здесь страна. Требование на рабочие руки всегда высоко. Рабочий чувствует себя спокойно, уверенно. Фермер тоже. Хотя и тот и другой сильно эксплуатируются, один промышленным, а другой торговым и банковским капиталом… К тому же здесь нет кричащей безумной роскоши командующих классов. Все одеваются одинаково, одинаково едят. Покучивать же едут в старые страны. Собственники процентов живут больше в Лондоне. Но зато у рабочего здесь нет и потребности остро, напряженно мыслить. Он не задается общими вопросами и живет сегодняшним днем. Хочет — идет на работу; не хочет работать — спит или идет в город. Никто не спросит, почему не вышел на работу. На работе ему сделал старшинка замечание — он бросает инструмент и требует… записку о количестве выработанных часов. Получает в конторе соответствующее количество шиллингов, идет, куда понравится. Прежде всего, конечно, в кабак. Молодежь средних классов пытается проповедовать рабочим христианство, но проповедь эта не прививается, остается так же бесплодной, как библейская смоковница, и служит больше средством к организации самой буржуазной молодежи. Везде интересуются спортом. Все газеты переполнены отчетами о предстоящих, настоящих и прошедших матчах — велосипедных, биллиардных, лодочных, футбольных и прочее и прочее. Бокс везде в ходу, и негр-боксер известен гораздо больше, чем какой-либо оратор, публицист, писатель. Театр, музыка, литература, искусство чужды в огромном большинстве случаев массе населения. Во всем Квинсленде нигде нет театра, кроме Брисбена. Здесь на сто верст кругом нет даже иллюзиона (синематографа). В ближайшем городе Уорике — центр здешнего округа — нет ничего, кроме лавок, кабаков и публичных домов, конечно, спортсменских клубов. Рабочая партия на весь Квинсленд издает только одну ежедневную газету».

Как обычно, в своих письмах Артем увлекательно и зримо показывает картину окружающей его жизни. Да, конечно, острый недостаток рабочих рук в стране представляет временные

преимущества рабочим. И рабочие могут себе позволить роскошь уйти с предприятия и поступить на другое, но и на первом и на втором он создаст прибавочную стоимость, обеспечит прибыль хозяину, иначе по закону капиталистического производства предприятие не выдержит конкуренции и развалится. И в «счастливой Австралии» эксплуатируют нещадно, ну, а если рабочие организованно борются за улучшение своей жизни, как и везде в капиталистическом мире, это приводит к классовым боям, к забастовкам и локаутам.

Длинный Дик против Большого Тома

Все дальше в глубь материка уходят строители железной дороги. Крушат скалы, отсыпают насыпи, строят мосты, укладывают рельсовый путь. В отряде Томсона работают 400 человек, здесь собрались люди всех национальностей. Народ сильный, бывалый. Артему в отряде досталась одна из наиболее тяжелых работ; он молотобоец при бурении скважин. Вручную, при помощи обычного молота и клинообразных стальных буров, продалбливается в скале скважина, или, как ее иначе называют, шпур. В соответственно расположенные шпуры закладывается взрывчатка, подводится определенной длины бикфордов шнур, который поджигается запальником. Проходит точно отмеренное количество времени, и раздается оглушительный взрыв. Работа опасная, зазевавшегося может настигнуть обломок, или запальщик точно не сосчитал числа взрывов, и бур наткнется на взрывчатку, — тогда несчастье, смерть.

Работа эта для сильных и смелых людей. Том Сергеев (Том — это очередное, на сей раз энглизированное имя Артема, близкое русскому Федор) вскоре становится сильнейшим среди сильных.

Господин Томсон переводит его с работы молотобойца на работу запальщика-подрывника.

Бурение скважин закончено. Рабочие уходят подальше от взрывных работ. Появляется Артем, через плечо у него висит большой мешок, наполненный пачками взрывчатки. Осторожно, цилиндрик за цилиндриком досылая деревянной палкой до дна скважины, Артем закладывает динамит. Последний патрон соединяется с запалом. Заряжено 15 скважин. Все сделано точно и аккуратно. Спокойно и быстро подносит Артем тлеющий трут к концам бикфордова шнура. Шипит, выплевывая огонь и дым, подожженный порох. Время сейчас измеряется секундами.

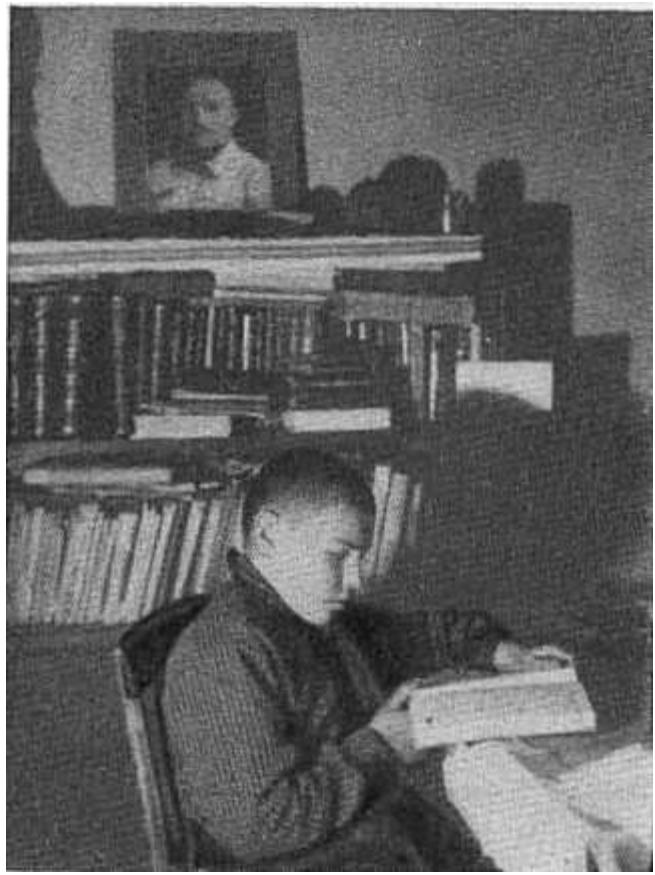
Артем быстро отбежал на недалекое расстояние, откуда внимательно просчитывает число взрывов. Их должно быть пятнадцать. Прогрохотал пятнадцатый взрыв, летят камни в небо, пылью и дымом заволакивает все вокруг. В это пекло бросается запальщик Артем. Он похож на демона из Дантова ада. Голый по пояс, тело покрыто пороховой копотью и пылью. На шее обрывки какой-то материи, которой он вытирает струящийся ручьями пот. Обнаженные грудь и руки как бы перепутаны толстыми канатами мышц, сухожилий и кровеносных сосудов. Все это приняло бронзово-шоколадный цвет.

Работает этот русский на диво красиво и точно, вызывая

зависть у некоторых теперь низложенных любимцев-рабочих. Один из таких экс-чемпионов, канадец Длинный Дик, вызывает Большого Тома (Артема) на состязание: кто перед лицом рабочих всей округи раньше другого набросает вагонетку землей? Соревнование назначено на ближайшее воскресенье. Заядлые спортсмены и болельщики — австралийские рабочие, товарищи Дика и Тома, ждут с нетерпением дня состязания. Заключаются пари.

Артем после возвращения из эмиграции. 1917 г.

Лиза Репельская — жена Артема. 1918 г.



Сын Артема — Артем Федорович Сергеев. 30-е годы.

Соревнование началось. Толпа рабочих не менее тысячи человек окружила место, где стоят две большие вагонетки. Наполненные землей лопаты мелькают в воздухе. Вагонетка у гиганта Дика наполняется быстрее, чем у Тома. Со всех сторон исступленно кричат болельщики: «Поднажми, Том!», «Веселей, Дик!» Все чаще летят комья земли в вагонетку Тома, все чаще и чаще. И вот наступает момент, когда всем становится очевидной победа русского рабочего. Судья опускает флаг — Артем победил. За ним во всей округе утверждается репутация самого сильного и умелого рабочего. Но далеко не все рабочие по отряду Томсона знали, что их товарищ Том Сергеев умеет не только хорошо трудиться, но и организовывать трудящихся.

Во главе Союза русских эмигрантов

В штате Квинсленд еще до приезда Артема существовал Союз русских эмигрантов. В этот союз входили рабочие и интеллигенты русского происхождения. Деятельность союза, в основном сводившаяся к материальной поддержке, и то на первых порах, вновь прибывающих в Квинсленд русских эмигрантов, не удовлетворяла значительную часть членов союза, особенно интеллигентов. Высказывались пожелания о ликвидации союза и об организации кружка русских интеллигентов. Надежд на скорый созыв общего собрания русских эмигрантов не было, ибо большая их часть разбросалась по всему штату. Помог случай. Федеральное австралийское правительство вело переговоры с союзом об устройстве на севере Австралии русской колонии. Чтобы на месте ознакомиться с условиями жизни колонистов на австралийском севере, нужно было послать туда ходоков. Выборы этих ходоков требовали созыва общего собрания союза, которое и было назначено на рождество 1911 года.

Широко оповещенные о предстоящем собрании, русские эмигранты собрались в Брисбене. Такого представительного съезда Союз русских эмигрантов еще не имел с момента своего образования. Известную роль в успешном созыве собрания сыграли слухи о намерении верхушки интеллигентов распустить союз.

В президиум собрания избраны в большинстве те, которые стоят за ликвидацию союза. Произносятся речи представителями «ликвидаторов» и тех, кто против роспуска. Но вот на трибуну поднимается делегат строителей железных дорог, мало кому известный Сергеев. Он предлагает собранию хорошо продуманный план новой организационной структуры и конституции Союза русских эмигрантов. Он резко выступает против попыток ликвидации, напоминает о том, что в России снова поднимаются революционные настроения, что недалеко то время, когда русские люди, где бы они ни были, смогут понадобиться своей родине. Для того же, чтобы высоко нести знамя русской революционной эмиграции, нужна и еще раз нужна крепкая организация. Лично для меня, говорит оратор, «зрелище неорганизованных масс невыносимо!».

Артем призывает соотечественников стать передовой, наиболее организованной частью рабочего движения в штате Квинсленд.

Выступление Артема было решающим для судеб Союза

русских эмигрантов. Выступление малоизвестного, но очень сильного противника было для них полной неожиданностью. Сторонники ликвидации были обезоружены. План реорганизации, представленный Артемом, был принят без возражений. Согласно этому плану на местах образовывались самостоятельные ячейки союза, входившие в качестве коллективных членов в Центральный союз. Председателем Союза русских эмигрантов был избран Артем, секретарем — Серешенинов.

В обновленном союзе закипела работа, был разработан устав, план организации русской газеты, выписана революционная литература из Западной Европы.

Новый председатель союза в канцелярии не задерживался, его тянуло в гущу рабочих. Артем вернулся на строительство железной дороги.

День Артем работал на строительстве, а затем пешком или с какой-нибудь оказией перемещался на десятки верст, собирал кружки русских рабочих, организовывал ячейки союза. Кончал дело в одном районе — перекочевывал в другой.

Союз разрастался, пополнялся новыми членами, появились средства для издания газеты.

«Черная пятница» — «Блек фрайдей»

Уже все было подготовлено к изданию русской газеты, и вдруг неожиданное событие отодвинуло газету на второй план. Вспыхнула забастовка трамвайных рабочих, которая вскоре переросла во всеобщую. Артем спешит в Брисбен: период его «невмешательства» в общепролетарские австралийские дела окончился. Теперь и он знает австралийское рабочее движение, и его знают рабочие штата Квинсленд.

Артем принимает самое деятельное участие в проведении забастовки: пишет воззвания к рабочим, созывает собрания забастовщиков, ведет решительную борьбу со штрейкбрехерами. Эта борьба Артема со штрейкбрехерством имеет особое значение.

Организованные австралийские рабочие очень боялись эмигрантов, еще не вступивших в профессиональные союзы. Русские рабочие в их глазах стояли не очень высоко. Они думали, что среди русских найдутся многочисленные скэбы — штрейкбрехеры.

Нужно ли говорить, что организованные в союз русские рабочие были бесконечно далеки от того, что о них думали некоторые тред-юнионисты.

Усилия Артема и его товарищей помогли трамвайщикам в их ожесточенной борьбе с самодуром директором Баджером.

«С этого момента, — по свидетельству секретаря русского союза Серешенинова, — мнение австралийских рабочих о русских радикально изменилось, и они вместо боязни стали абсолютно верить им. Например, для того чтобы пройти тот или иной пикет, достаточно было сказать слово «русский», как пропускали свободно, тогда как для рабочих других национальностей требовались пропуска».

«Блек фрайдей» («черная пятница») — так была названа эта всеобщая забастовка в Квинсленде. В дни забастовки события в Брисбене напомнили Артему дорогую родину. Полиция хватала и избивала забастовщиков на улицах Брисбена, когда те шли в рядах демонстрантов. Русские рабочие были в первых шеренгах, и им доставалось от полиции в первую очередь. Правительство штата и буржуазия, которые надеялись найти среди малоорганизованных русских рабочих штрейкбрехеров, были поражены их дисциплинированностью и организованностью.

Буржуазные газеты начали травлю русских эмигрантов. Расписывались басни о жестокости, делались чудовищные и нелепые предположения о том, что в Австралию приехали

исключительно русские террористы, а не просто рабочие. В этой атмосфере клеветы и лжи, распространяемых о Союзе русских эмигрантов, можно было ожидать любой провокации.

Какая-то дама, сходя с трамвая, уронила завернутый в бумагу большой апельсин. Это вызвало в публике переполох; напуганные газетами обыватели подумали, что это бомба.

Гангстеры прессы подхватили «утку» и заявили, что русские уже бросили бомбу.

Русским эмигрантам угрожали выдачей царскому правительству. Но вся эта злобная кампания лопнула. Забастовка была выиграна. С тех пор русские рабочие стали пользоваться огромным уважением со стороны своих австралийских товарищей. А Артем уже выдвигал план организации в Квинсленде истинно социалистической рабочей партии.

Забастовка поглотила все средства союза. Издание газеты на русском языке пришлось временно отложить.

Что писал Артем о Толстом и о Горьком

Наступил 1912 год. Артем уже не работал на строительстве железных дорог. После «черной пятницы» он остался в Брисбене. «Меня принял довольно могущественный Союз береговых рабочих». Артем вошел в крепкую семью австралийских докеров.

Попытки организации марксистского кружка для коренных австралийских рабочих, в котором изучался бы исторический материализм и политическая экономия, встретили большие трудности. Заправилы Рабочей партии — лейбористы, всесильные в рабочем движении штата, косо поглядывали на деятельность Артема. Тем не менее вокруг него уже собралась группа австралийцев, которые готовы были создать партию нового типа.

В апреле Артем послал Екатерине Феликсовне Мечниковой в Москву большое письмо. Поражает в этом письме широта интеллектуальных интересов Артема, его своеобразный анализ явлений современной литературной жизни России. Откуда брались силы и время у этого измученного тяжелым физическим трудом грузчика, ведшего одновременно напряженнейшую работу партийного организатора и пропагандиста, для систематического чтения книг, получаемых с родины? Книги эти не просто прочитывались, но подвергались глубокому осмысливанию.

Артем писал: «…Книги Ваши я прочел. Есть таланты, которые не стареют. В 70 лет Бебель[25] сохранил всю пылкость и страсть агитатора, какою он обладал в 25 лет. Он лишь прибавил к ней свою полувековую опытность. И Толстой до конца сохранил свой своеобразный и колоссальный художественный талант. Признанный академией Бунин — только жалкий школьник по сравнению с Толстым. Как тщательно продуманы у Толстого все детали каждого характера, вплоть до самых отдаленных и сложных душевных движений! Он знает старую Россию. Он певец ее. Он не испытал участи Горького — узнать мятущуюся душу современного, создающего революцию и созданного революцией человека. Душу, которая изломана вместе с ломкой прежних общественных отношений и которой не дано еще условий для формирования в определенном направлении. Толстой боролся за старое, понимая его. Оттого его образы так рельефны. Горький идет вместе с ломкой старого, ненавидя это старое, но и не охватывая нового во всей его совокупности.

Когда читаешь Толстого (я говорю про себя), становишься таким спокойным и уравновешенным, как тот порядок, те условия, в которых жили и умирали герои Толстого. Горький же

либо заражает своей пылкостью, либо заставляет переживать все муки недоумения, муки мысли, которая не додумана и не может быть додумана. Его песни, им нет равных в мировой литературе. Зато его повести слабее слабого по законченности и разработанности образов. О них, образах, далеко нельзя сказать, что они высечены из мрамора. Рельефность этих образов только кажущаяся. Если откинуть красочность языка, своеобразную способность сливаться с природой, останется лишь недодуманная мысль, воплощенная в незаконченный образ. Видите ли, я читал Толстого, находясь под влиянием Горького. И эти мысли невольно пришли мне в голову.

Я обладаю несчастной особенностью: если у меня зашевелится какая-либо мысль, я не могу не додумать ее. А когда я додумал или пришел к заключению, которой меня удовлетворило, я не могу не высказать этой мысли. Поэтому в моих письмах Вам всегда так много, по-видимому, лишнего, не вызванного содержанием предыдущего. Но я только я. В письмах к Вам и вообще я говорю о том, что переживаю. И именно внутренние переживания единственно меня занимают. Во внешности я всегда неряха. Не только в смысле манеры носить одежду, но еще больше в особенности вообще не замечать деталей обстановки. Если я тем более занят обдумыванием чего-либо, хотя бы во время работы, напрасно кто-либо будет звать меня, обращаться ко мне. Надо меня толкнуть, крикнуть над ухом или сделать еще какое-либо необычайное и резкое движение, чтобы я вышел из состояния задумчивости. Но странно, что даже на опасных работах я ни разу сильно не поранил ни себя, ни других. Делаю машинально, без участия сознания, и, однако, с полным различием самых мельчайших деталей. Какая-то двойственная и притом раздельно двойственная работа сознания. Два отдельных сознания в одном теле. Многие приписывают это тому, что я не понимаю того, что мне говорят. Но я ведь одинаково отношусь и к команде или обращению на русском языке».

Начал письмо с мыслей о крупнейших явлениях современной ему русской литературы, а кончил штрихами своего психологического портрета. И во всем предельная искренность, желание самому понять и осмыслить прочитанное и увиденное, по-своему проанализировать и прийти к заключению о том, что волновало и привлекало внимание.

Ленский расстрел

Весть о кровавых событиях в России долетела до Австралии. Царские палачи расстреляли мирное шествие рабочих на Ленских золотых приисках. 270 человек убито, 250 ранено. Так ответил царизм на скромные требования рабочих далекой Лены об установлении 8-часового рабочего дня, увеличении заработной платы и отмены штрафов. В угоду английским акционерам «Лензолото», в угоду русским капиталистам была произведена эта зверская расправа.

На запрос социал-демократов в Государственной думе о Ленском расстреле царский министр внутренних дел Макаров заявил: «Так было и так будет!»

По всей России прокатились массовые политические забастовки: бастовало более 300 тысяч человек. По словам Владимира Ильича Ленина, «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» [26].

Некоторые члены Союза русских эмигрантов требовали немедленного возвращения в Россию и применения террора к палачам русских рабочих. В ответ на эти настроения выступивший на собрании союза Артем говорил:

— Ленские расстрелы наиболее ярко показали, что главные палачи не в России, а в Лондоне, Париже, Нью-Йорке. Пойдите в музей Брисбена, и вы увидите модель самого большого самородка (золота) в мире, найденного в Сибири, на Лене, и отправленного на монетный двор в Лондон. Разве не мировые хищники были подстрекателями и требовали от царя и царских лакеев суровой и решительной расправы с осмелившимися поднять голову русскими рабочими? Возвращаясь в Россию и применяя не массовую борьбу, а террор, мы ничего не сделаем с мировыми хищниками и палачами. Мы должны развивать борьбу в мировом масштабе. Нам здесь нужна сплоченная организация, своя газета, в которой мы могли бы освещать такие события, как Ленский расстрел, газета может проникнуть ко всем товарищам, разбросанным по Австралии…

«Эхо Австралии»

В конце июня 1912 года труды Артема по выпуску в свет первой в Австралии русской газеты увенчались успехом. Работая грузчиком на пристани и одновременно в Союзе русских эмигрантов и в местной социалистической группе, Артем сделался также единственным работником «Эхо Австралии» — так назвали русскую газету в Брисбене. Он писал газету, вычитывал корректуру, рассылал номера подписчикам, вел переписку с корреспондентами. «Убийственно тяжело», — коротко говорил своим далеким друзьям Артем, а сам догружал себя еще переводом на русский язык с английского фундаментального труда Маркуса Кларка «История австралийской каторги». Это и была настоящая жизнь для Артема.

Вскоре Артему удалось часть работы! по газете передать специально подобранному для этого дела товарищу.

«Эхо Австралии» живо отзывалось на самые жгучие вопросы жизни. Изображаемые на полосах газеты неприкрашенные картины австралийской демократии, условий труда в «счастливой стране», описание классовых битв и осуждение политики «рабочего правительства», которое сделалось цепным псом австралийской буржуазии, — все это направление газеты послужило в итоге для властей основанием для ее закрытия. С этой целью «демократы» выволокли на свет и применили заплесневевший от времени закон 1836 года, изданный для каторжных поселений Австралии той далекой эпохи.

Артем спокойно воспринял запрет на выпуск «Эхо Австралии». Газета была переименована в «Жизнь рабочего» и продолжала прежнее революционное направление.

В Брисбене Артем сталкивался с различными людьми, которые имели самое фантастическое представление о России. Так, однажды в беседе с «почти» социалистом-учителем зашла речь о школьном образовании в Австралии и в России.

Артем сказал собеседнику, что русские дети в Брисбене боятся ходить в школу, потому что в австралийской школе бьют беспощадно. Австралийский учитель нашел это утверждение нелепым, считая, что палка совершенно необходима при воспитании ребенка.

Беседа эта велась в обществе нескольких австралийских рабочих. Артем, защищая свою точку зрения о роли телесных, наказаний в воспитании детей, сослался на свои школьные годы:

— Ни я, равно как и ни один из моих сотоварищей по реальному училищу, где я учился в детстве, никогда и ни разу ни одним из учителей не были ударены. У нас в России в школе, подобной той, в которой я учился, учитель, ударивший ребенка, был бы немедленно уволен со службы.

Слушавшие Артема австралийцы иронически переглядывались, всем своим поведением давали понять, что рассказ их русского друга считают, в лучшем случае, хвастовством с хорошими намерениями, желанием сказать доброе о своей родине.

Артем, заметив это недоверие к своим словам, заключил беседу едким замечанием:

— Ну, разве же не свободная страна для учителей эта Австралия, где они бьют малышей, сколько их душе угодно? И эти жестокость и невежество происходят через сто пятьдесят лет после Руссо.

Стачка газовых рабочих

Возможность принимать активное участие в общественной жизни страны, снова войти в строй борцов за социалистические идеалы преобразила Артема. Угнетенное состояние, в котором он находился в первые месяцы и годы вынужденного отрыва от любимого дела профессионала-революционера, уступило место душевному подъему. И чем больше сил отдавал Артем борьбе рабочего класса, тем жизнерадостнее становился.

«…У меня ведь тьма дел, — пишет он в 1913 году все той же Мечниковой. — Работаю я снова грузчиком на пристани. Лучше и легче, чем в лесу. Никогда сильно не занят, но никогда и не имею свободного времени. То работа, то деловые собрания, то агитационные. Три деловых собрания в неделю — в юнионе (профессиональном союзе. — Б. М.), в партии и в русской ассоциации; три митинга в неделю, а потом ведь приходится и работать по ночам…

Некогда читать, прямо несчастье. Писать еще кое-как находишь время, но читать некогда. Только и читаешь, что газеты. К тому же постоянно какая-нибудь сенсация, которая всего захватывает и не оставляет времени думать о чем-либо другом. Потом рефераты, которые приходится читать в нашем социалистическом клубе по-английски, прямо убивают меня. Говорить речь не то, что просто говорить. А когда приходится говорить три часа подряд — это совсем убийство. Тут уж надо быть артистом, чтобы не усыпить публику. Но англичане удивительно терпеливый народ…»

Рассказав друзьям в далекой России о том, куда ежедневно уходит время, Артем более подробно пишет о «сенсациях, которые всего захватывают и не оставляют времени думать о чем-либо другом». Легко можно догадаться, что здесь речь идет о классовых боях между рабочими и буржуазией в штате Квинсленд, активное участие в которых принимал Артем.

«Сенсация дня у нас сейчас — забастовка газовых рабочих в Сиднее. Там, видите ли, labour government (рабочее правительство); это «рабочее правительство» издало ряд законов о примирительном обязательном разбирательстве недоразумений между фабрикантами и рабочими и под страхом чуть ли не каторжных работ и колоссальных штрафов воспретило стачку. А стачка все же разыгралась. Против воли секретарей и правлений юнионов. Ни агитаторов-подстрекателей, ни вождей. Уговоры правительства ни к чему не привели. Бывшие вожди юнионов —

министры (а значит, и члены парламента, которые стоят за ними) издали прокламацию к населению (то есть к бывшим своим врагам-предпринимателям и прочим) — поддержать их, дать штрейкбрехеров, поддержать законный порядок. Записались доктора, студенты, спортсмены; но рабочие других отраслей промышленности не хотят грузить угля для газового завода, смазочных масел… Пьяницы штрейкбрехеры не помогают…»

О том, что получилось, когда «чистая публика» пришла на газовый завод, чтобы работать вместо «ужасных» забастовщиков, Артем написал в своей корреспонденции в Соединенные Штаты, в Нью-Йорк, в русскую газету «Новый мир», которую редактировал старый уральский знакомый Артема «Назар» — Николай Никандрович Накоряков.

Собственный корреспондент Ф. Сергеев в «Письме из Австралии» 29 августа 1913 года писал:

«…Не знаю, как чувствовал себя этот сброд, когда он вступил в вонючий, отравленный газами двор газового завода. Может быть, они чувствовали себя новыми Наполеонами. Но мы знаем, как они возвращались обратно. Они работали там с комфортом: бутылки холодного лимонада и содовой воды, фрукты, чуть даже не кресла были заблаговременно запасены услужливой администрацией; ни один босс не гнал их в шею. Это было что-то вроде театрального представления. Один лорд-мэр (городской голова) с честью выдержал испытание, остальные падали в обморок, убегали. Двух сразу же вынесли без сознания и отправили в госпиталь. Лорд-мэр продержался четыре часа. Но больше не пошел. Он заявил, что если за эту адскую работу рабочим не платили 9 шиллингов (2 доллара), то им должны платить… Получился скандал на всю страну.

Всем этим высокопоставленным штрейкбрехерам на собственном опыте стало абсолютно ясно, что работа на газовом заводе — это не игра в лаун-теннис».

Стачка газовщиков была выиграна. «Рабочее правительство» Австралии, эта кучка предателей интересов своего класса, стало мишенью для насмешек я объектом серьезных обвинений со стороны всех слоев австралийского общества. Артем подводит итоги борьбы еще одного отряда австралийских рабочих за свои права:

«Уже не стачечники, а судья, отказавший им в прибавке, и правительство, из мухи сделавшее слона, оказались виноватыми в том, что общество было поставлено лицом к лицу перед опасностью одной из ужаснейших гражданских битв (слово «ужаснейших» Артем, естественно, приводит в ироническом смысле. — Б. М.). И закон (лучший в мире!!) против стачек

оказался виноват. Экстренно созывают сессию парламента для его изменения. А стачечникам вместо колоссальных штрафов и каторги, которые им полагаются по закону, обещано полное удовлетворение их требований».

«Капитализм в Австралии, — пишет Артем, — развивается по форме довольно своеобразно. Но при всей прихотливости, разнообразии и своеобразии форм в каждом отдельном случае содержание процесса то же: опираясь на силу и поддержку рабочих, используя материальные силы власти, созданные до капитализма, капитализм стремится форсировать свое развитие, превращая рабочих в рабов класса капиталистов, а другие классы в его данников. Искуснее всего это проделывается здесь, в Австралии… недавно здесь у нас человек 20 убило и покалечило на работе. Об опасности работы говорили давно. Но следственная комиссия спасовала перед мясным трестом (американским) с его 50 миллионами рублей капитала, вложенного в предприятия Австралии, и с министрами, по-видимому слишком не чуждыми интересам треста».

Так шаг за шагом Артем опровергал легенду о счастливой Австралии.

В забастовке газовщиков в Сиднее Артем и его товарищи по профсоюзу и партии прямо не участвовали. Они помогали забастовщикам материально и морально, но прошло немного времени, и уже не в Сиднее, а в Брисбене назрел политический конфликт, в котором Артем был активным участником.

Борьба за свободу слова

Уже в ходе кампании помощи рабочим Сиднея социалисты Квинсленда вызвали сильное недовольство правительства штата и полицейских властей. Следствием этого явился приказ начальника полиции не разрешать Артему и его друзьям по партии публичные выступления на открытом воздухе по воскресным дням.

«Английская конституция разрешает, а начальник полиции запрещает», — иронизировал Артем. Было решено объявить войну этому беззаконию. Артем убедительно разъяснял товарищам, что если не сопротивляться полиции в ее попытках ограничить свободу слова и собраний, то последует новое более серьезное наступление реакции на права рабочего класса. В письме к Екатерине Феликсовне от 14 октября 1913 года, беспокоясь по поводу молчания своих московских корреспондентов, Артем одновременно рассказывает о борьбе рабочих Квинсленда за свои права: «…На днях получил газеты и успокоился. Значит, живы. Меня, как видите, тоже еще не придушило ничем. При работе грузчиком это такая обыкновенная вещь. Придушить, может быть, еще и не придушит, а вот в тюрьме, кажется, придется посидеть.

У нас сейчас в самом разгаре файт за фри спич, а по-русски: борьба за свободу слова. Как видите, такая борьба возможна и в Австралии. Уже около дюжины тюремных приговоров социалистам вписаны в историю квинслендского суда; и еще не одна дюжина будет вписана. И как вы думаете, за что? За то, что люди осмеливаются говорить, не имея писаного разрешения на то от начальника полиции; при этом на суде неизменно фигурирует циркуляр начальника — не разрешать социалистам говорить в воскресенье… Мы решили вести борьбу до конца. Каждое воскресенье наши ораторы выходят говорить; говорят всегда на том же месте; их арестовывают. Но симпатии масс, очевидно, уже на нашей стороне. Тысячи народа собираются слушать наших ораторов. И с каждым воскресеньем народу прибывает все больше. Мы ожидаем каждый момент, что полиция от отдельных ораторов перейдет к организаторам этой борьбы и арестует комитет борьбы за свободу слова. Тогда и вашему покорному слуге придется заняться исследованием сходств и различий пенитенциарных [27] учреждений абсолютной монархии и демократической республики. Возможно, что я и не дождусь этого и обстоятельства заставят выйти на улицу раньше.

Мы думаем, что мы выиграем в этой борьбе очень много; нас

здесь почти не знали раньше. Нам очень многие сочувствуют сейчас. Я суечусь, как всегда. Русская привычка, нас здесь в городе русских какая-нибудь сотня, а шуму и суеты больше, чем от десяти тысяч англичан… На русских рабочих Австралия действует много лучше Америки. В Америке русские — синоним буяна, пьяницы, дикаря. Здесь в массе русские трезвы, зато они почти все учатся, почти все сразу примыкают к сознательному рабочему движению.

Одиночки, которые живут здесь «по-американски», еще резче подчеркивают основной, сознательно пролетарский тон русской колонии…»

Артем счастлив: он снова в своей родной стихии, в строю борцов. Что же может быть дороже этого в его жизни? Сколько душевной силы и бодрости в строках его письма. Артем говорит с иронией о тюрьмах Австралии, он чувствует, что не избежит знакомства с этими учреждениями заокеанской страны. Но разве того, кто побывал в Николаевке, способны запугать тюремные заведения штата Квинсленд?

Каждое воскресенье социалисты — соратники Артема— выступают в Брисбене перед тысячной толпой рабочих. Приходят полицейские, хватают оратора, надевают ему наручники и увозят в тюрьму. Австралийцы, на глазах которых происходит все это, наглядно убеждаются в цене австралийской демократии. За попытку говорить — тюрьма. Вот они, смелые парни, настоящие защитники народных прав, — социалисты, которых травит буржуазная печать, которых сажают в тюрьму.

Артем в Брисбенской тюрьме

Высказанное в письме к Мечниковой предположение Артема о том, что его вскоре арестуют, что пришла пора тюремной паузы в его жизни, оправдалось раньше, чем это можно было ожидать.

Произошло это в воскресенье на главной улице Брисбена. Том Сергеев, взобравшись на какой-то ящик, окруженный тысячной толпой жителей Брисбена, говорил о беззакониях, творимых полицией. «Людей хватают и сажают в тюрьмы за то, что они осуществляют свое право на фри спич, освященное законами этой страны. Мы, социалисты, боремся за истинную демократию — за свободу слова, печати, собрания; за справедливое социальное устройство общества…» Недолго говорил Артем на главной улице Брисбена. Через толпу, грубо расталкивая слушателей и раздавая налево и направо удары дубинкой, к Артему пробивались рослые австралийские полисмены. А дальше все пошло по известному порядку. Оратора подхватили под руки, потащили в полицейский участок. Там Артему было предъявлено уже набившее оскомину обвинение: «Арестован и привлекается к судебной ответственности за устройство открытого воскресного митинга, предварительно не испросив на это разрешения».

В полицейском участке Артем пробыл всего лишь два часа, а затем был освобожден впредь до суда под залог, внесенный социалистической партией. Суд не заставил себя ждать. Уже на следующий день, в понедельник, Артем предстал перед полицейским судом. Он был осужден и сейчас же после окончания судебной процедуры взят под стражу.

«Скоро подали тюремную карету, меня и пятерых уголовных сковали ручными кандалами попарно и повезли в тюрьму».

Через час пути осужденные были доставлены на место. Еще один раз в жизни Артему представилась возможность изучить тюремный быт, на этот раз австралийской тюрьмы.

Ввели на двор, построили в шеренгу для обозрения начальством.

«В это время произошло мое первое знакомство с английскими надзирателями. Взглянув в сторону, я увидел одного из товарищей-социалистов; облаченный в арестантскую одежду, он стоял, вытянувшись перед надзирателем, и, отдавая ему честь, что-то говорил».

«Эта поразительная картина, — писал Артем, — показалась мне настолько комичной, что я стал улыбаться, едва сдерживая

смех. Вдруг послышался крик по моему адресу:

— Внимание! Вы должны стоять смирно, руки по швам! Вы в тюрьме, и не забывайте этого».

Артем было запротестовал, но надзиратель — вежливый джентльмен — перебил его и возмущенно сказал:

— Разве вы не знаете, как должны отвечать тюремному начальству?

Артем чистосердечно признался:

— Не знаю.

— «Так точно, сударь!» — должны вы говорить, — пояснил надзиратель. Артем как бы вскользь заметил:

— Я, сударь, имею честь впервые быть клиентом австралийской тюрьмы, и потому, сударь, меня должны были сначала познакомить с правилами поведения в этих учреждениях, а потом уже требовать исполнения правил.

Артема отправили в отведенное ему тюремное жилище. Там он увидел просторную камеру, стены которой были выкрашены в нижней части белой, а в верхней желтой краской. Камера эта была похожа, по словам Артема, «на большой каменный гроб. Дно его (пол) было цементное. Под белым потолком — небольшое, забитое железной решеткой окно; дверь толстая, железная, без «глазка».

Обстановка камеры, по свидетельству опытного в этих делах узника, «была довольно разнообразна: деревянный столик и такой же табурет, прикованные цепью к стене. Щетка и жестянка для собирания пыли в камере, жестяная кружка с водой, жестяной тазик и такая же «параша», маленький половик и шесть одеял. В камере, как и во всей тюрьме, безукоризненная чистота. Ни нар, ни кровати в камере не оказалось. В этой тюрьме арестанты спят в особых гамаках. Любителям сильных ощущений и тем, кто находит жизнь легкой, я смело рекомендую эти гамаки как новый вид пытки… Гамак, конечно, лучше голых и грязных нар, но в Брисбенской тюрьме он так устроен, что спать возможно только после довольно продолжительной привычки к нему; в течение же нескольких первых дней пребывания в тюрьме никто в нем спать не может. Он устроен из куска длинной и узкой парусины с палками на концах и прикреплен крючками к двум противоположным стенкам одиночки. Получается такое выгнутое корыто, что голова и ноги арестанта висят в воздухе, а туловище почти касается пола».

Арестанту Артему за 4 копейки в день полагалось выполнять работу по уборке второго этажа одного из тюремных зданий. Громадный коридор нужно было три раза в неделю мыть и ежедневно подметать; ту же работу необходимо было делать в 20

камерах второго этажа. В обязанности Артема входило чистить камерные столы, все медные части на дверях, вычищать кружки, наполнять их водой. Но и этого мало.

«При уборке мне приходилось ежедневно скоблить и мыть… виселицу, помещавшуюся в том коридоре, который я убирал. Впервые попавший в тюрьму никак не узнал бы в местной виселице орудие удушения людей. Она устроена в высшей степени просто и кажется слишком примитивной для того, чтобы ею убивать людей.

Коридор второго этажа по длине его разделяется пустым пространством на две части, из которых каждая идет вдоль ряда одиночек. Для перехода с одной стороны коридора на другую оба они в трех местах соединяются проходами. В одном из таких проходов пол разделяется на две части в виде лежащих ворот. Над этим полом в потолке приделаны три крючка, один от другого на расстоянии 2 футов. К этим крючкам прицепляется веревка, петлю которой набрасывают на шею заключенному, стоящему на полу, особой рукояткой пол под осужденным опускается и — правосудие торжествует…»

В 1913 и 1914 годах Артем написал ряд очерков об Австралии, они печатались в легальном большевистском журнале «Просвещение», выходившем в Петрограде. В самих названиях очерков «Счастливая страна», «Из свободной Австралии» скрывается ирония, подчеркивается общее заблуждение про страну, «о которой создалось неправильное представление, будто бы эта страна населена народом, развязавшим и даже очень удачно, наболевшие вопросы стареющей Европы, что Австралия — единственная страна, где господствует демократия»[28].

В очерках «Социалисты на суде», «Брисбенская тюрьма» Артем наиболее ярко вскрыл изнанку «свободной Австралии» и ее так называемую демократию. Продолжая описание Брисбенской тюрьмы, ее временный жилец замечал:

«Давно Кропоткин где-то писал, что тюрьма — университет преступности. Одним из таких университетов является Брисбенская тюрьма — Бога-Род. В этой тюрьме арестанты, пусть они будут преступниками, но все же люди, физически и умственно калечатся. Бога-Род — это утонченная пытка, усовершенствованное бескровное орудие убийства.

…Наиболее мерзкая и оскорбительная для арестанта церемония происходит после пятичасового звонка. Сейчас же после звонка арестанты надевают тужурки, развязывают шнурки у ботинок — приготовляются к обыску. Через пять минут раздается вновь колокол, и мы выстраиваемся перед воротами. Один из надзирателей вызывает нас по двое в коридор, где стоят еще два

надзирателя. Арестант подходит к надзирателю, обыскивается ощупыванием всего тела, снимает ботинки и трясет ими перед надзирателем, показывая, что в них ничего не спрятано. Затем арестант проходит в свое здание, по дороге отдавая честь начальнику тюрьмы, который всегда присутствует при этой церемонии. Наконец арестант в камере, но глумление над ним еще не окончено. Вслед за ним раздается: «Такой-то здесь?» Арестант откликается: «Да, сударь». И дверь замыкается. Вскоре раздается свисток дежурного надзирателя — это помощник начальника обходит камеры и лично удостоверяется, что камеры замкнуты, и замкнуты не пустыми. Для этого сию же минуту после свистка арестант должен стать у двери и, высоко протянув руку, показать ее в окошко над дверью, за которой слышится ощупывание замка.

«Наконец-то я один! Наконец-то длинный тюремный день, полный массы как будто ничтожных, но очень тягостных притеснений и оскорблений, прошел! Наихудшая часть тюремной жизни все-таки день, когда все направлено против тебя, когда вокруг чужие, стерегущие тебя люди. Тяжелы бесконечные тюремные ночи, зато заключенный проводит их наедине со своими мыслями, воспоминаниями, вдали от своих врагов…»

В австралийской тюрьме Артем пробыл недолго. Срок заключения истек, и он вышел на свободу. Артема, как самого родного человека, встретили его друзья по партии, окружили сердечным вниманием и заботой. Их русский товарищ пострадал за дело австралийских рабочих; посланец партии Ленина, он показал пример пролетарского интернационализма, и навеки имя Артема вошло в историю революционной борьбы рабочего класса Австралии.

Артема полушутливо, полусерьезно спрашивали товарищи: какие тюрьмы лучше, австралийские или русские? Артем, очевидно, затруднялся ответом на этот вопрос, и только после некоторого раздумья сказал:

— Все тюрьмы мне кажутся одинаково плохими, и каждая из них имеет свои прелести. На вопрос приходится отвечать вопросом: «Какая тюрьма лучше, Шлиссельбург или Акатуй? Орловский централ или Агачи? Александровский централ или Владивостокская тюрьма?» Одинаково и здесь и там лишают свободы, притесняют и бьют. В Австралии судят и говорят: «Ты являешься нарушителем наших законов, ты виноват, мы наказываем тебя». У нас же порют и причитают: «Правда твоя, человече, правда, а ну-ка ложись!..»

Сохранились интересные воспоминания одного из деятелей рабочего движения Австралии об Артеме. В них, в частности,

указывается, что в 1912 году Артем вступил в «Международную социалистическую партию Австралии, которая к концу того же года стала Австралийской социалистической партией». Эта партия была организована на основах марксистской идеологии для настоящей борьбы за интересы рабочего класса, для разоблачения предательской роли правящей лейбористской партии. Созданная значительно позже, уже после Великой Октябрьской революции, Коммунистическая партия Австралии была продолжательницей традиций Австралийской социалистической партии.

В более поздние времена, когда разгорелась первая мировая война, в Австралии велась «великая борьба против воинской повинности». Том Сергеев выступил против участия в бойне народов и беспощадно разоблачал милитаристов, этих заклятых врагов рабочего класса.

Чтобы оказывать большее влияние на политическую жизнь в Австралии, Артем и некоторые другие русские эмигранты приняли австралийское гражданство. Это обстоятельство могло помешать им покинуть страну, так как английским подданным во время мировой войны был запрещен выезд за пределы Австралии.

Февральская революция

Наступил новый, 1917 год. На родине Артема назревали события великого исторического значения. Революция была у порога России. Силы царского правительства в мировой войне были смертельно надломлены. В городах начинался голод. Рабочие бастовали, выходили на улицы, на фронте целые полки отказывались повиноваться командованию. Солдаты голосовали против войны тем, что бросали фронт и уходили в родные места. Немецкие и русские солдаты вылезали из окопов навстречу друг другу, братались. В деревнях снова, как в 1905 и 1906 годах, поднималось на помещиков обездоленное русское крестьянство. Вставали против угнетателей и придавленные царизмом народы Казахстана и Средней Азии.

Чтобы сохранить себя, правители России вступили в тайные переговоры с Германией о сепаратном мире. Нашлись «спасатели России», которые при поддержке союзников думали устранить с престола царя Николая II и вместо него посадить на шею народа (до совершеннолетия наследника Алексея) брата царя — великого князя Михаила. Но всем этим тайным махинациям не суждено было сбыться — грянула революция. 25 февраля была объявлена всеобщая забастовка, охватившая миллионы рабочих. В ночь на 26 февраля последовал ответный удар царизма, были арестованы 5 членов Петербургского комитета большевиков. Но днем того же 26 февраля по призыву большевиков рабочие от стачки перешли к вооруженному восстанию. Полиция стреляла по народу, были убиты сотни людей.

27 февраля пламя восстания охватило весь Петербург. Рабочие захватили арсенал, вооруженный народ сумел привлечь на свою сторону солдат столичного гарнизона. Уже к вечеру 27 февраля более 60 тысяч солдат присоединилось к восставшим рабочим. Из тюрем освобождались политические заключенные.

Зашатался и рухнул престол, развалилась 300-летняя монархия Романовых, самодержавие было свергнуто ударом народных масс.

Телеграф донес весть о Февральской революции и в далекую Австралию. Немедленно по получении известия о революции в России Артем стал собираться на родину. Все русские эмигранты в Австралии получили официальное разрешение на возвращение в Россию, все, кроме натурализованных английских подданных, — этим, как англичанам, выезд из Австралии был запрещен. Но разве мог этот запрет помешать

Артему выехать в Россию? Артем нанимается на работу в Австралийскую мясную компанию. Место работы — Северная Австралия, порт Дарвин. Артем покинул Брисбен и переехал в Дарвин. Отсюда он нелегальным путем бежал в Шанхай, а затем во Владивосток, на родину. Революционные рабочие Австралии, товарищи по многолетней борьбе, сердечно простились с Томом Сергеевым, зная, что его зовет на родину совершающаяся там великая революция.

ЧАСТЬ VII
НА РОДИНЕ

Возвращение в Россию

Пароход, на котором Артем плыл на север, по бесконечным просторам Тихого океана, казалось ему, двигался, как черепаха. Поезд из Владивостока через огромную, безбрежную Сибирь полз, как улитка. Проходили недели и месяцы, а он, Артем, все еще в пути.

С дороги послана телеграмма, послана, конечно, в город революционной молодости, Харьков.

«Возвращаясь из Австралии, шлю привет товарищам и соратникам в борьбе за освобождение рабочего класса от всякого гнета и эксплуатации. Надеюсь скоро быть снова в вашей среде. С братским приветом когда-то Артем, а ныне Ф. А. Сергеев». 25 июня 1917 года эта телеграмма появилась в газете «Социал-демократ» — органе харьковских меньшевиков.

Телеграмма была адресована Харьковскому комитету РСДРП (б), но ее на телеграфе перехватили меньшевики и с надеждой перетянуть Артема на свою сторону предприняли свой неблаговидный маневр: опубликовали сообщение о возвращении известного деятеля партии в своей газетенке.

Еще в дороге Артем ознакомился с Апрельскими тезисами Ленина, узнал, что Владимир Ильич уже вернулся в Россию.

Революция только начиналась, это было ясно и из того, что лично наблюдал Артем, продвигаясь на запад, к родным местам, встречаясь с первыми товарищами по партии на Дальнем Востоке и в Сибири, и из ознакомления с ленинскими тезисами.

Апрельские тезисы наметили курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Все эти керенские с их Временным правительством — действительно временное, преходящее явление в русской революции. Вся власть Советам — этим органам диктатуры пролетариата, рожденным в огне революции 1905 года и Февральской 1917 года.

Только скорее кончилась бы эта мучительно долгая дорога, и за дело — работы сейчас непочатый край.

И, наконец, близкие до боли в сердце южные степи!

Два дня пробыл Артем в Донбассе, в Луганске, встретился с товарищами, знакомыми по революции 1905 года, быстро сориентировался в политической обстановке на юге России, договорился о тесной связи между партийными организациями Донбасса и Харькова. Побывал у старшего брата Егора. Из Луганска — к своей сестре Дарье Андреевне, к Дарочке, с именем которой было связано так много воспоминаний молодости.

Сестра заметила, что Артем, одетый «во всем теплом, все-таки мерз в июле месяце». Первое время, как это показалось Дарье Андреевне, брат говорил по-русски медленно, с английским акцентом.

Перрон Южного вокзала. Замедляя ход, подкатывает к платформе поезд. Народу в вагонах сверх всякой нормы. Солдаты, крестьяне, рабочие — кого только не увидишь в толпе людей с котомками, узлами, чемоданами, выходящими на привокзальную площадь!

Все та же конка, пара замученных белых кляч тянет вагончик по Екатеринославской улице. Знакомые места, будто то же, что и было десять лет тому назад, то же, да не то — люди не те, глаза другие, голова поднята по-иному….

Прямо с вокзала, с котомкой через плечо Артем пришел в здание городского партийного комитета большевиков на Кузнечной улице. В том же доме помещалась и редакция харьковской большевистской газеты «Пролетарий». В редакции Артем и поселился. Спал на канцелярских столах. Стопка газетной бумаги заменяла ему подушку, шинель товарища — одеяло.

Это было первое утро после возвращения в Харьков. Один из сотрудников газеты, Рыжов, по обыкновению рано пришел на работу. Открыл дверь в комнату, видит: справа от двери лежит на столе неизвестный человек. Голова на стопке бумаги, рука подложена под щеку. Спит сном праведника. «Непорядок это, — подумал Рыжов, — неизвестные лица приходят в редакцию и превращают ее в ночлежку».

— Послушайте, что это вы растянулись здесь? Кто вы будете? — расталкивая спящего, не очень любезно спросил Рыжов.

— Я Артем… — ответил миролюбиво незнакомый Рыжову человек.

Рыжов в 1905 году в Харькове не жил, и для него имя Артема ничего не значило. Рыжов, продолжая стоять на страже редакционного порядка, сказал Артему:

— Артем вы или не Артем, но отсюда уходите.

Артем широко улыбнулся, смотря на негостеприимного сотрудника редакции. В этот момент в редакцию зашел кто-то из членов Харьковского комитета большевиков. Увидев Артема, он долго всматривался в его лицо и вдруг бросился к нему в объятия.

— Товарищ Артем! С благополучным возвращением, дорогой…

Поцелуи, подозрительный блеск в глазах. И тогда лишь

Рыжов понял, что «ночлежник» и в партии и в редакции свой человек.

Немногие товарищи по первой русской революции жили и работали в Харькове летом 1917 года. Одних уже не было, другие же оказались далеко… Даже товарищи, которые встречались с Артемом в 1905 году, не сразу узнавали в человеке, называвшем себя Сергеевым, любимца харьковских рабочих Артема.

Артем поступил слесарем на Русско-французский завод, находившийся в пяти верстах от города, у железнодорожной станции Основа. С приездом Артема большевистская организация Харькова приобрела опытного партийного руководителя. Один из соратников Артема, видный деятель харьковской большевистской организации Буздалин, писал в своих воспоминаниях:

«…Приезду товарища Артема были все рады. С его приездом мы приобретали крупного митингового оратора, тактика, организатора, журналиста. С приездом он занял руководящую роль в нашей организации… Харьков был центром юга России, здесь был областной комитет нашей организации, объединявшей Донбасс, Екатеринослав, Харьков. И все другие организации равнялись по Харькову. По приезде товарища Артема меньшевики увидели, что в нашем лагере прибавилась достаточно крупная сила. Его знал весь юг с 1905 года, он оставил по себе лучшую память энергичного, неустрашимого, беззаветно преданного рабочему классу революционера».

«Есть такая партия!»

В первой половине 1917 года в Харькове, как и в большинстве других крупных промышленных центров страны, массы трудового люда находились под сильным влиянием меньшевиков и эсеров. Еще велики были иллюзии социального мира. Меньшевики и эсеры в мае 1917 года вошли в коалиционное правительство — в контрреволюционное буржуазное правительство. Но ни одной из острейших проблем страны это правительство решить не могло. Продолжалась ненавистная народу война, по-прежнему лилась реками кровь на фронтах, усиливалась разруха, начавшаяся еще до Февральской революции, обострялось положение в деревне. Буржуазия искала спасения в победоносном наступлении на фронте. Это бы укрепило престиж правительства, позволило бы обрушиться на большевиков и раздавить Советы — ликвидировать двоевластие в стране.

На I Всероссийском съезде Советов, собравшемся 3 июня, только один из каждых десяти делегатов был большевик. Военный министр Керенский хотел получить одобрение съезда на намечавшееся им наступление на фронтах. Съезд должен был также одобрить участие эсеров и меньшевиков во Временном правительстве. Главарь меньшевиков Церетели с трибуны съезда патетически спрашивал:

— Есть ли в России такая партия, которая осмелилась бы взять на себя одна всю власть в стране?

И в ответ услышал слова Ленина:

— Есть такая партия!

Ленин развернул перед делегатами съезда программу большевиков, призывавшую установить в России власть Советов. «Вся власть Советам!», «Долой министров-капиталистов!» — таков был лозунг большевиков.

2 июля в столице узнали о провале широко рекламировавшегося наступления русских войск.

500 тысяч мирных демонстрантов вышли на улицы Петрограда, чтобы еще раз высказать свою волю: «Вся власть Советам!», выразить недоверие Временному правительству — виновнику продолжения кровавой бойни народов. Демонстрантов на улицах Питера обстреляли юнкера и казаки. С фронта в столицу для подавления революционного брожения были вызваны специально отобранные воинские части.

Июльские дни 1917 года

Начались репрессии против большевиков. Был убит среди бела дня рабочий Воинов только за то, что он вынес из типографии «Листок Правды», выпущенный партией взамен закрытой правительством «Правды».

Самые грязные и низкие способы борьбы пущены в ход «революционерами» — членами Временного правительства: большевиков называют немецкими шпионами. Отдан приказ об аресте Ленина, создан специальный отряд для розыска Владимира Ильича. Отряду даны тайные указания: в случае обнаружения Ленина расстрелять его на месте. Партия надежно укрыла своего вождя от ищеек Временного правительства. По всей стране начался разгул контрреволюции. На фронте была введена смертная казнь. Эти июльские дни серьезно изменили обстановку в стране. Окончательно определилось лицо меньшевиков и эсеров. Раньше они были только соглашателями — стремились к соглашению с буржуазией, теперь они стали настоящими контрреволюционерами — пособниками буржуазии. Было ликвидировано двоевластие в стране. Вся власть полностью перешла в руки буржуазии, а Советы, где верховодили меньшевики и эсеры, превратились лишь в придаток Временного правительства.

При всей неблагоприятной обстановке, какой она сложилась для дела революции в начале июля 1917 года, большевики не были разгромлены, они сумели сохранить свои основные силы и готовились повести массы трудящихся на штурм капитализма в России. Этап мирного развития революции окончился, на повестку дня было поставлено вооруженное восстание.

В Харькове, как и во всей стране, большевикам приходилось вести революционную деятельность в сложных условиях. И здесь продажная печать обзывала большевиков подлыми словами, науськивала новоявленных черносотенцев к расправе с истинными защитниками трудового люда.

В городе была в разгаре кампания по выборам в городскую думу — орган местного самоуправления. Невзирая на все опасности, большевики шли к народу, вели энергичную агитацию за своих кандидатов.

Лиза Репельская

…Девушке шел двадцать первый год. Она была студенткой, училась в Харьковском женском медицинском институте. Уже три года минуло с тех пор, когда она вступила в партию. Это произошло накануне первой мировой войны. Путевку в жизнь революционера дал ей учитель гимназии Александр Александрович Кропотов, который руководил кружком учащейся молодежи в Белостоке. Первое скромное партийное поручение заключалось в распространении газетки, которую делали учащиеся, называлась она «Социал-демократ». Кропотова выслали из Белостока в Гродно, туда же вскоре переехала Лиза Репельская. Там она сдала экзамены на аттестат зрелости. В Гродно началась ее подпольная работа. Переезды из города в город чаще всего вызывались преследованиями полиции, необходимо было уходить из-под угрозы ареста.

«Партии нужны образованные люди», — не раз говаривал Лизе ее наставник. Надо учиться, но где и как это сделать? Высших учебных заведений для женщин в стране считанные единицы — это Высшие женские медицинские курсы в Москве, в Петрограде и Женский медицинский институт в Харькове. Лиза, заработав некоторую сумму денег уроками отстающим ученикам, едет в столицу, в министерство просвещения с просьбой о направлении ее куда-либо на учебу. Смелость — залог успеха. Поездка в Петроград завершается успешно: Лизу направляют в Харьков, где она после сдачи вступительных экзаменов поступает в медицинский институт.

На всю жизнь запомнились Лизе Репельской первые лекции по анатомии у профессора Владимира Петровича Воробьева[29]. У Воробьева в Харькове репутация человека, с точки зрения начальства, неблагонадежного. Поэтому не было ничего удивительного в том, что профессор каким-то путем узнал о политических взглядах Репельской. Это был еще один аргумент для Воробьева в пользу того, чтобы дать способной курсистке «зеленую улицу» в науку. Владимир Петрович экзаменует сынка богатых родителей, студента-тупицу, который знает только один и далеко не совершенный способ изучения анатомии— зубрежку. В результате экзамена в зачетной книжке единица — «кол». По совету профессора студент обращается к молодому «коллеге» Репельской за частными уроками. Елизавета Львовна добросовестно натаскивала медицинского недоросля, и не по ее вине катастрофа у профессора повторялась, и не однажды…

Встретив где-либо в анатомическом корпусе Лизу, черноволосую, бойкую умницу, Владимир Петрович, смеясь, спрашивал:

— Нуте, Елизавета Львовна, как прикажете, вашего протеже в четвертый раз после провала вернуть к вам с повинной или за солидный стаж пустить его дальше по торной дороге науки? Все равно ведь папаша и мамаша сделают из него доктора…

Профессор Воробьев оказывал своим питомцам, медикам — членам партии большевиков, — мелкие и крупные услуги. Аудитория анатомического корпуса, с ведома профессора и под надлежащей охраной сочувствующего персонала кафедры, частенько становилась местом нелегальных партийных собраний.

В июле 1917 года Репельская, как и многие другие ее товарищи по партии, выступала на собраниях и митингах в связи с выборами в городскую думу, агитировала за избрание своих единомышленников. На этот раз было получено задание пойти на Москалевку: там находились казармы одного из запасных полков.

Прямо на улице, храбро взобравшись на какой-то ящик, Лиза начала свое предвыборное выступление. Вокруг оратора быстро собралась большая толпа солдат и обывателей.

Агитатор говорила о том, что кандидаты в думу по избирательному списку № 3 святым своим долгом сочтут бороться за хлеб, воду и свет для харьковчан.

— В думу нужно выбирать людей, — говорила Лиза, — которые сами страдали от нищеты и лишений. Такими людьми будут социал-демократы в избирательном списке номер три.

Лиза выступала горячо и искренне, и не ее беда, что среди слушателей было много людей, попавших на удочку провокационных фальшивок, распространяемых в эти июльские дни о большевиках.

Грубо столкнув девушку с ящика, к толпе обратился пьяный эсер. Он истерично заорал:

— Вы хотите, чтобы дети ваши погибали от голода? Выбирайте большевиков, голосуйте за их список номер три. Перед вами выступала большевичка — немецкая шпионка. Хватайте ее и тащите на Павловскую площадь, там ихнего брата вздергивают на фонари.

Группа лиц черносотенного облика бросилась к Лизе. Девушке были нанесены удары в лицо, пошла кровь из носа, сломали очки. Толпа окружила агитатора и повела ее к центру города. На счастье Репельской, путь к Павловской площади лежал мимо Кузнечной улицы, где помещался партийный комитет харьковской большевистской организации.

В партийном комитете в это время находилось много

товарищей и в их числе Артем.

В помещение вбежал один из стоявших на охране дома красногвардейцев и крикнул:

— Хулиганы тащат на Павловскую площадь нашего товарища!

Артем, а за ним и остальные, находившиеся в парткоме, товарищи выбежали на улицу. Артем бросился в толпу хулиганов, выхватил девушку из рук пьяных громил, поставил ее позади себя и гневно сказал:

— Вы что это, господа хорошие, бандиты отпетые, воюете с барышнями? Убирайтесь отсюда подобру-поздорову, а то ляжете здесь все костьми.

Николай Руднев.

Группа харьковских большевиков перед отправкой на фронт (в первом ряду крайний слева — Руднев, шестой слева — Артем).

К. Е. Ворошилов, Г. И. Петровский, Артем, С. Шварц и другие. Харьков, 1919 г.

К толпе подошли солдаты из 30-го революционного полка, дежурившие в парткоме, и баталия, не успев начаться, закончилась: москалевские молодчики, эсеры и прочая погань

рассеялись с невиданной быстротой.

Артем, секретарь городской партийной организации Яша Ярослав и Репельская пошли на Клочковскую улицу, где жила Лиза. Всю дорогу Артем добродушно подшучивал над пострадавшей в бою Лизой. Эта решительная чернявая курсистка, почти доктор, вызвала в нем чувство живой симпатии. «Сколько их, молодых и горячих юношей и девушек, влились в наши ряды за последние годы? Это им выпадет честь участвовать в свершении пролетарской революции. Надо все силы отдать подготовке этого славного народа к решающим битвам».

Квартира, где жила Репельская, числилась партийной явкой, в ней хранились пропагандистские материалы, часто ночевали приезжавшие в Харьков большевики. Артем по своему многолетнему обыкновению не имел постоянной крыши над головой. Он продолжал жить в редакции «Пролетария», спал по-прежнему на столе, уставшую голову устраивал поудобней на кипе бумаги.

Когда Артему предложили комнату в квартире, где жила Лиза Репельская и ее близкие, он охотно принял предложение.

Привыкшему к жаркому климату тропиков Артему все время было холодно. Лиза раздобыла 25 рублей и на эти деньги приобрела Артему необходимые вещи для «утепления». Впервые, быть может, в жизни у него появилось «свое» одеяло, подушка, пара вполне приличных брюк, теплое белье.

Нужно ли писать, с каким обожанием смотрела Лиза Репельская на ставшего почти легендарным в среде старых подпольщиков Артема. Будучи моложе Артема на 13 лет, Лиза чувствовала себя в житейских делах умудренным опытом старцем по сравнению с этим не от мира сего, замятым всегда и везде только революционным делом Артемом.

Выборы в городскую думу

Июльские события, контрреволюционный террор Временного правительства подняли по тревоге большевиков Харькова и всех сознательных рабочих, которые шли за ленинцами.

6 июля Харьковский комитет РСДРП (б) распространил по городу воззвание. Артем и его друзья по исполнительному бюро партийного комитета в сильных и ясных словах обращались к народу:

«Товарищи рабочие и солдаты! Революционное движение пролетариата и солдат уничтожило правящую шайку Николая Кровавого. В первые дни революции ее место у кормила власти заняло буржуазное правительство Милюкова и К°. Дальнейшее развитие революции смело и это, оказавшееся контрреволюционным, правительство…

Кризис 18 апреля поставил у власти правительство коалиционное, включившее в свой состав 10 представителей буржуазии и пять социал-шовинистов из партии меньшевиков и народников (эсеров. — Б. М.)… Большинство пролетариата города и деревни во главе с нашей партией высказались против создания такого правительства и участия в нем. Партия пролетариата утверждала, что участие социалистов в буржуазном правительстве… послужит затемнению классового сознания пролетариата… Партия пролетариата утверждала, что вывести страну из тупика, в который загнала ее война, ликвидировать войну и прекратить промышленный и экономический кризис можно только одним путем — передачи всей власти в стране к большинству населения, к рабочим и крестьянам…

Коалиционное правительство не выполнило тех задач, которые поставила перед ним революция. Война продолжается, и даже ведется наступление тогда, когда грабительские цели войны остаются прежними; хозяйственная и продовольственная разруха еще больше усиливается и ускоряется капиталистами-локаутчиками; контрреволюция от слов перешла к делу, открыто ведя погромную агитацию и организуясь при благосклонном попустительстве власти.

Нет хлеба, нет мира! Свободе угрожает опасность!

В такой обстановке пролетариат и солдаты революционного Петрограда вышли снова на улицу, для того чтобы своим вмешательством спасти революцию, для того чтобы указать должное место буржуазии, не в меру зарвавшейся, и плетущимся у нее в хвосте меньшевикам и народникам.

Большинство петроградских рабочих и солдат пришли к тому выводу, к 'которому их должна была привести жизнь… к отказу от классового сотрудничества с буржуазией, сотрудничества, гибельного для революции. Сознание, что кончить капиталистическую войну, положить предел хозяйственной разрухе и пр. может только сам народ… вывело наших питерских товарищей, как и в февральские дни, вооруженными на улицу…

Наша задача и наш долг всячески поддержать наших питерских товарищей…»

В городе было тревожно. Члены комитета все время находились на заводах и в войсках. Заседания городского партийного комитета происходили и днем и ночью. Газета «Пролетарий» выходила регулярно и знакомила пролетариев Харькова с быстрым течением событий в стране и в родном городе.

На следующий день после опубликования воззвания исполнительного бюро, разоблачавшего предательскую роль Временного правительства, появилось новое обращение к рабочим и солдатам Харькова, с призывом голосовать за большевиков «а выборах в городскую думу.

«Мы, социал-демократы интернационалисты (большевики), призываем вас, рабочих, солдат и всю харьковскую бедноту, голосовать за наш список, за список № 3.

Буржуазные классы и их печать изо дня в день поносят «ас, возводят на нас целые горы лжи и клеветы, так как смертельно ненавидят нас за то, что мы последовательно и стойко защищаем интересы рабочего класса и всей бедноты против эксплуататоров и грабителей, ваших врагов…

Голосуйте за список интернационалистов-большевиков!

Это столько же ваш список, сколько и наш, партийный. Вы найдете в нем именно ваших представителей, имена рабочих, которые уже известны вам по своей общественной работе… Вы найдете в нем имена тех немногих интеллигентов, которые не побоялись порвать с остальной буржуазной интеллигенцией и перейти всецело на сторону рабочего класса…

…Если вы хотите, чтобы городское хозяйство велось в ваших интересах, а не в интересах богатых классов, как это было до сих пор, чтобы ваши окраины, где вы задыхаетесь в пыли или тонете в грязи, были так же благоустроены, как центр, чтобы болезни и эпидемии перестали опустошать ваши ряды и убивать ваших детей… Если вы хотите, чтобы уничтожены были бесконечные хвосты у лавок, отнимающие у вас силы и здоровье, и чтобы каждому жителю была обеспечена равная доля всех необходимых продуктов… если вы хотите, наконец, чтобы старый враждебный

народу характер полиции был окончательно уничтожен и создана общественная милиция, если вы хотите этого, то голосуйте за № 3, список социал-демократов большевиков!..»

«Бабушка русской революции»

Почувствовав ослабление своего влияния на массы трудящихся в городе, эсеры и меньшевики решили противопоставить растущей популярности Артема какого-либо из крупных деятелей своих партий. Так была выписана в Харьков престарелая Брешко-Брешковская, один из лидеров партии эсеров. «Бабушкой русской революции» называли обыватели, мелкие буржуа эту эсеровскую знаменитость.

Брешковская выступала на заседании эсеро-меньшевистского Совета. В таком обществе ее нападки на большевиков, естественно, не вызывали особых возражений. Но совсем другая ситуация возникла, когда «бабушку» привезли на митинг в заводской Петинский район. Не успела старая эсеровская матрона бросить ком грязи в сторону Ленина, как из толпы послышались возмущенные крики:

— Долой с трибуны! Довольно клеветы и лжи! Брешковская, хватит брехать!

Упорная Брешко-Брешковская продолжала что-то лепетать, но ее уже никто не слушал, и «внучки» были вынуждены свести с трибуны свою «бабушку».

На помост для ответного слова эсеровской гастролерше поднялся Артем.

— Дорогие товарищи! Вы только что с возмущением отвергли наглую клевету в адрес Ленина. Эти наветы позволил себе произнести не черносотенец, а человек, который долгие годы называл себя революционером. Позор таким людям, невзирая на их седины, позор их партии, принесшей неисчислимый вред делу революции!

Мы хотим ясности прежде всего. Меньшевики и так называемые социалисты-революционеры, те, которые представлены авксентьевыми, брешко-брешковскими, черновыми, керенскими и Скобелевыми, — это как раз те, которые отказывают крестьянским комитетам в праве владеть землею, это те, которые сохраняют у власти старую, не выбранную народом контрреволюционную бюрократию, это те, кто передает власть злейшим врагам народа — помещикам и крупному капиталу, это те, от чьего имени и по чьему поручению посылаются карательные экспедиции для разгрома рабочих в различные округа России, это те, кто вводит каторжный режим для борцов за свободу.

Долой же маски! Не надо маскарадов. Вы не наш товарищ,

госпожа Брешковская, позволившая брызгать ядовитой слюной против Ленина и большевиков, истинных защитников народа. Пусть долго живет на радость и счастье трудового народа наш Владимир Ильич Ленин, пусть живет и ведет к победе многострадальный рабочий класс России и трудовое крестьянство наша партия большевиков!

Артем закончил свою речь, его подхватили с трибуны и стали высоко подбрасывать в синее южное небо. Рабочие горячо одобряли выступление Артема.

Так встречали руководителя харьковских большевиков в заводском районе. В целом же по городу в результате травли и гонений влияние большевиков было еще не столь значительным. Это показали, в частности, итоги выборов в думу. Наибольшее число мест в думе получили эсеры — 54. Кадеты — 16. Меньшевики в блоке с бундовцами и польскими социалистами — 13. Большевиков было избрано всего лишь 11. Обсудив результаты выборов в думу, Харьковский комитет решил, что, находясь в меньшинстве, нет смысла входить в думу, чтобы не сеять иллюзий сотрудничества с соглашательскими партиями. От работы же в комиссиях думы по конкретным хозяйственным вопросам большевики не отказывались.

Артем, выросший за прошедшие годы в крупного партийного деятеля, не потерял вкуса к работе агитатора-массовика. Он практиковал свои, артемовские методы проведения митингов. В часы скопления народа на окраине города после рабочего дня или в праздники во время гуляний Артем с группой товарищей в три-пять человек появлялся на улице.

Где-либо в удобном месте, на перекрестке ли или в сквере, гуляющие с Артемом друзья останавливались, и между ними начиналась беседа на актуальную политическую тему; разговор шел не в полутонах, а громко, чтобы его слышали прохожие. Люди, заинтересованные тем, что говорит этот располагающий своей внешностью к доверию человек в праздничном костюме рабочего, останавливались и прислушивались. Откуда-то появлялась табуретка, или же Артем взбирался на упор телеграфного столба, и начинался настоящий митинг. Иногда находились оппоненты, завязывался азартный спор. Задавались многочисленные вопросы.

Такой вот митинг как бы невзначай, а на самом деле хорошо продуманный и умело организованный, был проведен однажды около элеватора на городской окраине Ивановке. Донесли Артему, что большевистских ораторов не пустили во двор одного из подразделений Харьковского гарнизона.

— Не пускают во двор, что ж, устроим летучий митинг на

улице, — сказал Артем и с группой партийцев отправился на Ивановку. Дальше все прошло, как по писаному. Беседа с друзьями, случайно встретившимися на улице, беседа громкая. Подходят солдаты, сначала по одному, а потом группами, и в итоге всей массой высыпают из дверей слушать большевика Артема. Митинг получился на славу.

30-й полк и его командир

В тяжелый для судеб революции период, в июльские дни 1917 года, большое значение для развертывания событий в Харькове сыграл 30-й пехотный полк. Во главе довольно большой партийной организации 30-го полка стоял 23-летний прапорщик Николай Руднев. Это о нем, о своем любимом и близком молодом товарище, позже писал Артем: «Я видел храбрецов, не бледневших перед лицом смерти, смело, безбоязненно смотревших ей в глаза. Я видел, как эти люди безудержно рыдали над телом Коли Руднева. В лице Коли Руднева мы лишились солдата и революционера в борьбе за рабочую и крестьянскую власть, за создание и организацию Красной Армии, спаянной крепко революционной дисциплиной. Не стало друга рабочих, светлой души, воина революции». Николай Руднев погиб героической смертью под Царицыном осенью 1918 года.

Более года своей боевой и революционной жизни в самые бурные дни перед Октябрьской революцией и в первый год после рождения советской власти Руднев шел в строю рядом с Артемом и считал себя младшим братом Артема. Оценивая роль Николая Руднева в революционных событиях 1917 года, накануне и во время Октябрьского шквала, Артем писал:

«Молодой энтузиаст, непримиримый противник всякого компромисса, строгий к другим и еще более строгий к себе, он организовал свой полк, как настоящий… революционный полк. Среди сотен партийных товарищей, спасавших имя, честь и достоинство революции, он был в рядах первых».

Сын священника Тульской губернии, молодой офицер Руднев появился в Харькове в июльские дни 1917 года. 30-й полк был снят с линии огня первой мировой войны за отказ принимать участие в широко разрекламированном наступлении, которое организовало Временное правительство. «Обесчещенный полк», зараженный революционной пропагандой, отправили в глубокий тыл, в Харьков. В полку Руднев был всего лишь командиром роты, но в Харькове с момента появления в гарнизоне 30-го полка все уже иначе и не называли эту революционную часть, как полк Коли Руднева. После введения выборного начала в армии Руднев был единогласно избран командиром 30-го полка.

Наличие в гарнизоне города прошедшего через огонь фронтов пехотного полка, полностью стоявшего на позициях большевизма, было для Артема и для всей партийной организации серьезной поддержкой.

В резолюции общего собрания солдат 30-го запасного пехотного полка, принятой единодушно в июльские дни, нашли свое отражение идеи большевиков.

«В настоящее время революция находится в величайшей опасности, — писали солдаты, — так как правящие партии меньшевиков и эсеров, борясь с наиболее последовательными революционерами, поддерживают соглашение с буржуазией и тем самым отдают власть в руки контрреволюции.

…Единственным выходом из положения мы считаем окончательный разрыв с контрреволюционной буржуазией, то есть переход всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Только тогда возможна на деле, а не на словах борьба с контрреволюцией. Только тогда возможны решительные шаги в деле ликвидации войны (опубликование тайных договоров и предложение действительных условий мира всем воюющим и нейтральным государствам)».

Так складывались дела в Харькове. Как и во всей стране, большевики переживали в эти тяжелые дни испытания, но харьковская городская партийная организация не растерялась и не отступила. Среди рабочих крупнейших заводов, среди солдат 30-го полка и других подразделений она имела своих надежных сторонников, сплотила их и закалила, готовя к будущим боям.

Артем объединяет большевиков Харькова, Донбасса и Кривого Рога

13 июля 1917 года в Екатеринославе проходила конференция большевиков Донецко-Криворожского бассейна. Представителями от Харькова на ней присутствовали Ф. А. Сергеев (Артем), М. К. Муранов и С. Ф. Буздалин. Съехавшиеся в Екатеринослав делегаты представляли 13 648 членов партии — здесь были делегированы города: Харьков, Луганск, Екатеринослав, Мариуполь, Кривой Рог; рудники: Нелеповский, Щербиновский, Макеевский, Юзовский, Горловский и другие. Это была конференция наиболее развитых в промышленном отношении районов Украины. В докладах о текущем моменте, об экономическом положении в Донецком бассейне, о партийном строительстве были обсуждены наиболее важные и острые вопросы жизни рабочего края. Было решено создать областной партийный комитет Донбасса и Криворожья в городе Харькове. В областной центр были избраны 7 товарищей, секретарем комитета был единогласно утвержден Артем. В Харькове было решено издавать областную газету под названием «Донецкий пролетарий». Конференция приняла резолюцию, в которой дала большевистскую оценку событиям последних месяцев развития революции.

В письме уполномоченного Центрального Комитета РСДРП (б) Г. Н. Мельничанского был освещен ход конференции и отмечено избрание «в секретари областного комитета Федора Сергеева (Артем Харьковский), недавно вернувшегося из Австралии».

Далее в своем письме-отчете ЦК Мельничанский информировал: «События 3–4 июля и последующая травля не особенно огорошили товарищей на местах. Самое скверное сказывалось в отсутствии вестей о действительном положении вещей. В небольших районах травля (со стороны) меньшевиков и эсеров усилилась, а в больших, как-то: Харькове и Екатеринославе — они бьют отбой…»

Объединение партийных сил Донецкого бассейна, Криворожья и крупных промышленных центров — таких, как Харьков и Екатеринослав, — должно было сыграть свою положительную роль в укреплении большевистских организаций всего юга России.

Съезд, объявивший боевую тревогу

С 26 июля по 3 августа 1917 года состоялся VI съезд РСДРП (б). Это был первый после Лондонского съезд партии, первый после десятилетнего перерыва, первый на родной земле, в условиях полу-подполья, ибо Ленин на съезде присутствовать не мог, он по-прежнему скрывался от убийц Временного правительства. Артем был делегатом съезда от Харькова; вторым делегатом был избран Сурик.

В одной из резолюций съезда говорилось: «Мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии.

Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема».

Таким образом, VI съезд нацелил всю партию на подготовку к вооруженному восстанию, на свержение диктатуры буржуазии.

VI съезд партии заканчивал февральский период революции и начинал предоктябрьский.

В течение съезда Артем несколько раз поднимался на трибуну. В первый раз он приветствовал съезд от имени партийной конференции, собравшейся в Ростове. Ростовские товарищи выразили протест против предательского поведения меньшевиков, входивших во Временное правительство, и заявляли, что «будут продолжать дело, за которое их товарищи сидят за железными решетками».

Артем предложил съезду почтить память павших товарищей. Все делегаты съезда встали и скорбным молчанием отдали честь павшим за революцию.

Выступал Артем в прениях по вопросу об экономической платформе партии. Он говорил о том, что лозунг всеобщей трудовой повинности нельзя выдвигать до тех пор, пока не будет осуществлена диктатура пролетариата. Он говорил о контроле над производством, о том, что производство должно быть организовано так, чтобы «всего хватало и для армии и для населения».

В заключение своей речи Артем сказал:

— Мы должны объяснить массам, что государственное банкротство — существующий факт. И как только мы возьмем

власть в свои руки, мы сейчас же откажемся от платежа государственных долгов, иначе зависимость от иностранного капитала будет безмерно велика. Если эти поправки будут внесены в резолюцию товарища Милютина, я буду ею вполне удовлетворен.

С глубочайшим вниманием делегаты прослушали манифест VI съезда партии «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России»:

«Пять месяцев прошло с того времени, как революционный пролетариат и войска свергли господство кнута и палки и посадили под замок Николая Романова. Рабочий сбросил с себя цепи, в которые заковал его полицейский порядок. Солдат стал свободным гражданином. Среди мирового варварства и озверения мощно прозвучал голос Российской революции: «Мир и братство народов».

Впереди революционных борцов шел пролетариат. Международный капитал ответил заговором против русской революции. Российская буржуазия вошла в тесный союз с хищниками мирового империализма. «На грязных тайных договорах кровавого царя клялись союзные банкиры в верности общему делу захватов и удушения русской революции».

Мелкая буржуазия, верхи крестьянства, часть обманутых буржуазией рабочих и бедняков деревни не видели всей опасности капиталистического заговора. Их партии — меньшевики и эсеры, имеющие большинство в Советах, пошли за крупной буржуазией — стали оборонцами. Только революционный пролетариат и его партия били тревогу».

Далее в манифесте говорилось о небывалом экономическом и финансовом кризисе в стране. «Война, точно огромный вампир, высасывала все соки, отнимала силы». Голод стал гулять по городам, по квартирам бедноты. Капиталисты сознательно разрушали производство, «чтобы, создав хаос и сумятицу, свалив вину на рабочих, захватить цепкими лапами всю власть в свои руки».

Эсеры и меньшевики выдали себя с головой, одобрив политику наступления на фронтах. Наступление провалилось, и народ с негодованием вышел на улицы. Вожди мещанского «социализма» вместе с контрреволюцией бросили усмирительные войска против революционных рабочих, против партии пролетариата.

«Июльские дни открыли новую страницу истории… власть перешла к буржуазии и к военному штабу… Красный флаг свободы спущен; на его месте взвился черный флаг смертной казни».

«Но рано торжествует контрреволюция свою победу. Пулей не остановить, пулей не накормить голодных. Казацкой плетью не отереть слезы матерей и жен… Штыком не успокоить народов. Генеральским окриком не остановить развала промышленности. Работают подземные силы истории. В самых глубинах народных масс назревает глухое недовольство. Крестьянам нужна земля, рабочим нужен хлеб, и тем и другим нужен мир».

Манифест подчеркивал, что на грядущие бои партия идет с развернутыми знаменами. «Она не склонила их перед насильниками и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала…

Грядет новое движение, и настанет смертный час старого мира.

Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!

Да здравствует революционный пролетариат!

Да здравствует союз рабочих и деревенской бедноты!

Долой контрреволюцию и ее «Московское совещание»!»

Делегату VI съезда партии Федору Андреевичу Сергееву (Артему) в 1917 году минуло 34 года, средний же возраст всех делегатов съезда был равен 29 годам. Самому молодому делегату было 18 лет, самому старому 47 лет. Таким образом, Артем был по партийному опыту и по возрасту человеком «пожилым». VI съезд избрал а числе других товарищей в Центральный Комитет партии Артема (Сергеева Ф. А.).

Корниловский мятеж

Вернувшись в Харьков, новый член Центрального Комитета засучив рукава принялся за повседневную партийную работу. Нужно было заканчивать накопление сил для уже недалекого революционного взрыва; на это великое дело и нацеливал большевиков Харькова и Донбасса Артем.

«Московское совещание», о котором говорилось в манифесте VI съезда партии, ставило перед собой задачу разгрома революционных рабочих и солдат, «спасения России». Таким «спасителем» должен был стать генерал Корнилов. По призыву Артема на многих крупных предприятиях Харькова прошли многолюдные митинги протеста против сборища «душителей свободы». Рабочие Паровозостроительного завода в своей резолюции писали: «…Мы приветствуем рабочих Москвы… которые мужественно вышли на улицу, чтобы протестовать на весь мир, на всю Россию против этого контрреволюционного сборища».

События следовали быстро. Стало известно о сдаче генералом Корниловым немцам города Риги. Затем этот новоявленный диктатор снял с фронта, не беспокоясь о последствиях такого шага, 3-й конный корпус, «дикую дивизию» и другие соединения и двинулся на революционный Петроград. Для него трудящиеся своей страны были более опасными врагами, чем иностранные завоеватели. Так начался корниловский мятеж. Большевики призвали пролетариев Петрограда к оружию. Быстро сформировались отряды Красной гвардии и немедленно направились навстречу идущим на столицу войскам генерала-изменника.

Харьковские большевики в своем воззвании по поводу корниловского мятежа писали: «Ни в одной революции не побеждали словами. Никогда реакция не подавляла революцию без войск. Это ясно. Заговор Корнилова, мы убеждены, откроет глаза и тем, кто до сих пор сомневался в необходимости вооружения народа и в первую очередь рабочих. И если это ясно, то еще яснее, что недопустимо, преступно, непростительно забывать об этом в данный тревожный момент. Революции угрожает страшная опасность со стороны буржуазной контрреволюции, какая мобилизовалась и открыто выступила. Во главе защиты революции станет и уже стоит пролетариат. Нужно немедленно его вооружить наличным в городе запасом оружия. Время не ждет. Да здравствует рабочая Красная гвардия!»

Красногвардейские отряды, возглавляемые военной организацией городского комитета партии, с Николаем Рудневым в качестве военного руководителя, готовились к боям с контрреволюционной буржуазией.

Путь к Петрограду был прегражден Красной гвардией, смелые агитаторы — большевики проникли в стан корниловских мятежников, и под их влиянием казаки конного корпуса отказались выполнять приказы своих генералов. Мятеж был разгромлен. Сам Корнилов уцелел. Его спас Керенский. Следствие над Корниловым тянулось вплоть до Октябрьского переворота, после которого генерал сумел улизнуть к своему другу Каледину. Там, на юге, на казачьих землях, накапливалась контрреволюционная накипь, готовилась к гражданской войне.

«Вся власть Советам!»

После ликвидации корниловского мятежа партия снова выдвинула лозунг «Вся власть Советам!». Временное правительство должно быть свергнуто, Советы должны стать единственной формой власти в стране. В Петрограде и в Москве, Екатеринбурге, Саратове, Баку успешно шел процесс большевизации Советов; эти Советы и Советы многих других городов могли стать настоящими органами диктатуры пролетариата. Как и в других центрах страны, в Харькове перед большевиками стояла задача завоевания Советов, но здесь дело двигалось медленно и с большими трудностями.

Июльские выборы в Харьковский Совет принесли серьезную победу большевикам. Вместо 30–40 мест они получили в новом составе Совета 120 депутатских мандатов. И в этой победе известную роль сыграл прибывший из эмиграции за месяц до выборов в Совет Артем. На крупных заводах, таких, как ВЭК, ХПЗ, «Герлях и Пульст», и других, большевики на выборах получили абсолютное большинство. Но на маленьких предприятиях, в учреждениях и в некоторых воинских частях большинство голосов собрали меньшевики и эсеры. 150 мест имели в Совете русские и украинские эсеры, 40 мест — меньшевики.

Большинство голосов в Харьковском Совете оставалось не за большевиками, отсюда проистекали многочисленные трудности, которые в предоктябрьский период развития революции выпали на долю местной партийной организации. Именно с таким составом Совета, где верховодили меньшевики и эсеры, рабочие Харькова встретили Великий Октябрь.

Созданный по предложению большевиков революционный комитет, располагавший необходимой властью для борьбы с контрреволюцией, также был связан в своих действиях — большинство голосов было за эсерами и меньшевиками. Машина голосования отклоняла одно за другим революционные предложения большевиков. Становилась ясным, что в решающий момент большевикам необходимо будет действовать вопреки эсеро-меньшевистскому большинству.

14 сентября по предложению большевиков Харьковский Совет принял решение о проведении в городе большой политической демонстрации протеста против разгула контрреволюции.

Николай Руднев на заседании Совета внес предложение от фракции большевиков провести демонстрацию под лозунгами: «Вся власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов!», «Требуем немедленного суда над корниловщиной!», «Требуем отмены царских договоров с союзниками!», «Вся земля трудовому крестьянству — немедленно и без выкупа!»

На заседании выступил Артем, он сказал, что «Москва и Питер приняли эти лозунги большевиков. Чем же мы хуже? Надо говорить ясно и открыто. Нам хотят подсунуть чужой лозунг. Пусть же голосование Совета покажет, стоит ли он на точке зрения необходимости разоблачения корниловщины до конца, или же он хочет замести следы заговора.

Пусть скажут открыто: мы за лозунг «Земля — помещикам!». Мы же предлагаем такую резолюцию: «Вся земля трудовому крестьянству — немедленно и без выкупа!» Кто против этой резолюции, пусть скажет открыто».

Меньшевики, эсеры и украинские буржуазные националисты скопом выступили против предложения большевиков. Лозунг «Вся власть Советам!» они предложили заменить лозунгом «Вся власть революционной демократии», а лозунг о земле вовсе не выдвигать.

Артем писал в газете «Пролетарий» 12 сентября 1917 года об этом позорном для «социалистов» споре: «3–4 часа Совет обсуждал вопрос, кому должна принадлежать земля, помещикам или крестьянам, и, наконец, решил, что… помещикам…» 86 голосами против 75 был также снят лозунг «Вся власть Советам!».

Вопреки соглашателям и их механическому большинству в Совете демонстрация 14 сентября прошла под лозунгами большевиков.

В 10 часов утра началась эта грандиозная демонстрация. Через Николаевскую площадь первым под звуки духового оркестра, с развернутыми красными знаменами прошел славный 30-й полк во главе с Николаем Рудневым. За солдатами нескончаемыми колоннами шли до трех часов дня рабочие харьковских заводов. Они шли с кумачовыми полотнищами, на которых были начертаны большевистские лозунги, вверх по Сумской улице к ипподрому. Там на огромном поле стояли трибуны. Каждая партия имела свою трибуну.

Вокруг трибуны № 3, с которой выступали большевики, было наиболее многолюдно. Массы явно шли за большевиками, и в результате почти на всех трибунах были приняты большевистские резолюции.

На харьковских заводах ширилось забастовочное движение. Началось дело, как всегда, с Паровозостроительного завода. Рабочие потребовали повышения зарплаты; усиливалась инфляция, с каждым днем деньги все более обесценивались — рабочие требовали повысить заработную плату на 50 процентов,

правление завода соглашалось лишь на 25. Согласие не было достигнуто. Тогда администрация объявила о закрытии завода. Рабочие ХПЗ, поддержанные большевиками города, отказались закрыть предприятие. Представители администрации и уполномоченные рабочих ездили в Питер для урегулирования спора. И, кажется, пришли к согласию путем взаимных уступок. Вернувшись в Харьков, делегаты объявили о результатах поездки. На заводе поднялась буря. Никто не разрешал уполномоченным отступать от требований рабочих. Снова нависла угроза закрытия завода и расчета паровозникам.

Рабочим надоели эти вечные угрозы администрации, что она выгонит рабочих, лишит их средств к существованию. Не такие теперь времена. И завком утром 20 сентября 1917 года арестовал директора завода и всю заводскую администрацию. Был отдан приказ задержать отправку с завода готовой продукции. Представителям Временного правительства на заводе строго заявили, что эти меры будут отменены только тогда, когда все требования рабочих без всякой торговли и угроз будут выполнены.

Комиссар Временного правительства в Харькове, по старому табелю о рангах — губернатор, получил строгое приказание из столицы: прекратить беззаконие, освободить администрацию ХПЗ и его директора. Но поди освободи! Вооруженная милиция, которая находилась в ведении губернского комиссара, малочисленна, чтобы сунуться на завод. Войска гарнизона посылать бесполезно ввиду их ненадежности.

Опыт ХПЗ переняли другие заводы. На крупнейшем предприятии Харькова, электромеханическом заводе «ВЭК», рабочие также арестовали всех администраторов, включая директора. Попробовала дирекция «Герлях и Пульст» закрыть завод и также села за решетку. Управление этим заводом перешло в руки рабочих. Красная гвардия сторожила посаженных под арест прислужников капитализма. Цитадель революции 1905 года, старый Гельферих-Саде также перешел в управление тех, кто на нем трудится. Артем, развивая эту инициативу масс, предложил установить рабочий контроль за работой крупнейшей в стране Южной железной дороги. Напуганные заводчики уступали рабочим, шли на заключение требуемых коллективных договоров.

Революция приближалась с неумолимой силой к своей вершине, и это чувствовалось во всем.

Перед восходом солнца

Шла быстрыми темпами подготовка к вооруженному восстанию. В письмах В. И. Ленина Центральному Комитету партии был разработан примерный план вооруженного восстания. «Примерным» свой план называл сам Ленин, на самом же деле это был тщательно подготовленный и глубоко продуманный план. Более того, это было учение о восстании, которое Ленин разрабатывал и вынашивал.

Партия готова была взять власть в стране в свои руки. Имелся ленинский план проведения восстания, была созданная коллективным умом партии программа политических и экономических мероприятий нового правительства на другой же день после победы восстания.

Военный отдел Центрального Комитета напрягал все силы к ускорению создания новых и новых отрядов Красной гвардии. В Харькове Артем и весь партийный комитет также много усилий уделяли организации Красной гвардии. Из Тулы было привезено около 15 вагонов оружия: много тысяч винтовок, сотни пулеметов, большое количество наганов и десятки тонн боеприпасов. Оружием красногвардейцы были обеспечены вдоволь, можно было даже выделить и Донбассу.

Свыше 3 тысяч красногвардейцев насчитывалось уже в Харькове, а если к этой силе добавить еще революционные части гарнизона, то это вместе взятое представляло собой внушительную вооруженную силу.

В конце сентября 1917 года Артем и Руднев проводили маневры Красной гвардии. Эти маневры показали хорошую военную подготовку красногвардейцев и их дисциплинированность.

Смешались дни и ночи. Артем, о физической выносливости которого складывались легенды, работал на пределе своих сил. Приходилось выезжать в Петроград по вызову Центрального Комитета. С котомкой за плечами, частенько в тамбуре, в набитых до отказа вагонах третьего класса ездил в столицу член Центрального Комитета. В дороге, как и везде, он внимательно слушал, что говорит народ о переживаемом моменте, какие настроения у простых людей — солдат, крестьян, рабочих. «Я работаю как вол, — писал Артем сестре 2 октября 1917 года, — у меня нет свободного времени. Даже в последнее время на Демократическом совещании в Петрограде, даже там у меня ни разу не было дня, чтобы поехать отдохнуть на море или на

острова. Я попал на ответственное положение руководителя крупнейшей политической партии Харькова и Донецкого бассейна. Меня рвут на части. Совет рабочих и солдатских депутатов, исполнительный комитет, партия, митинги, лекции, рефераты. Сегодня в Харькове, завтра в Юзовке, Екатеринославе, Луганске, Петрограде — и где еще? Как метеор, часто живущий в поезде. Сейчас я обзавелся комнатой. Давно было пора. Мои материальные дела — как всегда. Ни хороши, ни плохи. Я попросту не знаю, каковы они. Я обедаю, когда у меня есть время. Время у меня — единственный критерий».

Вспоминая австралийских товарищей и рассказывая об их горячем желании видеть Тома Сергеева снова в Квинсленде, Артем замечает:

«…Переезд же в Австралию… невероятен. Я или погибну здесь, что наиболее вероятно — люди моего типа не переживают революций, или останусь здесь, привязанный условиями работы».

Демократическое совещание, на котором присутствовал посланец Харькова Артем, открылось 14 сентября. Его организаторы смешали не без умысла представителей городских дум, земств, кооперативов, причем делегатов этих почтенных обществ было значительно больше, чем представителей Советов рабочих и солдатских депутатов. Вся 10-миллионная русская армия имела на совещании всего в два раза больше мест, чем малочисленное казачество, которое Временное правительство считало своим оплотом. Таким образом, состав делегатов был беззастенчиво подтасован. Большевики принимали участие в Демократическом совещании лишь с целью разоблачения комбинаций соглашателей.

Соглашателям удалось протащить на совещании идею создания так называемого Временного Совета республики, или предпарламента. Большевики в шутку прозвали его предбанником. В. И. Ленин считал всю мошенническую махинацию с Демократическим совещанием ловушкой, в которую эсеры и меньшевики хотели бы запереть большевиков. В предпарламент не входить, бойкотировать его, не обманывать массы тем, что это учреждение способно решать задачи революции, рекомендовал Ленин.

7 октября Ленин прибыл в Петроград, а 10 октября он выступал в Центральном Комитете партии с докладом о текущем моменте. Ленин характеризовал положение в стране как вполне созревшее для перехода власти к пролетариату и крестьянской бедноте.

Центральный Комитет утвердил резолюцию В. И. Ленина: немедленно готовить вооруженное восстание.

В середине октября 1917 года Центральный Комитет партии вызвал Артема в Петроград. 16 октября состоялось расширенное заседание Центрального Комитета, на котором присутствовали представители Петроградского комитета партии, военной организации, Петросовета, профсоюзов. На этом широком заседании резолюция Ленина о восстании была подтверждена. Получившие резкий отпор в ЦК Зиновьев и Каменев совершили предательство: они опубликовали в непартийной полуменьшевистской газете «Новая жизнь» заявление о своем несогласии с решением о вооруженном восстании — выдали врагу решение ЦК о восстании. Это был поступок штрейкбрехеров революции, Ленин требовал изгнания предателей из партии.

Получив из «верных» рук сведения о намечающемся восстании, Временное правительство принимает лихорадочные меры для подавления революции. С фронта вызываются специальные, надежные войска, в районах Петрограда создаются отряды правительства. Но что может сделать Керенский и К°? В движение пришел весь трудовой народ.

Ленин стал во главе всей огромной работы по организации восстания. За короткое время прошли десятки заседаний ЦК, в работе многих из них участвовал Артем.

Когда назначить день восстания? 25 октября должен был открыться II съезд Советов. Временное правительство, предупрежденное предателями, ожидало восстания в день открытия съезда и принимало соответственно с этим свои меры. Точно назначить момент начала восстания, опередив врага, застав его врасплох, — это было идеей Ленина.

Как сказал Ленин, так и сделали его единомышленники. Восстание началось 24 октября, до открытия съезда Советов.

Поздно вечером в Смольный прибыл Владимир Ильич Ленин. В Смольном, в этом штабе восстания, был и Артем. Как и все члены Центрального Комитета, Артем всем сердцем и всей силой ума выполнял поручения партии, делал все так, как этого требовал Ленин.

Великая Октябрьская революция

Отряды Красной гвардии отправлялись занимать заранее намеченные жизненно важные объекты в Петрограде. Была организована охрана фабрик и заводов. Все дороги к Питеру охранялись специальными отрядами по своевременно разработанной дислокации. Боевая задача этих отрядов красногвардейцев и революционных частей гарнизона состояла в том, чтобы не пропустить в столицу ожидавшихся с часу на час подкреплений Временному правительству.

В город из Кронштадта прибыли моряки Балтийского флота, гвардейцы революции. Ночью были заняты все правительственные учреждения и окружен Зимний дворец, где находилось Временное правительство. Без суеты, без излишних проволочек отряды красногвардейцев, балтийских моряков и революционные полки столичного гарнизона успешно осуществляли ленинский план восстания.

25 октября. 10 часов утра. На улицах Петрограда появляется воззвание, написанное Лениным:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Керенский бежал на Северный фронт, а его министры оставались правительством только на территории Зимнего дворца. Охраняли это «правительство» воительницы ударного батальона и юнкера.

Наступал вечер 25 октября, ранний осенний вечер, по пустынным улицам печатали шаг отряды красногвардейцев. Они шли от Смольного, с Выборгской стороны, от Невской заставы, шли к Дворцовой площади. Кольцо вокруг Зимнего дворца сжималось.

Ленин отдал приказ штурмом взять Зимний дворец. В ночь с 25 на 26 октября Зимний дворец пал, министры последнего правительства диктатуры буржуазии были арестованы.

Съезд Советов открылся вечером 25 октября. Он представлял более 40 ˚Советов страны. 400 из 650 делегатов съезда были

членами партии Ленина. 25 октября, в первый день своей работы, съезд принял ленинское воззвание к «Рабочим, солдатам и крестьянам!»:

«Опираясь на волю огромного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки…

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».

Свергнута диктатура буржуазии, установилась диктатура пролетариата — совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

Декреты о мире и о земле, провозглашенные Лениным и принятые съездом Советов 26 октября, ознаменовали первые шаги советской власти. Мир народам, земля крестьянам — вот с чего начиналась советская история.

26 октября, на второй день новой эры, было создано Советское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Ульяновым-Лениным.

Партия большевиков взяла руководство страною.

Октябрь в Харькове

В Москве еще шли бои за новую власть. Артем спешил на Украину, в родной Харьков, чтобы там проводить в жизнь решения партии, утверждать советскую власть.

Общие собрания рабочих харьковских заводов шлют приветствия восставшему пролетариату Петрограда и Москвы, поздравляют с победой. Но далеко не все ликуют в связи с провозглашением Советской республики. Последыши Керенского в Харькове еще живы, действуют меньшевики и эсеры, действуют буржуазные националисты, приверженцы Центральной рады.

Еще в марте — апреле 1917 года украинские буржуазные националисты создали свое правительство — Центральную раду. Во главе ее стояли махровые реакционеры Грушевский, Петлюра и Винниченко. Играя на национальных чувствах украинского народа, Центральная рада боролась якобы за «самостийность» Украины, а на самом деле, прикрываясь именем Украинской народной республики, защищала интересы украинских помещиков, капиталистов, кулаков. Петлюра, этот «главнокомандующий» банд Центральной рады, разоружил части советских войск в Киеве. Ту же операцию собрались сделать в Харькове, Луганске а в Одессе, но наткнулись на сопротивление рабочего класса, сплоченного большевиками.

В Харькове жила и действовала крепкая большевистская организация, руководимая стойкими и преданными делу революции товарищами. Рядом с Артемом стояли Руднев, Тиняков, Тевелев, Котлов, Кин, Глаголев, Покко, Буздалин, Магидов, Скороход и многие другие. Но большевикам противостояли старые, пустившие глубокие корни в мелкобуржуазной среде организации меньшевиков, эсеров, украинских буржуазных националистов. С ними предстояла еще нелегкая борьба.

26 октября ночью в Харькове была получена телеграмма о победе вооруженного восстания в Петрограде. На экстренном заседании Харьковского комитета РСДРП (б) было принято решение о приведении в действие разработанного под руководством Артема плана захвата власти в городе. Силами красногвардейцев и солдат 30-го полка были заняты Южный и Балашовский вокзалы, Государственный банк, почтамт, телеграфная и телефонные станции.

Председатель исполнительного комитета Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов Кин явился в кабинет к

губернскому комиссару теперь уже бывшего Временного правительства Кузнецову. Из кабинета Кузнецова Кин позвонил в Москву. К аппарату подошел Смидович и подтвердил, что в Петрограде власть уже взята Советами. В Москве идут бои с юнкерами. Необходимо без промедления брать и в Харькове власть в свои руки.

Разговор с Москвой велся при свидетелях. Кузнецов был здесь же, в кабинете. Он спросил Кина:

— Как вы поступите, как председатель Харьковского исполкома?

Кин ответил бывшему губернскому комиссару:

— Вашей власти больше уже нет. С этой минуты в Харькове существует единственная законная — советская власть, а вы можете отправляться на все четыре стороны.

Власть Временного правительства в Харькове была ликвидирована, но советская власть — диктатура пролетариата — еще не восторжествовала. 26 октября собрались в Харькове на объединенное заседание Харьковский городской, губернский и областной Донецко-Криворожского бассейна исполнительные комитеты Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Большевики сообщили депутатам радостную весть о событиях в Петрограде и внесли резолюцию о немедленном переходе всей власти в руки Совета. Предложение большевиков было встречено в штыки меньшевиками, эсерами и буржуазными украинскими националистами. Соглашатели образовали «демократический» Военно-революционный комитет.

В исполнительном бюро Ревкома было девять мест, только два из них получили большевики. От большевиков в это бюро вошли Артем и Рухимович.

Рабочие крупных заводов единодушно требовали на своих митингах установления подлинной советской власти. Но блок соглашательских партий не хотел прислушаться к голосу пролетариата. Большевики 30 октября 1917 года вновь внесли предложение о подчинении исполнительного бюро Ревкома Совету — ставили вопрос о создании настоящей советской власти. Но большинство в руках меньшевиков, эсеров и националистов, они вторично провалили предложение большевиков.

Артем стремится всеми силами привести Харьков «к общероссийскому знаменателю», другими словами— взять власть в руки ленинской партии. Отмести в сторону всех и всяческих оппортунистов, без различия национальной принадлежности. Харьковский Совет, засевшие в нем «демократы» не отражают чаяний рабочего класса, препятствуют установлению советской

власти. Что ж, надо этот Совет переизбрать. К этому готовились большевики Харькова.

Под боком, в Чугуеве, зашевелились юнкера. В самом Харькове очнувшаяся от «октябрьского шока» контрреволюция собирает свои силы. Создан так называемый «комитет спасения революции», который вопит в листовках о насилии, совершенном над правительством Керенского.

Во главе этого «спасительного комитета» стоят бывший морской министр бывшего правительства Керенского, застрявший в Харькове, правый эсер Лебедев и меньшевик Поддубный, тот самый Поддубный, который в 1909 году успешно выступал на судебном процессе Артема. Времена меняются — теперь Поддубный не защитник Артема, а его противник.

Сутки пролежали верные большевикам части в обороне, ожидая чугуевских юнкеров. Противника нет и нет. Оказалось, что юнкера пришли походным строем на железнодорожную станцию Чугуев, чтобы ехать в Харьков, но железнодорожники наотрез отказались их везти, паровозы стояли мертвые, с погашенными топками. Вернулись юнкера в казармы, пожили там недельку, видят, что некому их везти в бой, и разбежались куда глаза глядят…

3 ноября Харьковский Совет был вынужден под все возрастающим давлением рабочих масс согласиться с проведением перевыборов депутатов Совета.

В «Донецком пролетарии», газете областного комитета партии Донбасса и Криворожья, выступил Артем со статьей, показывающей неприглядную физиономию врагов революции всех оттенков, от меньшевиков до кадетов. Все эти спасители России хотели бы «раздавить гидру революции… Но нет у них сил! Советское правительство — это смерть соглашателям. Им нужно иное правительство, которое отменило бы и декрет о мире и декрет о земле и, вырвав власть из рук рабочих, солдат и крестьян, вновь передало бы ее лакеям и прихвостням помещиков, капиталистов и попов.

Так покажем же, что мы понимаем их игру; станем, как один, на защиту власти Советов, за мир, за землю, за хлеб, за свободу и сорвем игру соглашателей».

Перевыборы в Совет не были всеобщими. Там же, где они были проведены, большевики одержали серьезную победу. Паровозный завод дал в Совет 19 большевиков, 4 украинских социал-демократов, 2 эсеров и 2 меньшевиков. Завод «Всеобщей компании электричества» (ВЭК) избрал 15 большевиков, 1 меньшевика, 1 эсера и 1 анархиста.

Перевыборы все же не принесли большевикам абсолютного

большинства в Харьковском Совете, был сделан только первый шаг, предстояла дальнейшая борьба по очищению Совета от оппортунистов — тайных и явных защитников отжившего строя.

10 ноября 1917 года было принято, наконец, решение о передаче всей власти в Харькове Совету рабочих и солдатских депутатов. Это был еще один шаг к советизации крупнейшего города Украины. Еще один шаг, ибо в Харькове и на всей Украине еще действовали враждебные новому строю силы. Одним из серьезнейших врагов Советов была Центральная рада — самозванное правительство Украины. Это она закрыла северную границу Украины, препятствуя снабжению голодающих центральных районов страны украинским хлебом. Это она пропустила на Дон, в стан белогвардейцев, лютого врага революции генерала Каледина. В Харькове рада располагала своими вооруженными силами, которые в любой момент могли всадить нож в спину харьковских большевиков. Отдельно от Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов существовал Харьковский Совет крестьянских депутатов, в котором заправляли украинские националисты. Этот Совет враждебно относился к советской власти.

Необходимо было во избежание всяких случайностей разоружить воинские части, которые могли бы поднять мятеж против Советов, и в первую очередь разоружению подлежал автобронедивизион с его двенадцатью броневиками.

В ноябре по указанию В. И. Ленина в Харьков из Петрограда прибыл отряд матросов революционного Балтийского флота и красногвардейцев, под командованием Антонова-Овсеенко, видного военного деятеля большевистской партии, активного участника Октябрьского переворота. Прибыл на помощь харьковским большевикам с севера еще один красногвардейский отряд в составе пехотного подразделения и кавалерии. Этим отрядом командовал большевик Сивере. Объединенные силы 30-го полка, 232-го полка, 1-го саперного полка, отряды харьковских красногвардейцев, руководимые Рудневым, получили сильную военную поддержку.

Раннее утро Советов

21 ноября в Харьковском Совете был переизбран исполнительный комитет. Впервые за все время существования Совета большевики получили в нем абсолютное большинство — 19 мест из 33. Председателем Совета был избран Артем.

Постепенно все крупные заводы Харькова переходили в руки рабочих. Несмотря на эти успехи еще совсем юной советской власти, положение в целом оставалось тревожным. Ударные батальоны корниловцев спешили на Дон к Каледину, их путь пролегал через левобережную Украину. Харьков лежал на этом пути. Необходимо было встретить врага и дать ему отпор. Николай Руднев сформировал из солдат 30-го полка, саперного и артиллерийского дивизионов и из красногвардейцев особый отряд в 500 человек. Отряд этот выдвинулся на север, в Белгород, откуда ожидались белогвардейцы. В Белгороде в бою с корниловцами плечом к плечу с харьковчанами сражались московские рабочие. Отряды корниловцев были разбиты. Но новая туча надвигалась на революционный Харьков: вокруг города рыскали гайдамаки — кулацкие отряды Центральной рады. В самом Харькове зашевелились петлюровцы из 2-го украинского полка и автобронедивизиона.

Главарь харьковских украинских националистов агент Петлюры и Центральной рады Петренко на заседании Совета нагло сказал: «Если мы с вами, большевиками, не договоримся о власти, то придется говорить оружием».

Артем принимает решительные меры по устранению угрозы со стороны войск Центральной рады. Усиливаются караулы Красной гвардии на почте, телеграфе, в управлении железных дорог. Город патрулируется большими нарядами красногвардейцев. Не дремлет и штаб Антонова-Овсеенко, расположенный в вагонах на седьмой линии Южного вокзала. Все приведено в боевую готовность.

Тем временем в городской думе на совместном заседании партийных комитетов большевиков, меньшевиков, эсеров, бундовцев и украинских эсеров происходит крупный разговор. Собрание началось в 10–11 часов утра. Первым выступил его инициатор меньшевик Рубинштейн. Он пугал присутствующих конфликтом между партиями, представленными в Совете.

Один из боевых товарищей Артема, Сильвестр Иванович Покко, участвовавший в межпартийном совещании, оставил воспоминания об этом эпизоде послеоктябрьской жизни Харькова.

Рубинштейн с трибуны совместного заседания предупреждал своих слушателей о возможности серьезного кровопролития и призывал во избежания этого к мирной договоренности.

— Большевики уже захватили Южный вокзал и центральный телеграф, — жаловался Рубинштейн, — и будут, вероятно, и дальше проявлять тенденцию к захвату власти. Я прошу большевиков выставить свои требования для совместного обсуждения, чтобы стало ясно, что нас ожидает в ближайшем будущем, — заключил он свою речь.

Большевики не заставили себя ждать с ответом. К трибуне подошел Артем и в самых сжатых словах выставил требования своей партии. Они заключались в следующем:

1. Не выселять насильственно из Киева русских солдат и вообще русских граждан.

2. Не препятствовать свободному продвижению отрядов Красной гвардии в Донбасс, на помощь рабочим в их борьбе против Каледина.

3. Не мешать свободному пропуску хлеба в Россию для снабжения голодающих рабочих.

4. Не чинить препятствий свободному пропуску сырья и топлива в Россию.

С ответом на эти требования большевиков выступил, по словам товарища Покко, сам Петлюра, в военной шинели, худой, высокого роста:

— Против пропуска отрядов Красной гвардии в Донбасс мы не возражаем, но при условии, что в каждом отдельном случае нас должны предупредить о таком передвижении сил Красной гвардии.

В этом месте своих воспоминаний Покко делает вполне уместное замечание: «Не особенно трудно догадаться, что мы должны были предупреждать Петлюру о передвижении наших отрядов, а он тотчас же информировал бы об этом штаб Каледина».

Петлюра, если это был он, или кто-то из штаба петлюровцев продолжал отвечать на требования Артема:

— Выселять русских солдат и вообще русских граждан из Киева мы не будем. Что же касается пропуска сырья и хлеба в Россию, то в данном случае мы не будем препятствовать, но и не будем содействовать…

Ответ этот, естественно, большевиков не удовлетворил. Но дискуссия продолжалась и затянулась на многие часы. А это как раз и устраивало Артема, ибо в это время за стенами городской думы велась подготовка к захвату автоброневидивизиона, и чем дольше затягивались споры, тем лучше.

Меньшевики требовали вывода из Харькова отряда Сиверса.

«Время шло, приближался вечер, — пишет товарищ Покко, — кто-то предложил перейти в зал Дворянского собрания. Перешли туда, говорильня продолжалась. Внесено было предложение сделать перерыв, ибо большинство должно идти на заседание горсовета. Решено вновь собраться в 12 часов ночи».

Под вечер на вокзал ушел большой отряд красногвардейцев якобы для отправки в Донбасс. Отъезд красногвардейцев из Харькова должен был успокоить расстроенные нервы эсеров, «меков» и прочих «партнеров» большевиков по Совету.

Наступила ночь. Снова собрались спорщики для обсуждения набивших оскомину вопросов. Артем заявил оппонентам, что большевикам необходимо посоветоваться на своем комитете.

Артем, Сиверс и другие товарищи поднялись выше этажом.

Артем высказал опасение, удастся ли красногвардейцам захватить бронедивизион, и не направить ли км в помощь полк, стоявший на Москалевке. Товарищи Сиверс, Рухимович и Бош успокоили Артема. Одновременно с захватом автобронедивизиона намечалось разоружение петлюровского полка, ликвидация штаба петлюровцев, арест военных главарей контрреволюционных организаций.

К Мироносицкой улице, где расположились петлюровские броневики, стягивались красногвардейские отряды. Весь квартал был оцеплен, напротив въезда в автобронепарк расположились главные силы атакующих, с пулеметами и бомбами. Не ожидавшие нападения гайдамаки мирно почивали.

Несколько орудийных выстрелов, три бомбы, брошенные через ворота, ряд длинных очередей из «максима» открыли доступ в расположение автобронедивизиона. С криками «ура», «Даешь броневики!» красногвардейцы ворвались во двор. В нижнем белье выскакивали механики, стрелки, но, завидя вокруг броневиков толпы красногвардейцев, убегали обратно в помещение, чтобы привести себя в порядок для приема «дорогих гостей».

Когда одетые в новенькие костюмы и шлемы командиры захваченных броневиков вышли во двор, их вполне дружелюбно встретили красногвардейцы. Закурили. Началась беседа. Петлюровцам разъяснили, что произошло и для чего это делается.

Штаб петлюровцев был захвачен также без особых трудностей. Начальник гарнизона Чеботарев был пойман уже на Южном вокзале. Украинский полк застигли врасплох и разоружили. Власть в городе с ликвидацией контрреволюционных частей и захватом броневиков полностью перешла в руки большевиков. Но об этом еще ничего не знали спорящие до

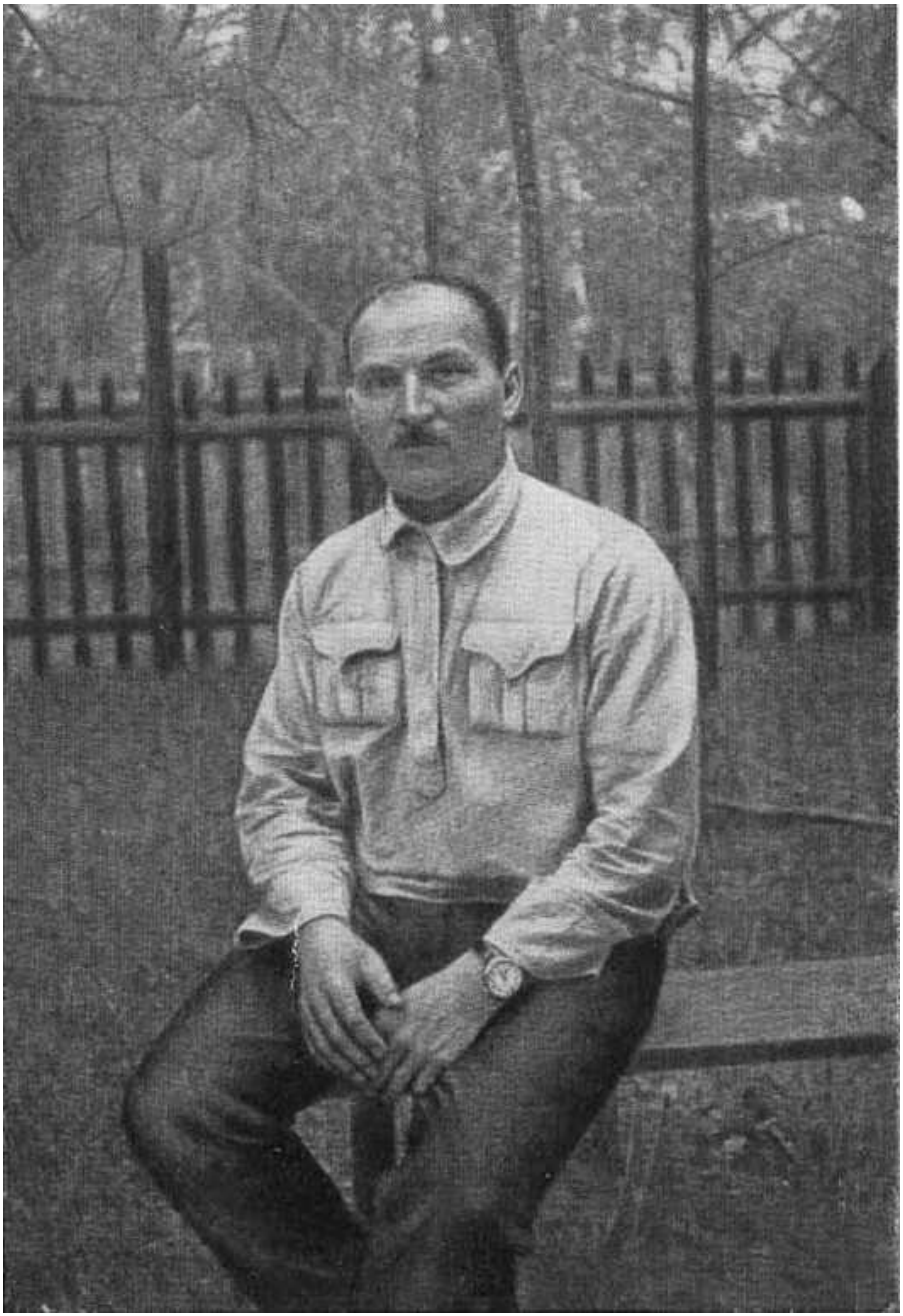
хрипоты «демократы» в зале Дворянского собрания.

Словопрения прекратились с первым орудийным выстрелом, который заставил зазвенеть окна в зале Дворянского собрания. Первый залп, второй, третий…

В зал, как очумелый, ворвался лидер петлюровцев Никола Петренко и закричал:

— Здесь нам большевики зубы заговаривают, а там в городе делают свое дело!

Прокричал, сорвался с места и убежал, бледный как смерть.



Артем. 1919 г.

Артем. 1920 г.

Рубинштейн решительно прошел к трибуне и предъявил ультиматум.

— Я требую немедленно прекратить ночную стрельбу и не

беспокоить спящих граждан…

Меньшевики, эсеры и самостийники потребовали выделить делегацию от всех партий, чтобы на местах в городе проверить «поведение» большевиков. Артем согласился на посылку делегации по городу.

Товарищи Сивере, Покко, Тиняков, эсер Миронов и другие делегаты сели в машину и поехали вверх по Сумской улице. Добрались до Университетского сада, здесь сошли с автомобиля и дальше пошли пешком по Сорокинскому переулку, затем свернули на Мироносицкую улицу. Встретили какого-то человека, по виду похожего на лавочника, и спросили:

— Что тут делается?

Он лаконично ответил:

— Захватили «товарищи» броневики и увезли…

«Ну, думаем, раз так, значит все в порядке. Смотрите, господа делегаты, смотрите, дело уже сделано…»— заключил этот эпизод Покко.

9 декабря утром с пачками свежих газет по харьковским улицам бежали мальчишки, выкрикивая последние новости:

«Город занят красногвардейцами: бронеотряд разоружен, телефон и телеграф в руках красногвардейских отрядов!»

Артем — заложник

Несмотря на успешное разоружение войск Центральной рады и разгром белогвардейцев, прорывавшихся через Харьковщину и Донбасс в гнезда контрреволюции, на Дон и Кубань, все же в самом Харькове далеко не все было в порядке. Засели в своих берлогах местные враги советской власти, давал себя знать бандитизм, жизнь города лихорадило от анархистских элементов, пробравшихся в красногвардейские отряды.

Комендантом Харькова был назначен товарищ Кин, человек, твердого характера и решительный в действиях. В городе часто наблюдались случаи мародерства и грабежей; с этим злом необходимо было весги беспощадную войну. Однажды по распоряжению коменданта города был расстрелян мародер. Расстрелянным оказался боец отряда красногвардейцев под командованием Деркача. Отряд был собран из анархистских, деклассированных элементов и пришел в Харьков из сельских районов. Когда весть о расстреле бойца дошла до отряда, там поднялся настоящий бунт. Сотни разъяренных людей поклялись отомстить за своего дружка и собрались идти громить Харьковский Совет. Артем, Рухимович, Антонов-Овсеенко и эсер Букреев отправились в расположение отряда.

На телеге в гробу, покрытом черным покрывалом, лежал расстрелянный боец. Вокруг него стояла толпа деркачевцев во главе со своим батькой. Увидев Артема, отрядники исступленно закричали:

— Дайте нам Кина, смерть за смерть!

Артем пытался говорить с этой публикой, но безрезультатно.

— Пока не будет представлен сюда Кин, мы вас не выпустим, — заявили деркачевцы Артему.

— Что ж, по крайней мере отдохну и как следует высплюсь здесь у вас, — спокойно ответил Артем.

Антонов-Овсеенко сумел уйти из отряда, Артема же и остальных оставили заложниками до утра. Жизнь их была в опасности, деркачевцам ничего не стоило разделаться с руководителем харьковских большевиков.

Заперли заложников в одну комнату, поставили охрану. Вдруг за дверью раздался выстрел из винтовки, пуля пробила дерево и пропела где-то рядом с головой спящего Артема,

Дело обертывалось совсем плохо. Усталый Артем, как и обещал Деркачу, лег на скамью и уснул. Он не слышал выстрела. Но его товарищи решили, что бездействовать нельзя. Были

вызваны штабники Деркача, произошли переговоры, и обе стороны достигли соглашения: на следующий день отряд Деркача посылает в исполнительный комитет своих представителей в количестве не более семи человек. На место переговоров доставят Кина, и будут заслушаны его объяснения по поводу расстрела отрядника.

Артема разбудили, он нехотя поднялся со скамьи и спросил, зачем его тревожат.

— Нас освобождают, достигнута договоренность о завтрашнем разборе происшествия с вызовом Кина, сказали товарищи Артему.

Утром следующего дня в условленное время руководители Совета собрались в исполнительном комитете. Пришел Деркач, но не с семью бойцами, как было условлено, а с восемнадцатью вооруженными с ног до головы отрядниками.

Предвидя такой оборот событий, охрана исполкома была усилена надежными красногвардейцами.

Началось совещание. Кина для успокоения Деркача привели в зал заседаний под конвоем, как арестованного. Во избежание случайностей поставили подальше от Деркача и его дружков, чтобы кто-либо из них не рубанул его невзначай саблей.

Тем временем весь отряд Деркача — несколько сот бойцов — начал окружать здание исполкома. Руководитель охраны здания Саблин принял ответные меры: поставил напротив исполкома броневик с наведенными на деркачевцев крупнокалиберными пулеметами. Деркач из окна зала заседаний увидел броневик и стал шуметь:

— Что это, вы хотите нас расстрелять?

Саблин, находившийся в зале заседаний, спокойно ответил:

— Какие-то темные личности приближаются к исполкому, и потому я на всякий случай поставил броневик. Но боже упаси, чтобы эта игрушка была направлена против доблестных бойцов вашего отряда, товарищ Деркач!

Броневик свою роль сыграл. Боевой пыл деркачевцев поостыл. Взять исполком штурмом было делом рискованным.

Кин объяснил свой поступок. Да, он действительно помнит о случае ареста пьяного стрелка. Помнит также, что на рапорте о задержании наложил резолюцию — направить бойца в тюрьму. Но в дальнейшем он неповинен, ибо администрация тюрьмы по преступной халатности вместо бандита привела приговор в исполнение над этим бойцом. «Виновные уже понесли серьезную кару. Я очень сожалею о случившемся несчастье».

Выступил Деркач, во время своей речи он держал в руках бутылочную гранату, которой азартно жестикулировал. Его

предупредили, чтобы он осторожнее размахивал гранатой. Тогда Деркач с нарочитой небрежностью бросил гранату на стол и невозмутимо сказал: «Не бойтесь, она безопасная!»

В итоге разбирательства выяснилась невиновность Кина. Деркач извинился за то, что по его вине могла произойти роковая ошибка: ведь заложником был Артем, а бойцы его отряда находились в таком состоянии, что за их поведение нельзя было поручиться. Отряд Деркача вскоре ушел на фронт. Так закончилось это происшествие, не столь уже необычное для того беспокойного времени.

Два съезда Советов

На Украине шла борьба за созыв Всеукраинского съезда Советов, который провозгласил бы Украинскую Советскую Республику и создал Советское правительство.

Центральная рада, объединившая всю контрреволюцию на Украине, сначала всеми силами сопротивлялась созыву делегатов съезда, но, убедившись, что помешать этому невозможно, принялась организовывать националистическое большинство на съезде.

И понаехали в Киев кулацкие представители. Вместо 200 делегатов самостийники доставили на съезд 1000 человек. Попробовали организаторы съезда протестовать против нарушения избирательных норм, отказали кулакам в выдаче мандатов, но случилось неслыханное. «Делегаты» при помощи оружия отняли у представителей оргбюро съезда печать и бланки и начали по своему усмотрению раздавать мандаты.

Сформированный таким способом съезд Советов стал собранием оголтелых буржуазных националистов, которые изрыгали невыразимую клевету и ложь в адрес большевиков и Советской России. Небольшой группе большевиков, затерявшейся среди зоологического сборища националистов, не оставалось ничего более, как заявить, что съезд подтасован Центральной радой и незаконен, а затем покинуть зал заседаний.

«Не считая себя вправе принимать участие в этой комедии, губительной для интересов пролетариата и беднейшего крестьянства, мы, представители 49 Советов в числе 124 человек постановили: уйти из собрания, устраиваемого политиканами из Центральной рады, и обратиться ко всем трудящимся с разъяснением нашего отношения к создавшемуся положению и с решительным протестом против неслыханного насилия украинской буржуазии и ее прислужников из так называемых «социалистов» над полномочными органами революционной демократии Украины — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Совещание представителей Советов, вынесших это постановление, решило провести Всеукраинский съезд Советов в пролетарском Харькове, где немыслимы были бы акты насилия и издевательств, подобные тем, что произошли в Киеве.

К этому времени в Харькове намечалось открытие III областного съезда Советов Донецко-Криворожского бассейна; оба съезда, объединившись, хорошо представили бы Советы всей

Украины.

11 декабря в Харькове открылся I съезд Советов Украины. Он обсудил вопросы: о текущем моменте, об организации власти на Украине, о самоопределении Украины.

Был избран Центральный Комитет Советов Украины, провозглашена Советская Украинская Республика — республика Советов рабочих, солдатских и селянских депутатов. Власть Центральной рады была объявлена низложенной, ее декреты отменены. Важнейшие законы Советского правительства Российской Федерации были распространены на Украину.

От имени съезда всему миру было объявлено об отношении трудящихся Советской Украины к своей старшей сестре — Советской России.

«Крестьяне, рабочие и солдаты Украины знают, что у них нет никаких оснований для борьбы с правительством крестьян, рабочих и солдат России, и не допустят войны между братскими народами, которую затевает рада… Молодая советская власть на Украине приветствует укрепившуюся всероссийскую советскую власть».

Артем был одним из основных вдохновителей и руководителей действий большевиков уже не только Харькова, но и всей украинской партийной организации.

Брестский мир

Январь 1918 года ознаменовался для юга страны двумя большими событиями. Объединенными усилиями Красной гвардии Украины, Петрограда и Москвы, поддержанной восстаниями трудящихся и революционными частями Юго-Западного фронта, были разгромлены банды Центральной рады и на всей Украине установлена советская власть. В Донбассе концентрировались силы революции, направленные против генерала Каледина, засевшего на Дону. В конце января 1918 года войска Каледина были либо уничтожены, либо рассеяны. Сам Каледин покончил жизнь самоубийством.

Постепенно очищалось небо над пролетарским Харьковом, теперь столицей Украины, и стало возможным направить силы на восстановление разрушенного хозяйства.

Артем в составе первого Советского правительства Украины возглавлял Народный секретариат торговли и промышленности и непосредственно занимался установлением контроля над производством; вел борьбу с саботажниками из рядов буржуазных специалистов, обеспечивал заводы сырьем и топливом. Шла национализация крупнейших заводов Харькова, Екатеринослава, Николаева и других промышленных центров Украины.

Но еще не был подписан мир с Германией. Нужно было во что бы то ни стало выйти из войны. Молодое Советское государство вело переговоры о мире.

«Спасение Родины и революции требовало мирной передышки, чтобы укрепить Советскую власть, создать новую, Красную Армию, способную защитить страну от империалистических захватчиков» [30].

Война нужна была контрреволюции. Буржуазия надеялась руками немцев задушить советскую власть и восстановить старые порядки.

В январе 1918 года проходил III Всероссийский съезд Советов; Артем — делегат этого съезда. На съезде была утверждена Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

8 января 1918 года В. И. Ленин на совещании членов ЦК партии и большевиков — делегатов III съезда Советов — выступил с тезисами по вопросу о немедленном заключении сепаратного мира с немцами. Случилось так, что позиция Ленина не получила большинства на этом совещании. Московский, Петроградский, Уральский и другие комитеты партии предложили прекратить мирные переговоры с немцами: дали

увлечь себя революционной фразой. В ЦК партии Ленин также не имел большинства: Троцкий, Бухарин и их сторонники выступили против принятия немецких условий мира.

Слова Ленина о том, что война — это ловушка, в которую враги революции хотят загнать молодую Республику Советов, не доходили до сознания многих большевиков. Артем, Свердлов, Сталин твердо стояли на ленинской позиции в вопросе о войне и мире.

Ленин дал директиву всемерно затягивать переговоры с немцами. Если же немцы предъявят ультиматум, немедленно подписать мирный договор.

Троцкий нарушил эту директиву Председателя Совнаркома. 28 января он заявил немецким представителям, что Советское правительство отказывается подписывать мирный договор на условиях, которые предъявлены германской делегацией.

Он же, Троцкий, сообщил немцам, что Советы прекращают войну с Германией и демобилизуют свою армию. Это было явное предательство. Мира нет, мирные переговоры сорваны, русская армия демобилизуется— значит есть возможность оккупировать беззащитную Советскую Россию. И немцы начали широкое наступление. Случилось то, против чего предупреждал Ленин. Остатки старой армии не смогли оказать мало-мальски серьезного сопротивления немецким ордам, и в короткое время Латвия, Эстония, значительная часть Украины, Белоруссии были захвачены германскими империалистами.

Владимир Ильич Ленин на всю страну бросил клич: «Социалистическое отечество в опасности!» Центральный Комитет и Советское правительство призвали всех членов партии, всех трудящихся к защите советской власти от полчищ вооруженных до зубов немецких интервентов. В эти дни в огне боев с немцами рождалась Красная Армия. Попытки заключения мира с немцами не прекращались, но условия, предъявленные врагом, с каждым днем становились все более тяжелыми. Лишь 3 марта 1918 года, ломая упорное сопротивление оппозиционеров из группы «левых коммунистов», Ленин, спасая самое существование юной Советской республики, подписал мирный договор с Германией.

Донецко-Криворожская республика

10 февраля были прерваны Троцким в Брест-Литовске переговоры с представителями немецкого командования. Срыв мирных переговоров означал, что со дня на день начнется большое наступление германских войск. Нетрудно было предугадать, что одним из главных объектов германской интервенции будет Украина. Еще 5 февраля 1918 года союзная с Германией Австро-Венгрия требовала 1 миллион тонн украинского хлеба. Сидящая на голодном пайке кайзеровская Германия имела аппетит побольше: ей нужен был не один миллион тонн украинской пшеницы, свиного сала, мяса и других продуктов. Речь шла не только о хлебе. Центральная рада, ее последыши торговали Украиной оптом и в розницу, не только Украину — душу свою продали бы черту, лишь бы восстановить власть помещиков и капиталистов.

9 февраля 1918 года Центральная рада заключила договор с немцами о запродаже Украины, а 15 февраля того же года областной исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов провозгласил образование Донецко-Криворожской республики. Председателем Совета Народных Комиссаров республики был избран Артем.

Имевший регулярную связь с Советом Народных Комиссаров РСФСР и лично с Лениным, Артем советовался с главой Советского правительства по поводу провозглашения Донецко-Криворожской республики и получил одобрение на постановку этого вопроса в областном исполнительном комитете Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов. Необходимость и своевременность этого шага стала особенно ясной тогда, когда немецкое нашествие захватило уже большую часть Украины. «Юридическая» сила всех сделок Центральной рады с интервентами, ее согласие на оккупацию Украины не имели никакого значения на территории Донецко-Криворожской республики. Этот тактический шаг, предпринятый Артемом для того, чтобы выиграть время, спасти то, что можно было спасти от алчных рук германских империалистов, — вывезти оборудование заводов, эвакуировать огромные ценности, задержать наступление врага, — все это полностью оправдывало акт провозглашения До-нецко-Криворожской республики. Только недальновидные люди, не знавшие Артема, могли заподозрить его в личном честолюбии, в намерении посягнуть на целостность

Советской Украины, заподозрить Артема в непонимании ленинской национальной политики. Донецко-Криворожская республика была рождена накануне немецкой оккупации, ее короткое существование было только тактическим шагом. Донецко-Криворожская республика была провозглашена 15 февраля, а через три дня, 18 февраля, началось наступление германских войск на Украину.

Общая численность австро-германских войск, двинутых на Украину, доходила до 450–500 тысяч человек при 2 630 орудиях, 7 680 ручных и 4 200 станковых пулеметов и других видов вооружения. Основным направлением наступления войск интервентов было Киев — Харьков — Луганск — Ростов.

Председатель Донецко-Криворожского Совнаркома Артем посылает по радио ноту германскому кайзеру Вильгельму, в которой указывает, что Донецко-Криворожская республика не входит в состав Украины. Нота предупреждает Вильгельма, что в случае покушения на Донецкую республику, все рабочие Донбасса поднимут оружие против иноземцев.

В Харькове Артем и Руднев в короткий срок организуют пять полков для борьбы с немцами, полки эти без промедления отправляются на помощь советским войскам, сдерживающим наступление германских полчищ.

В начале марта 1918 года в Петрограде собрался VII съезд партии. На съезде разгорелась острая борьба между сторонниками и противниками Брестского мира. Съезд подтвердил правильность ленинской линии в вопросе о мире. На съезде с поддержкой позиции Ленина о мире выступил и Артем. Разоблачая сторонников так называемой «революционной войны», он говорил:

«Если наша партия, которая взяла уже на себя ответственность за подписание этого мира, откажется его ратифицировать, если наша партия придет на съезд (Советов. — Б. М.) и скажет: «Нет, ни в коем случае его ратифицировать не надо», — то это будет значить, что наша партия должна объявить этим войну Германии… Есть и такие товарищи, которых почему-то называют левыми и которые предлагают благородный жест — вынуть шпагу и погибнуть, оставя по себе хорошую память. Я думаю, что в рядах пролетариата такой поступок может оставить очень скверную память… Если мы сейчас придем на съезд Советов, придем представителями рабочих и крестьян, и будем объяснять широким массам населения, что нужно объявить войну Германии… то никто нас не поймет… нам говорят, что положение наше ужасное, что хозяйственная разруха невероятна, что у нас отнимают Донецкий бассейн с углем, Украину с хлебом.

Если мы объявим сейчас войну, мы их не получим, наоборот, как раз потеряем» [31].

Съезд партии утвердил целесообразность подписания тяжелого, но необходимого для Советской страны мирного договора.

На VII съезде Артем вторично был избран членом Центрального Комитета партии.

15 марта 1918 года Чрезвычайный съезд Советов по предложению Ленина ратифицировал Брестский мирный договор.

Но под прикрытием договора с Центральной радой, с этим сборищем предателей и душителей украинского народа, немцы продолжали наступление в глубь Украины.

Артем в Харькове, он работает так напряженно, как никогда в своей нелегкой жизни. Спит в сутки часа два, редко три, где-либо на стульях или на столе. Идет эвакуация харьковских заводов. Под Полтавой пятитысячный отряд харьковских и донецких красногвардейцев в течение нескольких дней сдерживал натиск двух немецких корпусов, показывая чудеса храбрости и героизма. Враг уже занял Полтаву, он в 100 с небольшим километрах от Харькова. Создаются все новые и новые отряды красногвардейцев и, не медля ни часу, отправляются навстречу врагу.

Совет Народных Комиссаров Донецкой республики обращается с воззванием к рабочим и крестьянам:

«Мы не имеем намерения сдать без боя ни единой пяди земли, ни одной позиции рабоче-крестьянской Отчизны, мы имеем намерение защищать со всем пролетариатом и крестьянами юга каждый мост, каждый переход, каждое село и улицу города.

Совет Народных Комиссаров Донецкой республики приступает к созданию полка Совета Комиссаров и объявляет, что при первом известии о приближении к центрам республики банд врага Совет Народных Комиссаров в полном своем составе выйдет на позиции, чтобы принять в борьбе с врагом непосредственное участие».

Это пишет Артем, в этом воззвании легко узнать его мужественный голос, услышать биение его встревоженного сердца большевика.

Никакой паники. Идут ожесточенные бои на дальних подступах к городу. Артем на своем посту. К нему поступают сводки с фронта, он лично участвует в формировании новых и новых красногвардейских отрядов, руководит эвакуацией заводов. Что-то замешкались с эвакуацией завода Гельферих-Саде. Необходимо написать письмо в завком, поторопить товарищей.

«Апреля 2 дня 1918 года.

Уважаемые товарищи!

Настоящим вам предписывается немедленно приступить к эвакуации имеющихся на вашем складе продуктов и готовых изделий завода. Уполномоченным принять вое необходимые меры для скорейшей погрузки и своевременной отправки грузов и прочего.

Объявить рабочим, что все рабочие и служащие завода будут обеспечены в согласии с нормами декрета Совета Народных Комиссаров. В свою очередь, товарищам рабочим предлагается приложить всю энергию к тому, чтобы работа по эвакуации шла успешно; чтобы не было саботажа, ни небрежности, ни поломки, ни хищений. Советская власть будет преследовать виновных по всей строгости революционного закона.

Председатель эвакуационной комиссии Сергеев (Артем)».

Узловые станции Синельниково и Лозовая по нескольку раз переходили из рук в руки: нелегко дается немцам украинская земля. Артем спешит в Донбасс, чтобы там, как и в Харькове, привести дело эвакуации предприятий в надлежащий порядок. Использовать каждый час времени для спасения народного добра. Ворошилов отдает сейчас все силы организации отпора врагу, его же, Артема, обязанность помочь товарищам в Донбассе сделать все, что необходимо перед угрозой вражеского вторжения.

Нашлись среди донецких работников горячие головы, которые предлагали затапливать шахты, разрушать оборудование, которое невозможно демонтировать для вывоза из Донбасса Артем решительно возражал против таких намерений: «Мы вернемся. Нам все это будет нужно. Не смейте разрушать угольное царство».

* * *

Последние дни в Харькове перед вступлением в город германских войск.

Идет одно из последних заседаний Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председательствующий Б. И. Магидов предоставляет слово Артему. Обращаясь к депутатам Совета, среди которых, кроме большевиков, имеются меньшевики и эсеры, Артем говорит:

— Громкие слова ни к чему. Суть в том, что приходится выступать последний раз перец пленумом

Совета. Конечно, каждый из вас отдает себе отчет в том, что происходит. Каждый из вас, вероятно, думает о том — и, надеюсь,

думает так большинство, — что советская власть, которая взяла в руки правление всей страной, власть, которая стоит во главе Харькова, что она, поскольку вы могли наблюдать, не является кучкой авантюристов, как ее любили называть наши враги, а людьми, преданными делу, за которое боролись и умирали лучшие люди человечества.

…Весьма возможно, что успех, который немцы имели в начале наступления на Киев, на Украину, будет продолжаться. Однако они встретили огромное сопротивление на западе.

Около двух дивизий завязли в своем стремительном шествии, когда дошли до пределов так называемой Донецко-Криворожской республики. Это понятно. Донецко-Криворожский бассейн — это не бесформенная страна, это не бесформенное население. Это страна, имеющая свой промышленный пролетариат.

Как бы плохи ни были наши отряды, как бы мало они ни были обучены, недостаточно знакомы с техникой военного дела, степень быстроты продвижения немцев сейчас определяется в пятьдесят раз меньше, чем тогда, когда было наступление на Петроград.

Когда немцы подошли к Полтаве, Знаменке, с тех пор продвижение их стало исчисляться верстами…

Весьма возможно, сейчас мы обращаемся к пленуму Совета в последний раз. Придется идти на следующие позиции: базироваться на рабочих Донецкого бассейна — горнорабочих и рабочих металлургической промышленности…

История знает один способ установления буржуазного порядка — это поголовные расстрелы, поголовное истребление цвета рабочего класса. В силу этого, ясно сознавая, что такое буржуазные порядки, мы не складываем без борьбы оружия.

Поскольку мы авангард международного пролетариата, на нас лежит тяжелая, ответственная обязанность выполнить возложенную на нас задачу так, чтобы жертвы, которые в конце концов были бы принесены, не стали источником дальнейших бед рабочего класса…

В тот момент, когда мы вновь соберемся, зарево социалистической революции будет пылать во всем мире. Тогда мы будем настроены несколько иначе, чем сейчас…

Последние слова он произносил с трудом, что-то сжимало горло.

Его слушали с напряженным вниманием — друзья и те, которым он предсказывал в недалеком будущем полное исчезновение с арены истории. Вера в конечную победу правого дела, в победу социалистической революции, согревала Артема и его товарищей в эго тяжелое время.

Весь день 7 апреля 1918 года в городе был слышен близкий орудийный гул. А к вечеру снаряды стали рваться на южной окраине Харькова. Артем еще был в городе. В городе оставался и последний красногвардейский отряд, названный 1-м Харьковским коммунистическим.

Наступила ночь. Погрузка в эшелоны заканчивалась. Время отправляться. Но при проверке оказалось, что нет Николая Руднева. Начались поиски по вокзалу. Забежали в кабинет начальника станции и увидели Руднева сидящим на столе с телефонной трубкой в руке. Разбудить мертвецки усталого человека не удалось, пришлось спящим перенести его в вагон. Последние дни он и его люди не выходили из боев.

На Холодногорском мосту трещали пулеметы, немцы уже вступали на южную окраину Харькова.

И еще раз прощался с Харьковом Артем, прощался с твердой верой, что разлука будет недолгой.

Раннее утро 8 апреля. Екатеринославская улица пустынна. Большевики уже эвакуировались, а немцы еще не вступали в город. Проскакала, выбивая дробь по мостовой, к Павловской площади группа конных разведчиков в остроконечных германских касках. Через несколько минут разведчики возвратились обратно.

Проехали по улице два воепых автомобиля с группой вооруженных до зубов немцев.

Еще через полчаса гусиным шагом, гремя подкованными сапогами, пошли полки кайзеровской армии.

Выползли на улицу до того таившиеся в щелях недруги советской власти — приветствовать «спасителей». Вместе с немцами в город вступали гайдамаки.

Вездесущие юные обитатели города — мальчишки с Екатеринославской и Конторской улиц, пренебрегая опасностью, бегали по городу. Они видели, как немецкие солдаты и самостийники с трезубцами на папахах гонялись за людьми в кожаных тужурках. Настигая таких людей, пристреливали на месте. Человек в кожанке — это большевик. На тротуарах улиц, на берегах грязной Лопани лежали навеки уснувшие харьковские пролетарии. В городе начинался кровавый контрреволюционный террор.

Эшелон, в котором находился Артем, так же как и предыдущие эшелоны, уходил к станции Змиев — на юго-восток, к Донбассу.

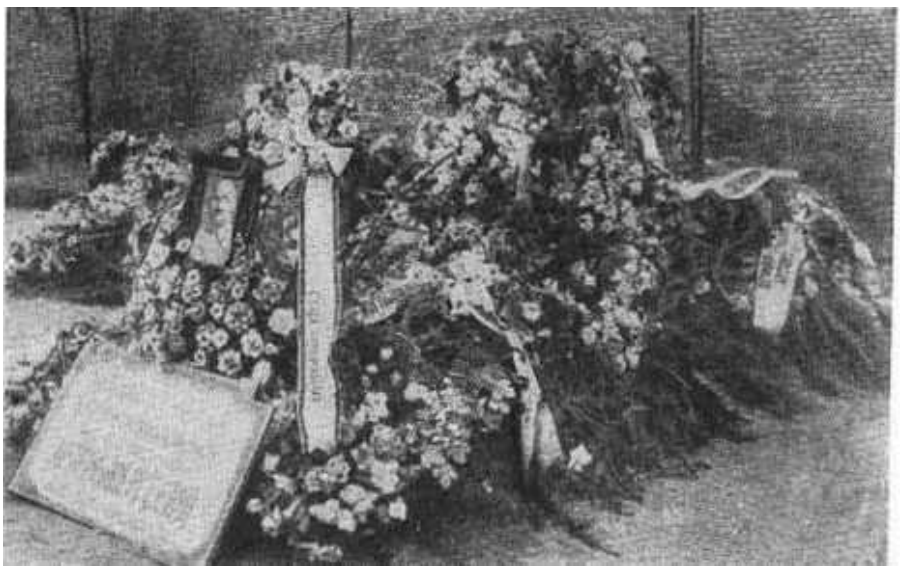
В бою под Змиевом

На первой станции от Харькова, Жихор, по телефону были получены известия, что немцы заняли город и станцию Змиев — отрезали эшелону путь к отходу в Донбасс. Штаб Антонова-Овсеенко успел проскочить через Змиев, но вынужден был задержаться у подорванного железнодорожного моста за городом. Приступили к исправлению повреждений. Отряды Ворошилова, Латышева, 1-й Харьковский коммунистический отряд не имели общего управления. Приняв решение с боем пробиваться к своим через занятый немцами Змиев, руководители отступающих отрядов избрали пятерку для ведения боевыми операциями: Артема, Николая Руднева, Ворошилова, Рухимовича и эсера Первухина.

Пятерка дала задание группе велосипедистов произвести разведку станции Змиев, выяснить силы противника. Послав вперед разведку, отряды построились в боевые цепи и начали движение к Змиеву. Артем шел с винтовкой в руках в цепях красногвардейцев.

Артем с группой товарищей. 1920 г.

Артем во главе делегации советских профсоюзов перед поездкой в Западную Европу. 1920 г.



Могила Артема у Кремлевской стены.

Открытие памятника Артему в городе Артемовске. 1959 г.

Лиза Репельская, ставшая близким другом и женой Артема, со своими подругами — санитарками и сестрами — также была в боевых цепях.

Разведчики, объехав в обход через сосновый бор станцию Змиев, приближались к перрону. Они слышали разрозненные ружейные выстрелы. Приблизившись, увидели, что немцы расстреливают захваченных ими рабочих. Отряд велосипедистов

открыл огонь по немецким бандитам. Перестрелка продолжалась более 15 минут, немцы оставили на перроне многих убитых солдат.

Во время этой небольшой стычки начался артиллерийский обстрел города Змиева. Подошедший на расстояние действительного орудийного огня бронепоезд «Черепаха» под командованием большевика Вадима вел огонь по району Змиева, прилегавшему к тюрьме, где, по донесению разведки, немцы расправлялись с местными жителями.

В четырех верстах не доезжая Змиева цепи красногвардейцев встретили немцев и гайдамаков. Пехоту сопровождал бронепоезд «Черепаха». Красногвардейцы шли впереди бронепоезда по железнодорожному полотну и извлекали из-под рельсов только что заложенные немецкими саперами пироксилиновые шашки.

Артиллерийский поединок с германскими орудиями окончился победой бронепоезда. Подавив огонь врага, отряды бросились в атаку, далеко по холмам и лесам разнеслось русское «ура».

Интервенты бежали, оставив много убитых и раненых. Три часа длился этот бой. В воспоминаниях об этом сражении красногвардейцы спустя много лет писали об изумительной отваге Артема, который шел под огнем на штурм врага, увлекая за собой товарищей.

В этом бою выявились и малодушные, трусливые бойцы. Их видели после атаки за железнодорожной насыпью, окунувшимися в песок и еле живыми от страха.

Среди этих молодцов было немало левых эсеров. Они явно не хотели воевать с немцами. Командование решило отпустить их на все четыре стороны. Трус в бою страшнее врага. Вместе с группой левых эсеров покинул красногвардейцев и член руководящей пятерки, тоже эсер, Первухин.

Отряды Красной гвардии, дравшиеся под Харьковом, медленно с боями отступали в Донбасс. Решением Совета Народных Комиссаров Донецкой республики 15 апреля была создана 5-я Украинская армия. Командующим был назначен Климент Ефремович Ворошилов, начальником штаба армии — Николай Руднев. В эту армию влились отряды луганских металлистов, шахтеров Донбасса, харьковских рабочих; вошли в нее отряды Полтавский, Изюмский, Киевский, Одесский, Нежинский и другие.

Назвать эту армию в полном смысле слова регулярной было нельзя; анархические, местнические настроения бытовали во многих отрядах и отрядиках. Вместе с вооруженными рабочими отступали их семьи: жены, дети, старики. Везли с собой

домашний скарб. Можно представить себе, какие невероятные трудности испытывали руководители этого отступления.

Через горящие степи

В Луганске Артем получил из Петрограда распоряжение об эвакуации Ростова — вывезти все ценное имущество, в первую очередь продовольствие, боеприпасы, машинное оборудование, в центральные районы России.

К Ростову в конце апреля 1918 года со всего юга России отступали красногвардейские отряды. С запада на город наступали немцы и гайдамаки, с востока — белые казацкие банды. Казацкие разъезды уже были замечены вблизи Нахичевани, пригорода Ростова. Сам город кишмя кишел белогвардейцами, которые собирали оружие и готовились к восстанию.

Накануне 1 мая 1918 года Ростов пережил особенно тревожные дни. Казацкие белогвардейские шайки, двигавшиеся из Сальских степей, подступили к Нахичевани. Пришлось временно отложить все другие дела и с оружием в руках встретить врага.

«Очень памятен был мне Артем в те минуты, — писал участник этих событий А. Френкель, — с винтовкой за спиной, скромно и добродушно улыбаясь при виде суеты, он молча отправлялся с одной из новых групп партизан в Нахичевань. Позже, вечером уже, я опять повстречался с Артемом, когда он возвращался из Нахичевани вместе с Серго Орджоникидзе. Живо он рассказывал про события этого бурного дня. При этой первой встрече меня больше всего поразила в Артеме его товарищеская простота и необыкновенно кипучая энергия».

Атаки казаков были отбиты, Артем как рядовой боец участвовал в отражении этих казачьих налетов.

Эвакуация Ростова подходила к концу, Артем вернулся в Луганск, откуда нужно было выводить из-под удара германских войск и гайдамаков только что сформированную армию и массы горняцкого населения Донбасса. Начиналось героическое передвижение украинских вооруженных сил из Донбасса к крепости революции на Волге — Царицыну.

Путь на север через Воронеж к Москве был уже отрезан. Станция Чертково, находившаяся на этом железнодорожном пути, была захвачена немцами, оставался единственный путь отхода в Советскую Россию — через узловую станцию Лихую на Царицын.

В своей автобиографии Климент Ефремович Ворошилов писал:

«Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных

людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Деникиным и другими, пробивались мои отряды, восстанавливая железнодорожное полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново и возводя насыпи и плотины».

Сосредоточившись у станции Каменская, 5-я армия должна была переместиться на юг, к узловой станции Лихой. Здесь на протяжении 20 километров пути скопилось около 80 эшелонов, 3 тысячи вагонов. Черепашьим шагом, проходя в сутки 3–5 километров, эшелоны продвигались к станции Лихой. Бои с наседавшими на железную дорогу немцами шли непрерывно. Это было нескончаемое сражение: на земле эшелоны отбивались от немецкий пехоты, отстреливались всеми видами оружия от аэропланов противника, которые бросали бомбы и вели пулеметный огонь по эшелонам.

Два бойца, харьковские коммунисты, старые друзья Артема, поотстали от своего полка. На станции Каменская они зашли в вагон одного из эшелонов и, к своей радости, увидели Лизу Репельскую. Первым вопросом, естественно, был: «Где Артем?» Лиза сказала, что Артем лежит здесь, в одном из отделений вагона. «Он контужен, но надеемся, что не очень сильно».

Станция Лихая. Впереди казаками взорван мост через Северный Донец. Немцы держат Лихую под ураганным огнем. Рвутся снаряды на станционных путях, пулеметные очереди косят все живое, с неба летят чемоданы — крупные германские бомбы, сбрасываемые с аэропланов. Положение катастрофическое. Оно ухудшается еще тем, что получено сообщение об угрозе станции Зверево, которая находится впереди Лихой, на пути к взорванному мосту через Северный Донец.

Горят эшелоны, рвутся пораженные огнем врага ящики со снарядами и патронами. Охваченные огнем вагоны мчатся из этого ада на восток, в неизвестность.

Среди общей неразберихи и паники выделяются своим мужеством и находчивостью харьковские и донецкие коммунары с их вожаками Ворошиловым, Артемом, Рухимовичем и другими товарищами.

Вот картина того, что происходило на станции Лихой 5 мая 1918 года. Ее написал очевидец: «5 мая день пасхи, Лихая обстреливается из орудий, все побежало: наши пешие отряды, кавалеристы… Между скачущими кавалеристами, бегущей пехотой, артиллерией появляется с маузером в руках Артем. В эту минуту я вспомнил о прозвище, данном ему меньшевиками:

«Краснокожий».

Да, он был страшен, дик, он стаскивал с лошадей, хватал десятки бегущих, в его лице было столько воли, решимости, что его не осмеливались ослушаться. Не прошло и часа, как он с помощью Руднева заставил остановиться бегущих».

Это была картина ближайшего тыла, если так можно было назвать район станции Лихой. Где-то совсем близко Ворошилов с преданными делу революции бойцами отражал бешеный натиск немцев.

Артем собирает смельчаков по десятку-полтора человек от каждого отряда, грузится с ними на бронепоезд и врывается в самую гущу врага на станции Зверево, отгоняет противника от железной дороги, освобождает путь к Донцу.

Минула ночь. Героическими усилиями высланных вперед саперов мост через реку был исправлен, и началась переправа на восточный берег Донца. Часть бойцов переправилась через реку на паромах выше и ниже железной дороги. Современник писал о бое на станции Лихой, о переправе через Донец: «Только наличие таких, как Артем и Ворошилов, могло сделать то, что более 60 эшелонов и несколько десятков тысяч беженцев в эти часы катастрофы не погибли». Нужно добавить к этим словам, что спасали армию, беженцев и огромные материальные ценности на восточной границе Украины вместе с Артемом, Ворошиловым, Рудневым многие известные и оставшиеся неизвестными коммунары.

Впереди, на пути к Царицыну, предстояло еще много тяжелых испытаний. Артем после событий на станции Лихой стал любимцем всей армии, свой авторитет он использовал для укрепления революционной дисциплины среди бойцов, в массе которых еще были весьма сильны партизанские настроения, неорганизованность.

Его место было там, где было наиболее трудно и опасно.

«На пути нам часто приходилось, — рассказывал участник перехода, — оставлять свой поезд и идти вперед чинить мосты, полотно железной дороги, сваливать под откос опрокинутые на путях вагоны, части паровозов… Там я встречал Артема. Он был живее всех. Шутя и остря, он подбадривал сердившихся наших партизан, незаметно становился коноводом всей, порой сложной и тяжелой, работы.

Работа буквально закипала. Артем в таких случаях проявлял большую распорядительность. Больше всего ему помогало то, что он всех знал и его все знали. Он вносил в работу дух напористой настойчивости и товарищеского сотрудничества». Артем не просто распоряжался, а своим трудом подавал пример, как нужно

работать. Он брал в руки лопату, топор, молот и демонстрировал быструю и хорошую работу.

Был такой случай у станции Морозовской:

Бойцы отходили здесь под градом пуль и снарядов, белоказаки буквально наступали на пятки отряду, в котором находился Артем.

Навстречу бойцам из переулка выскочила лошадь, испуганная разрывом ближнего снаряда, и опрокинула воз со снопами. Артем, не обращая внимание на свист пуль, подбежал к крестьянину, чтобы помочь ему поднять воз.

Армия Ворошилова с боями медленно продвигалась все дальше на восток. Части Царицынского фронта, шедшие навстречу Ворошилову, контролировали железную дорогу до реки Дон, до станции Чир. Был короткий отрезок времени, когда можно было с некоторым риском быть обстрелянным в пути добраться до Царицына. Командование воспользовалось этим обстоятельством и отправило в Царицьин эшелон с ранеными и больными бойцами. Эшелон сопровождала небольшая охрана. Помощник начальника станции Суровикино оказался предателем и задержал санитарный поезд, заявив, что движение дальше небезопасно. Утром 23 мая на Суровикино неожиданно налетели белоказаки и учинили беспримерную по зверству расправу с ранеными красноармейцами. Были порублены 52 прикованных к койкам тяжело раненных бойца. Поезд разграблен. Раненых выбрасывали из окон вагонов.

Во время этой чудовищной расправы в Суровикино подоспели части армии Ворошилова, и казацкие палачи трусливо бежали в степи

Даешь Царицын!

В начале июня после ожесточенных боев с белоказаками была взята станция Чир. Неподалеку от станции через реку Дон протянулся большой железнодорожный мост 600-метровой длины. После отступления царицынских красных частей от Чира мост был взорван, путь на Царицын был, таким образом, прерван. Сзади, с запада, наступали казаки, впереди Дон, с флангов, с севера и юга, также подходили белоказаки. Положение очень опасное.

Какие только в связи с этим не вносились предложения! Одни советовали бросить эшелоны, бросить имущество и пешим строем, отыскав переправу на Дону, двигаться к Царицыну, другие рекомендовали возвращаться на Украину.

Посланный обходным путем Артем с риском для жизни с группой бойцов пробрался в Царицын В ответ на просьбу о помощи встретил более чем холодное отношение со стороны предателя Минина. Этот наглец доносил в Москву свои опасения, что пробивающиеся с Украины эшелоны внесут в Царицын анархию и расстроят Царицынский фронт. Минин больше всего боялся укрепления Царицына в связи с приходом армии Ворошилова. Артем и Ворошилов были его врагами. Ждать решения от главковерха Троцкого и его компании Артем не стал; он вернулся к армии Ворошилова, на правый берег Дона.

Было решено бутить Дон и восстанавливать мост.

Бывший студент Московского императорского инженерного училища, строитель дорог и железнодорожных мостов в Австралии, Артем взял на себя техническое руководство делом.

На берегу реки стояли Ворошилов и Артем. Еще и еще раз обсуждали способы восстановления моста.

Неподалеку от двух руководителей украинской армии находился железнодорожный сторож. Ворошилов обратился к нему с вопросами о глубине Дона около мостовых опор, о скорости течения. Старый рабочий говорил о больших глубинах на реке, о том, что бутить Дон невозможно, что быстрое течение «все унесет аж в Ростов».

Ворошилов успокоил расстроенного старика: «У большевиков все выйдет, поедем по мосту и тебя, отец, прихватим. Вот наш инженер Артем, он придерживается такого же мнения». Артем кивнул головой в знак согласия.

А неподалеку от беседовавших свисал над водой на три метра взорванный пролет моста; он еще накренился набок метра на

полтора. Под огнем врага бившего по Дону, велись крупные восстановительные работы.

И все-таки мост был восстановлен в намеченные командованием сроки. Артем, по словам товарищей, «выполнил эту работу весьма успешно, проявив недюжинные инженерные способности». Сын Андрея Арефьевича и внук Аревия Ивановича Сергеевых не уронил потомственной семейной традиции талантливых умельцев-строителей.

Артем на Северном Кавказе

В Царицыне Артем получает новое задание Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров. Ему дают поручение отправиться через Астрахань и Каспийское море на Северный Кавказ, чтобы проложить дороги от хлебных центров Северного Кавказа к Каспию, по водному пути срочно направить поток хлеба к Волге и дальше на север, в голодающие центральные промышленные районы Советской России.

Секретарем Артема в этой поездке был один из бойцов харьковского отряда Красной гвардии Кустолян. Он оставил свои воспоминания.

Из Царицына добрались пароходом до пристани Петровская на Каспийском море. Артем надеялся с помощью Дагестанской народной республики восстановить железную дорогу между Грозным и Петровской. Дорогу эту разрушили горские племена, которые под влиянием контрреволюционной пропаганды опасались, что большевики и вооруженные солдаты, возвращающиеся с фронта, разграбят и уничтожат горные аулы. Полотно железной дороги было полностью разрушено и даже запахано. Настроение горцев по отношению к Советам было враждебным, попытки Артема договориться с ними успеха не имели.

В поисках выхода из создавшегося положения у Артема созрел план. Посоветовавшись с местными товарищами, он решил использовать для доставки хлеба к Каспию реку Терек.

Артем выехал в город Кизляр, что находится в 70 верстах от моря на Тереке. Баркасом шли по Каспию до пристани Брянской. Отсюда еще 70 верст до Кизляра ехали на лошадях. Останавливались в нескольких казачьих станицах. Артема поражала полная неосведомленность населения о том, что происходит на свете. Станичники не знали, что произошла Октябрьская революция, старые казаки даже спрашивали, когда Николай II вернется на престол. Артем рассказывал собравшимся казакам о революции, о предательской роли Временного правительства и о том, кто такие большевики.

Кизляр в ту пору был советским оазисом на огромной территории Северного Кавказа, Ставрополья, Кубани, где полыхали контрреволюционные восстания. До Кизляра доехали благополучно. Побывали на месте, где предполагалось устроить дамбу, чтобы повысить уровень воды в водохранилище у Кизляра. Сброс воды из водохранилища обеспечил бы достаточные

глубины на Тереке, чтобы на плотах переправлять хлеб с Кизлярской железной дороги до пристани Брянской.

Но для осуществления намеченного нужны были специалисты-инженеры, большое количество лесоматериалов и камня. Артем поехал во Владикавказ, чтобы заручиться поддержкой правительства Терской народной республики.

Во Владикавказе было тревожно. На вокзале Артема встретил отряд красногвардейцев, состоявший преимущественно из китайцев. Китайские товарищи сообщили Артему, что всего лишь день тому назад контрреволюционеры пытались устроить в городе переворот, председатель Совнаркома республики Ной Буачидзе убит во время выступления на митинге в казачьей станице вблизи Владикавказа.

Артем в те несколько дней, что был во Владикавказе, принимал деятельное участие в работе городского Совета. Ему обещали всемерную помощь при осуществлении мероприятий по подъему уровня реки Терек.

Однако смелый план Артему выполнить не удалось. Как огонь охватывает высохшие травы в степи, так от станицы к станице разрасталось казачье восстание. Оно охватывало районы, где предполагалось вести работы в связи с проектом Артема.

В голове Артема родилась новая идея — продолжить железную дорогу от Кизляра до Брянской пристани. Местность здесь ровная как стол — есть возможность в короткие сроки положить прямо на грунт шпалы без всяких насыпей и крепить рельсы. Но где взять технический персонал, рельсы, шпалы и другие технические средства? Единственный источник всего этого — строительство Черноморской железной дороги, комитет по постройке которой находится в Сочи.

Решение принято. Артем получает в свое распоряжение небольшую летучку, маленький отряд красноармейцев и одно трехдюймовое орудие. Дорога пролегает возле восставших казачьих станиц, а от станции Моздок до Туапсе военная обстановка вообще неизвестна. Есть ли там контрреволюционные банды или нет, об этом Артем ничего не знает. До поры до времени все идет прекрасно. Летучка приходит в Туапсе. Далее Артем морем отправляется в Сочи.

В Туапсе Артем нашел 2 морских истребителя и 18 моторных лодок. Это добро необходимо эвакуировать на берег Каспия — пригодится для строительства и для обороны. Нашлась также исправная радиостанция. Ее установили на платформе летучки и использовали для связи с центром республики.

В Сочи уже грузят для Кизляра шпалы, рельсы. Несколько сот вагонов отправляются к месту стройки.

Но укрепившиеся в Моздоке белогвардейцы грозят провалить хорошо начатое дело.

Артему приходится из инженера-строителя железных дорог превратиться в военачальника.

Он ликвидирует восстание в станицах Лабинской, Воронцово-Дашковской и в других. Эшелоны с железнодорожным имуществом должны дойти до места назначения. Но бои в отдельных станицах перерастают в большую, настоящую войну с контрреволюцией на Северном Кавказе.

Вспыхнул Бичераховский мятеж. Артем видел, что без помощи красноармейских частей из Царицына здесь, в этом казачьем крае, сейчас ничего не сделать. Речь шла теперь не о перевозке хлеба, а о самом существовании советской власти на Северном Кавказе.

Обо всем виденном необходимо срочно сообщить в Царицын, и Артем решает прорваться на север, через кишащий белогвардейскими бандами край. Путь пролегает через Ставрополь на Святой Крест и дальше через солончаковые пустынные степи на Астрахань.

Расстояние от Святого Креста до Астрахани около 400 верст. 7 августа на автомобиле Артем выехал из Святого Креста. Верстах в 20 от этого населенного пункта проходил один из отростков фронта белых. Он шел через большое село. Артем рассчитал время поездки так, чтобы проехать фронт на рассвете, когда село будет еще спать. На подступах к селу, пользуясь хорошо укатанной грунтовой дорогой, автомобиль Артема развил скорость около 90 верст в час и пролетел опасное место, как метеор.

Из хат выскочили беляки, не поняв, кто и что здесь пролетело, дали несколько выстрелов в белый свет, в облако пыли, и ушли досыпать. А Артема уже и след простыл. Но верстах в 10 от села автомобиль подвел, лопнула шина. Пока шофер производил починку, Артем стоял на страже с винтовкой в руках, ожидая преследователей. Палило нещадно солнце пустыни. Артем отложил винтовку в сторону и принялся помогать шоферу. Дальнейший путь был совершен без особых приключений.

В Царицыне Артем получил необходимые Кавказу снаряды, патроны и сильный отряд для охраны военного имущества, которое решили отправить на автомобилях по пути, который только что совершил Артем. Но вернуться на Кавказ Артему не довелось. Положение самого Царицына было очень тяжелым, на город бешено наседали красновские казаки. Артему была поручена эвакуация города.

13 августа он приступил к эвакуации. На пароходы было

погружено 600 вагонов военного снаряжения и других ценных грузов. Артем работал дни и ночи без сна и отдыха. К 21 августа все было готово к отплытию на север.

* * *

Наступление казаков на Царицын было отбито, и эвакуация оказалась ненужной.

По приказу партии

Партия давала Артему самые различные поручения. То его посылали в город Орел для проведения съезда Советов, то в Астрахань для подавления восстания полковника Фролова. Было и такое поручение, которое Артем принял как знак особого доверия к нему партии. Это было деликатное дело и очень нелегкое. Центральный Комитет направлял Артема в Баку, который был оккупирован английскими интервентами. В Баку Артему поручалось наладить подпольную работу среди моряков Каспия и попытаться освободить Шаумяна, Джапаридзе и остальных бакинских комиссаров, томившихся в застенках Центрокаспия. Артем выехал из Царицына. Спасти товарищей Артем, однако, не успел: раньше, чем удалось что-либо предпринять, они были вывезены из Баку в Красноводск и расстреляны в песках Средней Азии.

Из Астрахани Артем выехал в Москву, где и отпраздновал первую годовщину Великой Октябрьской революции 7 ноября 1918 года. В Москве 9 ноября Артем узнал радостную весть о революции в Германии. С революцией в Германии, со свержением кайзера германская армия долго оставаться на Украине не могла, немецкие солдаты рвались на родину. Советское правительство немедленно ликвидировало грабительский Брестский договор. Центральный Комитет направил Артема в Курск, поближе к Советской Украине, для подготовки мероприятий по восстановлению на Украине советской власти и для руководства работой по ведению революционной пропаганды и агитации среди немецких солдат.

Украинское Советское правительство размещалось в специальном поезде, который стоял на станционных путях в Курске. Ожидали прибытия делегатов от солдатских советов германской армии. Делегаты приехали и попали в руки Артема. Он повел их на большой рабочий митинг в зале бывшего курского Дворянского собрания. Делегаты говорили рабочим-курянам, что немецкие солдаты не хотят угнетать украинских тружеников, что, вернувшись домой, они последуют примеру русских большевиков. Последнее заявление вызвало неописуемый восторг и ликование рабочих. Артем привез делегатов обратно в правительственный поезд, его глаза лучились радостью. Через гряду лет он видел германское социалистическое государство рабочих и крестьян.

17 ноября 1918 года был образован Украинский революционный военный совет во главе с И. В. Сталиным. Артем

стал членом Реввоенсовета Украины. 28 ноября формируется Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. В состав правительства вошли К. Ворошилов, Артем (Ф. Сергеев), В. Затонский, Ю. Коцюбинский и другие. Артему в правительстве было поручено руководство военными делами.

28 ноября был опубликован манифест Украинского правительства к рабочим и крестьянам Украины. В манифесте германская марионетка — гетман и его министры были объявлены вне закона, трудящиеся Украины призывались к вооруженной борьбе против войск гетмана Скоропадского.

Артем принимает непосредственное участие в разработке военных операций по освобождению Украины.

3 января 1919 года Харьков очищен от германских интервентов и их украинско-националистических холуев. Надо немедленно засучив рукава восстанавливать разрушенное хозяйство. Артему в правительстве Украины поручают еще два отдела: труда и социального обеспечения.

8 января на митинге Артем с великой радостью встречается со своими родными харьковчанами. Он произносит речь о внутреннем и международном положении Советской России. Он поздравляет трудящихся Харькова с возвращением советской власти и тут же говорит:

«У нас еще будет долгая борьба, но с нами рабочие и крестьяне, в этом залог нашей победы. Наша задача теперь создать сильную Красную Армию».

С 19 января 1919 года Артем — заместитель председателя Временного правительства Советской Украины. Под его руководством принимаются важнейшие декреты, направленные на укрепление советской власти на Украине.

В марте 1919 года состоялся VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). На съезде была принята новая программа партии, в которой указывались конкретные задачи партии в борьбе за социализм, были приняты важные решения по укреплению Красной Армии, возрождению Донбасса. На VIII съезде Артем был избран кандидатом в члены Центрального Комитета и направлен на восстановление Донецкого бассейна, где был избран председателем Донецкого губернского исполнительного комитета.

Не долго пришлось работать Артему в Донбассе. Всего лишь в 10–15 верстах от Бахмута находился фронт, стояла белая армия. В конце мая началось наступление войск генерала Деникина. Для эвакуации Бахмута в распоряжении Артема было всего лишь несколько часов ночи. Лично руководя эвакуацией, Артем сдерживает бегущих, организовывает людей. Сам же уходит из

города пешком, конвоируя ценности на подводах. Он ликвидирует панику на станции Лиман. Через неделю-полторы нависает угроза над Харьковом. 2 июня 1919 года Артем на заседании Харьковского Совета говорит, что Донбасс ждет не митингов и резолюций, а рабочих батальонов и полков, без победы в Донбассе немыслимо дальнейшее развитие пролетарской революции.

Вместе с Пархоменко Артем организует оборону Харькова, проводит успешно эвакуацию. Берет на себя командование одним из участков обороны и удерживает его 8—10 дней. Лавина белогвардейских войск захлестывает город революционной юности Артема. Со своими воинскими частями он отходит по направлению к Сумам — Ворожбе. Никем не назначенный, он был уполномоченным революции и не покинул фронта до сентября 1919 года, до того дня, когда тиф свалил его с ног. Елизавета Львовна, бывшая неразлучно с Артемом все годы гражданской войны, вынуждена была доставить тяжело больного мужа в Москву.

Тиф, который подкосил Артема, отличался очень тяжелой формой и длился около двух месяцев.

В Башкирии

Артем снова на ногах и тут же получает от Центрального Комитета партии и ВЦИК новое поручение. Артема посылают в Башкирию. Он возглавит специальную организацию, созданную особым постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР, — «Башкиропомощь».

В постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР за подписью В. И. Ленина говорилось: «Ввиду крайне бедственного положения населения трех районов Башкирской Советской Республики, где особенно жестоко свирепствовали белые колчаковские банды, безотлагательно, в порядке мер чрезвычайного государственного характера, организовать помощь жертвам белогвардейских насилий и погромов на территории Башкирии».

Необходимо было также поддержать авторитет партии и товарищей, которые вели в тяжелейших условиях борьбу против буржуазных националистов, засевших в Башревкоме; нужно было повернуть башкирскую бедноту к советской власти, оторвать ее от националистов. Непростое это дело требовало большой выдержки, настойчивости и такта.

Еще слабому после болезни Артему предлагают ехать в Башкирию в отдельном вагоне. Но Артем верен себе: он об этом и слышать не хочет. «Что я за комиссар? Буду хорош и в обыкновенном санитарном поезде».

Зима оказалась снежная. Вблизи Рязани поезд занесло снегом. Больных и раненых красноармейцев пришлось разместить до расчистки пути по соседним деревням, кормить их там и ухаживать за ними… Переезд в Башкирию длился целый месяц.

Лишь 14 декабря Артем прибыл к месту своей работы — в Стерлитамак.

Тотчас по приезде он организует издание газеты «Башкирские известия» на башкирском и русском языках. От имени «Башкиропомощи» пишет обращение к трудящимся: «Вы теперь остались без жилищ, без одежды, без хлеба. Ваши дети умирают от голода и холода. Ваши жены не знают, чем прикрыть свою наготу, голые сидят в бочках и только ночью выходят оттуда… Центральная советская власть — вожди рабочих и крестьян — коммунисты-большевики, узнав о великом бедствии бедных башкир, решили помочь им, спасти их от верной смерти».

В начале 1920 года Артем уже заканчивает во всех кантонах организацию комиссий «Башкиропомощи». Открыты столовые,

детские дома, больницы, эпидемические бараки, кустарные артели, роздано более 90 тысяч пудов хлеба, 600 тысяч аршин мануфактуры, оказывается помощь в восстановлении разрушенных и постройке новых домов. «Башкиропомощь» борется за объединение и сплочение бедноты вокруг низовых партийных организаций, за освобождение башкир из-под влияния буржуазных националистов, кулаков и мулл. До приезда Артема «Коммунистическая организация на территории Башкирии… фактически не только не была правящей, но, терпя всевозможные преследования со стороны властей, существовала полулегально», — так писал в своей книге «Малая Башкирия» Ф. С. Самойлов. В этой многообразной и плодотворной работе, как в капле воды, виден Артем — его талант организатора, мудрость партийного руководителя, сердечность доброго, хорошего человека. В своих письмах он сообщает: «работаю, как каторжный».

В марте Артем покинул Башкирию. А майским 1920 года декретом ВЦИК и СНК о взаимоотношениях между Башкирией и Россией был нанесен сокрушительный удар башкирским националистам.

Кое-кто удивлялся, что Артема засылают в такую глушь, как Башкирия. Отвечая таким недоумкам, Артем говорил: «Если меня завтра пошлют волостным инструктором в наиболее глухой уезд самой глухой губернии, я… немедленно и с обычной энергией возьмусь за указанную мне работу. На этом держится наша партия. А на дисциплине и организованности нашей партии держится наша революция».

На IX съезд партии Артем был делегирован партийной организацией Башкирии. На съезде он, уже в третий раз, избирается членом Центрального Комитета. Партия вновь направляет Артема на Украину.

Он возглавляет губернский исполнительный комитет Донбасса и одновременно работает в ЦК Компартии Украины.

Белополяки напали на Советскую республику. Артем на огромных митингах в Луганске, Юзовке, Харькове, Ростове призывает на борьбу с врагом, призывает быстрее восстанавливать разрушенное народное хозяйство.

О том, кем был Артем для любого рабочего в Донбассе, писал в своих воспоминаниях старый товарищ Артема по Харькову Буздалин:

«Не было шахтера, который не знал бы товарища Артема, не было человека в Донбассе, этой черной республике, кого бы больше любили рабочие. Товарищ Артем был душой и совестью шахтера».

Правда о Советской России

В июле 1920 года Артем принимал участие в работе II конгресса Коммунистического Интернационала, на котором с докладом выступал В. И. Ленин.

После окончания конгресса во главе делегации советских профсоюзов Артем выехал в Англию. Это был ответный визит на посещение Советской России делегацией английских тред-юнионов.

Артем, хорошо знавший английский язык, умевший изъясняться на французском, должен был вместе со своими товарищами по делегации призвать пролетариев Европы к солидарности с российским пролетариатом.

6 августа делегация выехала в Мурманск. На небольшом русском пароходе «Субботник» дошли до северного побережья Норвегии. За Северным полярным кругом, на острове, в рыбачьем поселке Вардо, делегация застряла. Правительства Англии и Норвегии в течение двух недель держали в плену русский пароход.

«Уже четвертый день сидим на Крайнем Севере, в Вардо, — писал в письме на Родину 17 августа Артем, — самочувствие дурацкое…»

И 23 августа, в другом письме:

«Продолжаем стоять в норвежской деревушке. Отрезаны от всего мира… иностранные газеты получаем позже, чем они получаются в Москве… По моему глубокому убеждению, социал-соглашатели ведут с нами подлую игру… Они делают все возможное, чтобы затруднить нам доступ в Европу… Мы думаем действовать нахрапом, набрать угля и пробиваться на маленьком пароходике в Христианию (Осло. — Б. М.), Копенгаген, Лондон».

«Субботник» прорывает блокаду «нахрапом» и приходит в норвежский порт Тронхейм. Отсюда делегация по железной дороге переезжает в столицу страны Христианию. Артем выступает на митингах в Тронхейме и Христиании: «знаменитый оратор» в насыщенных фактами речах открывал глаза норвежским рабочим на то, что происходит в России. Величайшие страдания и жертвы русские рабочие и крестьяне приносили не только для счастья своих детей, но и для детей всего человечества.

Восемь дней в Христиании — это восемь дней триумфа большевиков, писали буржуазные журналисты о пребывании русской делегации в столице Норвегии.

Но норвежское правительство не хочет больше терпеть

большевистских агитаторов, которых полюбили норвежцы; оно довольно невежливо выпроваживает Артема и его товарищей из страны.

Из Бергена (Норвегия) Артем направляется в Гамбург (Германия): на въезд получено официальное разрешение.

Но крохотный «Субботник» и красный флаг на его корме становятся кошмаром для борзописцев из буржуазных газет.

И в Гамбурге снова осложнения: Артема не выпускают на берег, только воздействие из Берлина дает ему возможность выйти из этого плена.

Гамбург, Берлин, Франкфурт-на-Майне, Эссен, Хемниц… Артем говорит с германскими рабочими, говорит на понятном им языке пролетариев.

Чувства, переживаемые Артемом за границей, он хорошо передал в письме к другу:

«…Я чувствую себя, как свободный негр, приехавший в страну, где его черные братья — рабы».

* * *

В ноябре 1920 года после штурма Перекопского перешейка Красная Армия ворвалась в Крым и сбросила Врангеля в Черное море. Это был последний удар по белогвардейцам и интервентам. Гражданская война победоносно закончилась.

Сбылись самые светлые мечты величайших сынов человечества: государство солнца не только родилось, но и отстояло в жестоких битвах гражданской войны свое право на существование. Кровь, пролитая за революцию, не пропала даром.

И в семье Артема была своя радость — родился первенец.

Кричит на весь белый свет мальчуган.

«Назовем его революцией подаренным Федору Андреевичу Сергееву и переданным нами по наследству сыну нашему именем — Артем. Живи, дорогой малыш, кричи в свое полное удовольствие, радуйся завоеванной для таких, как ты, крикунов свободе», — счастливо улыбаясь, говорил Артем.

Солдат революции, только что покончив с врагами и еще не выпустив из рук винтовки, пришел на свои разрушенные фабрики и заводы, пришел к запущенным пашням, огляделся вокруг и, отложив в сторону оружие, стал прикидывать, с какой стороны получше взяться за работу. Но кому-то очень не хотелось, чтобы он, свободный труженик, спокойно взялся бы за великое дело созидания.

В партии развернулась острая борьба с троцкистами, «рабочей оппозицией» и другими антипартийными группировками. Партия все свои усилия направляла на быстрейшее преодоление разрухи в народном хозяйстве, на борьбу с голодом, а ей навязывали профсоюзную дискуссию. Лихорадило московскую организацию партии: не утихали ожесточенные споры о профсоюзной демократии, о принципе выборности в профсоюзах, троцкисты настаивали на методах принуждения и командования в массовых организациях рабочего класса — в профессиональных союзах.

Центральный Комитет направляет Артема в Московский комитет партии. Он становится секретарем Московского комитета. На этом посту со всей страстью убежденного большевика-ленинца он отстаивает генеральную линию партии.

Вспоминая о работе Артема в Московском комитете партии, К. Т. Новгородцева (Свердлова), старый товарищ Артема по годам борьбы в уральском подполье, писала:

«Особый подход, уверенная сила и жизнь, которой у него был неисчерпаемый источник, всегда придавали одухотворенность всему, что он делал. В беседе с ним каждому била в глаза его простота, искренность в обращении. Никогда говоривший с ним не чувствовал в нем человека, стоящего над ним; всякий чувствовал в нем товарища, равного с ним».

Собирается X съезд партии. Это событие происходит с 8 по 16 марта 1921 года. Вопросов на съезде много. Ленин выступает с докладами о политической деятельности Центрального Комитета, о замене продразверстки натуральным налогом, о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне. Речь шла о важнейших для жизни страны вопросах: от военного коммунизма нужно было переходить к новой экономической политике — рабочий класс должен был в союзе с трудовым крестьянством строить социализм. Помочь трудовому крестьянству восстановить свое хозяйство — к этой цели вела новая экономическая политика.

Артем — делегат съезда, он, как и в прошлые годы, всегда с Лениным.

Вместе с подавляющим большинством делегатов съезда голосует за единство партии и против тех ее членов, которые организуют фракции и пытаются расколоть партию. Он голосует за очистку партии от некоммунистических элементов.

По вопросу о профсоюзах на съезде шла острая борьба с троцкистами, «рабочей оппозицией» и другими фракционными группировками. Была принята ленинская платформа по вопросу о профсоюзах. Она вошла в историю партии под названием «Платформы 10»: в числе десяти делегатов съезда, выдвинувших

предложения о профсоюзах как о школе коммунизма, были Владимир Ильич Ленин, Артем (Сергеев), Я. Э. Рудзутак, И. В. Сталин и ряд других товарищей. Профсоюзы должны выполнять основную работу по организации производства и восстановлению подорванных производительных сил страны. По мере развития социалистического строительства они будут постепенно превращаться во вспомогательные органы пролетарского государства.

Профсоюзы должны заботиться о всех нуждах рабочего человека, защищать его интересы. Метод убеждения— основной метод работы профсоюзов среди рабочих масс. Деятельность профсоюзов направляет Коммунистическая партия, строятся они на основе демократического централизма. Все эти хорошо и давно известные нашим современникам основы профсоюзного движения были выработаны на X съезде партии в результате упорной борьбы с фракционерами и уклонистами.

После X съезда партии Артем избирается председателем Центрального Комитета крупнейшего в стране союза горнорабочих.

Львиную долю своего труда он отдает Донецкому бассейну. Нужно было возродить угольное царство.

В июле 1921 года Артем принимает участие в III конгрессе Коммунистического Интернационала и в I конгрессе Профинтерна — интернационала красных профсоюзов. Он встречает товарищей по классу из разных стран света. Среди них друзья, приехавшие из далекой Австралии: они помнят и любят Тома Сергеева. Во главе австралийского профессионального движения, примыкающего к Профинтерну, ученики и соратники Артема.

На конгрессе Профинтерна Артем был одержим идеей создания могущественного Красного интернационала горнорабочих, который охватил бы многомиллионную массу горняков и шахтеров всего мира. Он не успел осуществить это благородное дело. Оно было прервано в самом начале трагической катастрофой и гибелью Артема.

Чтобы еще сильнее скрепить интернациональные связи с делегатами конгрессов Коминтерна и Профинтерна — представителями горнорабочих, — Артем предложил своим товарищам поехать в Тулу, в угольный бассейн, к советским шахтерам.

24 июля 20 иностранных товарищей во главе с Артемом собрались на Курском вокзале. Их подвели не к обычному поезду с привычным паровозом впереди В Центральном Комитете Артему предложили прокатить гостей в аэровагоне, который был

недавно построен инженером Абаковским. Аэровагоном уже пользовались в недалеких поездках секретари ЦК, он успел сделать 3 тысячи верст испытательного пробега. Никто не сомневался в безопасности путешествия.

Аэровагон мягко трогается с места и мчится к Туле. Он катится по рельсам со скоростью 40–45 верст в час, вызывая удивление всех, кто видит впервые этот поезд без паровоза, без дыма и трубы. Из вагона льются звуки «Интернационала». Чудесный летний день. Вагон проносится среди столетних дубрав тульской засеки. Благополучно прибыли на станцию Щекино. Артем отправляется с гостями на шахты. Спускается вместе с ними в забои, к шахтерам.

Идет горячий дружеский разговор горнорабочих разных частей света. Труд их нелегок, опасен, — это не нужно объяснять товарищам по профессии, — но советские шахтеры знают, на кого они трудятся, кому дают свой уголек. Будут светиться в ночи доменные печи, будут двигаться из края в край необъятной Родины советские локомотивы, задымят фабрики и заводы.

На-гора поднимаются делегаты-горнорабочие.

Из Щекина по пути в Москву побывали в Туле. Вечером в городском театре происходило торжественное заседание городского Совета. Большой зал переполнен. Иностранные гости говорили с трибуны о значении для рабочих всего мира русской революции, о безрадостной жизни горняков в капиталистических странах, о встречах с Лениным и советскими шахтерами. Артем стоял у трибуны и переводил речи делегатов. Ради таких минут стоило жить и бороться. Вот они выходят к советскому человеку, посланцы рабочих стран капитала, они дышат чистым воздухом пока еще бедной, но свободной страны. Они благодарят своих русских товарищей за то великое, что они сделали для всех трудящихся на свете. Есть теперь в мире страна — страна социальной справедливости, надежда угнетенных и эксплуатируемых. Пусть же живет она века, освещает дорогу к коммунизму для всех людей на земле.

Обратный путь в Москву совершали с ветерком. Скорость аэровагона достигала 80 верст в час. Ритмично стучал мотор, и сердито шумел пропеллер.

…В 6 часов 35 минут вечера на 104-й версте от Москвы аэровагон на всем ходу слетел с рельсов и разбился в щепы. Было убито шесть человек и шестеро тяжело ранены. Артема нашли на полотне железной дороги с разбитой головой. Погиб и изобретатель вагона инженер Абаковский.

* * *

Последний путь Артема — Колонный зал Дома союзов, Красная площадь. Возле Кремлевской стены похоронили еще одного солдата революции.

Все газеты Советской страны отозвались на весть о трагической смерти Артема. Писатель А. Тарасов-Родионов, лично знавший Артема, писал в «Известиях»:

«…Я не знаю, видел ли его кто-нибудь когда-нибудь отдыхающим… Вечно на ходу, вечно в деле, вечно чем-то увлечен… Его любимой присловкой было: «Минуточку!» Другой увлечется, заговорится, тянет, мешает… Ласковый, любовный обрыв: «Минуточку!» И дальше такая же ласковая фраза ясной, чеканной мысли, как раз по существу темы. И невольно любовно смотришь в эти ясные веселые глаза и дивишься: откуда столько солнца, откуда столько энергии!..»

Недолгую, но яркую жизнь прожил Артем. В 38 лет его не стало. Но разве возрастом измеряется число добрых дел, совершенных человеком на Земле?

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРТЕМА (СЕРГЕЕВА Ф. А.)

1883, 7 марта — В селе Глебове Фатежского уезда Курской губернии родился Федор Андреевич Сергеев.

1892 — Поступление в Екатеринославское реальное училище.

1901 — Окончил реальное училище и по конкурсному экзамену поступил в Московское высшее техническое училище.

1902, 17 февраля — Арестован за участие в политической демонстрации студентов. Осужден на 6 месяцев тюремного заключения, которое проводит в Воронежской тюрьме.

1902 — Состоял: «В рядах искровцев, большевиков и коммунистов с 1902 года» — из личной анкеты Артема.

1902, сентябрь — Выезжает за границу (Вена, Женева, Париж). Поступает в высшую русскую школу в Париже.

1903, февраль — Слушает в высшей русской школе лекции В. И. Ленина «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России».

1903, апрель — Возвращается из-за границы в Россию (Екатеринослав).

1903, осень — Поступил помощником паровозного машиниста на Екатерининскую железную дорогу. Ведет партийную работу в Юзовке (Сталино), Елисаветграде и Николаеве

1904, лето и осень — Дважды подвергается аресту и проводит короткий срок в тюрьмах Елисаветграда и Николаева.

1905, январь — Приезжает в Харьков, организует большевистскую группу «Вперед».

1905, весна — лето — Возглавляет большевистскую организацию Харькова, руководит революционными выступлениями рабочих.

1905, сентябрь — октябрь — Выезжает в Петербург, принимает участие во всеобщей политической стачке рабочих Питера.

1905, ноябрь — декабрь — Готовит вооруженное восстание рабочих Харькова, а 12 декабря руководит и непосредственно участвует в вооруженном восстании.

1906, весна — Избран делегатом (с совещательным голосом) IV съезда РСДРП в Стокгольме. Выезжает в Петербург, а затем за

границу.

1906, август — 1907, март — Руководит уральской партийной организацией. Избран делегатом на V, Лондонский съезд РСДРП. 7 марта схвачен при выходе из заседания Пермского комитета РСДРП. Арестован и сидит сначала в Пермской губернской тюрьме, затем в Николаевском исправительном отделении.

1907, 1908, 1909 — Годы тюремного заключения. В сентябре 1909 казанская судебная палата присуждает к поселению в отдаленные районы Восточной Сибири. В декабре 1909 харьковская судебная палата подтверждает решение казанской судебной палаты: ссылка на поселение в Сибирь.

1910, февраль — август — На этапе и в ссылке — село Воробьеве на Ангаре.

1910, август — Побег из ссылки. Через Харбин Артем бежит за границу (Дайрен, Нагасаки (Япония), Шанхай).

1910, декабрь — 1911, май — Артем живет в Шанхае.

1911, июнь —1917, март — Артем живет в Австралии, в штате Квинсленд, в районе и городе Брисбен. Возглавляет Союз русских эмигрантов, принимает активное участие в работе австралийских профессиональных союзов и Австралийской социалистической партии. В истории революционного движения Австралии Артем занял видное место.

1917, конец мая — Возвращение из эмиграции в Россию.

1917, конец июня — Приезд в Харьков. Работает слесарем на Русско-французском заводе, становится руководителем харьковских большевиков.

1917, июль — На конференции большевиков Донецко-Криворожского бассейна избирается секретарем областной партийной организации.

1917, 26 июля — 3 августа — Делегат VI съезда РСДРП (б). Избирается на съезде членом Центрального Комитета партии.

1917, сентябрь — октябрь — Ведет напряженную работу по подготовке вооруженного восстания в Харькове.

1917, октябрь — По вызову ЦК выезжает в Петроград. Участник и один из организаторов Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде.

1917, 9 декабря — Под руководством Артема происходит разоружение контрреволюционных воинских частей в Харькове. Власть переходит в руки Советов — устанавливается диктатура пролетариата.

1917, 11 декабря — Участвует в I съезде Советов Украины в Харькове. Входит в состав первого Советского правительства Украины — возглавляет Народный секретариат торговли и промышленности.

1918, январь — Делегат III Всероссийского съезда Советов.

1918, 15 февраля — Областной исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов провозглашает образование Донецко-Криворожской республики. Председателем Совета Народных Комиссаров республики избран Артем

1918, март — VII съезд партии. Артем выступает на съезде с поддержкой позиции Ленина о мире. Избирается членом Центрального Комитета партии.

1918, апрель — Руководит обороной и эвакуацией Харькова и Донбасса в период германской оккупации.

1918, май — июнь — Ворошилов и Артем руководят героическим переходом украинских армий из Донбасса к Царицыну.

1918, июль — август — Выполняет важнейшее поручение Центрального Комитета по организации вывоза хлеба из Северного Кавказа через Каспий в центральные районы страны.

1918, 17 ноября — Артем входит в состав Реввоенсовета и Временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

1919, 19 января — Назначен заместителем председателя Временного правительства Советской Украины.

1919, март — Делегат VIII съезда Российской коммунистической партии (большевиков). Избран кандидатом в члены ЦК партии Направлен на восстановление Донбасса, где избран председателем Донецкого губернского исполнительного комитета

1919, июнь — Вместе с Пархоменко организует оборону Харькова в период наступления Деникина.

1919, сентябрь — На фронте заболевает тяжелой формой сыпного тифа.

1919, ноябрь — Получает от Центрального Комитета ответственное поручение по советизации Башкирии.

1920, март — апрель — Делегирован башкирской партийной организацией на IX съезд партии. В третий раз избирается членом Центрального Комитета партии.

1920, май — июнь — Председатель Донецкого губисполкома, работал в ЦК компартии Украины.

1920, июль — Принимал участие в работе II конгресса Коммунистического Интернационала.

1920, август — октябрь — Во главе делегации советских профсоюзов выезжал в страны Западной Европы.

1920, ноябрь — 1921, март — Секретарь Московского комитета партии.

1921, март — Делегат X съезда РКП (б). Вместе с Лениным и

Сталиным подписал «Платформу 10», рассматривавшую профсоюзы как школу коммунизма.

1921, апрель — июль — Избирается председателем крупнейшего в стране союза горнорабочих.

1921, июль — Участвует в III конгрессе Коминтерна и I конгрессе Профинтерна.

1921, 24 июля — В результате железнодорожной катастрофы в возрасте 38 лет не стало Артема (Сергеева Федора Андреевича).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Ленин об Артеме (Сергееве Ф. А.):

XX Ленинский сборник. Предложение Ленина об усилении Московского комитета партии работниками, стр. 327.

II. Рукописные фонды в государственных и партийных архивах:

Рукописи и письма Артема:

Письма Артема — Е. Ф Мечниковой. ИМЛ при ЦК КПСС, фонд 149, оп. 1, ед. хр. 1 —19.

Письма Артема — сестре Д. А. Чепице. Институт истории партии при ЦК КПУ, фонд 18, оп. 18—1, ед. хр. 16, 25, 26.

Личная анкета Сергеева (Артема) Ф. А. ИМЛ при ЦК КПСС, фонд 149, оп. 1.

Воспоминания об Артеме и письма к нему:

1. Институт ИМЛ при КПСС, фонд 149, оп. 1.
2. Институт истории партии при ЦК КПУ, фонд 18, оп. 18—1.
3. Харьковский облпартархив, фонд 10, оп. 1.

III. Литература об Артеме:

Артем (Сергеев Ф. А.), Письма к Е. Ивашкевич. «Летопись Революции» № 4, 1924.

П. Аниканов, Артем. Харьков, 1930.

В. Астахов, Ю. Кондуфор, Пролетариат Харькова в борьбе за победу Октября. Харьков, 1917.

Д. Базлова, В сб.: «1905 г. в Харькове». Харьков, 1925.

И. Башков, В сб.: «Под красным знаменем». Пермь, 1957.

К. Бассалыго, В сб.: «Под красным знаменем». Пермь, 1957.

«Борьба за власть». Изд. Перм. истпарта, 1924.

А. Васильев. В сб.: «1905 г. в Харькове». Харьков, 1925.

Э. Генкина, Борьба за Царицын в 1918 г. М., 1940.

М. Загуменных, В сб.: «Под красным знаменем». Пермь, 1957.

П. Загорский, Революцийна Д1яльтсть Артема. Кшв, 1957. В. Кожемякин, В сб.: «1905 г. в Харькове». Харьков, 1925. Г. Котов, «Пролетарская революция» № 4, 1929.

Г. Котов, «Пролетарская революция» № 2, 1921.

Ю. Кондуфор, Харьковская большевистская группа «Вперед». Харьков, 1954.

И. Локатош, «Летопись революции» № 3, 1924.

И. Мошинский, Товарищ Артем. М., 1930.

И. Мошинский, Артем в изгнании. М., 1930.

В. Наседкин, «Пути революции» № 1.

В. Наседкин, Артем. Харьков, 1958 (на укр. языке).

«Пять лет», сборник Агитпропа Харьковского губкома КП(б)У. Харьков, 1922.

Переписка об Артеме (из недр охранки). «Пути революции» № 1.

Ф. Сергеев (Артем), Счастливая страна. М., 1926.

В. Серешенинов, «Пролетарская революция» № 2, 1921.

В. Туваев, Некоторые вопросы изучения революционной деятельности Артема. Ученые записки. Киевский инж. — стр. ин-т, выпуск 2. Киев, 1958.

А. Френкель, «Пролетарская революция» № 2, 1921. «Харьков в 1917 году». Харьков, 1957.

Воспоминания: В. Моргунова, П. Зарывайко, Н. Глаголева, Д. И. Эрдеи других.

А. Шпагин, В сб.: «Под красным знаменем». Пермь, 1957.

А. Шаповалов, В подполье. Л., 1931.

Д. Эрде, Годы бури и натиска. Харьков, 1923.

В. Чащин, В суровые годы. Свердловск, 1957.

notes

Примечания

1

В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 388–393.

2

Документ приведен с сохранением всех особенностей полицейского стиля. — Б. М.

З

Эсеры — социалисты-революционеры, мелкобуржуазная партия в России, возникшая в 1902 году в результате объединения враждебных марксизму народнических кружков и групп.

4

Эта программа лекций В. И. Ленина сохранилась в рукописи и входит в Сочинения Ленина, т. 6, стр. 305–306. Одним из слушателей университета была законспектирована первая лекция, она напечатана в том же 6-м томе Сочинений Ленина, стр. 306–311.

5

Отрезки — земли, отрезанные от крестьянских наделов в пользу помещиков во время «крестьянской реформы» 1861 года в России. Отрезки составляли от 1/6 до 2/3 всей крестьянской земли

6

В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 379–380.

7

Мир — сельская община, общество крестьян.

8

Азеф — тайный агент царского правительства, один из главарей партии эсеров. В 1908 году был разоблачен как провокатор.

9

Струве, Петр Бернгардович — представитель так называемого «легального марксизма»; позднее входил в партию кадетов. Критика его взглядов была дана В. И. Лениным.

10

В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 383.

11

Епархиальная улица теперь носит имя Артема.

12

Протоколы III съезда РСДРП, стр. 326–327. Партиздат, 1937.

13

В. И Ленин, Соч., т. 8, стр. 449–451,

№ 12 от 3 августа 1905 года

15

ЦГИА УССР, ф. 304, д. 99-а, л. 123,

16

В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 429.

17

Министры царского правительства; Витте — председатель совета министров, Дурново — министр внутренних дел.

18

«Укутка» — мокрая простыня и одеяло, которыми, как компрессом, укутывали буйных больных во время припадков.

19

Сведения эти А. А. Поддубный сообщил автору книги. — Б. М.

20

Фольклор — устное народное творчество.

21

Чалдон — коренной сибиряк, крестьянин.

22

Станок — стан, селение у дороги.

23

В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 198.

24

Тантал — мифологический герой; за преступления против богов был обречен на вечные мучения в преисподней. Отсюда выражение «танталовы муки».

25

Август Бебель (1840–1913) — один из основателей германской социал-демократической партии.

26

В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 86.

27

Пенитенциарная система — особая организация тюрем в Англии и США, где в качестве меры исправления заключенных применяются различные способы наказания.

Позже эти очерки были изданы отдельной книгой. Артем (Ф. Сергеев), Счастливая страна. Австралийские очерки, 1926 г.

29

Академик Владимир Петрович Воробьев (1876–1937) — выдающийся анатом, оставивший фундаментальные исследования в морфологии человека. Ему должно быть благодарно человечество за метод и практическое сохранение на века тела Владимира Ильича Ленина.

30

«История Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат, 1959, стр. 256.

31

«Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Седьмой съезд, март 1918 г.». Госиздат, 1928, стр. 90–91.